

Правитель Пустоты

Проклятый
бог

Маркелова Софья

Третья книга цикла. Третий Бархан пал, унеся с собой жизни тысяч хетай-ра. И пусть Лантее удалось отстоять свою невиновность перед Советом Пяти Барханов, но она все еще обязана исполнить волю матриархов и отправиться с Мансом и Ашархом в восточные земли во главе посольства. Судьба пустынного народа отныне в их руках, и только заключение военного союза с альвами способно помешать планам империи Ис. Но прежде чем путники окажутся под сенью Могучего Леса, им предстоит сперва пересечь пустыни Асвен, где среди бескрайних дюн можно повстречать не только грозные самумы и дивные миражи, но и тысячелетние руины, погребенные под слоем песка и таящие в себе опасные секреты.

Глава первая. Путешествие на край света

Бредет караванщик среди дюн до утра, А в сердце его правят зной да жара. И солнца роднее уж нет ничего, И стали пески его домом давно...

Народная песня хетай-ра «Караванщик»

В коридорах дворца стояла безмятежная тишина ночи. Сонное дыхание спящих пронизывало стены и палаты, незримым маревом витая в воздухе. Ничто не нарушало это спокойствие в анфиладах безлюдных залов, лишь в одной галерее медленно прогуливались две тени.

— Думаешь, нам это действительно под силу? — негромко спросил профессор.

— Попытаться стоит в любом случае.

— Попытаться потому, что тебя обязали это сделать, или же отправиться так далеко на восток по собственной воле, веря в возможность положительного исхода?

Лантея слабо улыбнулась своему спутнику и коснулась края его одеяния.

— Ты ведь лучше всех остальных знаешь, что у меня действительно есть надежда. И я не могу не попробовать обратиться к альвам.

— Тея... — Ашарх тяжело и как-то сокрушенно вздохнул. — Ты ничего о них не знаешь. Это же дикий народ. Обозленные на весь свет лесные отшельники, спрятавшиеся за стеной от внешнего мира.

— Мне кажется, наши народы не так уж и различаются. В какой-то степени хетай-ра — тоже беглецы, добровольно изолировавшиеся от других рас. Ты так не считаешь?

— Но альвы еще и воинственны. Жизнь научила их не доверять никому, кроме себе подобных. И предложение о союзе вряд ли будет воспринято ими с радостью.

— Мы должны хотя бы попробовать предложить им этот союз. Если есть даже мизерный шанс на успех, то я обязана попытаться. Ради своего народа, Аш.

Сквозь череду узких колонн на открытом участке галереи можно было рассмотреть пустовавшую площадь перед дворцом и городскую лестницу, широкой лентой пересекавшую весь подземный полис. То здесь, то там на ступенях мерцали желтыми огнями оставленные фонари. Эта цепочка света убегала далеко вниз, к самому подножию лестницы, где холодные воды реки омывали массивные ступени.

Погруженный в безмолвие город мирно спал.

Лантея облокотилась на перила балюстрады и устремила свой взор на Первый Бархан, раскинувшийся перед ней. Она чувствовала в груди щемящую тоску, будто знала наперед, что в этой жизни она уже никогда сюда не вернется, не увидит больше ничего из того, что всегда было ей дорого.

— А что будет, если мы не справимся? — Профессор встал рядом с девушкой, так близко, что ее распущенные алые волосы касались его одежды.

— Тогда хетай-ра останутся совершенно одни перед угрозой нового нападения ифритов.

— Один Бархан уже пал. Другие полисы ждет та же участь, если не удастся сдержать мощь имперцев.

— Никто в пустынях Асвен не решится выходить против ифритов в открытую, если не будет союзников. Матриархи скорее прикажут Барханам уйти еще глубже в песок, закопаться, подобно скарабеем, и вновь затаиться на тысячелетия.

— В случае провала, если мы не добьемся соглашения с альвами, Совет просто уничтожит тебя, обвинив во всех грехах. Надеюсь, ты осознаешь это, Тея? Всеобщее презрение — это наименьшее, что будет ждать тебя в Барханах по возвращении.

— Я не вернусь сюда, Аш.

Это признание родилось у нее в душе так легко, будто давно уже там ютилось, просто Лантея слишком долго старалась его не замечать.

— И это уже не зависит от того, выйдет у нас договориться с альвами или же нет, — негромко призналась девушка, поглаживая пальцами тонкую зеленую ленту на своем запястье.

— Почему? — Профессор внимательно изучал бледное лицо Лантеи.

— Меня здесь больше ничто не держит. И никто. Это поручение Совета — просто моя последняя дань родному народу, и после исполнения своего долга я уйду.

— И куда ты намерена податься?

— Какая разница? Мир огромен, где-нибудь да отыщется хорошее местечко для жизни. Надо лишь поискать... — Она тяжело вздохнула. — Знаешь, теперь, когда я научилась наслаждаться солнцем и светом на поверхности, темнота подземелий так тяготит меня, Аш.

Он усмехнулся, прекрасно понимая, о чем говорила его спутница. Он ведь и сам с теплотой на душе уже пару дней так точно думал лишь о том, как уже совсем скоро впервые за месяц вновь ступит на жаркий песок пустынь Асвен и подставит свое лицо ярким лучам и нежному ветру. Подобное трудно было согласиться навсегда променять на прохладный мрак Барханов.

— Я не позволю тебе бродить по миру одной. Да и Манс вряд ли согласится оставить нас.

— Я знаю это. Знаю... И благодарна вам обоим.

Ашарх нежно и мягко обнял девушку за плечи, привлекая к себе.

Так они и стояли вдвоем в темноте пустой дворцовой галереи, обнявшись и позабыв о мире вокруг. А уже утром им предстояло навсегда проститься с Первым Барханом и отправиться в дальний путь на край света.

Трудно было даже приблизительно рассчитать, сколько дней могла занять дорога до Ивриувайна, страны-леса альвов. Никогда раньше подобные путешествия не предпринимались: дальше Четвертого Бархана немногие хетай-ра отваживались уходить на восток, ведь там постепенно таяли золотистые дюны пустынь и начинались чужие земли.

Путь предстоял неблизкий, и, по решению Совета, назначенная послом Лантея должна была отправиться в дорогу с полноценной свитой. От каждого Бархана отрядили сопровождающих, которые на самом деле выполняли функцию беспристрастных наблюдателей. Они были обязаны регулярно докладывать своим матриархам обо всех новостях: для этого группе даже выделили несколько клеток с почтовыми орлами для поддержания связи. Иамес также снарядила целый отряд стражи для защиты посла в пути и штат прислуги, но Лантея категорически отказалась от подобного балласта. Это значительно бы замедлило караван, который и без того казался девушке перегруженным. Солдат и слуг надо было кормить в дороге, а для дополнительной поклажи и так не было места: Совет обеспечил делегацию богатыми дарами, которые предполагалось преподнести правящей

верхушке Ивриувайна. Хотя самой ценной ношей, конечно же, оставался древний свиток с текстом Андаритского пакта, бережно уложенный в костяную шкатулку вместе с грамотами, в которых Совет изложил свои предложения к народу альвов. Это сокровище было доверено исключительно Лантее вместе с тяжелым колларом: выточенная из стекла цепь возлежала на хрупких плечах хетай-ра, и пять подвесок с эмблемами Барханов указывали на ее новый статус посла.

Рано утром в день отбытия делегации, еще до того, как стражи времени в первый раз ударили в тамтамы, Лантея со своими спутниками уже стояла на площадке перед дворцом. Здесь они должны были встретиться с назначенными сопровождающими и поскорее отправиться в дорогу. Рядом бестолково толклась прислуга с тюками и сумками членов делегации, но Лантея не обращала на них внимания. Скрестив руки на груди, она нетерпеливо постукивала пальцами по предплечью и выжидательно смотрела в темноту арочного входа во дворец, откуда вскоре должны были появиться посланцы матриархов.

— Если Совет нам настолько не доверяет, что отправляет целую толпу сопровождающих, то почему бы им самим было не поехать вместо нас к альвам, — позевывая, недовольно проворчал Ашарх. Необходимость несколько недель пересекать пустыни бок о бок с какими-то незнакомыми хетай-ра, явно приставленными к послу лишь для бдительной слежки, претила профессору. Лантея его в этом поддерживала, но Иамес и так пошла на большие уступки, и испытывать пределы ее великодушия и дальше девушка опасалась.

— А кто тогда будет управлять Барханами? — со смешком спросила она.

— Дочери, советницы... Да мало ли кого найти можно!

Завозился Манс, сидевший на свертках со шкурами неподалеку.

— Готов поспорить, — хмыкнул он, — Совет просто хочет убедиться, что мы не сбежим по дороге. Сестра не вызывалась быть послом, и теперь матриархи с помощью своих подручных надеются проследить, чтобы Лантея добралась до альвов, никуда не удрав. И мы вместе с ней.

— Может, послом я быть и не вызывалась, но никого иного Иамес просто не смогла бы назначить на эту ответственную должность. Меня выбрали уже хотя бы потому, что я долгое время была за пределами пустынь и имею достаточно высокое общественное положение для дипломатических переговоров подобного уровня.

Из чрева дворцовой арки под слабый свет фонарей почти бесшумно шагнул молодой слегка полноватый мужчина в объемном тюрбане кораллового цвета. Он уверенной пружинящей походкой направился к беседовавшей троице, и их взгляды мгновенно устремились на новоприбывшего. Завладев всеобщим вниманием, хетай-ра широко и открыто улыбнулся, блеснув белоснежными зубами, и склонился в изящном и одновременно издевательском поклоне, которому нисколько не помешали пять под завязку заполненных торб с вещами, висевших за спиной.

— Рад поприветствовать дочь и сына Гиселлы Анакорит! И, конечно же, чужеземного гостя, имени которого, к сожалению, я не знаю. — Мужчина выпрямился и обвел собравшихся смеющимся взглядом серых глаз. — Я делегирован отправиться на восток вместе с послом.

Одет незнакомец был в экзотичные ярко-желтого цвета шаровары, а его торс закрывал бордовый жакет с запахом и без рукавов. Предплечья мужчины почти до самых локтей покрывали широкие плетеные браслеты из шнуров и лент, придававшие его облику еще

больше аляповатости. Будто малый ребенок решил надеть на себя все самые пестрые свои вещи, и теперь лучился довольством, полностью удовлетворенный собственным нарядом. И только круглое идеально выбритое лицо этого хетай-ра выдавало в нем взрослого явно не обделенного интеллектом мужчину: умные глаза, в которых то и дело проскальзывали задорные искры, суровые прямые брови и высокий лоб мудреца, на который из-под тюрбана выбивались мелкие седые кудри.

— Я — Лантея, назначенный Советом посол, — сухо представилась девушка, пристально изучая стоявшего напротив нее хетай-ра. — Как ваше имя? И от какого Бархана вас к нам направили?

— Моя матушка — матриарх Васпия Фуйима. Я — Оцарио, ее младший сын и, собственно, делегат от Пятого Бархана... — В этот момент мужчина огляделся по сторонам. — А почему никого больше нет? Мне казалось, что в это время делегация должна уже отправиться.

— Так и есть. Просто вы оказались самым организованным, — подтвердил Манс, заинтересованно скользя взглядом по многочисленным сумкам Оцарио. — А вы уверены, что в дороге вам понадобится такое количество вещей?

Оцарио хитро улыбнулся и скользнул поближе к Мансу, будто увидев в нем достойного слушателя, с которым можно было поделиться чем-то исключительно важным.

— Видите ли, я в каком-то роде торговец. Собираю различные уникальные и необычные вещицы — крупички древности, артефакты былых времен и просто диковинные цацки. Некоторые из них я продаю, другие — меняю.

— Значит, вы надеетесь найти покупателей в тех землях, куда мы направляемся?

— Конечно! — Оцарио всплеснул руками. — Даже на чужбине наверняка отыщутся те, кто заинтересуется моими товарами!

— И именно ради этого вы отправились с посольством на край света? Ради того, чтобы обменять пару безделушек? — спросила Лантея, с головы до ног окидывая торговца непонимающим взглядом. — Мы едем в земли, куда последние тысячи лет не ступала нога хетай-ра, едем с важной миссией. По пути нам может повстречаться все что угодно, еще и неизвестно, как нас примут в самом Ивриувайне. Это дальше и опасное странствие. Простое тщеславное любопытство или жажда наживы могут сослужить дурную службу в дороге.

— Я отправляюсь вместе с делегацией потому, что мой матриарх поручила это ответственное задание именно мне. Матушка, как и я, считает, что налаживание торговли — важная ступень в установлении дипломатических отношений. И я не подведу ни свою правительницу, ни вас, посол. Будьте спокойны.

Повернувшись в сторону девушки, Оцарио покорно склонил голову. Он выказывал смирение, но при этом в уголках его губ таилась легкая, едва заметная глазу, насмешка, будто авторитет Лантеи и все ее титулы на самом деле для него не значили ровным счетом ничего.

Стоило торговцу встать чуть поодаль, сбросив на землю свои набитые баулы, как Манс, не скрывая обаявшего его любопытства, уже подобрался поближе и принялся расспрашивать Оцарио о его безделушках. Ашарх же, все это время не сводивший взгляд с кораллового тюрбана мужчины, осторожно поинтересовался у Лантеи:

— Кто этот разодетый щеголь?

— Делегат от Пятого Бархана, младший сын матриарха и, как он уверяет, торговец.

— Торговец? — Аш вздернул бровь. — Я думал, Совет пошлет с нами дипломатов или

на крайний случай солдат.

— Это выбор матриарха Васпии, а она всегда отличалась странными решениями. Странными, но обыкновенно весьма эффективными. Будем надеяться, что этот торгаш не доставит нам проблем.

— А что с другими делегатами? Ты знаешь, кто это будет?

— Понятия не имею. Надеюсь, это окажется кто-то получше знатного старьевщика.

Прошло еще некоторое время, прежде чем со стороны городской лестницы появился запыхавшийся прислужник, который первым делом отыскал взглядом Лантею и поспешил к ней. Приложив кулак к солнечному сплетению, хетай-ра торопливо что-то произнес и после растворился в арочном проеме, ведущем во дворец.

— Что он сказал? — Манс, позабыв на минуту и об Оцарио, и о редкостях, которые тот перед юношей любезно раскладывал, приблизился к сестре и профессору.

— Двое сопровождающих от Первого Бархана дожидаются нас на выходе из полиса. Они подготовили сольпуг к дороге, — ответила Лантея.

— Выходит, — встрепнулся Ашарх, — мы ждем посланцев только из Второго и Четвертого Барханов? Что-то они задерживаются!

— Мы ждем только сопровождающих из Второго Бархана, — произнесла девушка и устало потерла шею. — Матриарх Четвертого Бархана Сигрида прибыла на Совет в составе совсем небольшой делегации, поэтому она никого не смогла предоставить для посольства.

— Но мы же все равно будем проходить через земли Четвертого Бархана и остановимся в самом полисе, согласно нашему маршруту... — неуверенно заговорил Манс.

— Да, — выдохнула Лантея. — Там нас и будет дожидаться посланник Сигриды.

— Эх, проклятье, — проворчал Ашарх себе под нос. — Я надеялся, что народу будет поменьше.

Прошло около получаса бесцельного ожидания, но делегат от Второго Бархана так и не появился на дворцовой площади. В конечном итоге Лантее, которая с каждой минутой злилась все сильнее и сильнее, это надоело, и она отдала приказ немедленно отправляться. По ее мнению, они все прождали достаточно долго, и за это время матриарх Адаччири могла найти целую дивизию желающих. А посылать слуг к этой вульгарной женщине, пытаясь что-то разузнать, Лантее не хотелось. Мысленно придерживаясь той же позиции, что и профессор, девушка была даже рада подобному исходу событий, ведь чем меньше было сопровождающих, тем быстрее бы караван добрался до финальной точки своего путешествия. Тем более, если бы этот делегат все же опомнился, то у него еще было бы достаточно времени и возможностей, чтобы нагнать группу.

Прислужники послушно подхватили все сваленные на земле тюки, сумки и клетки с птицами, Оцарио спешно затолкал свои товары обратно в мешок, и Лантея вместе со своими спутниками направилась к выходу из полиса. Покинуть Первый Бархан можно было несколькими способами, но посольство выбрало крытый серпантин, который вел напрямую к сети пещер, находившихся достаточно близко к поверхности. Там в переплетение естественных залов и нерукотворных тоннелей уже всюду проникал солнечный свет через узкие трещины в породе, выщербленные ветром провалы и ячеистые проемы. Место давно облюбовали сольпуги: пауки рыли свои норы в пещерах, прячась глубоко в песок и даже близкое соседство с хетай-ра их не тревожило. Приученные животные в основном достаточно спокойно реагировали на наездников, поскольку давно привыкли, что хетай-ра хорошо и часто их подкармливали взамен на верховые прогулки. Можно сказать, Первому

Бархану единственному из всех городов удалось добиться таких впечатляющих результатов в приручении сольпуг, что те совершенно не боялись селиться у самого входа в полис.

Возле одной из нор в окружении нескольких песчаных пауков, тихо беседуя, стояли мужчина и женщина, облаченные в типовую кожаную броню с редкими стеклянными пластинами. Короткие костяные мечи были подвешены у них к поясу, а на плечах лежали одинаковые светло-бежевые плащи, тяжелыми складками спадавшие до самой земли. В такие можно было завернуться, как в одеяло, и совершенно не беспокоиться, что испепеляющее солнце пустынь дотянется до тела своими жаркими лучами. Едва заметив приближавшуюся к ним группу, во главе которой ступала Лантея, двое хетай-ра вытянулись по струнке и практически синхронно приложили кулак к груди.

— Посол, мы вас ждали! — отрывисто произнесла женщина, делая шаг вперед.

— Отправленный вами слуга передал мне послание. Значит, вы оба — делегаты Первого Бархана? — спросила Лантея, по очереди разглядывая стоявших перед ней хетай-ра.

— Матриарх Иамес прислала нас как сопровождающих от этого полиса. Мое имя Эрмина, это мой напарник и супруг — Виек, — четко и отрывисто представилась женщина. — В случае опасности мы обязуемся защитить вас любой ценой, посол.

— Рада приветствовать вас обоих, — откликнулась Лантея. — Вы солдаты?

— Мы из личной гвардии матриарха Иамес, — лаконично ответил Виек из-за спины своей жены, а после украдкой осмотрел всех присутствовавших. — Это вся группа?

— Делегаты от Второго Бархана не прибыли, — пояснила Лантея. — Так что мы покинем город в таком составе.

Виек, поразмыслив немного, кивнул, а его супруга сразу же указала в сторону пауков, спокойно стоявших вокруг:

— Мы подготовили сольпуг к дороге.

— Очень хорошо. Тогда можем грузить вещи и отправляться.

Эрмина и Виек отошли в сторону, позволяя слугам приблизиться к практически неподвижным сольпугам. Им на спину стали кидать тяжелые баулы, ремнями пристегивать мешки и бурдюки, но животные даже не шевелились, пребывая в каком-то глубоком трансе. Наметанным глазом Лантея сразу же заметила острые стеклянные иглы в ладонь длиной и с круглым ушком, которые торчали из сочленений между защитными пластинами, покрывавшими тело сольпуг. Они были воткнуты точно в нервные узлы и окончания, угнетая сознание пауков, делая их покорными воле наездников. Обладание такими иглами и навыками было признаком профессионального наездника на сольпугах, который мог за несколько минут превратить любого песчаного паука в послушную куклу, не испытывавшую боль или забывшую о жажде и голоде. Связка похожих игл висела на поясе у Эрмины, и Лантея невольно почувствовала уважение к этой особе, ведь в свое время и она сама пыталась овладеть тонким искусством наездников на сольпугах, но достаточно быстро сдалась.

Чем больше девушка исподтишка изучала этих двоих, Эрмину и Виека, с которыми ей и остальной группе теперь предстояло пересечь пустыни, тем больше она видела. Они оба были типичными воинами — сдержанными, сосредоточенными и не привыкшими много болтать. На таких хотелось полагаться во всем, потому что они твердо контролировали любую ситуацию, предполагали, как стоит действовать и не боялись трудностей. Типовые доспехи делали их похожими друг на друга, и даже белые волосы были острижены одинаковым коротким ежиком. Но Виек казался гораздо старше своей жены: под его широко

посаженными глазами уже появились глубокие морщины, тогда как Эрмина светила молодостью и энергией. Она была одной из тех женщин, которых трудно было назвать красивыми, но что-то в ее лице невольно притягивало взгляд: может, это были пухлые губы или ироничный изгиб бровей; вот только по отдельности эти черты казались очаровательными, однако, все вместе они создавали образ достаточно заурядный.

Когда с приготовлениями было закончено, Лантея отпустила слуг и одной из первых забралась на выделенную ей сольпугу. Пауков было шестеро, для каждого члена делегации, и всех их нагрузили поклажей до такой степени, что для наездника оставалось совсем немного свободного места. Большинство хетай-ра привычно и легко вскочили на своих сольпуг, с удобством обустроиваясь на шкурах, постеленных поверх паучьих спин, и лишь Ашарх с внутренним содроганием смотрел на доставшуюся ему особь. Покорная сольпуга медленно двигала темно-красными хелицерами, ни на что не обращая внимания.

— Аш, от того, что ты будешь так на нее смотреть, сольпуга никуда не исчезнет, — сразу же заметила ступор своего спутника Лантея. — Держи свой страх в узде и забирайся ей на спину. Хватит медлить. Нам уже пора выезжать.

На лице профессора отразилась вся гамма внутренних сомнений, и с места он не сдвинулся. Девушка закатила глаза, покрыла спину паука еще несколькими шкурами, а после грубо подтолкнула мужчину в сторону сольпуги.

— Ты уже ездил на них. Справился тогда, справишься и сейчас, — уверяла спутника хетай-ра, поглаживая животное по длинным лапкам.

— Знаешь, тогда я был в горячке и почти без сознания. А в таком состоянии сидеть на сольпуге было как-то морально проще, — проговорил Аш, невольно дергаясь при каждом малейшем движении паука и сразу же хватаясь за рукоять своего гладиуса, закрепленного на поясе. — Не уверен, что я сам смогу контролировать ее. В тот раз ты управляла пауком. А я так не умею, Тея.

— Одна-единственная игла в основании головы позволит тебе выбирать направление движения. Вот и все, что нужно знать.

— А вдруг что-то пойдет не так, и она захочет сбежать или сбросить меня? Что мне тогда делать?.. О, проклятье! И на этом чудище мне придется ехать на край света?..

— Не беспокойся так, — со смешком сказал Манс, восседавший рядом на своем ездовом животном. — Я буду возле тебя, если что.

Так как остальная группа ждала лишь его, Ашарху пришлось, стиснув зубы, все же забраться на паука, коря себя за слабость. Он с дрожью касался щетины на теле сольпуги и далеко не сразу нашел в себе силы схватиться за иглу наездника и слегка нажать на нее, вынуждая паука сдвинуться с места. И хоть ему без проблем удалось освоить управление, но чувство омерзения и ужаса, которые профессор испытывал в тот момент, когда касался погруженной в голову сольпуги иглы, были ни с чем не сравнимы.

Его страх был подобен тяжелым цепям, прочно опутавшим сердце: сколько бы пленник ни метался в испуге и ни силился разорвать звенья, они лишь впивались глубже, вращаясь в плоть. Мало кто может смирить свое дрожащее сердце и взглянуть ужасу в глаза, позволив железной цепи упасть к ногам. Аш не считал себя способным на такое и лишь продолжал молча и робко идти на поводу у своего страха, постепенно срастаясь с ним.

Пещеры закончились достаточно быстро, и вскоре узкая наклонная тропа вывела всю группу на поверхность. Пустыни Асвен встретили путников привычным жаром песков и обжигающими лучами солнца, которого так не хватало в подземных полисах. Свежий поток

горячего воздуха ударил в лицо профессору, и он усмехнулся, прикрывая веки и позволяя своей коже впитать тепло и свет, о которых он мечтал столько дней. Рядом с Ашархом на пару секунд остановилась Лантея. Она, приставив ладонь козырьком ко лбу, любовалась дюнами, тянувшимися до самого горизонта. Но далеко не все остальные путники были обрадованы поверхности: хетай-ра болезненно морщились и щурились, пряча лицо от света под глубокими капюшонами плащей. Хотя, как только глаза Манса привыкли к яркости, на его лице все же расцвела неподдельная радостная улыбка.

— Манс, ты путешествовал когда-нибудь раньше? — поинтересовался у спутника профессор.

— Немного. Но я почти нигде не бывал в пустынях, кроме ближайших Барханов. Зато я много слышал о большом озере с соленой водой, что есть у границ наших земель, — признался юноша, стальной хваткой придерживая иглу наездника и направляя вперед свою невысокую сольпугу. За спиной Манса с лапы на лапу переступали в клетках отданные на его полное попечение почтовые орлы, изредка хлопая крыльями или недовольно покрикивая.

— Что за озеро? — спросил Ашарх, стараясь ехать поближе к другу.

— С одной стороны пустынь есть озеро, которому не видно края. Его синие воды тянутся до самого горизонта, и они солонны, как слезы.

— Ты говоришь о море? Лантея при мне как-то упоминала, что пустыни Асвен омывает море. Это почти как озеро, но во много раз больше, глубже и опаснее, — пояснил преподаватель.

— Море? Значит, вот как это называется, — проговорил Манс, смакуя новое для себя слово на кончике языка. — Я бы хотел посмотреть на него хотя бы раз.

— Я тоже давно мечтал побывать на побережье. Знаешь, в Залмар-Афи есть Глубинное море, оно находится далеко на западе, и, говорят, что воды его черны, как беззвездная ночь.

— И ты там был?

— К сожалению, не был... Всегда хотел, но так и не поехал. Все время находил для себя какие-то отговорки, что не могу все бросить и отправиться туда: то не было денег на дорогу, то работал без продыху, то был загружен другими делами. Так ведь вся жизнь может пройти мимо, а что-то по-настоящему важное и упустишь, с головой погрузившись в быт.

— У нас еще все впереди. — Манс легко улыбнулся. — Быть может, в этот раз все сложится так, как надо, и мы оба все же увидим море.

— Да уж. Пусть хоть раз все действительно сложится так, как и должно.

Мимо беседовавших друзей верхом на пауке бодро проехал Оцарио во главу колонны, где Лантея уверенно вела свой отряд вперед, пытаясь по положению солнца скорректировать точное направление — в сторону Четвертого Бархана.

— Лантея, вы знаете, я хотел выразить вам свои соболезнования по поводу случившегося, — произнес торговец, выравнивая сольпугу, чтобы ехать вблизи посла. — Я пытался побеседовать на днях с матриархом Мерионой, но она в несколько жесткой манере отказалась меня слушать. Поэтому позвольте я скажу вам. Мне действительно жаль, что Третий Бархан пал.

— Случившегося не изменить.

— Я многое слышал о Третьем Бархане. И о матриархе Гиселле, его справедливой правительнице, тоже. Моя матушка, конечно, считала ее странной, но на прошлом Совете Пяти Барханов я лично видел Гиселлу Анакорит, и она показалась мне спокойной и мудрой

женщиной, приятной во всех отношениях.

— Так и есть. Она была замечательной правительницей и матерью. Жаль, я сама заметила это слишком поздно... — Девушка поморщилась и натянула на голову капюшон. — Спасибо за ваши слова, Оцарио.

— Всегда к вашим услугам, посол.

— А ведь знаете, что удивительно, Гиселла всегда считала странной именно вашу мать.

— Все может быть! — Ее собеседник неожиданно легко и заразительно улыбнулся. — Она отличается от других матриархов, это правда. Поверьте, каждый из ее сыновей считает так же, но в этих чудачествах рождается ее оригинальность и инакомыслие. Благодаря чему Пятый Бархан имеет свой взгляд на мир вокруг и его законы. И это не всегда так плохо, как может показаться сперва.

— Тогда мне удивительно вдвойне, почему же она не поддержала меня на Совете.

— Но разве она выступила против вас, Лантея? — Оцарио вопросительно изогнул белую бровь.

— Не выступила, но и не отдала свой голос мне. Все говорили о ней, как о прогрессивной женщине с широкими взглядами, но по итогу мои идеи о создании пограничных поселений и развитии торговых отношений с иными странами ее не вдохновили, — поделилась терзавшими ее мыслями девушка и удобнее устроилась на сольпуге, подобрав под себя ноги. Животное вело себя мирно, мягко перебирая лапами по песку и неуловимо покачиваясь, как лодка на волнах.

— Иногда вовремя замолчать ценнее, чем сказать тысячу добрых слов, — поделился мудростью торговец, нравоучительно подняв палец вверх. — Иамес и Васпия ведь уже не меньше полувека ведут свою идеологическую борьбу.

— Вы хотите сказать, что она сделала это специально? Промолчала, чтобы позлить Иамес?

— Итоговое решение всегда выносит матриарх Первого Бархана. Предположим, что моя матушка любезно бы поддержала вас на Совете, и тогда, если не ошибаюсь, в вашу пользу было бы два голоса из трех. Казалось бы, разве это не очевидная победа? Но нет. Иамес ни за что бы не допустила подобного. Как может она принять ту же сторону, что и главная возмутительница спокойствия в Барханах?!.. Поэтому, чисто объективно, Иамес бы встала на сторону Мерионы или и вовсе вынесла обвинительный вердикт для вас обеих, несмотря на все доказательства.

— Судя по всему, подобные прецеденты уже были? — проницательно заметила Лантея.

— И далеко не один раз, — подтвердил Оцарио, взгляд его стал серьезнее. — Так что, поверьте мне, как хетай-ра, который знает ее не первый десяток лет, Васпия всегда ведает, что делает. И просчитывает последствия наперед.

— Звучит так, будто Васпия контролирует все вокруг.

— А что, если так и есть на самом деле? Все Барханы считают, что выше власти Иамес в пустынях ничего попросту нет. Но на деле Васпия может предсказать каждый шаг матриарха Первого Бархана и обернуть любую ситуацию в свою пользу.

— Почему же тогда она правит лишь уединенным Пятым Барханом, не слишком-то часто показываясь в других полисах, а? Если, по вашим словам, она давно уже могла бы взять под контроль весь Совет и воцариться над всем народом хетай-ра.

— Ей это под силу, — сказал Оцарио, и в его глазах промелькнули лукавые искорки. — Но ей это не нужно. Иамес хорошо справляется со своими обязанностями, выполняет всю

трудную работу, а Васпия просто может вмешаться в нужный момент, если вдруг что-то пойдет не по плану.

Торговец тяжело вздохнул и несколько мгновений безмолвно вглядывался в исполинские валы желтого песка, вздымавшиеся до самого солнца, пока Лантея не поинтересовалась:

— Почему тогда Васпия на заседании Совета не осудила меня, чтобы Иамес без сомнений выбрала иную сторону? Мне не дает покоя эта мысль.

— В арсенале ее орудий никогда не было лжи, — уверенно и четко ответил мужчина. И Лантея отметила для себя, что он, судя по всему, искренне верил в то, о чем говорил.

— Это признак достойной правительницы, — с уважением протянула девушка, очарованная сыновьей преданностью Оцарио. Если к Васпии так относились все ее дети, то она была счастливицей. Одиннадцать верных сыновей могли вполне заменить матриарху личную гвардию.

По бархатным дюнам караван ступал медленно, сначала разбившись на пары всадников, а после растянувшись в длинную шеренгу по одному. Раскаленный воздух к полудню жидким оловом наполнял легкие, к нему постепенно примешивалась мелкая песочная пыль, оседавшая на вещах. Как только поднимался ветер, невесомые песчинки проникали под одежду и закрывавшую лицо ткань, оказываясь в носу и глазах. Каждый из путников вылавливал изо рта скрипевшие на зубах крупинки, чтобы через пару мгновений вновь обнаружить на языке вездесущий песок.

В какой-то момент алеющий силуэт солнца неторопливо опустился за линию горизонта, и пустыни практически мгновенно остыли, словно налетел холодный северный ветер и за несколько минут выдул из них жар, накапливавшийся весь день. Только что все посольство хетай-ра изнывало от духоты, как уже путешественники невольно потянулись к своим сумкам в поисках теплой одежды.

Ашарх, кутавшийся в плотный плащ, сразу же вспомнил о тех недалеких временах, когда он еще жил в Италане, где так же зябко бывало как раз в середине осени, когда по утрам трава уже покрывалась инеем, хотя о первом снеге еще не было и речи. Он никогда не любил это мрачное промозглое время года в столице, кровь южанина в нем всегда требовала солнца и тепла. И даже здесь, среди пустынь, когда налетал этот пронизывающий вечерний ветер, он будто вновь мысленно оказывался среди Италана — дрожавший от холода профессор, спешивший по узким улочкам в академию на занятия. Эти воспоминания были еще живы и слишком ярки.

В сумерках караван, по приказу Лантеи, остановился на ночевку, расположившись у подножия высокой дюны. Уставшие после долгой дороги путники спешили, размяли ноги и занялись каждый своим делом, сооружая укрытие для сна, разгружая вещи или ухаживая за ездовыми животными. Эрмина принялась обходить шеренгу пауков, выдергивая из их тел стеклянные иглы наездника и загоня их в новые точки или и вовсе убирая. Через некоторое время, когда у отдельных сольпуг в глазах появилась осмысленность, и они стали куда подвижнее, женщина предложила паукам поздний ужин — так называемую амброзию. Это было содержимое вручную сшитых из толстой кожи круглых бурдюков. Они были заполнены соком опунции, разбавленной животной кровью и питательными растительными добавками. Сольпуги ловко хватали хелицерами объемные шары и высасывали из них сытное содержимое, восстанавливая потраченные за день силы. А когда с едой было покончено,

Эрмина с помощью своих игл погрузила пауков в сон до самого утра.

Пока Манс и помогавший ему Ашарх с куда меньшими успехами пытались покормить запертых в клетках птиц, Виек использовал магию, чтобы создать из песка укрытие от ветра для замерзших путников. В этом вопросе он явно имел куда больше опыта, чем все остальные, поскольку всего за несколько минут сумел возвести из песка широкую приземистую юрту, оплавив ее внутренние и внешние стороны до состояния стекла. В центре создали небольшой круглый стол, пол застелили шкурами, а вход занавесили от ветра. Когда вся группа собралась внутри, Лантея коснулась руками стен, возвала к своей богине, раскаляя песок и стекло, и вскоре воздух внутри прогрелся, позволяя путникам избавиться наконец от плащей и теплой одежды. Понемногу все с удобством расположились в юрте, вытянув ноги и исподтишка разглядывая друг друга в луче звездного света, пробивавшегося сквозь круглое отверстие в куполе.

— Признаться, сегодня за весь день у меня во рту побывала только горсть песка, — прервал всеобщее молчание Оцарио, как только отогрелся возле стены. Его слабым мычанием поддержал Манс, который единственный не торопился пока сбрасывать теплый плащ с плеч.

— Еды в достатке. — Лантея раскрыла ворот одной из сумок, извлекая на свет сушеную рыбу, холодные лепешки и брикеты мха — сухой паек не отличался особенной изысканностью. — Но если по пути будет возможность, то нам всем стоит поохотиться, чтобы разнообразить рацион.

Запасы продовольствия быстро разошлись по рукам, кто-то подогрел на столе лепешки, и восхитительный горьковатый запах сдобы из лишайниковой муки наполнил воздух вокруг.

— Простите, посол, но, боюсь, охота вряд ли будет удачной, — через минуту произнесла Эрмина, сосредоточенно покусывая кусок сухого мха.

— Почему? — Лантея вздернула брови и повернулась к собеседнице.

— Мелкую живность вроде ящериц и скорпионов ловить смысла нет, а крупная дичь успеет убежать: у нас большая группа, этот шум отпугнет диких бородавочников и газелей. Но если это необходимо, то я или мой супруг можем на любой стоянке сходить на охоту подальше от лагеря.

— Вам уже доводилось ловить дичь в этой части пустынь?

— Конечно. Но всегда лучше действовать в одиночку, чтобы подобраться к зверю.

После ужина все так и остались сидеть и лежать возле стола, пребывая в ленивой неге. Блаженное тепло разливалось по телу, заставляя ныть перетруженные мышцы. Где-то там, за пределами юрты, бесновался и ревел ночной ветер, поднимая в воздух песчаную пыль, а здесь, внутри, было уютно, и волнами накатывала сонливость. Сосредоточенный Виек неторопливо что-то рисовал на небольшом свитке пергамента, положив его на колено. Эрмина, прижавшись к боку супруга, медитативно водила оселком из песчаника по лезвию своего костяного меча. Лежавшая на спине Лантея, укрывшаяся шкурами до самых глаз, вдумчиво изучала сквозь отверстие в потолке темное небо, переливавшееся яркими бриллиантами звезд.

— Я совсем забыл, каким удивительно красивым бывает ночное небо на поверхности, — негромко произнес Манс, заметив отрешенный взгляд сестры. Он медленно перебирал свои старые четки, и тихий убаюкивающий стук бусин разносился по всей юрте.

— Да, оно сегодня такое чистое, — негромко откликнулась девушка. — Волшебное.

Ей почему-то вспомнилась долгая ночь, проведенная на Мавларском хребте. В тот день

они с профессором с трудом сумели выбраться из каменной крепости Аритхол, где обосновались общинники Светоча, и едва живые укрылись в горах. Тогда у них двоих не было ничего, кроме обагреного в крови меча и желания выжить, и они жались друг к другу в темноте, как птенцы, спрятавшись среди скал, чтобы переждать ночь. Ветер пронизывал их до костей, проникая под одежду, мешая спать, и тогда Ашарх указал Лантее на небо. Оно было так же неопределимо прекрасно, как и сейчас, и девушка до сих пор помнила те легенды о созвездиях, что они пересказывали друг другу, пытаясь отвлечься от холода и заснуть в ту ночь. Она хранила те воспоминания глубоко в своем сердце.

Теперь вокруг не было ни видимых угроз, ни опасности. Ашарх уже давно дремал на полу юрты, завернувшись в свой плащ. Украдкой Лантея окинула взглядом его смуглое выбритое лицо, перекинутую через плечо длинную темную косу, расслабленно лежавшие возле груди руки. Над головой были те же звезды, то же небо. Они двое все еще ступали вперед плечом к плечу, преодолевая все невзгоды. И девушка призналась себе, что она бы хотела, чтобы так было и дальше, чтобы так было всегда.

— Я слышал, что именно в такие спокойные звездные ночи волшебство и случается, когда его особенно ждут, — еле слышно проговорил Оцарио, который лежал на боку, подсунув под голову свой объемный коралловый тюрбан.

На торговца сразу же устремилось несколько пар любопытных глаз, на что он, удовлетворенный произведенным эффектом, хмыкнул и через секунду продолжил:

— Ходят легенды, что с полуночи и до рассвета в пустынях можно встретить парящий над песком стеклянный дворец. Он появляется лишь в ночи, подобные этой, когда звездный свет являет миру его прозрачные грани, не видные днем. Слышали о таком?

Кто-то отрицательно мотнул головой, Эрмина неопределенно фыркнула, откладывая меч в сторону, Манс же выжидательно подался вперед, не желая пропускать ни слова.

— Говорят, что этот дворец принадлежит богине, в нем она живет и путешествует по пустыням, день за днем облетая свои владения. Увидеть его могут лишь истинно смелые. Но зато тот, кто наберется храбрости и зайдет внутрь стеклянных палат, удостоится милости собственными глазами узреть Эван'Лин и попросить ее о чем угодно.

— И она исполнит просьбу? — прошептал Манс.

— Исполнит. Вот только те, кто не покинут дворец до первого солнечного луча, станут вечными его пленниками, исчезнув из этого мира с рассветом. Будут они до скончания веков прислуживать богине без возможности вновь обрести плоть и выйти из стеклянного чертога. Вот и вся легенда.

— Красивая история. — Лантея улыбнулась, легко похлопав в ладони. — Никогда ее не слышала.

— Я тоже, — произнес Манс.

— А мне кажется, я ее знаю, — задумчиво прошептала себе под нос Эрмина, водя пальцем по лежавшей на полу шкуре. — Вроде бы от какого-то странствующего певца, приехавшего пару лет назад в Первый Бархан. Виек, ты не помнишь, откуда он был?

— Не припоминаю, — хмуро откликнулся ее супруг, который так и не отвлекся от рисования.

— Вполне может быть, что он родом как раз из Пятого Бархана, — сказал Оцарио и пожал плечами. — У нас ее все знают с детства.

Разговор вяло продолжался еще некоторое время, пока сонное марево не заключило уставших путников в свои эфемерные объятия. Все разместились в разных местах юрты,

завернувшись в шкуры и плащи, подложив под голову сумки. Они так крепко заснули, что их не разбудил даже свистящий хрип Оцарио, неясная возня Лантеи во сне и холод, забравшийся в юрту, когда стены уже совершенно остыли. Спящие этого не заметили. Хотя они не заметили не только это.

Невдалеке от маленького лагеря в ярком звездном свете на мгновение блеснули стеклянные купола дворца, легко парившего над песчаными дюнами. Он мягко проплыл мимо, будто воздушный корабль, бороздивший пустынную гладь, и растворился во мраке ночи.

А может быть, это был лишь волшебный мираж, рожденный легендой странствующего певца?

Несколько дней с начала похода прошли неуловимо быстро, хоть они и оказались достаточно однотипными, поскольку весь световой день отряд находился в дороге, почти не спешиваясь с сольпуг, а вечером, валясь с ног от усталости, путникам хватало сил лишь на ужин. Караван в размеренном темпе рассекал песчаные волны под жаром раскаленного докрасна солнца, следуя на восток. Общение в отряде не особенно ладилось: Эрмина и Виек держались обособленно, Аш, Лантея и Манс тоже больше предпочитали проводить время втроем, и лишь Оцарио попеременно ездил и вел беседы то с одним, то с другим лагерем, оказавшись не в меру разговорчивым компаньоном.

До Четвертого Бархана еще оставалась половина пути, когда в один из дней Эрмина, всегда следившая за окрестностями, как и ее муж, указала рукой куда-то вдаль и обратилась к послу:

— Кажется, там впереди что-то есть.

Лантея жестом приказала каравану остановиться, и после, прищурившись, взгляделась в ту область, куда смотрела Эрмина. На большом отдалении можно было различить неясное темное пятно, в центре которого периодически что-то блестело, отражая солнечные лучи.

— Трудно с такого расстояния определить, что это, — посетовала Эрмина, прикрывая ладонью глаза от яркого света.

В воздухе висело жаркое море, мерцавшее как водная гладь.

— Сейчас стоит такой зной, что это вполне может оказаться обыкновенный мираж, — сказала Лантея.

— Я могу съездить на разведку и все проверить, — предложила Эрмина.

— Нет смысла тратить на это время, — сразу же вклинился в разговор Виек, нахмутив брови. — Мы движемся в направлении Четвертого Бархана. Зачем сходить с пути ради праздного любопытства?

Лантея не была с ним согласна. Ей не хотелось оставлять позади отряда какую-то неизведанную темную область, где вполне могло быть что-то опасное. Ей на помощь пришел Оцарио, который буквально пару секунд разглядывал странную зону вдали и почти сразу же просветил группу:

— Это Добрая Земля. Один из оазисов-плантаций в этой части пустынь.

— Вы уверены, Оцарио? — усомнилась Лантея.

— О, поверьте! Я не раз останавливался в нем на ночь, когда шел с торговыми караванами в Четвертый Бархан или из него.

— Мы можем пополнить там запасы воды, — предложил Манс, подъезжая на своей сольпуге поближе к сестре. — Несколько мехов уже опустели.

— Да, я тоже об этом подумала. — Лантея кивнула. — Думаю, нам действительно стоит заехать в оазис. Крюк не такой уж большой. Так что переночуем там.

Виек сразу же недовольно заворчал:

— Еще даже не вечер. Не рано ли нам думать о ночлеге? Мы еще вполне можем продолжать путь, пока не покажутся первые звезды. А то до Четвертого Бархана мы так никогда не доберемся.

— Лучше мы все хорошо отдохнем в оазисе и завтра отправимся в дорогу пораньше, — припечатала Лантея, бросая на солдата холодный взгляд. Она сразу же коснулась иглы наездника, посылая свою сольпугу в сторону Доброй Земли, чтобы не выслушивать больше угрюмые замечания Виека, который, казалось, всегда пребывал в скверном расположении духа.

Остальной отряд последовал за девушкой, подгоняя своих ездовых пауков. Перебирая длинными лапами по песку, животные быстро карабкались по склонам дюн, вздымая за собой облака пыли. Вскоре оазис впереди стало куда лучше видно: расступились золотистые насыпи, открывая взорам путников небольшую долину, где среди высаженных рядами пальм блестела на солнце водная гладь вытянутого пруда. На его берегах раскинулся маленький поселок с приземистыми одноэтажными домами, которые настолько сливались цветом с песком, что их практически невозможно было разглядеть издали.

Здесь, в самом сердце царства солнца и песка, цвел дивным цветом крошечный оазис, окруженный со всех сторон зноем. Он не страшился пустынь, их горячих ветров и испепеляющей жары: пальмовые и кактусовые сады оберегали поселок, укрыв его собой, спрятав в тени, а неглубокий пруд дарил жителям оазиса блаженную прохладу. На въезде в Добрую Землю караван замедлился, неспешно проехал сквозь высокую арку, сложенную из изрезанных ветром блоков песчаника, и ступил на одну из пустынных улиц.

Кое-как совладав со своей сольпугой, Ашарх приблизился к Лантее, ехавшей впереди всей процессии, и поинтересовался:

— Что это за место? Манс мне толком ничего не объяснил.

— Это оазис-плантация Lo Radaii, Добрая Земля. — Девушка чуть придержала свок сольпугу, чтобы поравняться со спутником и приспустила платок, которым закрывала лицо от песка.

— И что здесь выращивают?

— Скорее всего, то же самое, что и на других плантациях в пустынях. Финиковые пальмы, опунции, инжир — те растения, что не способны существовать во мраке подземных полисов.

— Выходит, здесь трудятся и живут обычные хетай-ра? Те, кто предпочел темноте Барханов свет солнца? — усмехнулся Аш.

— Здесь почти никто не живет постоянно. Хетай-ра приезжают сюда на заработки, на несколько месяцев обычно. Плантации — это выгодное предприятие. На таких деликатесах, как инжир или финики, умные дельцы хорошо наживаются в Барханах и достаточно платят простым наемникам, которые готовы ухаживать за растениями в оазисах, вдали от дома.

— Думаю, желающих не очень много...

Лантея легко улыбнулась, скидывая с головы капюшон плаща, и солнце мгновенно заиграло своими лучами на ее волосах цвета багрянца.

— Ты ошибаешься. Сюда едут с охотой. За пару месяцев тяжелого труда ты можешь заработать денег на год тихой жизни. Без изысков, конечно. Но очень многие на такое

согласны.

— Жаль, что из таких вот торговых предприятий нельзя развить полноценные поселения и ключевые посты. Если бы хетай-ра согласились установить деловые отношения с другими странами, то оазисы могли бы стать опорными точками на караванных путях. Здесь бы кипела жизнь и торговля... — Аш окинул взглядом крайне простые постройки и нескольких работников плантации в грязных истрепанных рубахах до самой земли и с запорошенными пылью тюрбанами на голове. Это выглядело бедно и даже жалко.

— Если наша затея сложится удачно и будет заключен союз с альвами, то все так и выйдет, Аш. Сейчас эти места почти необитаемы. Здесь нет никого кроме работников, редких торговых караванов и случайных путников. Но если угроза войны с империей будет ликвидирована, а Ивриувайн согласится наладить сообщение, то оазисы расцветут, как ты и сказал.

Впереди показался берег пруда. Вода в нем была непрозрачная, зеленовато-синяя, будто поросшая какими-то водорослями, и от нее поднимался стойкий гнилостный запах, от которого чесалось в носу. Но, судя по всему, из источника все еще спокойно брали воду: на берегу несколько хетай-ра наполняли стеклянные кувшины, а кто-то пил прямо из ладоней, зачерпывая влагу и жадно ее глотая.

Оцарио, как единственный из всего отряда, кто уже бывал в этом оазисе, сразу же указал на дом, принадлежавший местному начальнику, контролировавшему работу плантации. Но прибытие каравана не осталось незамеченным, и на улицы понемногу выходили хетай-ра, со стороны пальмовых садов прибежали с ног до головы покрытые пылью работники, и даже сам начальник показался из дома. Это оказался старый высушенный солнцем мужчина, носивший поверх выцветшей черной рубахи до пят тяжелый халат с вышитыми рукавами. Одежда его давно уже потеряла прежний блеск и лоск, волосы на голове свалились в дреды, неопрятными желтоватыми щупальцами высывавшиеся из-под грязной чалмы.

Начальника плантации звали Делурион, и он был одним из тех немногих обитателей оазиса, которые его практически никогда не покидали. Он следил за своими работниками, отправлял почтовых птиц владельцу плантации и в целом организовывал всю внутреннюю жизнь в этом крохотном поселении.

За переговоры принялись Лантея и Оцарио, намереваясь договориться о месте для ночлега, пополнении запасов каравана и других мелочах. Появление в Доброй Земле знатных хетай-ра произвело на начальника должный эффект: он так хлопотал перед Лантеей и ее свитой, обещая для них самые лучшие условия, что девушке даже стало как-то не по себе. Теперь на нее с льстивым заискиваем поглядывали многие работники плантации, слышавшие беседу. Видимо, они надеялись услужить сестре одного из матриархов и получить за свою работу пару монет.

В скором времени Делурион предоставил послу и всей делегации на ночь свой дом, как самый лучший из всех построек в оазисе. Он оказался довольно просторным и практически пустым изнутри: многие комнаты были необжитыми и, как предположила Лантея, использовались лишь для гостей. Сольпуг отвели в специальные загоны на краю территории, обустроенные как раз для стоянки каравана. С животными осталась Эрмина, привычно освобождая их от некоторых игл и позволяя паукам на время вернуть контроль над собственным телом.

Оцарио, использовав все свое обаяние и красноречие, уже через пять минут разузнал у

начальника о всех деталях ужина, который для делегации собирались организовать на открытом воздухе, на самом берегу пруда. Когда отряд обустроился на месте ночевки и вышел из дома к столу, то солнце уже медленно клонилось к закату. Дневной жар постепенно отступал, а на его место пришла мягкая прохлада, которая через несколько часов должна была превратиться в ледящий холод. Повсюду глаз радовал яркий зеленый ковер растительности, в кронах пальм шумел ветер, и путники, устроившись за накрытым столом, наслаждались покоем и деликатесами, которые для них подготовили по приказу Делуриона.

Конечно, в таком крошечном поселении даже не могло идти и речи о хорошем поваре, но все блюда, приготовленные на скорую руку местными кухарями, оказались изумительными. Перед гостями разложили протертую финиковую пасту, теплые лепешки, ароматный пряный инжир, таявший во рту, и запеченные плоды опунции, истекавшие сладким соком. Пока путники наслаждались ужином, перед ними поставили пару кувшинов с горячим напитком, приготовленным из местных трав и растений. Запах был специфическим, но это питье хорошо утоляло жажду и перебивало сладость фруктов.

Через какое-то время, когда уже почти окончательно стемнело, на краю поселения показались пастухи с отарами бородавочников, которых целый день пасли в пустынях, а теперь привели домой. Вернулись в свои жилища последние обитатели этого оазиса, кругом стали зажигать масляные лампы на животном жире, осветившие улицы и окна домов теплым желтоватым светом. Вскоре неподалеку от стола, за которым отдыхал отряд Лантеи стали собираться работники плантации, и это движение невольно обратило на себя внимание всего посольства. Хетай-ра стояли тесными группами возле огороженного столбами участка земли, находившегося прямо на самом берегу пруда. А через какое-то время возле Лантеи с поклоном возник Делурион.

— Надеюсь, вы всем довольны. Если что-то вам будет нужно, то только скажите.

— Все хорошо, — отмахнулась девушка.

— Простите, уважаемый, а что это там за толпа такая собирается? — полюбопытствовал Оцарио, указав пальцем на работников, сгрудившихся на берегу.

— Раз в неделю у нас проходят кулачные бои. Народ так развлекается, — смиренно пояснил начальник. — Делать-то здесь особенно нечего, вот мы и устраиваем хоть какую-то забаву.

— Бои? — неожиданно оживилась Эрмина, вытягивая шею.

— Да, вот с минуты на минуту начнутся уже. — Делурион закивал. — Один на один. Женщины против женщин, мужчины против мужчин, никак иначе. А победителей принято у нас чествовать всю неделю да давать дополнительный паек. Может, награда и скромная, но никто не отказывается.

— И что же, много желающих? — спросил Оцарио, поправляя тюрбан. Под прищуренным хитрым взглядом торговца начальник плантации замаялся и пожал плечами:

— Да больше все одни и те же дерутся. Путники-то у нас не очень часто бывают, только если караваны какие с товарами мимо проходят — вот тогда тут и бойцов побольше становится, и есть на что посмотреть.

— А вы, значит, на бои всех допускаете? — не отставал Оцарио.

— Ну, а почему бы и нет, — сказал Делурион. — Вы, ежели тоже желаете, так присоединяйтесь. Тут все только счастливы будут, что новые бойцы кулаками помахать выйдут.

Предложение начальника большинство группы восприняло с неохотой. Уставшие после

долгой дороги, разомлевшие от еды, хетай-ра меньше всего хотели испытывать свою силу и валяться на песке под улюлюканье простых работяг. Посмотреть на бои было можно, а вот драться никому особенно не хотелось. Лантея ответила за всю свою группу:

— Благодарю за предложение, но мы лучше останемся простыми зрителями.

— Как пожелаете, посол. — Делурион низко склонился, приложив к груди сжатый кулак и отступил назад, не собираясь больше мешать своим важным гостям.

Едва повернувшись к отряду, девушка первым делом заметила взгляд Эрмины, в котором читалось явное противоречие. Если вся остальная группа расслабленно посматривала в сторону пока еще пустой арены для боев, лениво потягивая напитки, то сидевшая с самого края женщина держала спину неестественно прямо, стиснув в пальцах костяные щипчики для десерта, а ее ясные глаза были подернуты тоской. Будто у нее что-то было на уме, но она боялась высказать это вслух и потому молчала, как послушный солдат.

— Никто ведь не хочет подраться? — на всякий случай уточнила Лантея.

Все вяло покачали головами, кто-то махнул рукой. И только Эрмина не двигалась с места, лишь сильнее сжимая щипчики. Она подняла глаза и встретила взглядом с Лантеей. Все было понятно и без слов.

— Эрмина, может быть, ты хочешь принять участие в боях? — прямо спросила девушка.

— Я на службе, посол. Мне приказано оберегать вас.

Сказано это было с едва уловимым сожалением в голосе.

— Сейчас вечер, мы все отдыхаем. Почему бы тебе не развлечься, если ты этого хочешь?

— Мои желания не имеют значения. Я должна оберегать вас и остальное посольство от возможных угроз, ни на что не отвлекаясь.

— Я сама в состоянии постоять за себя и за тех, кто рядом. Или же ты сомневаешься в уровне боевых навыков члена правящей семьи? — опасно сощурился глаза, спросила Лантея.

— Ни в коем случае, посол! — Эрмина вытянулась и замерла на своем месте, будто соляной столп.

Весь отряд с удивлением следил за этой беседой, позабыв и об угощении, и о напитках.

— В этом оазисе нам ничего не угрожает. И Иамес здесь нет. Да даже если бы она и была, неужели ты думаешь, что простой солдат или гвардеец не имеет права несколько часов отдохнуть после тяжелого и долгого дня, проведенного в дороге?

— На наших плечах лежит важная миссия. Сейчас нет времени для отдыха, посол. — Эрмина чуть склонила свою короткостриженую голову к груди и сжала губы в тонкую линию.

— Служба службой, но все мы сделаны не из камня. Заботы подтачивают всех нас одинаково, без оглядки на звания и обязательства. Порой стоит расслабиться и провести время так, как хочется. Так что не строй из себя негибкую героиню, а выйди на арену и от всей души помаши кулаками, хоть на час отвлекись от всего.

Эрмина открыла рот, не желая так быстро сдаваться, но Оцарио, сидевший напротив женщины, неожиданно замахал на нее руками.

— Ты здесь подчиняешься послу в первую очередь. Откажешься выполнить ее волю?

Подобравшись, Эрмина закрыла рот и пару секунд молча глядела на стол. После встала и, не оборачиваясь, направилась в сторону арены, к начальнику плантации, который уже крутился возле бойцов и собирался открывать кулачные бои.

Несмотря на хмурый вид женщины, которая явно пыталась справиться с внутренними противоречиями, ноги сами несли ее к расчищенной площадке.

— Спасибо, посол, — едва слышно произнес Виек. — Она этого никогда не признает, но на деле ей действительно это было нужно.

— В моем отряде должен царить мир и спокойствие, в том числе душевное. — Лантея кивнула, а после прожгла Виека пронизательным взглядом голубых глаз и прямо спросила:

— Ты сам разве не хочешь поучаствовать в боях? Или позволишь жене одной представлять наш отряд?

Он задумался. Затем быстро посмотрел в ту сторону, где Эрмина договаривалась с Делурионом, и вновь перевел взгляд на посла.

— Если вы не против, то я бы не отказался поддержать ее.

Лантея хмыкнула и сделала легкое движение кистью, отпуская Виека. Он сразу же поднялся из-за стола и направился в сторону арены.

— Признаюсь, на такого бойца я бы даже поставил несколько монет, — протянул Манс, поглядывая на спину удалявшегося Виека. — Вряд ли десяток работяг окажутся для него серьезными противниками.

— Думаешь, здесь делают ставки? — усомнилась Лантея.

— Даже если не делают, — вклинился в диалог Оцарио, поднимаясь из-за стола, — это всегда можно исправить.

Он довольно потер руки, растянул губы в лукавой улыбке и тоже отбыл в сторону арены, оставив за столом лишь Ашарха, Манса и Лантею. Кажется, вечер обещал был интересным — весь отряд неожиданно для себя оживился.

Арену хорошо осветили масляными лампами, на ее углах между столбиками натянули веревку, выдворив за нее всех зрителей. А их собралось уже немало: все жители оазиса стянулись вечером к арене, раскинувшейся на самом берегу зацветавшего пруда. Между хетай-ра ловко сновал Оцарио, принимая ставки, успев повздорить с двумя дельцами жуликоватой наружности, которые явно промышляли этим ранее, на всех прошлых боях в оазисе. Пустив в ход всю харизматичность своей натуры, торговец разливался соловьем, призывая ставить стеклянные монетки на опытных старых бойцов, либо же рискнуть и поверить в двух таинственных новичков. И зрители послушно несли Оцарио мелкие деньги — семи-дин — ссыпая их из карманов в ладони торговца. Сдержав слово, Манс тоже поставил небольшую сумму из своих весьма скудных личных средств на Виека.

— У него не очень хорошие прогнозы, — посетовал Оцарио, принимая его ставку и делая пометку на куске пергамента. — Все говорят, что среди мужчин непременно выиграет некий Тайшин. Он берет первое место уже пять недель подряд, с самого своего прибытия в Добрую Землю.

— Посмотрим, как выступит Виек. — Манс пожал плечами, не особенно расстроившись от этих новостей.

— Любопытно увидеть, кто этот Тайшин, — негромко произнесла Лантея, опершись на стол локтями и положив голову на переплетенные пальцы.

— Это я быстро разужнаю, — пообещал Оцарио и мгновенно растворился в увеличившейся толпе.

— Смотри-ка, — Манс проследил за уходом торговца и указал пальцем на арену. — Похоже, они собираются начинать.

На пустую площадку ступил Делурион. Он нетерпеливо взмахнул руками, из-за чего манжеты его тяжелого изношенного халата опали, обнажая худощавые высушенные солнцем запястья. Понемногу народ умолк, затихли последние разговоры.

— Сегодня мы будем славить милостивую нашу богиню Эван'Лин, предаваясь ярости боя, пробуя нашу силу и проверяя крепость наших тел...

— Да давай начинай уже!.. — послышался недовольный выкрик с задних рядов.

Где-то раздалась отдельные ехидные смешки.

— Ну... — Делурион смутился. — В общем-то, я только хотел сказать, что к нам прибыли важные гости. И сегодня их бойцы тоже участвуют...

— Это все понятно и так! — прокомментировал все тот же голос. Смешков стало больше.

— Ладно, все с вами ясно, — с недовольством произнес Делурион, махнув рукой на своих нетерпеливых подчиненных. — Итого... Среди мужчин записались восемь бойцов. Среди женщин — трое. Нужна еще одна доброволица для ровного числа, иначе на пары разбить не выйдет!

В толпе началось активное обсуждение, кто-то предлагал кандидатуры, другие отнекивались. Через пару минут все же нашлась одна женщина, из старых бойцов, которая согласилась поучаствовать, чтобы бои все же состоялись. Ее быстро внесли в списки и вскоре Делурион, выглядевший уже несколько измотанным, наконец объявил о начале:

— Первыми сражаются мужчины. Гави и Улеох. Выходите.

На арену ступили двое бойцов приблизительно одинакового возраста. Оба они были в простых длинных рубахах неясного землистого цвета, у одного костяшки были накрепко перевязаны обрывками ткани, а другой спешно собирал длинные грязные волосы в хвост. Бойцы достаточно приветливо кивнули друг другу, явно уже далеко не в первый раз встречаясь лицом к лицу на этой арене.

— Хочу напомнить правила!.. — в последнюю секунду вклинился между ними Делурион, нервно поглядывая в сторону столика, где сидела посол с остальными важными гостями. — За пределы площадки выходить нельзя. Использовать какое-либо оружие или сторонние предметы в бою запрещено. Бить в пах, тыкать пальцами в глаза — за все подобное сразу же исключаем! Бой будет продолжаться до тех пор, пока один из участников не признает свое поражение, либо же не найдет в себе сил подняться с земли.

Ловко выскочив за границы арены, Делурион подал сигнал, звонко хлопнув в ладони. В тот же момент оба бойца встали в стойку, подняв сжатые кулаки до уровня глаз, чуть сторбив спину и напрягая мышцы пресса. Они сблизились друг с другом, обменялись несколькими крепкими ударами по корпусу и сразу же отступили на шаг, готовясь к следующей атаке. Покружив немного возле своего противника, хетай-ра с перебинтованными костяшками первым решил нанести новый удар: он отличался быстротой и решительностью. Кулак врезался в скулу соперника, выбивая из того весь дух и повреждая кожу — капли крови окрасили обмотки и веером брызнули в стороны. Раненый боец пошатнулся, на миг лишившись концентрации. Этот удар дезориентировал его и позволил противнику зайти сбоку, выцеливая открытые участки спины и шеи. Еще пару минут, длившихся по ощущениям как целый час, двое работников отчаянно и резко избивали друг друга, пока один из них, тот, у которого была рассечена кожа на щеке, не упал без сил на одно колено. Он тяжело дышал, по лицу, смешавшись с кровью, градом лил пот, и хетай-ра едва нашел в себе силы вскинуть руку, признавая свое поражение в этом бою.

В толпе раздался свист и одобрительные окрики, рукоплескания и топот ног. Победителя поздравляли и славил, награждая его овациями за силу и стойкость, а проигравшего скорее унесли с арены и, усадив его возле ближайшего дома, понемногу

отпайвали травяными отварами и отирали разбитое лицо. Хотя он и выглядел недовольным, но своему противнику все равно дерзко кивнул, будто обещая, что на следующей неделе непременно возьмет реванш.

Следующий бой проходил между Эрминой и одной из женщин: это оказалась невысокая и жилистая хетай-ра, которая старалась избегать любых атак, подныривая под руку противницы и используя тактику изматывания. Она юркой стрекозой крутилась вокруг воительницы, изредка решаясь нанести несильный, но чувствительный удар, чаще выбирая зону горла, печени или солнечного сплетения, в то время как Эрмина, не размениваясь по мелочам, каждый раз метилась исключительно в лицо, практически не защищаясь и не уворачиваясь.

— Мне, конечно, трудно о чем-то здесь говорить, я никогда бои не наблюдал, — протянул Ашарх, не отводя взгляд от арены и танцевавших на ней женщин, — но, кажется, наша воительница выглядит повнушительнее.

Лантея усмехнулась и одарила профессора снисходительной улыбкой.

— Эрмина хорошо держится. Она следит за каждым шагом противницы, экономит свою энергию, не растрачивая ее на пустые выпады, но при этом не защищается от легких ударов, просто их игнорирует.

— Это может в один момент ее подвести. — Манс покачал головой.

— Да, — сказала Лантея. — Она не видит угрозы в этих атаках, надеясь на крепость своего тела и мышц, но ее соперница просто воспользуется этой самоуверенностью и сумеет один раз нанести точный и мощный удар, покончив с Эрминой.

— Я думал, она туда пошла, чтобы отвлечься на вечер, — хмыкнул Ашарх, поднося ко рту пиалу и делая несколько глотков травяного напитка. — А судя по вашим словам, на этой арене все так серьезно, будто Эрмина живой оттуда не выйдет!

Манс похлопал товарища по плечу и насмешливо изогнул белые брови.

— Это хорошая тренировка. Но, случись такой бой за пределами арены, если бы ставкой была уже жизнь, то Эрмина могла бы проиграть. Она идет напролом, забывая о защите...

— В любом случае, — прервала спутников Лантея, указав рукой на площадку, — в этот раз ей повезло.

На огороженной арене, торжественно вскинув руки вверх, стояла запыхавшаяся Эрмина, а возле ее ног на земле лежала без сознания проигравшая противница, очевидно, пропустившая крепкий удар в челюсть, судя по алевшей припухлости в нижней части лица.

Толпа с восторгом приглядывалась к воительнице, которая оказалась гораздо сильнее, чем многие предполагали. Судя по метаниям Оцарио среди зрителей, многие работники плантации желали сделать ставки на следующий бой Эрмины, плавно выводя ее в фавориты вечера. Из первых рядов за супругой с легкой улыбкой на губах наблюдал Виек, сложив руки на груди. Он гордился собственной женой, мысленно разделяя ее победу, и в его глазах читалось обожание, граничившее с безраздельной преданностью.

Следующие несколько боев прошли достаточно быстро. Улюлюкая побежденным и рукоплещая победителям, зрители восхищенно следили за каждой битвой, разворачивавшейся на арене. Песок под ногами бойцов давно окрасился кровавыми брызгами, пропитался потом, и прохладный вечерний воздух вскипал от жара и ярости, что выплескивалась через край огороженной площадки. Некоторые бои затягивались почти на четверть часа, пока кто-то из соперников не падал от усталости ниц, другие же были короткими и жестокими — после таких проигравших обыкновенно на руках уносили прочь, чтобы помочь им прийти в

чувство.

Бой между Виеком и его противником выдался самым последним в серии, но зато рекордно быстрым, поскольку, не успев Делурион объявить имена участников этой схватки, как Виек молниеносным рывком приблизился к крепкому детине, которому не повезло оказаться с ним на этой арене, и одним резким ударом в подбородок снизу лишил соперника сознания. Громоздкая туша с грохотом упала на песок, подняв в воздух клубы пыли, и толпа, замершая на пару секунд, неожиданно взорвалась криками восхищения. Столь эффектной победы никто давно уже не показывал в оазисе Добрая Земля.

Манс и Ашарх, ошеломленные увиденным, в немом изумлении пялились на своего спутника, продемонстрировавшего такие необыкновенные навыки на арене. На все овации и похвалы Виек лишь недовольно морщился, будто всеобщая любовь действовала на него раздражающе.

— Это потрясающе! — воскликнул Манс, вскакивая со своего места как ужаленный.

— Рано еще что-либо говорить, — предостерегла брата Лантея, хмурясь и внимательным взглядом провожая Виэка, лениво и неспешно пересекшего арену. Он перебрался через ограду и встал бок о бок со своей супругой, которая вознаградила его мягким поцелуем в щеку.

— О чем ты? — не унимался юноша. — Он одним ударом уложил противника, который физически его превосходит. Отличный результат!

— Он лишь воспользовался эффектом неожиданности. Боя как такового не было, — объяснила девушка, заметив недоумевающий взгляд профессора.

— Даже если так, это все равно показатель его мастерства, — сказал Ашарх.

— Дальнейшие бои все прояснят. — Лантея провела рукой по забранным волосам и накрутила на палец небольшую выбившуюся прядку. — Либо он просто расчетлив и ловок, либо же скрывает за напускной хитростью куда более опасные навыки.

После того как закончилась первая часть боев, и в каждой паре сражавшихся определились победители, то после краткого перерыва началась вторая серия схваток. Здесь конкуренция была уже куда серьезнее. Среди женщин осталось лишь две претендентки на титул победительницы: Эрмина и Алания — та самая хетай-ра, что согласилась принять участие в боях лишь потому, что требовалась еще одна доброволица. Судя по всему, она была достаточно опытным бойцом. Решающий поединок между ними решили немного отложить, до тех пор, пока и среди мужчин не определятся двое финалистов из оставшихся четверых участников.

Первый бой прошел без эксцессов: измотанный своей недавно прошедшей схваткой хетай-ра уже через несколько минут без сил растянулся на песке. Над ним с гордым видом возвышался Тайшин, местный абсолютный фаворит среди мужчин, который потрясал над головой сжатыми кулаками и при любом удобном случае только и искал благоволения толпы, которая щедро одаривала его своим вниманием и любовью, пока он был готов драться на потеху зрителям.

В следующей схватке, где Виек сошелся лицом к лицу с еще одним претендентом на выбывание, как и предсказывала Лантея, раскрылись все скрытые навыки воина. Он бился агрессивно, столкнувшись с упрямым и крепким бойцом, явно не в первый раз выходившим на арену. Вся публика с замиранием сердца следила, как мужчины яростно избивали друг друга, отражали атаки и вновь сближались, чтобы сжатыми кулаками покрепче врезать по лицу соперника. Виэку удалось выбить зуб работнику плантации, но и самому ему в битве

рассадили бровь, из-за чего лицо гвардейца, залитое кровью и побледневшее от закипавшей в нем ярости, выглядело пугающе.

Он выиграл этот бой сложной серией ударов по корпусу, которые по натиску мало с чем могли сравниться. Его вымотанный противник жалкой тряпкой отлетел в сторону, рухнув на песок, и его сразу же вырвало желчью. Ликованию толпы не было предела, как и восторгу Эрмины, которая больше всех радовалась победе мужа.

Теперь, когда участники финальных сражений между мужчинами и женщинами были наконец определены, Делурион торжественно объявил о перерыве, чтобы бойцы могли перевести дух и подготовиться к решающему сражению. Зрители громко и шумно обсуждали все увиденное, спешно делали последние ставки и присматривались к потенциальным победителям. К выделенному для посла столу вернулись Эрмина с Виеком, спустя минуту прибежал запыхавшийся Оцарио, позвякивавший монетками в карманах. Манс сразу же торжественно пожал Виеку руку, похлопал Эрмину по предплечью, жарко поздравляя их обоих:

— Это просто невообразимо! Какая сила! Какие удары!

— Очень надеюсь, что вам удастся победить, — от себя добавил Оцарио, лукаво поглядывая на спутников и перебирая пальцами стеклянные монетки в карманах своих желтых шаровар.

— Мы здесь не ради победы, — с прохладой в голосе отозвался Виек. — Это лишь обыкновенное, достаточно посредственное времяпрепровождение. Ничего особенного.

Эрмина сразу же обиженно сжала губы и слегла нахмурила брови.

— Не знаю, как ты, а я здесь именно ради победы! Как же иначе? Столько сил тратить только ради участия? Ну уж нет! Клянусь Эван'Лин, я намерена выиграть!

— А если не выйдет? — осторожно спросила Лантея, протягивая женщине пиалу и кувшин с травяным напитком. Та спешно поблагодарила и жадно припала к питью, пытаясь утолить терзавшую ее жажду. И только после, блаженно выдохнув и отодвинув от себя посуду, ответила:

— Тогда Виек просто обязан будет победить за нас обоих. Его победа будет и моей победой тоже.

— Я постараюсь, — миролюбиво пообещал ее супруг, салфеткой вытирая кровь со своего лица и болезненно морщась.

— А, между прочим, этот тип, который будет с тобой биться, Виек, тут довольно популярный, — сказал Манс, облакачиваясь на стол и пальцами пощипывая свои редкие усы над верхней губой. — Несмотря на проведенные тобой бои, многие все равно верят, что именно он победит.

— Я кое-что подслушал в толпе, — сразу же оживился Оцарио, а глаза его загорелись, как два драгоценных камня. — Этот Тайшин — довольно опасный противник. Он уже дважды здесь ломал своим соперникам кости. Говорят, прежде чем прибыть на плантацию на заработки, он несколько лет провел на каторге, копал тоннели где-то возле Четвертого Бархана. За что его наказали — неизвестно, но милосердием он не отличается.

— С таким трудно будет бороться, — понизив голос, произнес Манс.

— Мне не в первой сбивать спесь с гордецов, возомнивших себя неуязвимыми, — ответил Виек, и в его голосе не проскочило даже намека на беспокойство.

— Не лезь на рожон, — настоятельно попросила Лантея, сурово глядя в глаза гвардейцу. — Если тебе сломают кости, то дальше продолжать путь ты не сможешь, и я буду

вынуждена оставить тебя в Четвертом Бархане.

— Я вас услышал, посол.

Виек слегка склонил голову и торопливо отвернулся, сделав вид, что высматривает кого-то в толпе. Жена сразу же что-то зашептала ему на ухо, и пока весь отряд обеспокоенно переглядывался между собой, уже было объявлено о начале следующего этапа. Бойцы спешно удалились в сторону арены, а их спутникам оставалось лишь замереть в тревожном ожидании.

— Среди женщин за почетное место победительницы будут сражаться Эрмина и Алания! — громогласно прокричал Делурион с края огороженной площадки. Из-за его спины сразу же выступили обе участницы и встали в центре арены.

Алания была женщиной средних лет с крупными мозолистыми руками и отсутствующим взглядом. Во всей ее натуре и медлительных движениях читалось внутреннее спокойствие и уверенность в себе. Она перевязала отрезом ткани волосы, собирая их в толстый хвост, и сжала кулаки, суставы при этом издали трескучий звук. На Эрмину она даже не смотрела, будто воительница из личной гвардии матриарха была для нее не больше, чем простой мухой, которую следовало без сожалений пристукнуть. Эрмину это раздражало, и с каждым мигом она заводилась все сильнее. Нервно облизав пересохшие губы, женщина выставила перед собой кулаки, приготовившись к бою, и устремила горящий нетерпением взгляд на Аланию.

По сигналу Делуриона схватка началась. Сразу же ринувшись вперед, Эрмина нанесла несколько яростных ударов в живот Алании, надеясь как можно скорее закончить этот бой. Но противница в тот же миг контратаковала, тяжело и грубо впечатав кулак в лицо на секунду замешкавшейся Эрмине. Толпа ахнула, когда воительница, потеряв равновесие, упала на песок, утонув в облаке пыли. Стоявший в первом ряду Виек сжал кулаки и шумно втянул носом воздух, с трудом удержавшись, чтобы не броситься на арену через веревочное ограждение.

— Ничего себе... — расстроено прошептал Манс.

— Залмар милостивый, да эта Алания даже не дрогнула от ударов Эрмины... Будто ничего и не почувствовала! — возмутился профессор, старательно вытягивая шею и пытаясь со своего места за столом разглядеть что-нибудь за толпой, облепившей арену.

— Надеюсь, Виек не будет творить глупости, — себе под нос пробормотала Лантея, хмурясь.

— Слава богине, она поднимается! — воскликнул Манс через миг.

На арене действительно началось какое-то движение. Клубы пыли осели, Эрмина, потрянув гудевшей головой, в несколько рывков поднялась на ноги. Лицо ее потемнело, и уже через миг воительница оказалась возле своей противницы, одарив ее парой сильных ударов. Алания увернулась, отступила на шаг, но Эрмина сразу же сократила дистанцию между ними. Минуту все зрители завороченно наблюдали за этим диким грубым танцем, в котором двое женщин самозабвенно боролись за свою победу, беспощадно покрывая кожу друг друга синяками и ссадинами. Они будто позабыли о мире вокруг, и лишь наступали, наносили удары и уклонялись, стоически стискивая зубы, когда им это не удавалось.

Алания держалась куда лучше своей соперницы. Она не поддавалась гневу, контролировала свои действия и предпочитала защищаться от выпадов Эрмины, нежели пропускать их или уворачиваться. На многие она отвечала контратакой, молниеносной и оглушительной по своей силе. Эрмина же замедлялась, стремительно теряла ловкость и куда

хуже начинала реагировать на удары. Она проигнорировала несколько выпадов противницы и поплатилась за это разбитой губой, на которой моментально вздулся кровавый пузырь.

И когда тяжелый кулак Алании в конечном итоге глухо ударил по груди самонадеянно открывшуюся Эрмину, выбивая из нее дух, то всем вокруг уже было ясно, кому же достанется победа. Отлетев назад, воительница упала на песок, раскинув руки в стороны и больше не нашла в себе сил подняться. Она даже головы не могла оторвать от земли и лишь хрипло дышала.

— Алания побеждает! — трубным голосом возвестил Делурион, выбегая на арену. Толпа вознаградила победительницу овациями, поздравлениями и восхищенными присвистами.

До лежавшей на песке Эрмины никому особенного дела не было. Только Виек и прибежавшая от стола Лантея склонились над ней, поднимая женщине голову и пытаясь привести ее в чувства.

— Я проиграла?.. — слабо спросила она первым делом, как открыла глаза.

— Да. Но ты хорошо билась, — произнес Виек, крепко сжимая кисть жены.

— Жаль... Я надеялась...

— Тихо, — попросила Лантея, склоняясь ниже и осматривая разбитую губу воительницы.

— Я в порядке, — без особенной уверенности все же сказала Эрмина, пытаясь сама принять сидячее положение.

— Давай без резких движений.

Муж помог Эрмине подняться и, придерживая ее, отвел к столу, уложив на лавку. Там уже поджидал Манс, доставший откуда-то стопку чистых тряпок и чашу с теплой водой, чтобы можно было отереть избитое лицо женщины. Пока за ней ухаживали, Лантея жестко схватила Виека за локоть и отвела на пару метров в сторону.

— Держи себя в руках. Эрмина практически не пострадала.

— Не волнуйтесь, посол.

Его умные темно-серые глаза тускло блеснули, но на лице не прорезалось даже тени улыбки.

— Что ты задумал? — с подозрением спросила Лантея.

— Лишь принесу победу моей супруге, как я ей и обещал.

Он аккуратно вырвал свой локоть из цепкого хвата девушки и, на ходу стягивая с себя стеганку и рубаху, направился в сторону арены, где уже объявляли имена участников последней схватки.

— В решающем бою за титул чемпиона этой недели среди мужчин сойдутся Тайшин, прозванный Несломимым, и Виек, боец из прибывшего к нам посольства! Давайте же насладимся этим зрелищем!..

Говорливого начальника плантации за руку вытащили с арены, поскольку на площадку уже ступили оба бойца. В тусклом свете масляных ламп, расставленных по периметру, поблескивала вспотевшая от напряжения белая кожа Виека, вышедшего в центр. Он оголил свой торс, избавившись от сковывавшей движение лишней одежды, оставшись босиком и в одних брюках. Под кожей перекачивались бугры мышц, и от всей его фигуры, сжавшейся, будто готовая вот-вот выстрелить пружина, исходили волны силы и неясной злобы.

С предвкушением улыбнувшись, Тайшин тоже неспешно встал в центр арены, а, заметив, как выглядел противник, сразу же и сам скинул с себя пропитанную потом и чужой

кровью рубаху. Это был массивный тип, чья кожа была покрыта старыми белесыми шрамами, пересекавшими его руки, грудь и спину взбухшими линиями. Бритый налысо череп был прикрыт запыленной ермолкой, которой Тайшин отер лицо и тоже отбросил в сторону, к остальной одежде.

— Ну что, готов наглотаться песка, хлюпик? — слащавым голосом спросил Тайшин, вставая в стойку и сжимая свои крупные кулаки со сбитыми костяшками.

Виек промолчал, проглотив издевку, хотя его темные глаза недобро блеснули. И зеркально повторил стойку соперника, выставляя перед собой кулаки.

Бой начался после звонкого хлопка в ладони, который подал Делурион из-за ограды. И в тот же миг Тайшин и Виек метнулись друг к другу с удивительной скоростью, будто их притянуло, как два магнита. В неразличимом для глаз хаосе замелькали руки, опасным вихрем закружились бойцы по арене, сталкиваясь и сразу же отлетая в стороны. Каждый из них яростно бил противника, оставляя на обнаженном торсе алые отметины. Босые ноги Виека то и дело взрывали песок, поднимая его в воздух и заволакивая пространство вокруг мутной дымкой. Не менее агрессивно двигался и Тайшин, который, несмотря на свою массивность, довольно ловко уходил от ударов и подныривал под руки, как верткий варан, пытавшийся побольнее укусить добычу.

Понемногу пришедшая в себя Эрмина уже сидела на лавке и не отрываясь смотрела на арену, прижимая салфетку к разбитой губе. Приоткрыв рот, она болезненно вздрагивала каждый раз, когда ее муж пропускал удар, хотя случалось это не особенно часто — Виек мастерски двигался вокруг своего противника и отвечал на большинство атак.

От тяжелого боя гвардеец взмок, и каждый раз, когда кулак Тайшина сталкивался с его кожей, в воздух взмывал веер брызг. Но Виек все еще выдерживал свой головокружительно быстрый темп, ни на секунду не выпуская из вида соперника и практически не ошибаясь. Тайшин зверел на глазах от осознания того, что в этот раз ему достался особенный противник, который не только дрался с поразительной жестокостью, но и, судя по всему, намерен был победить в этой схватке. Для абсолютного фаворита, который удерживал свой титул на плантациях уже больше месяца и неплохо зарабатывал на процентах со ставок, это было неприемлемо.

Первый раз Виеку удалось поймать своего соперника на глупости, когда тот замешкался после очередной проведенной атаки, и тогда гвардеец от души врезал своим стальным кулаком Тайшину по печени, заставив противника согнуться пополам от боли и зашипеть. Секунду Виек восстанавливал дыхание, ободренный своим проведенным маневром, а Тайшин, стиснув зубы, искал в себе силы продолжить бой.

После этой атаки чаша весов начала клониться в конкретную сторону: все чаще Виеку удавалось нанести очередной еще более сокрушительный удар, выцеливая особенно болезненные места, а Тайшин стал раз за разом пропускать атаки. Он запыхался, окончательно измотавшись и устав, его защита дала трещину, и все чаще зрители видели своего кумира валявшимся на земле или пытавшимся отдышаться, стоя на одном колене. Но он упорно продолжал каждый раз подниматься, будто не желая смириться со своей судьбой.

Виек невольно торжествовал, видя слабость противника. Он надменно кривил губы, хоть сам давно уже сбил себе все костяшки до кровавых мозолей, да и ноги едва его слушались, но чувство собственного превосходства довлело над ним. Для Лантеи это было очевидно даже со зрительского места. Последняя и решающая часть боя началась в тот момент, когда Тайшин с неожиданным звероподобным рыком кинулся на соперника,

надеясь снести его с ног или хотя бы дезориентировать на время. Виек сошелся с противником в жестком клинче, не позволяя себя сдвинуть с места и одновременно с тем нанося кулаками удары по его ребрам. Тайшин повис на гвардейце неподъемным грузом, хрипло дыша и бесцельно махая руками, как ветряная мельница. Кажется, он уже слабо соображал, что творилось на арене. И Виеку оставалось лишь посильнее стукнуть работника по голове и грубо оттолкнуть его от себя, нанеся при этом последний громовой удар, впечатав кулак в лицо Тайшину.

Бездыханное тело медленно осело на песок. В тот же миг вся орава чумазых зрителей взорвалась воплями одобрения, ликования и восторга. Это был один из самых зрелищных боев, когда-либо проходивших в оазисе Добрая Земля, и теперь работники плантации, не сдерживаясь, скандировали имя победителя, рукоплещая и торопясь скорее отыскать заплутавшего в толпе Оцарио, чтобы забрать свой выигрыш. Виек, постепенно восстанавливая дыхание, замер посреди арены. Взгляд его был направлен лишь на улыбающуюся Эрмину, которая, забравшись на каменную скамью прямо в обуви, радостно махала супругу руками, поздравляя его с заслуженной победой. Ему было глубоко плевать на всех этих хетай-ра вокруг, которые восхищались его силой. Он выиграл бой лишь ради своей женщины, и теперь был вполне собой доволен, судя по кривой улыбке.

За его спиной с земли медленно поднялся Тайшин, тяжело опираясь на собственное колено. К нему уже подбежало несколько хетай-ра, которые что-то твердили проигравшему, пытаясь перекричать гул толпы. Но Тайшин лишь несдержанно оттолкнул от себя облепивших его работников и выхватил из-за пояса у одного из них короткий грубоватый нож.

— Ты будешь гнить в выгребной яме, сучья падаль!

Виек обернулся на этот гневный крик и быстро отскочил в сторону, уходя с траектории удара. Не собираясь больше держать себя в рамках приличий, Тайшин дерзко и опасно размахивал оружием, короткими выпадами пытаясь достать своего обидчика. Из толпы выскочило несколько крепких мужчин, желая усмирить проигравшего и схватить его за руки, но он сразу же резко развернулся, вспоров ножом воздух.

— Не смей, гниды! Я порешу его! — Изо рта, смешиваясь с кровью, на подбородок Тайшина капала слюна, как у бешеного зверя.

— Эрмина! — только и успел позвать Виек, когда Тайшин в очередной раз устремился к нему с твердым намерением убить, которое читалось в широко распахнутых и горевших, как угли, глазах.

Никто даже не успел ничего сказать или сделать, как Эрмина, цапнув пояс с оружием, брошенный Виеком поверх его одежды на лавке, уже кинулась в сторону толпы и метнула перевязь на арену. Ловко перекатившись по песку, Виек в тот же миг схватился за рукоять своего костяного меча и обнажил его, направив на противника.

Разница в вооружении Тайшина не остановила. Он, весь подобравшись, как приготовившееся к прыжку животное, с необыкновенным неистовством напал на гвардейца, размахивая чужим ножом и не обращая внимания на мелкие ссадины, которые оставались на коже, когда Виеку удавалось задеть верткого противника. Но долго такое продолжаться просто не могло. Как бы ни был взбешен Тайшин, как бы ни закипала в нем энергия, рожденная злостью, но Виек все равно его превосходил в мастерстве владения оружием. Он был осторожен, действовал обдуманно и хладнокровно, не поддаваясь на провокации и так ловко орудуя своим мечом, будто тот был продолжением его руки.

Костяной меч со свистом рассек воздух, столкнулся с ножом и легко выбил его из рук Тайшина, отколов от лезвия крупный кусок. В тот же миг Виек сделал неуловимое движение кистью, перенаправляя свое оружие и вонзая его в грудь Тайшина. Без сожаления во взгляде и без какого-либо волнения, гвардеец обхватил эфес второй рукой и со всей силы вогнал лезвие глубже.

Тайшин захрипел, и где-то в его гортани заклокотала кровь, ища путь наружу. На губах и языке появилась густая алая жидкость, и проигравший боец закатил глаза, безжизненным кулем опадая вниз, соскальзывая с лезвия. Минуту еще продолжалась агония, пока Тайшин корчился на земле, хрипя и постанывая, а после все закончилось. И только лужа крови все продолжала и продолжала растекаться по груди бывшего каторжника, смешиваясь с песчаной пылью.

— О, богиня! — запричитал Делурион, прижимая руки к груди и с ужасом глядя на тело Тайшина.

Все вокруг замерли на своих местах, не двигаясь и лишь тихо перешептываясь, пытаясь понять, как же так вышло. Виек стоял над телом побежденного противника, с лезвия его костяного меча капала чужая кровь, алые брызги россыпью покрыли бледную кожу на животе и груди. Его лицо не выражало ничего, кроме невозмутимой твердости и спокойствия, будто подобное для него было совершенно обычным делом.

— Вы же могли его не убивать! — с мольбой во взгляде воскликнул Делурион. — Вы обезоружили его! Во имя Многоликой Матери, к чему было проливать кровь?!

— Когда ты направляешь оружие на кого-то, будь готов умереть, — едва слышно произнес Виек, развернулся и молча направился сквозь безропотно расступавшуюся перед ним толпу в сторону стола, где его уже ждала супруга. Она бросилась ему на грудь, крепко обняла и тихо прошептала на ухо:

— Ты все сделал правильно. Я горжусь тобой. И твоей победой.

Глава вторая. Восточный оплот пустынного народа

Сигридский переворот в Четвертом Бархане или же, как принято называть его в официальных источниках, Сацгианская резня, не имеет никакого отношения к нападению ингур, что бы ни твердили жрецы и глашатаи. Это есть ни что иное, как массовое убийство, одобренное нашей владычицей в личных целях и ей же тщательно сокрытое от народа.

Персона, приближенная к матриарху Первого Бархана Иамес Офобат. Анонимное донесение

Оазис Добрая Земля делегация покидала рано утром и в достаточно пасмурном настроении. Никому не давали покоя мысли о произошедшем бое и его кровавой развязке. То, что случилось прошлым вечером на арене, казалось дурным предзнаменованием для всего дальнейшего странствия: ведь если путь начинался с кровопролития, то что же ждало посольство дальше? Все члены отряда невольно задавались этим вопросом на протяжении долгой томительной ночи.

Бесславная гибель Тайшина произвела на остальных работников плантации неизгладимое впечатление. Не то чтобы бывший каторжник пользовался в народе особенной любовью — его ценили лишь за жестокие и непременно победные бои, а как на товарища на него смотрели с осторожностью. Но все равно расправа над Тайшином вызвала недобрый ропот среди работников оазиса. Чтобы хоть как-то сгладить ситуацию, Лантея в тот же вечер приказала Оцарио и Мансу все средства, вырученные на ставках с победы Виека, отдать в руки Делуриону. По ее указанию, деньги должны были отправить родственникам покойного.

Подобное изъятие особенно расстроило Оцарио, который уже прикарманил себе проценты за работу и расставаться с ними не имел никакого желания, но все же подчинился воле посла, когда и Манс отдал свой крупный выигрыш Делуриону. Но даже это не слишком-то расположило работников плантации к посольству. Хетай-ра с опаской поглядывали на хладнокровного Виека, который, казалось, ни в чем не раскаивался, и никаких угрызений совести не испытывал. Растущее напряжение заставило Лантею вместе со всеми ее спутниками сняться с места как можно раньше — солнце еще даже не думало показываться над горизонтом, и путники усаживались на ездовых пауков в кромешном мраке, подгоняемые стылým дыханием ночного воздуха.

На фоне всех этих происшествий Лантея даже совсем позабыла о пополнении запасов провизии и амброзии, которые планировала закупить на выданные дорожные деньги в оазисе. К ее счастью, Оцарио, оказавшийся на удивление дальновидным и расчетливым интендантом, перед отъездом предприимчиво успел договориться о наполнении опустевших бурдюков свежей водой. Конечно, отдавала она явным болотным запахом, но в пустынях капризничать не приходилось. Такого рода неожиданная помощь в делах посольства невольно заставила девушку проникнуться к Оцарио искренней благодарностью, и она откровенно смягчилась в своем отношении к чудаковатому торговцу. Через несколько часов, проведенных в дороге, к Лантее подъехал Ашарх. Двигался он верхом на сольпуге еще достаточно неумело: дерганая поступь паука указывала на то, что профессор слишком резко управлял иглами наездника, причиняя животному боль. С трудом подстроившись под темп езды Лантеи, Аш устало выдохнул и отбросил со лба пряди волос, выбившиеся из косы.

Маневр перестроения потребовал от него слишком много сил.

— Послушай, Тея, — вкрадчиво начал преподаватель. — Уверен, ты, как и я, полночи думала над увиденным вчера.

Лантея усмехнулась себе под нос. Она все ждала, когда кто-нибудь из отряда захочет начать с ней этот непростой разговор. И पहले всех, конечно, оказался ее верный спутник.

— Он так безжалостно расправился на арене с Тайшином, будто это был вовсе не простой работник, а его кровный враг, которого он полжизни преследовал! — продолжал Ашарх. — С чего такая неоправданная жестокость? Он мог его пощадить, когда обезоружил, но предпочел убить... Даже никакая угроза наказания, осуждения или всеобщего порицания его не остановила.

— Потому что никто не станет его наказывать. И он это знает, — ответила Лантея, смотря вдаль.

— С чего бы это такая неуязвимость перед законом? Может, кто-то и готов считать это лишь актом самозащиты, но не я. Он убил безоружного, прикрываясь какими-то своими принципами.

— Он носит титул Первого меча своего Бархана. Таким, как он, законы не писаны.

Ашарх замолчал, прикрыл рот, совершенно позабыв, что он хотел еще добавить, и лишь через десяток секунд все же решил уточнить:

— Ты это знала с самого начала?

— Не совсем. Манс сегодня перед отбытием сказал, что разглядел на мече Виека гравировку с титулом. Так что я тоже ни о чем не догадывалась до сегодняшнего дня.

— Я так понимаю, что этот титул дается не за красивые глаза. И именно поэтому Виек так хладнокровно убивает других?

— Он мастерски владеет клинком, тут не поспоришь. И мастерски лишает жизни, пользуясь своими преференциями в качестве Первого меча. Главное, чтобы это не повредило отряду, остальное не суть важно.

— Похоже, Иамес не мелочилась, отправляя с тобой своих подчиненных.

— Лучший воин Первого Бархана оказался в моем отряде — тут даже не на что жаловаться, — усмехнулась девушка, ниже натягивая свой капюшон.

— А ты не боишься, что он отправлен сюда вовсе не для твоей защиты, а?

Предположение профессора на миг сбilo Лантею с толку. Но она почти сразу же искривила губы в улыбке и окинула собеседника насмешливым взглядом.

— Ты теперь всюду будешь искать возможные заговоры?

— Моя теория вполне жизнеспособна! — не сдавался Аш. — Иамес всегда вела свои собственные игры. Вдруг этот союз с альвами кажется ей не таким уж и выгодным, и она просто собирается от тебя тихо избавиться в дороге руками Первого меча, а? Он явно годится для такой работы!

— Тогда ей достаточно было бы еще на Совете подделать против меня улики и выдвинуть какие-нибудь нелепые обвинения, лишив права голоса до конца жизни. К чему такие сложности с подготовкой посольства, караваном, сопровождением? Нет, Аш. Если тут и присутствует какой-то умысел, то он не так прост. Но я больше склоняюсь к тому, что его и вовсе нет.

— Воля, конечно, твоя. Но я бы постарался тихонько сбaгрить этого Виека где-нибудь по пути, например, в Четвертом Бархане. Как говорят у меня на родине, от греха подальше...

Слова Ашарха лишь заставили Лантею еще шире улыбнуться, будто искреннее

беспокойство спутника ее откровенно забавляло, хоть сам профессор ничего смешного во всей этой ситуации не видел. Более того, он сразу же после беседы с девушкой еще и поделился своими опасениями с Мансом, но тот отреагировал довольно спокойно:

— Если сестра не видит в нем угрозы для себя и для всего отряда, то и нам волноваться не стоит. Убийство противника на арене — не причина для подозрений. Может быть, будь я там, я поступил бы точно так же.

Чуть успокоившись от слов друга, профессор стал реже поглядывать в сторону молчаливого Виека, спокойно ехавшего бок о бок со своей супругой. А уже после полудня, когда от невыносимого солнечного жара весь отряд спрятался на время под крышей возведенного из песка укрытия, Оцарио первым попытался ослабить напряжение, царившее в умах его спутников.

— Вот и хорошо, что Добрая Земля осталась позади. Мне, знаете, как-то не по себе от всех этих осуждающих взглядов было, — протянул он, жадно припадая к своей фляге с водой и делая несколько глотков. Практически сразу же он закашлялся и стал неистово плевать. — О!.. Какая дрянь!.. Отвратительно!

Торговец отфыркивался еще пару секунд, а после демонстративно отбросил свою флягу подальше. Манс настороженно принялся к своей баклажке, которую последний раз пополнял в оазисе, и тоже весь сморщился, как сушеная слива. Стойкий запах тины резко ударил в нос.

— Сырой ее пить не стоит, — вынес юноша вердикт. — Хотя я не уверен, что и горячей она сгодится к питью. Кажется, этот их пруд в оазисе уже скоро превратится в болото.

— У нас есть старые запасы, еще из Первого Бархана. Их должно как раз хватить на пару дней, — сказала Лантея и указала на один из бурдюков, лежавших в стороне.

— Похоже, оазис Добрая Земля оказался не таким уж и добрым местом по отношению к нам. Даже их вода для нас непригодна, — попытался пошутить Оцарио, нервно поправляя свой тюрбан. На удивление, его неловкое замечание вызвало на губах Эрмины слабую улыбку.

— А мне там понравилось, — произнесла она. — Бои были жаркими. Противники стойкими. Угощение сладким. Что еще нужно?.. Я хорошо отдохнула, отвела душу на арене. Быть может, все закончилось не очень радостно, но что поделать. Такова жизнь. Чтобы один мог забрать себе венец победителя, кто-то другой должен его лишиться.

— Но ведь Тайшин лишился не просто победы. Он утратил жизнь, — едва слышно сказал Оцарио, не сводя взгляд с Эрмины. Все вокруг сразу же как-то притихли, и отчего-то в воздухе повисла мучительная неловкость.

— Он сам сделал этот выбор, когда обнажил оружие. Он был готов убить ради того, чтобы устранить противника и занять его место. Потому и получил в ответ лишь то, чего добивался.

— Это досада проигравшего. Его пыл остыл бы так же быстро, как и разгорелся, — не согласился Оцарио. — На такого рода дружеской арене, где участники лишь пробуют свои силы, нет места жестокому кровопролитию. Здесь не война, а мирное соревнование.

Со стороны Манса раздалось тихое одобрительное мычание.

— Вы можете думать, что хотите. — Эрмина резко подняла подбородок, окидывая сидевших перед ней спутников огорченным взглядом. — Но я не считаю, что мой муж в чем-то виноват.

Ее супруг мгновенно оказался рядом и приобнял женщину за плечи, будто укрывая от

всего мира своими объятьями. Его суровое лицо, исчерченное глубокими морщинами, не выражало ничего, кроме холодности и спокойствия.

— Пожалуйста, не донимайте ее этими обвинениями. Это я убил Тайшина. Если вам хочется высказать кому-то претензии, то пусть это буду я, — угрюмо произнес Виек, исподлобья оглядывая отряд. Его темный взгляд особенно задержался на после, которая молча наблюдала за разыгрывавшейся сценой. Прищурившись, Лантея не отвела глаза и медленно подалась вперед.

— Что значат наши пустые претензии для Первого меча Бархана? — задала она риторический вопрос. — Ты волен убить, кого пожелаешь, и тебе никто слова не скажет, не так ли? Любому действию можно найти какое угодно оправдание, а у тебя на все случаи есть одно универсальное, и оно достаточно весомое — это титул, подчеркивающий уровень твоего мастерства, и степень доверия к тебе матриарха Иамес. С такой силой бороться бессмысленно.

— Я ни с кем не собираюсь здесь бороться, посланец. — Виек слегка склонил голову, но выражение его лица не изменилось.

— Конечно. И с тобой никто не будет. Иначе рискует оказаться с грудью, насквозь пробитой мечом. — Лантея лениво двинула пальцами, будто подводя итог этому спору. — В любом случае я лишь желала, чтобы Эрмина поучаствовала в боях. У нее так горели глаза, что с моей стороны было бы кощунством не пустить ее на арену. Все затевалось не ради пролитой крови и самоутверждения за чужой счет, а ради хорошо проведенного времени.

— Я знаю это, посланец! — сразу же воскликнула Эрмина, вытягиваясь, будто проглотила жердь. — Это действительно было важно для меня...

— Это главное, — сухо произнесла Лантея, приняв до крайности равнодушный вид и махнув кистью.

От того, что ее прервали, Эрмина даже не смутилась и не обиделась. Кажется, она и вовсе этого не заметила. Ее словно что-то терзало изнутри, и она продолжила говорить, проглатывая слова:

— Понимаете, я ведь всю свою молодость провела на аренах такого рода. Билась до разбитых суставов где-то на задворках тупиковых улиц, пыталась стать сильнее и подняться как можно выше среди местных чемпионов. И с Виеком мы впервые познакомились именно на боях. Еще до того, как он заимел свой титул и стал лучшим мечником Первого Бархана. Тогда он был простым солдатом, искавшим приключений себе на шею на таких вот аренах, как и я...

Все молчали, слушая сбивчивый монолог Эрмины.

— Я лишь не хочу терять осколки этих воспоминаний о своем прошлом, которые храню глубоко в сердце. И каждый раз, когда судьба вновь приводит меня на арену, я будто возвращаюсь туда, на двадцать лет назад, на глухие улицы своего полиса, где крепость кулака могла решить все твои проблемы, а победа становилась самым желанным из благ...

— Тс-с, — наконец остановил жену Виек, положив палец ей на губы, — не надо больше. Ты сама не своя. В произошедшем нет твоей вины, Эрмина. Успокойся.

Он притянул женщину к себе, отворачивая ее от остального отряда, не желая, чтобы группа видела ее такой — расчувствовавшейся и растерянной.

— Это ведь часть меня, — глядя в лицо супругу, тихо прошептала Эрмина, широко распахнув глаза. — Такая же, как и ты. Я просто не хочу ее забывать, не хочу терять это чувство в пучине мирских забот. Неужели я так много прошу?..

— Нет. Ты просишь самую малость. Но прошлое всегда должно оставаться прошлым. Если ты будешь жаждать лишь его воскрешения, то ты потеряешь свое будущее.

Виек мягко заключил лицо жены в ладони и ласково поцеловал ее. Никто даже не мог поверить, что этот суровый с виду воин был способен на такую нежность. И почему-то весь остальной отряд поскорее отвел глаза, смущенно прячась за глубокими капюшонами, отворачиваясь в сторону и прикрывая веки, будто было что-то необозримо постыдное в подглядывании за этим моментом, полным интимности и нераздельной сокровенности двух любящих сердец.

Еще два дня небольшой караван рассекал песчаные волны, следуя на восток под палящим зноем солнца. Первое время после отъезда из оазиса Добрая Земля общение в отряде не особенно ладилось: все по-прежнему косо поглядывали в сторону Виека, хмуро ехавшего в полном молчании позади, и Эрмины, во всех вопросах отчаянно защищавшей своего супруга. Конечно же, в сплочении коллектива решающую роль сыграл Оцарио, оказавшийся не в меру говорливым спутником, для которого напряженная тишина была хуже горькой полыни. Он в обязательном порядке старался за день как минимум несколько часов проводить с каждым из членов группы в бесцельных беседах, постепенно налаживая общение и убивая время. Хотя отдельным хетай-ра эта компания была не по душе, но все стоически терпели, осознавая, что от языкастого товарища никуда не сбежать и не спрятаться. И постепенно лед напряженного безмолвия в отряде таял.

Оцарио любил хвастаться своими редкими товарами, которые большинство членов делегации себе под нос называли не иначе как «безделушками». Он мог подолгу и в красках описывать, где и как они были им найдены или у кого выменяны. После всех подобных разговоров обычно наступала фаза торговли: он старательно уговаривал купить некоторые из его товаров, хотя те, по большей части, особенной ценности не представляли. Это были резные деревянные обломки, разбитые украшения, погнутые металлические детали, потертые камешки и ракушки. Из-за близости Пятого Бархана к морю и границам Залмар-Афи на берега залива течение часто приносило фрагменты старинных кораблей, различный мусор и диковинки, поднятые со дна. Из-за гор многие птицы прилетали с блестящими вещицами, украшая ими свои гнезда. Младший сын матриарха Васпии занимался как раз тем, что искал эти любопытные для хетай-ра артефакты чужих цивилизаций и продавал их с удивительной искусностью. Это была его страсть.

Уже на второй день после отбытия из оазиса Эрмина стала наивной жертвой его странного обаяния и владелицей гнилого шнурка с нанизанными на него ракушками. Когда она осознала, что ее попросту заговорили и всунули совершенно бесполезную вещь, было уже поздно: Оцарио гордо ответил, что возвращать деньги за покупку не намерен, поскольку никаких дефектов в своем товаре не видит. Виек со свойственной ему суровостью собирался учинить мгновенную расправу над мошенником, желая его проучить, но жена все же остановила мужа и примирительно повязала ракушки на запястье, решив приспособить их под браслет и позднее заменить шнурок. Хрупкое подобие мира было восстановлено, однако, с этого момента все стали в один голос отказываться смотреть на товары Оцарио, что его весьма расстраивало.

Благодаря полноценному дневному освещению, вновь появившемуся в его жизни, Ашарх наконец смог достать со дна своей сумки старинные карты пустынь, схему Гиртариона и книгу про город-колыбель, которые он украл из библиотеки Третьего Бархана еще до

нападения на полис и обрушения города. Уникальные свитки долгое время без дела были спрятаны профессором за пазухой, переключивались с места на место в сумках, пережили немало испытаний, но теперь было достаточно времени на их изучение. Отныне большую часть дня профессор, расположившись на шкурах, постеленных поверх спины сольпуги, исследовал доставшиеся ему материалы и делал заметки во время длинных переходов. Когда Лантея и Манс впервые застали его за этим занятием на одном из привалов и опознали в пергаменте бесценные свитки, то их изумлению и одновременно с тем негодованию не было предела. С одной стороны, Аш их бесовестно выкрал, воспользовавшись доверием правящей семьи, но, с другой стороны, теперь это было все, что осталось от великой библиотеки матриарха Третьего Бархана. Случайная кража спасла древние бумаги от уничтожения и забвения. Поэтому Лантея, смирившись с ситуацией, все же согласилась помочь своему спутнику перевести записи из книги, чтобы эти сведения не пропали даром. Только так она могла почтить память своего разрушенного города и своих предков, многие столетия собиравших дворцовую библиотеку.

За все прошедшие дни окружающий рельеф абсолютно не менялся: пустыни тянулись во все стороны бесконечными желтоватыми складками песка, и ничто не могло разбавить эту однообразную картину — не было ни рек, ни источников, ни даже намека на какую-либо зеленую растительность. К концу четвертого дня с начала путешествия сухой паек приелся всем членам группы без исключения, и Эрмину, не дожидаясь заката, попросили сходить на охоту. Женщина и сама была рада размять ноги, поэтому без пререканий согласилась. С ней высказал желание отправиться Виек, на что Оцарио сразу же неуместно пошутил про «сладость любовных объятий под ночным небом» и получил за это резкий и жесткий удар под дых. Завязалась короткая потасовка, мужчин с трудом разняли, и супружеская пара быстрее отправилась охотиться, пока Виек вновь не вышел из себя. Отношения между торговцем и гвардейцем не заладились еще с того момента, как Оцарио продал его жене нить с ракушками, но никто и подумать не мог, что они действительно решат подраться из-за глупой шутки.

Пока возмущавшемуся Оцарио Лантея в компании брата и профессора помогала промывать и обрабатывать разбитый в пылу драки нос, Эрмина и Виек неподалеку от лагеря сумели отыскать гнездовье диких хохлаток. Через час они вернулись с добычей: помимо нескольких крупных иссиня-черных яиц, хетай-ра принесли обратно к лагерю и тушку птицы, которой не удалось улизнуть от охотников. Ужин получился знатным. После сухой рыбы и приевшегося мха сочное мясо таяло во рту, и хорошее расположение духа снизошло на всю группу, как манна небесная. Благодарности от всех членов отряда посыпались на головы охотников щедрым потоком, заставив Эрмину раскраснеться от удовольствия. Она призналась, что всегда любила выслеживать и ловить животных в пустынях во время редких вылазок на поверхность. Среди песков добычу или опасность можно было заметить издали, в темных же коридорах Диких тоннелей приходилось охотиться, опираясь лишь на слух, хотя, по словам Эрмины, это было куда интереснее, ведь опасность пьянила ее и будоражила кровь. В этом Лантея с ней невольно согласилась, поскольку и сама имела богатый опыт охоты во мраке запутанных подземных лабиринтов и прекрасно понимала те чувства, что дарило выслеживание добычи в абсолютной темноте, где не было места сомнениям и страху.

Под вечер пятого дня с момента начала странствия караван приехал в район пустынь, где должен был располагаться восточный оплот хетай-ра в пустынях, Четвертый Бархан. В

слабом звездном свете путники по мере своего продвижения вглубь территорий одну за другой различали каменные остовы старинных сардоб, указывавших на местонахождение полиса. Для путешественников, никогда ранее не бывавших в этом городе, наверняка, найти главный вход было практически невозможно без чужой помощи. Но к счастью, из отряда посла в Четвертом Бархане уже бывал Оцарио, и не он один, и потому до нужного места группа добралась достаточно быстро.

Солнце давно уже село, оставив после себя лишь крупички стремительно ускользавшего тепла, путники устали и замерзли — всем хотелось поскорее войти в город и добраться до положенных им кроватей, поэтому сольпуг подгоняли нещадно. Входом в Четвертый Бархан служил огромный валун, глубоко врытый в песок. С какого-то ракурса даже можно было назвать это полноценной скалой, если бы камень не имел гладкую цельную структуру без малейших трещин и сколов, как яйцо. С первого взгляда могло показаться, что ничего примечательного, кроме размеров, в валуне не было, но даже камни порой хранят свои секреты. Стоило Оцарио одним из первых спешиться и прислонить к гладкой отшлифованной поверхности ладонь, воззвав к Эван'Лин, как песчаник под его пальцами дрогнул, рождая в глубине булыжника низкий гул. Через полминуты, когда вся группа уже слезла с ездых пауков и окружила торговца, толща песка на их глазах медленно расступилась, открывая черный зев прохода. В чреве дыры можно было рассмотреть лишь длинную прямую как стрела рампу, уводящую в непроглядную темноту.

— А с пауками что будем делать? Отпустим? — спросил Манс, оглядывая спутников.

— Зачем? — удивилась Эрмина. — Здесь дальше по коридору должны быть стойла. Отведем их туда пока что, если найдутся свободные места.

— Сейчас все торговцы с караванами должны держать путь в Первый Бархан, чтобы успеть посетить ярмарку до окончания Совета. Готов поспорить, все загоны будут пусты! — поделился предположениями Оцарио, забираясь обратно на спину своей сольпуги и направляя ее вперед.

Остальные путешественники последовали его примеру и скорее ступили в скрытый проход. Через несколько метров им повстречались стражники, несшие свой дозор в небольших нишах по бокам коридора. Они окинули новоприбывших суровыми внимательными взглядами, но после того, как Лантея представилась и объяснила цель прибытия, спокойно пропустили гостей дальше. Достаточно широкий и прямой тоннель под углом уходил вниз, а редкие фонарики бросали слабый свет на старинные иероглифы и барельефы, высеченные на каменных стенах. Вскоре путники отыскали отдельный зал с пустующими стойлами, где и оставили покрытых пылью и песком сольпуг у скужавшего зрителя, забрав с собой лишь часть сумок и баулов.

Через какое-то время дорога вывела группу к подземной пещере, где и располагался сам город. На первый взгляд Ашарху показалось, что Четвертый Бархан был гораздо меньше по своим размерам, чем Первый и даже Третий, и вскоре он в этом убедился. Здесь были низкие потолки, а весь полис представлял собой пару-тройку небольших залов, заполненных маленькими приземистыми домиками с потемневшими стенами. Ни изящных лестниц, ни живописных водоемов — лишь суровая простота небольшого провинциального города, отдаленного от центра пустынь. Даже дворец совершенно ничем не выделялся на фоне остальных строений. Скромное двухэтажное здание, затерявшееся среди идентичных серовато-желтых домов, Ашарх ни за что в жизни не принял бы за обитель матриарха, настолько невыразительной была его архитектура.

Почти четверть часа группа ждала в приемном зале дворца, когда же их соблаговолят встретить. Все были уже довольно уставшими, но, прежде чем думать об отдыхе, следовало переговорить о делах с местными представителями власти и добиться достойного размещения на ночлег. Когда изучение изъеденных временем и прикрытых полинявшими гобеленами стен отряду уже окончательно опротивело, откуда-то со стороны внутренних помещений наконец вышла широкоплечая миловидная женщина.

— Слуги мне доложили, что прибыло некое посольство из Первого Бархана. Надо полагать, это вы? — негромко и с нотками легкого недовольства в голосе спросила женщина. Судя по ее небрежному внешнему виду, одевалась хетай-ра в явной спешке, и сообщение прислужников, вполне возможно, застало ее уже в кровати.

— Я посол от Совета Пяти Барханов, Лантея Анакорит, сестра нового матриарха Третьего Бархана Мерионы Анакорит, — важно представилась девушка, чуть задрвав подбородок. — Позвольте поинтересоваться, с кем имею честь разговаривать?

Похоже, несколько высокомерный тон Лантеи не понравился этой хетай-ра, и она, прищурившись, надменно произнесла:

— Меня зовут Наудитэль Сацгиан, я кузина матриарха Сигриды.

— Вы ее сейчас замещаете?

— Да. Пока она отсутствует на Совете, я выполняю обязанности управляющего. А что вам надо?

— Замечательно. Значит, именно вы мне и требуетесь. — Лантея заложила руки за спину и расправила плечи, на которых лежала тяжелая цепь коллара. — Мы направлены из Первого Бархана на восток. Наш путь пролегает через Четвертый Бархан, здесь же, по указанию матриарха Сигриды, нам должны выделить сопровождающего от города и позволить пополнить запасы продовольствия для дальнейшей дороги.

На лице Наудитэль отразилась неприкрытая неприязнь, неясно чем вызванная.

— Думаю, это какая-то ошибка. Мы никого не ждали.

— Вам не приходило письмо от Совета? — удивилась Лантея. — Мы выехали из Первого Бархана пять дней назад, почтовый орел давно бы добрался! Тем более что песчаных бурь не было!

— Насколько мне известно, никаких новостей последнее время не поступало. Я прикажу привести управляющего птичником, спросим у него, — процедила Наудитэль и поморщилась. — И я прошу вас, говорите тише. Моя маленькая дочь спит на втором этаже. Мы с кормилицей и так с трудом ее сегодня уложили. Она чутко спит, и ваш звонкий голос может ее разбудить!

Женщина быстро обернулась к двум стражникам, стоявшим возле дверей, негромко окликнула их по именам и послала за смотрителем. Один из воинов кивнул и бесшумно удалился из помещения, а второй остался нести свой дозор.

Пока все ожидали его возвращения, Лантея обменялась недоумевающими взглядами с Мансом и Оцарио, которые внимательно прислушивались к разговору и так же, как и девушка не могли понять, что происходило. Через несколько минут в зал стремительным шагом вошел отправленный на поиски страж, а следом за ним семенил пожилой мужчина в кожаной жилетке, все плечи которой пестрели пятнами свежего и подсохшего птичьего помета.

— Смотритель Агло, сегодня приходили какие-нибудь письма из Первого Бархана? — Наудитэль свысока обратилась к старику, пощипывавшему свою жидкую бородку.

— Нет же. Вы утром только изволили интересоваться. Не прилетали птицы уже дня три, я же говорил вам, — немного заикаясь пробормотал Агло, смотря в пол. — Одна богиня ведает, где они все запропалились. Может, там буря какая в пустынях прошла, не знаю я. Не было никого.

Манс незаметно ткнул локтем в бок сестру и многозначительно поднял брови.

— Помнишь, ты говорила, что исчезновение птиц в Третьем Бархане было связано с нападением? — едва слышно прошептал юноша на ухо девушке. — Неужели здесь тоже самое?

— Не знаю. Если это так, то за городом, вероятно, следят ифриты, — тихо проговорила Лантея и поморщилась.

— Может, стоит рассказать им?

— Что-то мне подсказывает, что нас в этом полисе скорее примут за сумасшедших, чем поверят словам об имперцах. Судя по всему, этот Бархан еще ничего не слышал о недавних событиях, Сигрида отсутствует, а официальных распоряжений от Иамес не поступало...

— Мы вам не мешаем? — довольно невежливо привлекла внимание гостей Наудитэль, уже закончившая беседовать с Агло и отпустившая его обратно в птичник.

— Я слышала все, что сказал ваш смотритель, — холодно отозвалась Лантея, хмурия белые брови.

— Ну, сами тогда видите, писем не было.

— Это значит, что сопровождающего нам не выделяют? — проницательно заметил Оцарио, выглядывая из-за плеча посла.

— Без прямых указаний матриарха Сигриды я ничего делать не стану, — упрямо заявила женщина.

— Но, надеюсь, хотя бы на такую малость, как достойный ночлег и пополнение запасов продовольствия и воды мы можем здесь рассчитывать?

— Я, конечно, посмотрю, что можно сделать, посол, но вообще-то у нас здесь не постоянный двор. — В голосе ее слышалась желчность, хотя требования Лантеи трудно было назвать чрезмерно завышенными. Наудитэль демонстративно бросила пристальный взгляд на коллар девушки, словно пытаясь на глаз определить его подлинность, и тут уже не выдержал Оцарио, которого подобный прием во дворце не привел в хорошее расположение духа.

— Как вы обращаетесь с послом и ее свитой? Это же возмутительно!

Где-то на втором этаже скромного дворца начал истошно кричать младенец, и звук его голоса эхом сразу же разнесло по всем залам и коридорам пустынного здания. Как отметила про себя Лантея, слышимость тут и правда оказалась на удивление хорошей. Лицо Наудитэль, имевшее до этого довольно скучающий вид, в тот же миг исказилось в пренебрежительно-злой гримасе.

— Что вы от меня еще хотите? И так уже разбудили мою дочь! Хотя я просила вести себя потише! — прошипела она. — Ночь на дворе! А вы тут заявили со своими желаниями и претензиями!

— Такой прием можно было ожидать только в хлеву, но никак не во дворце!

— Здесь вам не Первый Бархан! Изысками не блещем! — практически выплюнула Наудитэль.

На ступенях боковой лестницы, ведущей на верхний этаж, послышался топот ног, и в зале оказалось несколько женщин. Судя по всему, няnek и кормилиц.

— Простите нас... — сбивчиво залебезили они, кланяясь. — Вы знаете, что она не уснет без звука вашего голоса... Она плачет без устали!..

— Я сейчас поднимусь! — кратко ответила женщинам Наудитэль, уже совершенно не обращая внимания на притихшее посольство.

— Да что же это за наглость такая?!.. — возмутился Оцарио, выступая вперед. — Вы нас ни во что не ставите!

Лантея оперативно схватила торговца за рукав и увлекла его за собой к выходу из зала, махнув кистью, чтобы остальные следовали за ней. Ничего не понимающая группа, бестолково переглядываясь и беззвучно шевеля губами, подобно рыбам, выброшенным на берег, молча вышла из дворца следом за посланцем. Двери оглушительно захлопнулись, но из здания все еще был слышен визгливый плач разбуженного ребенка и причитания его матери, спешившей вслед за няньками к своему младенцу.

— Постойте, Лантея! — Оцарио высвободил свой рукав и, активно жестикулируя, обернулся к девушке. — Она не имеет права так с нами разговаривать! Я вернусь и потребую соблюдения приличий и должного к нам отношения!

— Стой. — Манс остановил торговца, уперев ему ладонь в грудь. — Ты ничего не добьешься, только разозлишь ее еще сильнее, и нас попросту выставят из города как смутьянов. Здесь правит род Сацгиан, ее слово имеет большой вес.

— Верно. Конечно, все это до безумия нелепо, но ничего не поделать. Без Сигриды здесь царит полная неразбериха. — Лантея пожалала плечами. — Ночевать во дворце после такого скандала, конечно, нет никакого желания.

— Устроимся на ночлег в городе, — предложил Манс. — Утром докупим на рынке припасов и спокойно поедем дальше. Не будем трепать себе нервы с этой стервой.

— А что делать с указом матриарха Сигриды? — все еще переживал Оцарио. — Она ведь четко приказала из Четвертого Бархана уехать вместе с назначенным в ее письме подчиненным!

— Письмо не дошло, сопровождающего нам не выдали. — Лантея развела руками. — Как по мне, так даже лучше: иначе пришлось бы искать дополнительного паука или ехать вдвоем на одной сольпуге, а это замедлило бы нас.

— Не думаю, что мы тут в силах что-то исправить, — протянул Манс.

Лантея хмыкнула себе под нос.

— Вот именно. Так что остановимся сегодня на постоялом дворе, а утром поскорее отбудем.

В конце концов Оцарио успокоился и взял себя в руки, хоть и пообещал больше никогда в жизни не навещать во дворец Четвертого Бархана, пока там обитала Наудитэль Сацгиан с ее беспокойным младенцем. Эрмина и Виек все это время откровенно посмеивались, наблюдая за недовольством торговца и слушая после его жалобы по поводу того, что эту ночь ему предстояло провести на жесткой кровати постоялого двора, а не на шелковых простынях в роскошной опочивальне из-за скверного характера зарвавшейся кузины матриарха Сигриды. Им было все равно, где ночевать: закаленные тяготами службы воины спокойно бы согласились лежать как под открытым небом пустынь, так и под сводами богатого дворца.

Время близилось к полуночи, полис готовился ко сну, и запозднившимся путникам нелегко было найти себе где-нибудь приют. Большинство постоялых дворов запиралось на ночь, но для обаятельного и красноречивого Оцарио, как оказалось, были открыты многие

двери в Четвертом Бархане и не только. Скромное заведение на окраине города под название «Милосердие» любезно пустило уставший отряд под свою крышу. Его хозяйка — обаятельная, хитрая и достаточно цепкая, не упускающая своей выгоды, женщина средних лет, несмотря на дружеские отношения с Оцарио, все равно затребовала немислимую для постоя сумму за свое беспокойство в ночной час, и, так как особенного выбора у делегации не оставалось, Лантее пришлось потратиться, попрощавшись с солидным количеством выданных казначейством Первого Бархана дорожных денег.

Две соседние комнаты были отданы в полнейшее распоряжение посольства до самого утра. Иных постояльцев, как успел выяснить Оцарио, практически не было — только несколько путников снимали номера где-то на верхних этажах дома. Для позднего ужина хозяйка расщедрилась только на холодные закуски и пару пузатых кувшинов с пряным компотом из фиников. Выставив все на стойку в зале на первом этаже, она уже собиралась было исчезнуть, но Оцарио довольно обиженным тоном воскликнул:

— Шантия, неужели в твоих закромах не отыскалось ничего поприличнее для таких важных гостей?

— Уже за полночь, — не преминула напомнить старому знакомому хозяйка. — У меня все кухари давно ушли по домам. Что осталось в погребе, то и подала.

— Мы весь день пеклись на солнце, вымотались до предела, и ты хочешь, чтобы я давился сейчас сухим мхом? Готов поклясться Многоликой Матерью, что раньше в «Милосердии» потчевали куда лучше!

По лестнице со второго этажа на шум голосов спустился Виек в сопровождение Эрмины. Они успели услышать последние слова беседы, и гвардеец сразу же спросил:

— Что плохого в сухом мхе? Это тоже достойная пища.

— Не для меня! — Оцарио обернулся к воину. — Я и так пять дней его жевал на привалах. Надоело! Хочу хотя бы в городе отведать горячей и вкусной пищи.

Понемногу на первый этаж подтянулась вся группа, приманенная приятными слуху разговорами о еде. Дорожные сумки были разложены в комнатах, спальные места распределены, и теперь путники рассчитывали на милосердие хозяйки одноименного заведения и хотя бы подобие сытного ужина перед сном.

— За дополнительную плату, так и быть, соглашусь сама постоять у очага, — ворчливо ответила Шантия, упирая руки в бока. — Но на кулинарные изыски можешь не рассчитывать, Оцарио!

— Ты и так уже содрала с нас тройную сумму за постой! Еще и за нормальный ужин доплачивать? — вовсю негодовал торговец, потрясая зажатым кулаком.

— А кто виноват, что вы явились в неурочное время? — пробормотала хозяйка себе под нос. Она достала откуда-то мокрую тряпку и принялась лениво протирать стойку. — Ну, готовить или нет?

Оцарио обернулся к группе в поисках моральной поддержки. Отыскав взглядом Лантею, подпиравшую плечом дверной проем возле лестницы, он почти умоляюще попросил:

— Давайте поедим что-то приличное!..

— Выданные мне на расходы деньги не бесконечные, — строго сообщила Лантея, скреживая руки на груди.

— Это последний островок безмятежности на пути к альвам. Вероятнее всего, у нас уже больше не будет возможности где-нибудь хорошенько выпить и посидеть, — задумчиво щелкнув бусинами своих четок, произнес Манс, примостившийся на скамье возле стены.

— Вот именно! — воскликнул Оцарио, хлопнув себя ладонью по круглому выпиравшему животу.

— Тогда почему бы вам не заплатить за этот роскошный ужин, которого вы так жаждете, из собственного кармана? — поинтересовалась девушка, переводя взгляд с брата на торговца и обратно.

Не то чтобы Лантея жадничала, к тому же эти деньги и вовсе были не ее личными сбережениями, но и впустую тратить казенные средства на излишества, без которых вполне можно было обойтись, ей несколько претило. Путь предстоял дальний, и мало ли на что еще могли понадобиться стеклянные монетки, тем более что не стоило отметать и траты на обратную дорогу — быть может, не весь отряд бы вернулся в Первый Бархан после окончания миссии, но остальным они бы непременногодились.

Однако, как выяснилось, никто в целой делегации не мог похвастаться туго набитым кошельком для оплаты ужина. У Ашарха и Манса давно уже почти не было собственных средств, еще с того дня, как большая часть их имущества пропала вместе со сгинувшим Третьим Барханом. Эрмина и Виек смущенно признались, что отправились в путешествие без жалованья, практически не захватив с собой денег, поскольку рассчитывали на казенное содержание, а Оцарио, выпятив губу, заявил об убыточности своей торговли, хотя ему все равно никто особенно не поверил.

Несмотря на богатые дары, которые караван вез в восточные земли, на звучные титулы участников экспедиции и туго набитую казенными деньгами кошелек, в целом это было одно из самых бедных посольств, которое когда-либо видел свет.

Закатив глаза, девушка расплатилась за ужин с Шантией, решив для себя, что после пяти дней непростого пути она и ее спутники все же заслужили немного себя побаловать. Ловко подхватив одну крупную монету и горсть мелких семи-дин из рук посла, хозяйка в тот же миг исчезла на кухне. А через полчаса на стол в обеденном зале Шантия уже принесла целый поднос различных ароматных, пышущих паром блюд и расставила их перед дорогими гостями. И пусть кушанья эти были просты, но после мха и сухой соленой рыбы любая горячая еда казалась милостью.

— Это чудесно! Просто чудесно! — не уставал повторять Оцарио, пока разливал по тонкостенным пиалам травяную настойку и расставлял их перед своими спутниками.

После первого глотка обжигавшего горло алкоголя все заметно оживились, через стол потянулись руки: кто-то вылавливал маринованные грибы из плошки, Манс разламывал горячие лепешки и раздавал их товарищам, а Виек накладывал в тарелку жене куски свежее испеченного пирога из перетертой с водорослями рыбы.

— Не боишься, что твое посольство сегодня напьется, а завтра с утра не сможет никуда выехать? — украдкой спросил у сидевшей с краю Лантеи профессор, пощелкивая костяными щипчиками и пытаясь поймать ускользавший от него по тарелке маринованный гриб.

— Если всего бояться, то так можно и забыть, как нужно жить. Мы все тут взрослые люди и хетай-ра, и я искренне надеюсь, что все понимают, что такое мера и самоконтроль.

— Я бы на это не рассчитывал, — усмехнулся Ашарх. — Взгляни хотя бы на одного Оцарио, он же по сути своей капризный ребенок. Чуть что не по его воле — и все, сразу же скандал! Мне кажется, он будет делать лишь то, что ему хочется. И если он решит напиться или сотворить какую-нибудь глупость, то вряд ли его кто-то здесь сумеет переубедить.

— Не думай за других, Аш. Если что-то случится, то тогда и будем решать возникшие проблемы. А пока просто отдыхай и наслаждайся этим вечером. Другого такого может уже и

не быть, как правильно сказал Манс. — Последнюю фразу Лантея пробормотала себе уже практически под нос, занятая тем, что потрошила крупную жареную рыбу, едва помещавшуюся в тарелку перед ней. Вытаскивая оттуда косточки и периодически поднимая пиалу для очередного глотка, она все больше и больше пьянела. И в скором времени все происходившее за столом стало для нее несущественным и каким-то весьма отдаленным.

— Между прочим, я бы не назвал Оцарио таким уж ребенком! — поделился своими мыслями с другом Манс, который сидел по правую руку от профессора и прекрасно слышал весь разговор.

— Это еще почему? — спросил Аш, поворачиваясь в сторону юноши.

Постоянно поправляя свои сильно отросшие кудрявые волосы, то и дело спадавшие ему на глаза, Манс ударился в объяснения:

— Он мне рассказывал, что последние годы довольно много путешествовал по пустыням. Побывал во всех Барханах и большинстве оазисов, представляешь? Может, сперва и кажется, что торговец-то из него не самый успешный, но на деле это предприятие с редкостями и прочими безделушками пользуется большой популярностью в полисах, судя по всему. Он целые караваны возит с одного конца пустынь на другой!

— Слушай, ну, мало ли что тебе этот болтун наговорил, — усомнился Ашарх, жуя гриб. — Если он так уж красноречив, как вы с Лантеей не устаете мне рассказывать, то ему ничего не стоило наврать о своих успешных делах. Да кто в здравом уме вообще будет покупать какие-то обломки и всякий мусор в Барханах?

— А вот тут ты не прав, — расплылся в широкой улыбке уже достаточно захмелевший Манс. — У него в каждом полисе располагается своя торговая лавка. Значит, наверное, дело прибыльное, раз у него есть средства все это содержать!

— Неужели его товар пользуется популярностью?

— В Третьем Бархане я заглядывал как-то в его лавку. Там вообще много чего было на продажу, но зеваки ходили туда поглазеть в основном на экзотику, которую он с берега тащил. Это сейчас, после твоих уроков, я понимаю, что на прилавке лежали дерево и металл, но тогда, когда я только туда пришел, эти материалы казались для меня необъяснимой диковинкой, хоть покупать я это так и не рискнул. Может, другим подобная экзотика нравится, и на этом он и делает такие хорошие деньги?

Удивленно вскинув брови, Аш отер губы салфеткой и откинулся на спинку каменной скамьи, укрытой шкурами. Он пару секунд обдумывал услышанное, а после спросил:

— Если он весь из себя такой удачливый и богатый торговец, то зачем ему оставлять сейчас свое дело и отправляться Залмар знает куда с рискованной миссией?

— Хочет наладить торговые контакты с альвами, — пожал плечами Манс, делая глоток настойки. — Либо же закупиться на востоке новыми диковинками для Барханов.

— Надеюсь, что это все же взвешенный поступок здравомыслящего мужчины, а не очередной каприз неуравновешенного болтуна, которому просто стукнуло в голову развлечься, и потому он оказался тут.

— Почему тебя это так волнует?

— Потому что мы все тут одна команда. Это опасное путешествие, а непредсказуемое поведение даже одного из членов отряда может привести к плохим последствиям. А я не хочу, чтобы Лантея потеряла контроль над ситуацией и над своими подчиненными. Ей и так нелегко сейчас.

— Ты слишком много думаешь, Аш, — протянул Манс. — Ах, как же ты много думаешь!

Честное слово, порой мне кажется, что все твои проблемы только из-за того, что ты забиваешь себе голову пустыми опасениями и нервничаешь, нервничаешь в бессмысленной попытке развеять их.

Наполнив пиалу профессора крепкой настойкой до самого края, Манс бесцеремонно сунул ее в руки друга и заставил опустошить до дна. После этой процедуры Ашарха и правда немного отпустило волнение, потихоньку рассеялись все важные и не очень важные мысли, и в голове воцарилась блаженная пустота. Она была оглушающе прекрасна, будто томная нега, не позволявшая никаким тревогам взять власть над разумом. Правда и ее вскоре заволочило пеленой бессвязной чепухи, в которую превратилось все дальнейшее застолье. Громкие разговоры, чужой задорный смех, отдельные картинки различных блюд перед глазами — все замелькало и смешалось в единый клубок хаоса, чтобы после Аш провалился в мучительный ночной кошмар.

Он из последних сил бежал по мрачному лесу, освещенному робким блеском звезд. Стылая земля, укрытая тонким слоем первого снега, холодила босые ноги, но Ашарха это не волновало. Его затравленный взгляд был обращен вперед, в темные глубины бесконечного леса, где скрывалось что-то жуткое и очень голодное.

Кажется, однажды он уже бывал здесь, уже встречался с этой пугающей силой. Но это было так давно, что воспоминания угасли и рассеялись в памяти, как пыль.

Ашарх оглянулся. Чрево чащи исчезало во мраке, как будто его и не существовало ранее. Мысли казались тягучей патокой, смешанной с отчаянием и ужасом. И все, что оставалось делать мужчине, так это спешить вперед, подгоняемому сжимающимся пространством, не в силах разорвать липкую паутину страха, опутавшую его. Густую тишину ночи нарушало лишь хриплое дыхание Ашарха, а ноги его становились тяжелее с каждым шагом. Кровь билась в висках испуганной птицей, но однообразная череда деревьев все не заканчивалась.

Он резко замер на месте, неожиданно вспомнив, что должен это сделать.

Лес сразу же обнажил островок свободной от деревьев почвы, будто только и ждал, когда беглец остановится. Ашарх внимательно вглядывался в вязкую темноту леса перед ним, и лишь отзвуки колотящегося сердца были слышны в этом царстве мрака.

Что-то скрывалось в ветвях все это время. Едва уловимый привкус забытых воспоминаний на корне языка подсказал Ашарху, что это было, и он в тот же миг дернулся, в ужасе раскрыв глаза, не в силах отвести их от зрелища, которое ему предстало уже не в первый раз.

Прямо на него надвигалась Пустота. Плавно и неспешно величественная хозяйка шла по своим угодьям, вбирая в ненасытное нутро все преграды на пути, обволакивая лес непроглядной серостью тишины. Волны непреодолимого страха расходились от нее во все стороны. Крошечная поляна уже была заключена в кольцо Пустоты, и Ашарх замер в последнем пятне света. Он лишь беспомощно глядел на надвигающуюся охотницу, загнавшую свою добычу. Все повторялось в точности, как и в прошлый раз.

Сначала он перестал чувствовать ноги, словно их никогда и не существовало, после исчезло громкое биение испуганного сердца, и, наконец, Ашарха полностью обволокла безграничная вечная Пустота.

Все уже было предначертано.

Утро началось с головной боли, которая сдавливала виски тугим обручем. Не сразу профессор сумел понять, что проснулся он все же не от нее, а от грубых толчков в плечо — Манс хмурой тенью нависал на другом и пытался заставить его распахнуть глаза.

— Какого хрена?.. — не слишком изысканно выразился Ашарх, отрывая голову от подушки.

— Вставай давай. Пора в дорогу.

— У меня нет сил...

Профессор уронил голову обратно и хотел было завернуться в одеяло, но Манс уже куда жестче ткнул его кулаком в бок.

— У всех нет сил. Пили все вчера одинаково. Но Лантея велела уже собираться.

— Проклятье... — пробормотал профессор, поворачиваясь на спину и раскидывая руки в сторону. — Голова ноет. Еще этот кошмар... Кажется, я его уже видел когда-то.

— Что за кошмар? — Манс отошел к своей кровати и принялся застегивать ремни на сумках и затягивать ворот баулов с вещами. Он был уже готов отправляться, а вот остальные еще только приходили в себя: Виек сидел с потерянным видом на кровати в одном исподнем, держась пальцами за виски, а Оцарио, перегнувшись через изголовье, жадно пил воду прямо из кувшина, стоявшего на тумбе. Вид у всех был довольно непрезентабельным и изможденным, хотя, насколько профессору подсказывала память, за ужином выпили не так уж и много. Либо настойка хозяйки оказалась крепче, чем предполагалось, либо же Ашарха подводили его воспоминания.

— Будто я бегу по заснеженному лесу, а за мной охотится какая-то тварь... Нет, не тварь. Скорее, сущность. Она бесплотная и очень голодная. А еще опасная. Я это чувствую так ясно, что дух захватывает. И я изо всех сил пытаюсь от нее спастись, но это бесполезно — она все равно настигает меня, и я даже не умираю, а как будто бы просто перестаю существовать...

— Я как-то слышал, один мыслитель сказал, что в наших снах отражаются наши глубинные страхи, — произнес Манс, закидывая на плечо ремень дорожной сумки. — Ты можешь даже не понимать до конца, чего ты на самом деле боишься, но в твоих кошмарах оно обретет форму и будет возвращаться вновь и вновь... Конечно, я не знаток душ и советчик из меня посредственный, но все же подумай: может, нужно совершить что-то странное, глупое или нелогичное, чтобы эта сущность ушла? Вдруг тебе стоит вовсе не бежать от нее, а, наоборот, повернуться лицом и шагнуть навстречу, а?

— Позволить охотнику себя схватить?

— Нет. Принять его как равного, добровольно примкнуть к его охоте. Чтобы ты перестал быть жертвой, а стал еще одним ловцом.

Ашарх хмыкнул, запоминая слова друга. Было в них что-то здоровое, как подсказывала ему интуиция. Если старый кошмар неожиданно пожелал бы еще раз вернуться, что профессор уже был готов к этой встрече.

— Одевайся давай, хватит валяться. Лантея сказала, что будет всех ждать внизу, — напоследок поторопил спутника Манс, а после повторил эту же фразу на изгоне для остальных:

— Lanteya farh irete. Vo-shend!

— Gu-zhan, — негромко откликнулся Виек, по-прежнему держась за голову.

Оцарио же в ответ только что-то неясно пробурчал и упал обратно на кровать, закрыв лицо своим коралловым тюрбаном. Чувство меры, о котором еще вечером рассуждала Лантея, судя по всему, мало кому здесь было знакомо.

Пожалуй, из всего отряда одна девушка как раз и держалась чуть лучше остальных. Лантея хоть и была бледна лицом, а под глазами у нее залегли тени, но она проснулась раньше всех и даже договорилась с хозяйкой постоялого двора о легком завтраке. Правда ее усилий не оценили.

— Простите, посол, но я не голодная, — с трудом сдерживая рвотные позывы, сказал Эрмина, отсаживаясь от обеденного стола подальше.

— Мне лишь компот! — попросил Оцарио, отодвигая от себя тарелку.

В итоге завтракать сели только Лантея и Манс, еще Виек ради приличия пожевал несколько кусочков лишайниковой лепешки, но большинство еды осталось нетронутой. Все были вялыми, угрюмыми и то и дело хватались либо за болевшую голову, либо за баклажку с водой. За покупками на рынок отправили Оцарио, как самого деловитого, и Манса, как того, кто мог проследить, чтобы торговец не сильно увлекся тратой казенных денег.

Когда запасы были пополнены, посольство в полном составе выдвинулось в путь, покинув Четвертый Бархан, оказавшийся не самым гостеприимным городом. Заплатив за передержку сольпуг, Лантея не преминула поинтересоваться у смотрителя, далеко ли было от этого полиса до моря.

— До моря-то? Да нет, тут все совсем рядом! — благодушно ответил сухопарый старичок, закрывая дверцы опустевших загонов.

— Если по прямой на восток поедем, то скоро доберемся? — спросила у него девушка.

— Прямо на восток не надо. Забирайте чуть южнее. К заходу солнца должны доехать.

Лантея кинула смотрителю семи-дин в благодарность на ответ и ловко вскочила на спину своей сольпуги, скомандовав отряду двигаться на выход из полиса.

Удобнее устроившись на смирных пауках, группа направилась в слабоосвещенный тоннель и вскоре уже покинула территорию города, вновь оказавшись посреди высоких барханов и дюн, где мерцало бессчетное количество песчинок, кружившихся под светом солнца в потоках воздуха.

— Так значит, мы действительно поедем к морю? — Восторженный голос Манса неожиданно прозвучал из-за спины Лантеи, заставив девушку невольно вздрогнуть. Брат ехал следом, с комфортом расположившись на своем пауке и подложив под спину упругие кожаные баулы.

— Просто немного скорректируем направление на юг, чтобы этим вечером заночевать у моря, а утром двинемся вдоль берега на восток. Не думаю, что несерьезная смена курса нам повредит.

— Надеюсь, это все не из-за одной моей прихоти? — настороженно спросил юноша.

— А даже если и так, неужели я не имею права увести свой собственный отряд в том направлении, которое кажется мне удачнее? — с хитрецей во взгляде поинтересовалась Лантея у брата.

Он несколько напрягся, коснулся иглы наездника в голове сольпуги и через пару секунд поравнялся с пауком сестры.

— Ты не хуже меня осознаешь важность всего этого предприятия. Наши желания не

должны идти в счет, когда на кону стоит судьба всех Барханов...

Серьезный вид Манса вынудил Лантею продолжить игру, хотя она уже с трудом сдерживала улыбку, так и норовившую искривить губы.

— Разве я не могу порадовать своего дорогого брата хоть раз в жизни и показать ему бескрайнюю морскую гладь, которую он так желает увидеть собственными глазами?

— Не можешь! Я лишь случайно обмолвился о море: это не больше чем блажь, каприз, который ничего не стоит! А наша миссия священна, ее никак нельзя загубить!.. — воодушевленно вещал юноша, поднявшись на локте и буравя строгим взглядом сестру.

— Я все это знаю, — не выдержала девушка и легко засмеялась. В ее голубых глазах заплясали озорные искры, и Манс в тот же миг облегченно выдохнул.

— Мне лишь показалось, что из двух практически одинаковых путей, лучше выбрать тот, что будет проходить по побережью. Во времени мы почти не потеряем, и прежний курс сохраним, — добавила Лантея. — На пески насмотрелись уже вдоволь, пора бы нам всем увидеть по дороге и кусочек моря. Вряд ли когда-нибудь еще выпадет подобный шанс.

— Ладно, я доверяю твоим словам. Не буду допытываться, правда это или нет. Буду просто верить, что так оно и есть, как ты говоришь, — ворчливо протянул юноша, махнув рукой.

К говорящим неторопливо пристроился Ашарх, поведя свою сольпугу в сторону, и Лантее пришлось перейти на залмарский язык, чтобы ее спутник тоже мог уловить суть их разговора:

— Изначально я и вовсе думала, что мы хотя бы на день задержимся в Четвертом Бархане, придем в себя, познакомимся с новым сопровождающим. Но все изменилось, освобожденный в планы день, и я решила несколько часов из него отвести под корректировку маршрута.

— В Четвертом Бархане и правда творится не пойми что... — согласился профессор.

Манс хмыкнул.

— Вот и я о чем. Совсем не такого приема я ожидал во дворце матриарха, тем более от какой-то кузины — благородной крови в ней с наперсток, а важности — на десятерых хватит.

— После Сигридского переворота многое изменилось в Четвертом Бархане, — пустилась в неторопливые размышления Лантея, накручивая на палец прядь алых волос, выбившуюся из-под капюшона плаща. — Род Сацгиан в свое время был могущественным и богатым, они активно расширяли собственные подземные территории и использовали их для промысла. Все излишки вывозились для продажи в другие полисы, динамично развивалась торговля — Бархан столетиями купался в деньгах. И это далеко не всех устраивало в пустынях.

— Я знаю эти слухи про переворот, — Манс кивнул.

— Что еще за слухи? — сразу же поинтересовался Ашарх.

— В народе говорят, что распространяемая версия с нападением ингур — откровенная ложь, а в действительности весь род Сацгиан тогда вырезали подручные Иамес, оставив трон для малышки Сигриды, чтобы из нее можно было воспитать в будущем достойную и послушную правительницу.

— Говорить такое вслух опасно, — предупредила брата девушка, чуть понизив голос и стрельнув глазами в сторону Виека и Эрмины, ехавших на отдалении. — Но в любом случае, что бы ни твердила молва и что бы ни заявляла сама Иамес, род Сацгиан уже почти четверть

века находится в упадке, а Четвертый Бархан стал лишь затерянным полисом вдалеке от центра пустынь, обреченным на медленное угасание. Сигрида только взошла на престол, и от ее поведения сейчас зависит слишком многое — будущее города, его постепенное возрождение или же скорейший упадок... А подобные оставшиеся у нее дальние родственники, как эта кузина Наудитэль, будут лишь мешать ее становлению.

— Если оно вообще состоится, — приглушенно сказал юноша. — Судя по тому, что мы вчера услышали, за этим Барханом вполне могут наблюдать ифриты.

— Это лишь мое предположение, Манс. Я не уверена, что пропажа почтовых орлов, как в Третьем Бархане, так и здесь, действительно связана с имперцами. Даже на Совете мою гипотезу восприняли прохладно, тем более что никаких доказательств нет.

— Таких совпадений не бывает, — произнес профессор.

— Вот именно! Даже Аш это понимает! За нашим Барханом следили долго и обстоятельно, к этому штурму готовились долгие месяцы. И теперь та же участь ждет и этот город. Пока что ифриты лишь отлавливают птиц, расшифровывают сообщения, следят за жизнью внутри, но скоро они нападут, и Четвертый Бархан будет стерт с лица земли, как и наш полис. Мы не должны допустить этого.

Манс крепко схватился пальцами за колкую щетину своей сольпуги и сжал кулак.

— Это зависит не от нас, — возразила Лантея. — Вопрос лишь в рассудительности Совета и в том, как скоро новости о судьбе Третьего Бархана достигнут нужных ушей. Потому я и не стала ничего говорить этой пустоголовой Наудитэль — она бы рассмеялась мне в лицо и сочла идиоткой.

— Не могу поверить, что ты просто оставила это на самотек, — удивился Аш. — Та Лантея, которую я знаю, поставила бы весь полис на уши, лишь бы доказать свою правоту и не повторить то, что случилось в Третьем Бархане!

— Может, та Лантея, которую ты знал, давно уже перестала быть недалёковидной и незрелой девчушкой, действующей опрометчиво и сгоряча, а? Не думал над этим?

— Значит, теперь ты все делаешь вдумчиво, да? — Ашарх даже приподнял брови.

— Пытаюсь, Аш. — Лантея с небывалым интересом принялась рассматривать свои ногти на руках. — Поэтому я решила действовать через канцелярию Четвертого Бархана и уже утром, пока вы все спали, отправила им с посыльным длинное и обстоятельное письмо с рекомендациями по улучшению обороны города, с описанием нашего печального опыта и прочими предупреждениями. Надеюсь, канцлер оценит мой труд и начнет действовать в обход Наудитэль.

Манс фыркнул, растянув губы в улыбке.

— Я знал, что не все так просто! — в свою очередь усмехнулся профессор.

— Тогда почему бы в добавок к этому нам не послать еще и птицу в Первый Бархан? — Манс скосил глаза себе за спину, где в клетках мирно почивали почтовые орлы. — Мы сумеем предупредить Сигриду и Иамес о творящемся в городе. Они всяко сделают больше канцлера.

— Попытаться можно... Но особенно все равно ни на что не рассчитывайте. Канцлер, матриархи... Все они пока что выглядят просто как кучка неумелых детей перед лицом великой опасности.

Пока Лантея, примостив на коленке кусок пергамента, выводила на нем иероглифы, Манс достал из клетки одну из птиц и снял с нее кожаный клубок с помощью Ашарха. Вскоре орел взмыл в голубые небеса, раскинув в стороны свои легкие крылья, и течение

воздушных потоков понесло его в сторону Первого Бархана. На его лапке был футляр с посланием, в котором сообщалось, что отряд успешно добрался до Четвертого Бархана и выдвинулся дальше, а также там имелось известие для матриарха Сигриды, чтобы она обеспокоилась странным исчезновением почтовых птиц в своем полисе.

На закате путешественники, поднявшись на вершину очередной дюны, узрели вдалеке, как безмятежный желтый океан песка соединялся с бескрайней голубой гладью. Ровная поверхность моря тянулась туда, где единственной границей между водой и небом становилась алеющая полоса засыпавшего солнца. Волны мягко накатывали на отлогий берег, тянулись языками пены к песчаным валам и увлекали за собой в черную пучину гладкие камни.

С невольным восхищением любуясь красотой необузданной дикой природы, от которой веяло перевозданной грозной силой, отряд замер на самой границе, будто не решаясь шагнуть из душной песчаной темницы к дышавшему свежестью и прохладой побережью.

— Я никогда не видела ничего изумительнее... — прошептала Эрмина. В ее широко распахнутых глазах плескался истинный восторг.

— Я тоже, — едва слышно признался ей Виек. Но при этом он не отводил свой взгляд от жены.

Впереди всей группы неподвижно замер Манс. Отсеченный от остального мира завесой собственных чувств, он безмолвно смотрел, как пенными волнами морщилась водная гладь. Он хотел сказать многое, но ни в своем родном языке, ни в залмарском он не мог подобрать определения, которые сумели бы в полной степени выразить величие наблюдаемой им картины. И потому он молчал, не желая портить момент пустыми словесными восхищениями.

Бросив пауков в стороне от берега, весь отряд, как замороженный, поспешил к манящей прохладой влаге. Оставшееся до кромки воды расстояние они преодолели за считанные минуты, на ходу избавляясь от тяжелых плащей и сапог, чтобы быстрее подставить лицо соленым брызгам волн и зарыться пальцами ног в мокрый песок.

— Аш... Море так красиво, — едва слышно признался другу Манс, когда прохладная вода впервые коснулась его голых щиколоток. — Только ради него одного можно было уйти из Бархана и отправиться в такой дальний путь.

— Ты прав. — Ашарх довольно шурился от яркого света заходившего солнца, отражавшегося от водной поверхности. — Похоже, сегодня я осознал странную истину: если и есть на свете что-то неизменное и неповторимое во все времена, то это только звездное небо и морская гладь. И когда одно из них отражается в другом, то только так и рождается вечность.

Волны набегали на песок белой плотной пеной, принося с собой маленьких трусливых крабов, сколотые ракушки и пучки водорослей. У берега вода казалась удивительно теплой, но стоило зайти немного глубже, как ледяные потоки обволакивали тело, даря желанную прохладу.

Все еще продолжая иногда рассеянно озираться по сторонам и пытаясь всей своей сутью принять окружавшее его великолепие, Манс, раздевшись до исподнего, одним из первых поплыл на глубину. Он отчаянно боролся с волнами, рывками подныривая под них, вспарывая водную гладь сильными гребками. В то время как не умеющий плавать профессор с трудом держался на воде и откровенно боялся заходить в воду глубже, чем по грудь, его

друг бесстрашно исследовал пределы своих возможностей, сражаясь со стихией. Волны, подобно тяжелому покрывалу, легко накрывали пловца с головой и сразу же утягивали за собой в синюю пучину, но Манс каждый раз выныривал на поверхность и с восторгом делал новый вздох, наполняя грудь воздухом.

В какой-то момент Ашарха только чудом не унесло в открытое море, легко подхватив течением. Он нахлебался соленой воды, и только вовремя подоспевший Манс, который схватил его за руку и вытащил на мелководье, спас профессора от страшной участи. После этого Аш довольно решительно закончил водные процедуры и ушел обсыхать на солнце, не желая больше рисковать. Устроившись на теплом песке, он с наслаждением потянулся и окинул взглядом пляж, выискивая остальных членов группы.

Лантея бесстрашно плавала в одиночестве дальше всех, практически не видная с побережья, — лишь красная макушка выглядывала из воды. Видимо, ее, как и Манса, не пугали ни глубина, ни течение. Когда девушка уставала, она переворачивалась на спину и давала рукам отдохнуть, а в остальное время мерно и неторопливо рассекала волны, с наслаждением чувствуя, как работает каждая мышца в теле.

По берегу недалеко от Ашарха бродил совершенно счастливый Оцарио: он упоенно подбирал все ракушки, мелкие камешки и морские звезды, которые попадались ему на пути. Для всего отряда было очевидным, что скоро ассортимент безделушек их торговца редкостями обновится, а это означало новые попытки с его стороны продать что-нибудь бесполезное своим спутникам.

Эрмина и Виек же, казалось, достигли абсолютной гармонии. Они долго сидели вдвоем на мелководье в отдалении от всех, взявшись за руки и тихо беседуя. После женщина ушла купаться, а ее супруг вернулся к сумкам, брошенным на пляже. Он достал тонкий костяной стилус и крошечный стеклянный флакон с чернилами, вновь взявшись что-то рисовать на куске пергамента. Это уже входило у него в привычку — все свободное время уделять этой кропотливой работе. Сидевший рядом Ашарх осторожно заглянул в свиток через плечо Виека и с нескрываемым удивлением увидел очень хороший набросок. Четкие синие линии, выведенные уверенной рукой, образовывали элегантный эскиз портрета Эрмины. Хетай-ра, изображенная на нем, вполоборота смотрела на зрителя, слегка искривив пухлые губы в нежной улыбке. Художник словно любовался каждой чертой жены, обводя стилусом контуры лица.

Скорее почувствовав, чем заметив, что за его работой наблюдают, Виек повернулся к Ашу. Преподаватель на секунду смутился, что его застали за этим подглядыванием, но глаза отводить не стал, а только показал пальцем на рисунок и изобразил беззвучные аплодисменты. Сказать он ничего не мог, поэтому решил выразить свое восхищение таким образом. Воин смерил чужака долгим и внимательным взглядом, как бы мысленно сомневаясь, стоило ли вообще принимать эту похвалу, но после все же кивнул и неожиданно протянул Ашарху несколько свитков из своей сумки. На них оказались портреты других членов группы, в том числе и профессора. Он был изображен задумчивым и каким-то отрешенным, а еще заматеревшим, словно все перенесенные за последние месяцы тяготы отразились на его лице глубокими тенями и бороздами. Сильно выделялся старый шрам на лбу, как будто гораздо заметнее стал сломанный и чуть смещенный вбок нос, щетина подчеркивала впалые щеки и делала лицо куда уже. Неужели он действительно так сильно изменился внешне с того самого момента, как покинул Италан?

Аш долго рассматривал рисунки, а после вернул их Виеку со сдержанной улыбкой, все

еще размышляя над тем, как много всего произошло в его жизни за такой короткий срок. И если казалось, что Лантею эти трудности только закалили, то о себе преподаватель не мог такого сказать. Раньше каждый его день был копией предыдущего, а теперь, просыпаясь по утрам, профессор не мог быть заранее уверен, что уже к обеду не будет арестован, отравлен или и вовсе убит. С одной стороны, это добавляло жизни пикантный привкус, но, с другой стороны, когда это путешествие бы закончилось, то он знал, что уже не сумеет вернуться к прежнему существованию. Да, он стал осторожнее, научился разбираться в людях, и не только в них, знал, как выжить там, где, казалось бы, не было никаких шансов на выживание. Но одновременно с этим он разочаровался в мире и тех, кто его населял: опыт научил, что обычные залмарцы, верующие Светоча и изолированные веками хетай-ра представляли собой, по сути, одних и тех же существ, погрязших в интригах и желавших лишь подставить ближнего своего. Но один вопрос терзал Ашарха сильнее всего: а разве был он сам теперь лучше тех, кого осуждал? Ведь и на его руках несмываемым пятном проступала чужая кровь, а на душе — совершенные грехи.

Близость моря пьянила всех без исключения членов отряда лучше самой крепкой травяной настойки. Порывистый ветер играл волосами и одеждой, соленые брызги застывали на коже блестящими каплями, и в самом этом прибрежном воздухе, свежем и бодрящем, чудилась какая-то необычайная легкость и свобода. Понемногу, пока солнце окончательно не спряталось за линией горизонта, путники отмылись от вездесущего песка, постирали одежду, а на ночь Виек, как и прежде, возвел уютную юрту, где вся группа укрылась от сильных порывов ветра, летевших со стороны берега. Сольпуги вели себя спокойно, хоть близость воды в естественных условиях и заставила бы их испуганно попрятаться по норам или сбежать подальше, но иглы Эрмины угнетали сознание пауков, приглушая их инстинкты, и животные безбоязненно дремали на небольшом отдалении от лагеря, за всю ночь даже не сдвинувшись с места.

Едва только забрезжил рассвет, как отряд выдвинулся в путь. К всеобщей досаде, после вечернего купания белоснежная кожа подземных жителей обгорела и уже утром имела ровный ярко-красный цвет, а мелкая соль, оставшаяся на одежде после стирки, лишь разъедала эти обширные ожоги и причиняла всем хетай-ра невыносимую боль. Ашарх оказался единственным, чью смуглую кожу южанина загар не взял, но жесткая побелевшая ткань доставляла дискомфорт и ему, заставляя то и дело чесаться и ерзать на спине паука. В таких суровых условиях отряд еще несколько дней шел вдоль побережья, вечерами купаясь в теплых водах и пытаясь выловить на ужин местную диковинную рыбу, морских ежей, крабов и моллюсков. Во время одной из стоянок Манс заметил в воде, на некотором отдалении от пляжа, пару странных плавающих объектов. Он сразу же обратил на это внимание своих спутников, но никто из хетай-ра, в силу своего слабого дневного зрения, не смог разглядеть, что это такое. Лантея даже хотела подплыть ближе и рассмотреть то появлявшиеся, то исчезающие над волнами точки, но Ашарх вовремя успел остановить ее, схватив за запястье.

— Я знаю, что это. Не стоит заходить сейчас в воду, — предупредил спутницу профессор.

— Ты правда видишь на таком расстоянии? — усомнился Манс, приставляя ладонь козырьком ко лбу и вглядываясь в поверхность воды. — Это что-то живое?

— Это водяники, — хмуро сообщил Аш, отпуская руку Лантеи.

— Не уверен, что слышал о чем-то подобном, — сказал юноша, а сестра поддержала его

Кивком.

Преподаватель звучно зацокал языком, не сводя взгляд с линии горизонта.

— Неудивительно. Сейчас повстречать их можно нечасто. Они похожи на людей, но лишь отдаленно, и не все до конца принимают истину, что это совершенно иные создания по своей природе, выходцы морей, отличные от нас во всех отношениях... Когда-то давно они владели собственной магией, но лишились ее. И теперь водяники, по сути, превратились в диких необузданных хищников, населяющих моря и топящих всех неугодных им.

— Значит, это их головы торчат из воды? Они смотрят на нас? — с содроганием спросила Лантея.

— Любопытствуют, как и всегда, что творится на суше, недоступной для них.

Крутившийся неподалеку Оцарио нетерпеливо дернул Манса за рукав.

— О чем вы говорите?.. Что такое там, в море? Это какие-то обломки? — зачастил он.

Юноша перешел на родной язык и кратко пересказал слова Ашарха для остальных членов группы.

— А! — сразу же воскликнул Оцарио, стоило ему услышать про водяников. — В нашем море, у Пятого Бархана, тоже такие плавают. Никогда не видел их вблизи, но старики называют их «стражами моря» и говорят ни в коем случае не приближаться, иначе утащат под воду.

И уже куда тише, практически себе нос, торговец добавил:

— Эх, жаль... Я надеялся, что там какие-нибудь руины или обломки...

— Что в них такого опасного? — поинтересовалась у профессора Лантея, не обращая внимания на бормотание Оцарио. — Если, по твоим же словам, когда-то они владели магией, то эти водяники должны быть разумны. Разве нет?

— О, они действительно вполне себе разумны. У них даже есть собственный бог, из-за которого мой народ лишился своей магии, — очень мрачно сообщил Аш, скрещивая руки на груди.

— Почему тогда нельзя наладить с ними контакт?

— Водяники живут большими племенами и презирают всех существ с суши. Когда-то с ними можно было договориться, но теперь они уничтожают всех осмелившихся заплывать в их владения. Между прочим, именно поэтому в Залмар-Афи больше не строят корабли для мореходства — водяники безжалостно топят их и грабят.

После рассказа профессора все впали в некоторое уныние, и отряд уже в молчании продолжил свой путь. Больше купаться в море ни у кого особенного желания не возникало, хоть зной по-прежнему давил на голову, и от него не спасали ни тюрбаны, ни капюшоны, ни платки. Хетай-ра теперь заходили в воду только по пояс, чтобы ополоснуться и постоянно внимательно наблюдали за горизонтом. Иногда водяники вновь появлялись у поверхности, но близко к чужакам не подплывали, а просто безмолвно следили за группой, сопровождая их долгими часами.

Глава третья. Руины забытых времен

За нежеланием получать новые знания кроется постыдное малодушие, за любопытством — губительная глупость.

Матриарх Первого Бархана Иамес Золейна Офобат

Понемногу отряд отделился от побережья, оставив за спиной широкие пустынные пляжи и прохладу ласкового бриза. Лантея периодически корректировала направление, не собираясь весь оставшийся до Ивриувайна путь ехать вдоль моря, и через несколько суток со всех сторон делегацию вновь обступил беспокойный океан песка, где бушевал изменчивый ветер.

В один из длинных нескончаемых дней группе случайно повстречался довольно примечательный указатель. Посреди песчаного буйства стоял одинокий и единственный на многие километры вокруг ствол засохшей пальмы. У основания он был укреплен булыжниками песчаника, а к столбу крепилась обветшалая каменная табличка, на которой были высечены какие-то слова. Все с любопытством окружили неожиданную находку. Лантея поднесла лицо практически вплотную и подула на надпись, сдувая с нее слой песка. Однако после минуты тщательного изучения девушка была вынуждена отступить назад.

— Ни слова не могу разобрать, — расстроено поделилась она с Ашархом, которому места возле указателя не хватило. — Это не похоже на иероглифическую письменность изгона. Может, ты знаешь этот язык?

— Дай-ка взглянуть. — Профессор потеснил Лантею в сторону и подошел ближе к каменной табличке. Он достаточно долго вглядывался в высеченные символы.

— Любопытно... — едва слышно протянул Ашарх, задумчиво принявшись щелкать суставами пальцев. — Это надпись на дореформенном языке Залмар-Афи. Интересно, как она оказалась на краю пустынь Асвен?

— Ты можешь понять, что тут написано? — спросил Манс, расслышавший бормотание друга.

— Это не так-то легко! До того как в человеческом государстве ввели официальный единый язык, у нас было распространено множество наречий и диалектов. В каждом регионе люди говорили по-своему. Позднее историки все их объединили под общим названием «дореформенный язык», но большинство сведений и книг оказались уничтожены за тысячу лет. Это может быть надпись на любом из диалектов... Хотя... Отдельные слова кажутся мне вполне знакомыми.

— Так ты знаешь этот язык? Но откуда? — с недоумением поинтересовалась Лантея, пока Манс пытался объяснить остальным спутникам суть их неожиданной находки.

— Не забывай, Тея, я все же профессор истории. Немного с дореформенным языком я знаком, несколько его диалектов даже преподавал в академии. Хотя часть таблички перевести не смогу... Здесь использованы слова из разных регионов, как в шифре.

— Выходит, этой надписи тысяча лет?

— Или даже больше. Реформу провели почти тысячу двести лет назад. Удивительно... Это может оказаться невероятной находкой! — пораженно выдохнул профессор, не отрывая взгляд от столба и уже извлекая из своей сумки клочок бумаги и чернильницу.

Ашарх увлеченно принялся писать, иногда ковыряя ногтем табличку и

многозначительно хмыкая. Остальные члены группы решили ему не мешать и встали чуть поодаль, неспешно беседуя. Через четверть часа он представил на суд своих спутников полученный результат.

— ... конец ... странник прибежище восток пять скала головы ... укажет ... носом сто найдешь дом, — громко и четко зачитал Аш, делая паузы на местах, где он не сумел определить отдельные слова. Все внимательно выслушали перевод Лантеи.

— Я ничего не понял, — простодушно признался Манс, многие поддержали его кивками.

— Аш, судя по этим точкам, — протянул Лантея, указывая пальцем в листок, который профессор трепетно сжимал в руках, — тут больше слов, которых ты не знаешь, чем переведенных.

— А что ты от меня хотела? — хмуро спросил преподаватель. — Я предупреждал, что мои познания в дореформенном неидеальны. А вообще, такое ощущение, что это одна из нескольких табличек. Думаю, в пустынях есть еще такие, и все они ведут к какому-то конкретному месту.

— С таким текстом мы вряд ли сможем его найти, — подвел итог Манс.

— И ты предлагаешь просто уехать? Но ведь это же настоящее открытие! Если мы отыщем этот дом, о котором тут говорится, то можем сделать не больше не меньше как полноценную археологическую находку! Только подумайте, какой это вклад в развитие всей исторической науки! — твердил Ашарх.

Профессора долго пытались убедить в том, что бесполезно тратить массу времени на поиски какой-то древней постройки в пустынях, которой уже давно могло не существовать, ведь под действием ветра пески за тысячу лет непременно засыпали бы все что угодно. Но Аш упрямо стоял на своем, пока даже Оцарио, сперва заинтересованный шансом отыскать старинные реликвии и артефакты, не принял сторону большинства, устав спорить со спутниками. Аш потерпел сокрушительное поражение в этой битве. Он злой и раздосадованный вернулся к своей сольпуге и забрался на нее, все еще продолжая смотреть в записи, куда подробно перерисовал все символы со старинной таблички на стволе пальмы.

Группа двинулась в прежнем направлении. Первое время все жалостливо оборачивались на преподавателя, одиноко ехавшего позади колонны и не отрывавшего взгляд от свитка. На все попытки заговорить с ним он совершенно не реагировал, и в итоге хетай-ра быстро надоело такое поведение. Они оставили профессора наедине с его мыслями. В конце концов никто в отряде даже не заметил, как паук вместе с их задумчивым спутником остался далеко позади. А Ашарх, погруженный в свои думы, и сам не следил за сольпугой, позволяя ей самостоятельно идти за собратьями и лишь периодически касаясь иглы наездника. Он не обратил внимания, что отстал, пока животное не встало на месте. Только в этот момент он оторвал глаза от строчек таинственной загадки и с удивлением понял, что остался совершенно один. На его счастье, погода была безветренная, поэтому следы ушедшего вперед отряда были четко видны на песке. Аш тронул было стеклянную иглу, посылая паука дальше, но вдруг его взгляд остановился на каменистой возвышенности в стороне. Это была выщербленная ветром невысокая скала, наполовину поглощенная дюнами, на вершине которой песчаник образовал фигуру.

Сперва профессор даже не поверил своим глазам: сложенные булыжники с определенного ракурса совершенно точно казались человеческим профилем. Смысл

таинственной фразы о «скале-голове», пусть даже с некоторыми пропущенными словами, прояснился для Ашарха. Он решительно дернул иглу наездника, вынуждая сольпугу повернуть налево. Если все это оказалось правдой, то, судя по надписи, дальше следовало идти по направлению носа. Преподаватель уже совершенно забыл об ушедших далеко вперед спутниках. Теперь разгадка находилась слишком близко, чтобы он мог позволить ей ускользнуть из его рук. В конце концов, догнать отряд по следам не представлялось сложным, но сперва Ашарх намеревался проверить свою догадку.

Числа, упомянутые на табличке, по логике, должны были обозначать расстояние до основных отметок. Профессор предположил, что расстояние записано в шагах, учитывая, что от столба группа ехала не так уж и долго. Это значило, что не больше сотни метров отделяло его от желанной находки. Однако, когда мужчина перебрался через очередную дюну и его взгляду предстал тот же пейзаж, что можно было узреть в любой точке пустынь Асвен, он усомнился в своих умозаключениях. Никакого дома или строения поблизости не было видно.

Спустившись с сольпуги, Аш оставил ее стоять на месте, а сам двинулся вперед. Он внимательно осматривал песок, надеясь отыскать еще один указательный столб или спрятанный камень, но поверхность вокруг казалась идеально гладкой — ни растений, ни булыжников, ни намеков на какие-нибудь опознавательные знаки. В это мгновение его взгляд выделил невдалеке странные небольшие воронки, темневшие в песке. Ашарх, ощущая небывалый кураж, устремился к ним, даже не задумавшись о возможной опасности или угрозе, и практически сразу же под его сапогами раздался отчетливый хруст, не предвещавший ничего хорошего. А после мужчина почувствовал, как почва быстро уходит у него из-под ног, ссыпаясь куда-то вниз. Когда профессор уже падал в неизвестность, он успел лишь резко вскрикнуть от страха и крепко зажмурить глаза. Тяжелый удар головой об пол выключил его сознание словно по щелчку пальцев.

— Аш! Аш! Тьма! Ты меня слышишь?! — надрывалась Лантея где-то далеко наверху. Ашарх лежал на холодном каменном полу, его веки были закрыты, а голова разрывалась от чудовищной боли. Весь от макушки до пяток припорошенный пылью, он долго приходил в себя, но сил, чтобы распахнуть глаза и откликнуться на зов спутницы, так и не нашел. Вокруг слышалось слабое шуршание песка, наверху раздавались взволнованные голоса хетайра и где-то очень далеко под песком кто-то вне себя от ярости постоянно выкрикивал единственное слово.

— *Голод!* — Эхо разносилось по пустым коридорам, въедалось в стены и пропитывало воздух.

Именно этот ужасный в своей обреченности вопль и заставил профессора открыть глаза и принять сидячее положение. Но стоило ему осмотреться, как скорбный призыв мгновенно замолк, словно его никогда и не существовало.

«Неужели мне это показалось?» — усомнился Аш, хотя в его ушах все еще стоял гул, рожденный пугающим криком. Звук больше не повторялся, и для собственного же успокоения мужчина все списал на последствия удара.

— Аш! Ты живой?! — вновь позвала Лантея, чья голова виднелась в ярком ореоле солнечного света, который проникал через неровный пролом в потолке в темное помещение.

— Тея, все хорошо. Я в порядке, — хрипло откликнулся преподаватель, поднимаясь на ноги и сразу же хватаясь за голову. Ее прострелила острая резкая боль. — Проклятье!..

— Слава богине! — воскликнула девушка. — Стой на месте! Мы сейчас спустимся!

Через мгновение несколько длинных веревок с навязанными узлами ударились об пол рядом с Ашархом. Он отступил в сторону, чтобы позволить своим спутникам беспрепятственно спуститься. Лантея оказалась первой, бесстрашно спрыгнув на половине пути вниз. Она сразу же осмотрела друга на предмет повреждений, но его голова оказалась целой. Расстояние от потолка до пола было не больше четырех метров, поэтому профессор заработал лишь крупную шишку и сильную головную боль.

— Мы как заметили, что тебя нет, сразу повернули обратно, — поделилась Лантея, придерживая веревки, чтобы остальные могли спуститься. — По отпечаткам на песке увидели направление, в котором ты ушел, и двинулись следом. Вышли на равнину, а там твоя сольпуга стоит, одна. Стали искать вокруг и заметили дыру. Ни за что бы ее не разглядели, если бы не паук.

— Я сам не понял, когда песок ушел из-под ног. Видимо, мой вес не выдержали старые потолки. — Ашарх задрал голову и впервые полноценно окинул взглядом помещение, в котором они все оказались. Это был прямоугольный темный зал, где хорошо освещенным оказался лишь участок, над которым зияла дыра, образовавшаяся от падения профессора. Еще в нескольких местах на потолке виднелись небольшие проломы, но в них свет проникал слабо, поскольку песок почти засыпал эти проходы и каскадом спускался до самого пола.

В таинственное помещение вскоре спустились Манс, Оцарио и Виек. Эрмина предпочла остаться наверху и посторожить сольпуг, чем ползать по каким-то старым затхлым катакомбам. Стараясь держаться вместе, группа внимательно осмотрела зал и пришла к мнению, что это была не простая подземная пещера: комната оказалась искусственно созданной, к этому явно приложили руку разумные существа.

— Так все же, что это за место? — негромко спросил Манс у профессора.

— Похоже, это тот самый дом, о котором говорилось на той каменной табличке, — прошептал Ашарх. — По крайней мере, я пришел сюда именно по указаниям в загадке. Хотя назначение этого зала неясно, но то, что помещению никак не меньше тысячи лет, очевидно. Чувствуешь запах? Воздух здесь застоявшийся. Похоже, мы первые, кто попал сюда за много веков.

— Там что-то есть у дальней стены, — сказал внимательный Виек на изгоне, указав в темноту.

Оцарио первым без опаски направился в нужную сторону. Остальные поспешили за ним.

— Это зеркало, — определила Лантея, когда вся группа окружила большой круглый предмет и стерла с него приличный слой пыли. — Зачем оно здесь?

— Постой-ка! — Ашарх схватился за раму, и зеркало с протяжным скрипом неожиданно поддалось, поворачиваясь на металлической ножке. — Посмотрите, есть ли где-нибудь еще зеркала?

Манс перевел просьбу друга, и хетай-ра, уяснив задачу, разбрелись по залу. В помещении они обнаружили несколько таких же крупных и подвижных зеркал, припорошенных тонким слоем песка. Профессор воодушевился: он прекрасно знал, как их стоило применить. Поворачивая тяжелые рамы одну за другой и постоянно оглядываясь на лучи, проникавшие в комнату из проломов в потолке, Аш, наконец, подвинул последнее, и все пространство неожиданно заполнилось ярким светом. Путешественники невольно зажмурились и заслонили глаза руками.

— Это зеркальная система освещения! — гордый собой, объяснил преподаватель,

оглядываясь по сторонам. — Такие были очень распространены в древние времена среди людей.

Теперь в зале было светло, словно зажгли одновременно сотни свечей. Все углы комнаты показались из тени, и стали видны несколько проходов, ведущих дальше из этого необычного помещения. Но внимание отряда привлек некий постамент, который находился у одной из стен. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что на широком возвышении стояли четыре узкие колонны, поддерживавшие декоративную крышу. Под ней высилась статуя, выглядевшая как высокий столб из черного камня, его венчали восемь длинных паучьих лапок, тянувшихся вверх и державших круглый шар, так же выполненный из материала, напоминавшего обсидиан. Все вместе это казалось каким-то святилищем или алтарем, давно покинутым и заброшенным.

— Я знаю, что это такое, — нерешительно проговорил Манс, робко протягивая руку и касаясь черной статуи. — Я видел однажды такой символ в книге. Это знак культа бога-предателя.

— Это невозможно. Все их храмы в пустынях наш народ разрушил много столетий назад, — категорично ответил Виек. — Их засыпали песком и добились выживших.

— Это место и не выглядит обитаемым. Посмотрите, везде пыль, паутина и песок. Мы действительно первые, кто побывал здесь за века. — Лантея повернулась к профессору и перешла на залмарский язык: — Манс говорит, что это храм бога-предателя, чей культ хетай-ра уничтожили давным-давно.

— Не тот ли это самый бог, что породил ингур? — поинтересовался Ашарх у девушки.

— Да, верно. — Лантея кивнула. — Мы очень мало о нем знаем. Старые книги говорят, что этот бог каким-то образом предал Эван'Лин, отчего она вселила в сердца своих детей, хетай-ра, лютую ненависть к нему. Как ты правильно вспомнил, когда-то я говорила тебе, что именно его считают создателем ингур, населяющих подземные тоннели пустынь. И около тысячи лет назад наш народ впервые столкнулся с его последователями. Они пришли откуда-то извне, построили свои храмы, организовали жестокий и кровавый культ.

— Я читал, что они начали похищать случайных хетай-ра, путников и торговцев, и приносить их в жертву, — поделился знаниями Манс. — Им как-то удалось приручить ингур: с их помощью они выкачивали из жертв магическую энергию до самой смерти. Так они кормили своего бога.

— Помилуй меня, Залмар... — прошептал Аш.

— Да, из-за этих культистов ингуры стали очень агрессивны. Они в два раза чаще нападали на наши города, совершенно ничего не боясь, и утаскивали полуживых горожан в подземные ходы, — продолжила Лантея, отирая пот со лба и распуская завязки плаща. — В итоге матриархи трех Барханов приняли решение найти и уничтожить культ. В кратчайшие сроки объединенные силы трех полисов отыскали большую часть последователей. Их храмы запечатали и засыпали песком вместе со всеми служителями этого бога, замуравив культистов заживо.

Оцарио украдкой коснулся локтя Манса и попросил перевести ему, о чем шла речь. После чего он особенно заинтересовался этими руинами, ведь Пятый Бархан и Второй, по его словам, не принимали тогда участия в погроме храмов бога-предателя. Территориально оба этих полиса были расположены на удалении от центра пустынь, и до них культ попросту не добрался.

— В Залмар-Афи, еще до создания объединенного королевства Мизган, тоже

существовал очень жестокий и преследуемый культ некоего проклятого бога. Его имя было Пустой, — неожиданно вспомнил профессор. — Последователи призывали людей отречься от иных богов, от эмоций и воспоминаний, уйти в объятия Пустоты, где нет ни страха, ни боли, ни страданий.

— И кто-то на это соглашался? — усомнилась девушка, хмыкнув.

— Сначала туда шли бедняки и убогие, которым уже нечего было терять, но вскоре культ обрел силу, и простые богослужения превратились в жертвоприношения. Как и с ингурами, последователям бога на человеческих землях подчинялись твари: считалось, что Пустой создал их еще во времена заселения мира. Согласно древним текстам, он вообще ворует любую энергию, которую выпускают впустую маги, то есть не направленную конкретному божеству при сотворении заклинания. В итоге верующие в Залмара изгнали культистов со своей земли и быстро истребляли впредь любые зародыши этой религии... Но, выходит, они тогда вовсе не исчезли насовсем, а попросту сбежали в пустыни?

— Значит, его имя Пустой, — эхом повторила Лантея, подходя к странному обсидианово-черному постаменту и внимательно его осматривая. — И мы в одном из его засыпанных храмов.

Рядом с девушкой назойливо крутился Оцарио, тихо приговаривая:

— Мы ведь осмотрим это место? — Ему не терпелось найти сокровища древних развалин. Он почему-то был уверен, что они здесь будут, ведь в храмах всегда хранились ценности, по его мнению. Посол только хмыкнула на просьбу торговца, а вот гвардейцу она пришлась не по вкусу.

— Нечего здесь шастать, — сурово осадил спутника Виек, уверенно скрещивая руки на груди. — Культ истреблен, мертвые должны оставаться в покое. Нужно уходить отсюда.

— Да вы что! — неожиданно воскликнул Оцарио, крепче перехватывая ремень своей сумки. — Нам, может, первый и последний раз в жизни такой шанс выпал — походить по тысячелетним руинам.

— О чем они спорят? — спросил у Лантеи Ашарх, подходя к ней ближе.

— Оцарио хочет осмотреть храм, а Виек категорически против, — со вздохом ответила девушка.

— Я бы тоже не отказался здесь походить, — внезапно поддержал торговца профессор, из-за чего на него удивленно посмотрели Манс и Лантея. — А что? Все эти легенды, конечно, зловещие, но я ни за что на свете не откажусь исследовать такое исторически значимое место!

И, потирая болезненную шишку на затылке, уже куда тише добавил:

— Тем более, что его поиски дались мне не очень-то легко...

Дискуссия могла продолжаться еще долго, но в итоге Лантея, как бесспорный лидер отряда, все же приняла оптимальное, на ее взгляд, решение. Она позволила преподавателю и Оцарио осмотреть руины, а сама вызвалась быть рядом для их безопасности. Понимая, насколько важна для Аша была его находка, она попросту не смогла ему отказать. Не захотев отпускать спутников одних, Манс, конечно же, тоже увязался следом, из чистого любопытства пожелав изучить древний засыпанный храм. А вот Виек, напротив, озлобленно сплюнул на пол и по веревке выбрался обратно на поверхность, предпочтя провести время с женой, сторожившей сольпуг, чем в поисках засушенных мумий культистов.

Из основной залы тянулось несколько темных коридоров, два из которых оказались полностью погребены под завалами песка, поэтому группе пришлось выбрать единственный

свободный. Ашарх настроил еще пару зеркал, чтобы свет проникал и дальше, позволяя путешественникам все хорошо рассмотреть. В длинных проходах периодически встречались обтянутые кожей мумии и скелеты, которые рассыпались в прах от одного прикосновения, и Ашарх просто старался обходить их стороной, не трогая лишней раз. Первым залом, встреченным на пути, оказалась общая столовая: в ней все еще хорошо сохранились каменные столы и лавки, кругом валялась битая посуда и истлевшие куски ткани. Возле дальней стены в ряд выстроились огромные, в человеческий рост, кувшины, потрескавшиеся и расколотые. Даже несмотря на пробитый в одном месте потолок, помещение пострадало не очень сильно, и, судя по останкам, многие культисты нашли здесь место последнего упокоения.

Из столовой вело две дороги: одна из них шла к комнатам, которые явно ранее были жилыми, а другая спускалась куда-то еще ниже под землю. Оцарио настоял на том, что необходимо осмотреть кельи, ведь в них могли сохраниться какие-нибудь личные вещи последователей бога-предателя, а это представляло для торговца огромную ценность. С ним согласился отправиться Манс, а Лантея и Ашарх решили пойти по второму пути, потому что туда была возможность направить некоторые из отражающих зеркал. Блуждать в полной темноте, пусть даже и ради всяких безделушек, казалось им сомнительной затеей.

Девушка первой нырнула в прохладу коридоров. В этой части подземного храма разрушений было гораздо меньше, поскольку эти помещения лежали глубже остальных. Здесь воздух был пропитан влагой, а на стенах обильно рос мох и некоторые виды грибов, среди них оказались даже фосфоресцирующие. Впрочем, вскоре они как раз и понадобились, поскольку система освещения утратила свою полезность: последние несколько зеркал оказались разбиты, и лучи совершенно не проникали в отдаленные комнаты. Лантея и Аш освещали себе дорогу сорванными грибами, которых хватало всего на пару минут, но и этого было достаточно.

Вскоре внимание спутников привлек омерзительный запах разложения, который мгновенно проник в их ноздри и заставил обоих исследователей неприязненно поморщиться. Когда девушка и преподаватель нашли его источник, то затея с осмотром храма резко показалась им не самой лучшей. Все потому, что одна из больших мрачных комнат оказалась неким подобием темницы: в камень были вбиты тяжелые металлические ошейники, кое-где виднелись прутья проржавевших решеток, а у дальней стены была свалена целая гора мумифицированных и давно уже сгнивших тел. Среди них можно было опознать трупы ингур, часть же напоминала человеческие скелеты или же останки хетай-ра, судя по клочкам седых волос на черепках.

— О богиня! — воскликнула Лантея, в ужасе отступая назад и зажимая нос.

— Видимо, это именно здесь культисты держали пленных, и твари пожирали их энергию, — мрачно проговорил профессор, не приближаясь к телам.

— Но откуда такая вонь? Будто они умерли только пару дней назад!

— Они лежали здесь веками, а когда мы дали доступ воздуху, то трупы начали стремительно разлагаться...

— Выходит, когда храм был засыпан, все служители и их пленники погибли, задохнувшись без притока воздуха.

— Жуткая смерть. — Аш покачал головой, отворачиваясь.

— Если культисты и правда творили все эти зверства, то такая смерть им подходит. — Лантея склонилась над высохшими телами хетай-ра, разглядывая костяные колечки в ушах,

означавшие принадлежность к Бархану. — Но вот мои сородичи этих мучений не заслужили.

Она сняла со своего пояса стеклянные песочные часы, перевернула их и поставила перед собой на пол, намереваясь прочитать молитву по усопшим, почтить их души перед своей богиней. Не желая мешать девушке, Ашарх тихо вышел из темницы и направился в небольшой коридор, уводивший дальше в темноту. Он сорвал крупный гриб, источавший мягкий голубоватый свет, и осторожно двинулся с ним в самое сердце мрака. В ушах стучала кровь, и окружающая тишина с каждым шагом становилась лишь объемнее и ощутимее.

Вскоре тоннель закончился тупиком, а единственный проход, ведущий в другое помещение, был завален крупными кусками песчаника. Нахмурившись, Аш стал искать лазейку между булыжниками: некоторые камни лежали неплотно, что позволило ему просунуть в одну из таких дыр руку с мерцающим грибом и частично осветить скрытую комнату. Сначала практически ничего не было видно, сколько бы профессор ни размахивал кистью. Однако потом Ашарху внезапно показалось, что из темноты этой пустой комнаты на него кто-то внимательно смотрит. Голубоватый отблеск гриба отражался во множестве чьих-то черных влажных глаз.

— *Голод!* — Резкий свистящий шепот проник в сознание застывшего путника.

Мужчина испуганно вздрогнул, из-за чего его единственный источник света выпал из руки и почил в пугающей темноте странного помещения. Он попятился, все еще надеясь, что ему показался этот жуткий взгляд, от которого сердце холодело в груди и забывало, как нужно биться. Из комнаты больше не доносилось ни единого звука, но Аш уже развернулся и бросился бежать обратно. Он чувствовал, что на миг прикоснулся к чему-то зловещему, к чему-то безмерно отвратительному и... смертельно опасному. Он потревожил то, что должно было оставаться в покое.

Со стороны темницы раздался высокий и пронзительный крик, в котором профессор безошибочно определил вопль Лантеи. Этот звук эхом отразился от стен, пролетел по коридорам и за несколько секунд наполнил собой все подземные руины. Когда Ашарх, вслепую бежавший по тоннелям, столкнулся с девушкой в темноте, то она сразу же вцепилась в него пальцами до боли.

— Аш! Аш!.. — задыхаясь от страха, только и смогла вымолвить хетай-ра. — Там!..

Он не стал медлить, лишь крепче обхватил запястье Лантеи и потянул ее вперед, кусая в панике свои губы. Надо было отсюда выбираться, а уже потом обсуждать, что и кому привиделось.

Пока он тащил за собой девушку, пытаясь найти выход из душных коридоров, со стороны столовой выскочили Оцарио и Манс, бледные, как призраки, и с совершенно обезумевшими глазами.

— Мы должны уходить! Немедленно! — гаркнул им Аш.

Никто даже не собирался с ним спорить. До главной церемониальной залы, через которую группа и попала внутрь храма, они добрались рекордно быстро. По веревке вверх все карабкались как могли, а замешкавшегося Ашарха и вовсе вытянули общими силами. Едва он оказался на поверхности под жарким солнцем, как, охваченный животным ужасом, без каких-либо объяснений сразу же бросился к своей сольпуге и птицей взлетел ей на спину, не собираясь больше задерживаться возле этого проклятого храма. Вся группа в кратчайшие сроки оказалась на пауках, и пока они не отъехали от руин на достаточно большое расстояние, профессор не желал останавливаться — он ехал впереди, отчаянно подгоняя животное, и даже не оборачивался.

— Аш! Постой! — едва поспевая следом за другом, выкрикнул наконец Манс. — Успокойся! Мы уже убрались оттуда!..

Чуть замедлившись, Ашарх нехотя развернул свою сольпугу, прислушавшись к совету юноши. Он с такой силой сжимал иглу наездника последние минуты, что стекло оставило на его ладонях глубокие отметины. Остальные члены отряда тоже понемногу сбавили скорость, выстроив пауков неровным кольцом, чтобы все могли друг друга видеть. Хетай-ра переглядывались, все имели вид необычайно серьезный, а кто-то все еще и откровенно испуганный.

— Что случилось в этом храме? — первым напрямую спросил Виек, повернувшись почему-то в сторону Оцарио. Гвардеец был так суров в своем желании добиться ответа, что торговец невольно струхнул и лишь жалобно промямлил:

— Мы лишь были в кельях... И вдруг все вокруг задрожало, посыпался песок, а после Лантея закричала где-то вдалеке!..

— Я думал, что потолок сейчас обрушится нам на головы! — добавил Манс, стряхивая со своих волос слой пыли и паутины. — Но, как только мы убрались из комнаты, все прекратилось будто по мановению руки.

— Отчего вы кричали, посол? — обратился к девушке Виек. — Мы наверху тоже слышали ваш голос.

— Там были змеи, — отрешенно проговорила Лантея, не поднимая взгляд на остальной отряд. Она выглядела потерянной, чересчур бледной и не сводила глаз со своих мелко подрагивавших пальцев. — Они вдруг вылезли из горы мумий и скелетов — десятки, сотни змей... Я даже не заметила, что они были там раньше, будто эти твари соткались прямо из воздуха и теней. И когда они все поползли в мою сторону, то я просто обезумела от страха...

— О Многоликая Матерь... — пораженно прошептал Манс. — Ты ведь их терпеть не можешь!

— Странно, я не встретил ни одной змеи, пока мы там бродили, — себе под нос проговорил Оцарио, потирая лоб.

— Это какое-то проклятое место, — тихо сказала Лантея, покачав головой и прикрыв веки.

— Мне неясно лишь одно, чего тогда испугался чужак? — сухо спросил Виек, кивнув в сторону Ашарха, который и сам сидел на пауке, ни на кого не глядя. Он покусывал губы и отрешенно над чем-то размышлял, нервно щелкая пальцами.

— Аш, — осторожно позвал Манс. — Что ты видел в храме?

Профессор чуть вздрогнул и перевел взгляд на юношу, а после ответил:

— В дальней комнате сидело нечто живое.

Стоило Мансу перевести на изгон фразу преподавателя, как все хетай-ра ощутимо заволновались. Его слова подействовали на весь отряд как хорошая оплеуха. Эрмина нахохлилась на своей сольпуге, как птица, и обеспокоенно переглянулась с супругом.

— Разве такое возможно? — спросила она. — Ведь эти руины были запечатаны тысячу лет.

— Думаю, как и в ситуации с послем, это были лишь змеи или другие мелкие животные, — сразу же нашел объяснение Виек и обвел всех своих спутников внимательным взглядом. — Не стоило лезть в эти развалины. Я предупреждал. Но теперь нам уже ничего не грозит, мы вовремя ушли.

— Давайте просто побыстрее уберемся отсюда прочь, — попросил Манс. — Чем дальше

мы отъедем, тем спокойнее мне будет, честное слово.

Понемногу вернувшись на прежний маршрут, группа продолжила путь, хоть все до сих пор находилось в некотором напряжении. Никакие разговоры и объяснения не могли избавить от чувства грядущей опасности, которое обуяло всех и каждого в делегации. Сильнее других, конечно, на произошедшем зациклились Ашарх и Лантея, ехавшие в разных концах отряда и молчавшие до самого позднего вечера. Их нервное состояние говорило само за себя — увиденное в руинах оставило на их душе какой-то несмываемый отпечаток. Если Оцарио и Манс сами до конца так и не поняли, свидетелями чего же они стали в этом подземном храме, то девушке лицом к лицу пришлось столкнуться с живым воплощением ее самого страшного кошмара, а Ашарху и вовсе привиделось то, что не должно было лицезреть никому из смертных.

Практически до самого вечера профессор не отвечал ни на какие вопросы Манса, а только спешил на восток во главе каравана, словно убегая от чего-то. Лишь когда путники разбили небольшой лагерь, чтобы поужинать и переночевать, Лантея, уже несколько отошедшая от своего пережитого стресса, решительно схватила компаньона за руку и отвела его подальше от остальной группы.

— Ты что-то недоговариваешь, Аш. Ты сам не свой весь день.

— Как и ты.

Профессор отвел взгляд, не желая втягивать спутницу в пучину своих переживаний, но девушка положила ладонь ему на щеку и заставила посмотреть на себя.

— Я переживаю. Объясни мне, что ты там такое увидел на самом деле? Что тебя напугало?

Она ждала ответа, не собираясь позволять Ашарху одному нести на плечах груз тревог.

— Пока ты была в темницах, я ушел дальше по коридору, — нерешительно заговорил мужчина. Поперек его смуглого лба пролегла глубокая морщина, словно он все еще сомневался, стоило ли посвящать хетай-ра в подробности увиденного. — Там была комната, проход в которую оказался завален. Я просунул руку с грибом внутрь, и в тот момент я увидел чьи-то глаза...

— Глаза? Ты уверен?

— Они следили за мной, Тея. Как глаза хищника, приготовившегося к прыжку. Я услышал, как кто-то произнес слово «Голод», как будто оно прозвучало прямо у меня в голове. Мне не показалось!

Лантея нахмурилась. Весь этот рассказ, больше напоминавший ночной кошмар, звучал нереалистично, но вид путника да и ее собственные воспоминания о руинах говорили об ином.

— Я тоже уверена, что мне не показалось, — неожиданно тихо призналась девушка. — Остальным я не сказала, но на самом деле те змеи и правда появились из ниоткуда. Их там не было, Аш.

— Когда мы с тобой вошли в темницы?

— Да. Я все внимательно осмотрела, я постоянно прислушивалась — а ты и сам знаешь, что со слухом хетай-ра мало что способно сравниться! Но там не было ни чужеродных звуков, ни движения. И лишь когда ты ушел, а я погрузилась в молитву, появились эти мерзкие змеи, будто созданные из тени. Это не случайное сравнение, Аш. Они были угольно-черными, сотканными из мрака, и практически беззвучно выползали из старых костей... Ох!..

Ее всю передернуло от этих воспоминаний, а открытые участки кожи мгновенно покрылись мурашками. Ашарх в тот же миг заключил девушку в объятия, крепко к себе прижав, не позволяя ей вновь переживать этот ужас.

— Успокойся. Мы ушли оттуда. Как видишь, все обошлось, — вполголоса твердил он, стараясь придать своему голосу уверенности. — Эти змеи больше никогда тебя не тронут, и то существо из темной залы за нами не последовало. Мы в безопасности.

— Я все еще надеюсь, что нам все просто показалось.

— Возможно, так оно и есть. Кто знает, вдруг мы все просто надышались спор каких-нибудь ядовитых грибов, и это было лишь сном, — сказал Аш и выдавил из себя слабую улыбку. — Пойдем к лагерю. Поужинаем, а утром ты даже не вспомнишь об этом храме. Поверь мне, Тея.

Девушка кивнула, еще сохраняя на лице печать беспокойства, но все же позволила другу увлечь себя в сторону стоянки. Профессор продолжал мягко улыбаться Лантее, но в глубине души он прекрасно понимал, что в храме Пустого это были вовсе не галлюцинации от грибных спор и не привидевшийся морок. Они отыскиали нечто, сокрытое от простых человеческих глаз на протяжении многих веков, то, что никогда не должно было существовать в этом мире.

Он медленно разогнул свои длинные худощавые лапы, которыми несколько отвык пользоваться за тысячелетие покоя. Если бы боль могла коснуться его, то пробуждение оказалось бы куда неприятнее, но, к счастью, этот недуг был ему неизвестен. Он не спеша подошел к заваленному выходу из залы, где принял решение сам заточить себя на долгие годы, чтобы обуздать тот чудовищный Голод, что терзал его с самого начала существования. Жаль, ему это не удалось.

Множеством своих черных глаз он впился в едва мерцавший гриб, что остался лежать после визита неожиданного гостя, который дважды за короткий промежуток времени осмелился нарушить его покой, его тысячелетнюю медитацию.

Ашарх... Кажется, так звали этого шумного наглеца?

Что ж, кажется, пришла пора вновь напомнить миру и семье о своем существовании.

Из его пальцев вырвалось черное всепоглощающее нечто, и гора обломков исчезла с пути, словно ее никогда и не существовало.

Утром отряд с новыми силами продолжил свой нелегкий путь. Лантея понемногу пришла в себя, отодвинув воспоминания о руинах на дальний план сознания и пообещав себе больше никогда к ним мысленно не возвращаться. Для профессора же все оказалось не так легко: он просто не мог перестать думать о заброшенном храме и его безобразном обитателе, сколько бы ни заставлял себя. Хмурый вид спутника и его необыкновенную отстраненность Лантея объяснила остальным членам отряда тем, что Ашарх якобы надышался в темницах затхлыми парами. Все сочувственно покивали головами и поспешили сделать вид, что все в порядке. Только Манс практически весь день не отъезжал далеко от друга и постоянно пытался завязать беседу. Однако преподаватель в несвойственной ему

манере лишь сухо отвечал на все вопросы, по-прежнему пребывая в своих мрачных мыслях. А ему было о чем подумать, ведь всю прошедшую ночь Аша преследовали кошмары, где черные глаза внимательно следили за ним из темноты. О своем сне он предпочел не рассказывать ни Лантее, ни Мансу, но ощущение грядущей беды тяготило его душу.

Кажется, из всей группы только один Оцарио был крайне расстроен вынужденным уходом из руин. На него храм не произвел такое же гнетущее впечатление, как на остальных, и даже десятки мумий, змеиное гнездо и пугающие звуки не уверили его в опасности этого места. Все утро торговец твердил, что, будь его воля, так он, ни на минуту не задумавшись, развернул сольпугу и поехал бы обратно, чтобы еще раз более тщательно осмотреть залы в поисках сокровищ. Он весьма и весьма сожалел, что так и не успел полноценно обследовать кельи, застигнутый врасплох почудившимся землетрясением и криком Лантеи.

— Так тебе вообще удалось отыскать что-нибудь вчера? — поинтересовалась у торговца Эрмина в середине дня, надеясь отогнать черную тучу безрадостности, которая нависла над отрядом.

Как ни странно, торговец, обожавший обыкновенно расписывать прелести своих безделушек и находок, в этот раз лишь пожал плечами, словно ему было все равно.

— Ничего особенного, — хмуро пробормотал он.

— А как же те записи, что ты забрал из кельи служителей? — мгновенно вмешался в беседу Манс, не позволяя торговцу отвертеться от ответа. — Или уже забыл?

— Да ну, ничего важного. Только какие-то странные закорючки. Я не смог понять ни слова, — признался Оцарио, начиная рыться в одной из своих сумок и извлекая на свет пару плотно свернутых древних свитков. — Может, чужак сумеет разобрать, если он и ту табличку прочел?

Лантея, краем уха прислушивавшаяся к разговору, придержала сольпугу, чтобы поравняться с торговцем, и забрала у него из рук старинные записи. Однако беглый осмотр ей не помог.

— Странно. Очень похоже на залмарский язык, но то ли здесь допущено по несколько ошибок в каждом слове, либо это очередной шифр, — подвела итог девушка и все же передала свитки Ашарху, объяснив их ценность.

Преподаватель молча забрал бумаги и осторожно их развернул. Качество пергамента из-за воздействия времени оставляло желать лучшего, а после неаккуратного обращения спутников с уникальным древним артефактом рукопись потрескалась у краев. Однако чернила все еще сохранили относительно яркий цвет, поэтому Аш без проблем ознакомился с текстом. Вся остальная группа с интересом ожидала, когда профессор дочитает до конца и вынесет свой вердикт.

— Это одна из самых ранних форм залмарского языка, которая была создана сразу же после проведения языковой реформы в королевстве Мизган, за двести лет до образования Залмар-Афи. Поэтому ты можешь понять только отдельные слова. За века язык изменился, но прочитать эти записи все же не составляет труда, — объяснил Ашарх Лантее, которая вела свою послушную сольпугу рядом с пауком преподавателя.

— И ты понял, о чем здесь говорится?

— Судя по всему, это отдельные листы из какого-то журнала. Некоторые страницы отсутствуют, а в одном месте и вовсе вырван целый кусок пергамента. Поэтому за полноту текста я не ручаюсь.

Прочистив горло, профессор начал вслух зачитывать текст, медленно и с длинными

паузами: он адаптировал слова под современный залмарский язык, а Лантея переводила суть текста для остального отряда. Из структурированных записей с массой утерянных фрагментов выяснилось, что в этом подобии журнала записывались все сведения о пленных, которых культ Пустого держал в темницах своего храма. Служители бога-предателя документировали состояние узников, расписание их питания и сна, а также время, в которое ингуры высасывали из пленников магическую энергию. В свитках была информация и о некоторых опытах: культисты пытались узнать точное количество часов, необходимых человеку, ифриту и хетай-ра, чтобы полностью восстановить запас магической энергии, а также количество пищи, нужное для этого процесса. Исходя из записей, узников морили голодом и не давали спать целыми неделями. Десятки подопытных не пережили эти эксперименты. Сведения о мертвых телах тоже заносили в отдельную графу, а после, судя по всему, трупы отправляли на съедение ингурам.

— Клянусь Эван'Лин, это отвратительно! — воскликнула Эрмина, как только Аш и Лантея закончили. — Лишь настоящим чудовищам может доставлять удовольствие так издеваться над живыми мыслящими существами, творить подобные ужасы!..

— Если бы матриархи не объединили силы и не уничтожили этот культ, то кто знает, сколько бы еще невинных погибло, — произнес Манс. — Это омерзительный культ...

Юношу поддержали недружными кивками. На всех древний журнал произвел шокирующее впечатление: одно дело было увидеть старые, рассыпавшиеся в прах, кости в руинах, а другое — прочитать подробности опытов, которые проводили над пленниками. Отряд будто окунулся с головой в прошлое, на несколько минут оказавшись в тех временах, когда культ Пустого еще имел силу, а все эти жестокости происходили в действительности.

— Не надо было соваться в эти руины. И уж точно нельзя было брать оттуда что-то, — мрачно и не очень громко проворчал Виек, но все его услышали. Общее настроение стало еще хуже.

На следующее утро, едва только все проснулись и хетай-ра совершили свою ежедневную молитву Эван'Лин, как Ашарх обратил внимание отряда на странные погодные условия. Мягкое безмятежное спокойствие пустынь растворилось, как брызги, оставив вместо себя тяжелое гнетущее ощущение надвигавшегося ненастья. Яростные порывы ветра завывали и закручивались в воронки под ногами, и профессор с опаской вглядывался в горизонт, где медленно расползлась туманная сероватая дымка, пока еще едва заметная, но которая уже скоро должна была заслонить собой небосклон.

— Надвигается песчаная буря, — со знанием дела сказала Лантея, прикладывая ладонь козырьком ко лбу. Ветер парусом вздувал ее плащ, бросал в лицо пыль и путался в заплетенных в мелкие косички волосах.

— Она идет с востока, — неуверенно проговорил Аш. — Мы сумеем ее избежать?

— Не выйдет. Попадем в нее в любом случае.

— И что делать?

Для профессора, собственными глазами видевшего самум первый раз в жизни, спокойствие остальных членов отряда было совершенно неясно. Без какой-либо тревоги во взгляде хетай-ра собирали свои вещи, готовились к отбытию и даже не обращали внимания на бурю.

— Будем ехать дальше, пока ветер еще не слишком сильный и есть видимость. — Лантея пожалала плечами, подняла с песка свои сумки и направилась к сольпуге.

— Мы поедем прямо навстречу буре? — удивился Аш. — Но ведь нас же просто заметет...

— Не стоит тебе так переживать, — фыркнула на это девушка. — Уж поверь мне, пустынный народ знает, как обуздать и подчинить себе песок. Самум нам не страшен.

Глядя на то, как тщательно хетай-ра закрывали лицо платками, прятали волосы под капюшоны и затягивали ремни на сумках, готовясь ко встрече с песчаной бурей, как к войне, Ашарх невольно ощутил нервозность, завладевшую им. Еще и постепенно усиливавшийся ветер лишь больше раздувал тревогу. Пыль и песок летели в глаза, забирались под одежду и оседали тонкой пеленой на щетине сольпуг. И чем дальше продвигался отряд, тем хуже становилась погода: небо постепенно заволакивало непроглядной дымкой, а мутная полоса бури на горизонте все увеличивалась в размерах, расширяясь и становясь только выше. Скоро ее уже было видно невооруженным взглядом — будто огромная грязная волна песчинок вот-вот готовилась захлестнуть все обозримое пространство, грозя погresti под собой пустыни и их обитателей.

Через несколько часов, когда порывы ветра уже всю хлестали путников наподобие тяжелых плетей, не позволяя лишней раз даже показать лицо из-под капюшона, Оцарио неожиданно остановил свою сольпугу, из-за чего ехавшая следом Эрмина врезалась в его паука.

— Да провалиться бы тебе на месте!.. — воскликнула она, хватаясь за иглы наездника и разводя животных, которые столкнулись и запутались лапами. — Чего ты встал, как соляной столп?!

Весь караван, двигавшийся цепочкой друг за другом, был вынужден замедлиться и вскоре полностью остановиться, поскольку Эрмина и Оцарио нарушили построение, внося сумбур в строй. Видимость вокруг становилась хуже с каждой минутой, и группа плотным кольцом окружила торговца и женщину, которые активно переругивались из-за чего-то.

— Их нет!.. — твердил Оцарио, роясь в своих сумках, баулах и мешках. Его руки так и порхали над вещами, исчезали в карманах и зарывались в груды бесполезных тряпок и товаров, которые мужчина всегда носил с собой.

— Кого нет? — взвыла Эрмина, прожигая спутника не самым добродушным взглядом. — У нас буря прямо по курсу! Сосредоточься уже и ездай дальше, хватит тратить время на рытье в своем барахле!

— Да замолкни! — неожиданно грубо отозвался Оцарио, не прекращая поиски. — Я потерял их!

— Не смей так обращаться с моей женой! — сразу же угрожающе зарычал Виек, потянувшись к мечу, висевшему у него на поясе. — Я научу тебя манерам, барышник!

Между спорщиками мгновенно вклинилась Лантея, почувствовав, что дело шло к кровопролитию. Она развела руки в стороны, призывая всех успокоиться.

— Довольно! — повысила голос девушка. — Пусть Оцарио сперва объяснит, что он потерял.

— Свитки из храма! Их нигде нет! Я положил их в кожаный кисет вечером перед сном, а утром, видимо, оставил на месте нашей стоянки!..

Все замерли на своих местах, силясь преодолеть недоумение, охватившее их. Один торговец все продолжал ощупывать карманы брюк и даже заглянул за голенища сапог. Похоже, он до последнего надеялся, что все же забрал кисет с собой, но просто забыл, куда его положил.

— Ты серьезно? — первой отмерла Эрмина, понизив тон. — Мы остановились только из-за того, что ты потерял этот трухлявый пергамент?

— Эти свитки вообще надо было сжечь или выбросить сразу же, как мы их прочитали, — заворчал Виек, который по-прежнему держал ладонь на рукояти меча. — Об этих гнусных записях даже переживать не стоит. Так что хватит заниматься дурью. Надо ехать дальше.

— Протестую! Протестую! — возмутился Оцарио, ударяя себя кулаком в грудь. — Я нашел эти свитки, и только я могу решать их дальнейшую судьбу! Это настоящая реликвия, тысячелетнее сокровище, и я просто не могу позволить себе потерять их так глупо!

— Что это ты задумал, торгаш? — предчувствуя беду, спросил Виек.

— Я вернусь за ними! Я поеду на место нашей утренней стоянки и заберу свитки, а потом догоню вас!

Тут Лантея резко дернулась вперед на сольпуге, вытянувшись в сторону Оцарио, и произнесла:

— Никто не поедет обратно. Мы должны проскочить через бурю. Не время отвлекаться!

— Эти свитки стоят баснословных денег, — не унимался торговец, даже не испугавшись грозного вида посла. — За них можно выручить целое состояние! Мы отъехали от стоянки всего пару часов назад, и я должен вернуться, пока не поздно. Неужели вы не понимаете?..

Никто ничего не хотел понимать. Поднялся настоящий шум и гвалт, сдобренный отборными ругательствами Виека, негодованием Оцарио и просьбами Лантеи прекратить это безобразие. В обсуждении не участвовал только Ашарх, решив даже не вникать в суть дела. Постоянные распри между торговцем и остальными членами группы стали уже настолько привычным делом, что профессор даже перестал просить Манса или Лантею перевести ему содержание бесед, поскольку все непременно упиралось в то, что Оцарио вновь кому-то не угодил со своими капризами.

Откинувшись назад на спине своей сольпуги, к которой он уже понемногу притерпелся, Аш с любопытством разглядывал темную завесу бури, медленно и неотвратно надвигающуюся на отряд. Когда бы еще ему представился шанс побывать так близко рядом с самумом? А теперь, находясь практически вплотную возле бушевавшей стихии, профессор внутренне усмехнулся. Все время до этого момента он видел лишь одну сторону пустынь — это был облик умиротворенный, тихий и безмятежный. Изящные барханы под ясным голубым небом неспешно перетекали с места на место, переносимые по крупицам ветром, и ничто не нарушало эту идиллию. А теперь пустыни неожиданно показали другую свою сторону — это было лицо, искаженное бешенством и яростью. Здесь каждая частица находилась в движении, и волны дикой энергии выплескивались в небеса, затмевая их. Такие пустыни Ашарху нравились больше: они будто наполнились жизнью и при этом оставались прекрасны в своем необузданном гневе, который, хоть и пугал отчасти, но на деле являлся истинной сутью этого песчаного края.

Неподалеку от того места, где остановился отряд, профессор заметил какие-то неясные темные пятна. Он прищурился, спрятав лицо в недрах капюшона, и куда внимательнее взгляделся в окружающее пространство. По склону одной из соседних дюн карабкалась группа каких-то существ, и когда Аш осознал, кто же это был, то его сердце пропустило удар.

Огромные черные как смоль псы с загубевшей шкурой без единого клокка шерсти везли на своих спинах закутанных в потрепанные накидки ифритов. Низко пригнувшись к самому

седлу имперцы взбирались по гребню бархана, утопая в песке и жесткими ударами подгоняя ксоло, своих верных псов, беспощадных и грозных хищников. Всадников было около дюжины, все легко вооруженные патами и катарами, пристегнутыми к поясам традиционных боевых кожаных юбок. Они двигались на большом отдалении друг от друга, растянувшись в две рваные шеренги, уходя от песчаной бури в северо-западном направлении. Похоже, эта группа ифритов даже не подозревала, что всего в сотне метров от них, не скрываясь, яростно спорил о чем-то отряд хетай-ра. Из-за шума ветра вообще трудно было хоть что-то заметить или услышать. К сожалению, это работало в обе стороны — делегация тоже не обратила внимания, что они уже давно были не одни.

У Ашарха от напряжения свело челюсти и лишь через пару секунд он нашел в себе силы все же их разжать и осторожно позвать Манса, оказавшегося ближе всех.

— Посмотри туда. — Профессор дрожащим пальцем указал юноше в направлении имперцев, и на его глазах у прежде невозмутимого Манса вся кровь отлила от лица.

— Это они... — прошептал хетай-ра, и его острый кадык на горле нервно заходил из стороны в сторону, как живой.

Привлечь внимание Лантеи, все еще погруженной в спор с Оцарио и Виэком, оказалось гораздо сложнее, но стоило и ей отвлечься, чтобы разглядеть черные силуэты вдалеке, как девушка мгновенно потеряла дар речи. А следом за ней и все остальные.

— Они нас еще не заметили, — быстро сообщил Ашарх, неосознанно пригибая голову.

Лантея сразу же жестами указала отряду спуститься вниз, к подножию песчаной насыпи, на которой они остановились, и укрыться за дюной от глаз ифритов. Немедленно группа исчезла из зоны видимости имперцев, и все как-то невольно притихли, опасаясь хоть чем-то обратить на себя внимание неожиданной угрозы.

— Откуда они здесь взялись? — свистящим шепотом спросил Манс.

Низко прижимавшаяся к спине своей сольпуги Лантея лишь мотнула головой.

— Это действительно те самые чужаки, что уничтожили Третий Бархан? — тихо поинтересовалась Эрмина. В ее глазах читалось неверие и одновременно с тем испуг.

— Без сомнений, — подтвердил Манс. — Я успел насчитать около дюжины. На армию не тянет.

— Это может быть разведывательный отряд, — предположил Виэк.

Необычайно серьезная и сосредоточенная Лантея, качнув головой, произнесла:

— Если наши опасения были правдивы, и Четвертый Бархан действительно находится под наблюдением ифритов, а после бойни в Третьем Бархане еще и уцелели остатки имперской армии, то сейчас в пустынях вполне могут бродить такие вот группы разведчиков или отдельные поисковые отряды.

Пользуясь помощью Манса в переводе, Аш тоже высказал свои мысли:

— Думаю, сейчас все силы ифритов брошены на поиски других полисов! Так что нам повезло, что мы никого не встретили на своем пути ранее и что нас самих не заметили...

— Вопрос в том, что нам делать сейчас, — бесцеремонно перебил профессора Виэк и устремил на посла свой тяжелый взгляд.

— Их около дюжины, — сказала Лантея. — Справиться с таким количеством вооруженных бойцов будет проблематично.

— Не забывай про ксоло! — вновь встрял Аш, едва Манс перевел ему слова сестры и гвардейца. — Этих псов всегда следует брать в расчет. Они способны перегрызть горло любому, на кого укажут их хозяева.

Девушка с изумлением выслушала эти сведения, поскольку никогда раньше она и не догадывалась о существовании подобных псов у имперцев в армии.

— Ладно, — ответила она. — Этот отряд нам не по зубам. Попробуем переждать угрозу здесь. Есть шанс, что нас не заметят, и ифриты уедут на запад, спасаясь от бури.

Такой вариант устроил всех. Решение спрятаться за дюной и выждать, пока имперцы не скроются вдаль, казался самым простым и безопасным. К тому же, погода была на их стороне: хетай-ра не боялись подступавшей бури, зная, как он нее укрыться, а краснокожие всадники торопились уйти, подгоняемые хлесткими порывами ветра.

Плотнее согнав сольпуг и притихнув, отряд отправил одного Ашарха на гребень бархана, чтобы он своим зорким человеческим зрением следил за передвижением ифритов издалека, не привлекая внимания. Никто не двигался и старался не разговаривать, чувствуя подступавшую к горлу нервозность. Со всех сторон бесился ветер, поднимая в воздух тонны песка и с каждой минутой ухудшая видимость все больше и больше. Время тянулось катастрофически медленно из-за этого томительного ожидания. Едва выглядывая из своего укрытия, Ашарх не сводил глаз с группы всадников, но их псы, непривычные к сыпучей поверхности под лапами, передвигались неловко, грузно проваливаясь в песок, и оттого ехал отряд не так уж и быстро, как всем бы этого хотелось.

Через пять минут, когда Эрмина от волнения истрепала себе всю бахрому на краях платка, закрывавшего лицо, Ашарх повернулся к спутникам и руками изобразил крест.

— Они встали, — громким шепотом сообщил мужчина. — Что-то с одним из ксоло. Кажется, ему перевязывают лапы.

Лантея кивнула и перевела остальным слова профессора, но не все в отряде отреагировали на эти новости спокойно. Взволнованный Оцарио, которому последние минуты совершенно не сиделось на месте, подъехал ближе к послу.

— Мы здесь можем еще долго так сидеть, пока они не уберутся!

— Будем ждать, сколько нужно, — процедила в ответ Лантея.

— Я к тому, быть может, я пока вернусь за свитками, а вы тут останетесь, а? — робко предложил Оцарио, поглаживая паука под собой. — Я проскочу как невидимка мимо этих чужаков! И вы отдохнете, посидите в укрытии, и я заберу кисет!

На миг торговец разглядел опасный всполох гнева, который поднялся из глубины зрачков девушки, но она сдержала себя в руках и лишь грозно прошипела:

— Не смей. Ты подставишь весь отряд.

— Но если буря пройдет, то она заметет нашу старую стоянку, и кисет сгинет! — умоляюще прошептал Оцарио. — Отпустите! Я должен обогнать самум и забрать свитки!

— Засунь свои капризы себе в глотку и сиди смирно!

Лантея демонстративно положила ладонь на рукоять своего кинжала, висевшего в ножнах на поясе. Заметив это движение, торговец сглотнул и отступил, признавая свое поражение. Успокоившись и на время забыв об Оцарио, девушка вернулась к наблюдению за профессором, который как раз подавал очередные сигналы. Он махал руками и, стараясь не повышать голос, твердил спутникам:

— Они тронулись!

— Насколько далеко отряд от нас? — спросила Лантея, прикрываясь от ветра, который усиливался и становился только злее с приближением бури.

— Навскидку семьдесят-восемьдесят шагов в том направлении. — Аш указал рукой. — Они поднимаются на гребень. Оттуда меня могут заметить.

— Сместись правее, — посоветовала девушка.

В этот момент Манс, затаившийся, как и все остальные, в тени песчаного склона, вдруг приглушенно вскрикнул и указал куда-то за спину Лантеи:

— Оцарио!

Девушка обернулась, чтобы стать свидетельницей того, как хитроумный торговец, презрев все угрозы, уезжал на своей сольпуге в ту сторону, откуда отряд пришел буквально четверть часа назад. Он еще не успел отъехать достаточно далеко, но, судя по тому, как побелевшие пальцы крепко сжимали иглу наездника, Оцарио намеревался в кратчайшие сроки добраться до старой стоянки, и его не страшила ни буря, ни вооруженные ифриты, ни гнев посла.

— Стой! — вполголоса крикнула Лантея. Но все было зря: торговец, придерживая свой тюрбан кораллового цвета, стремительно отдалялся от остального отряда.

Ругнувшись себе под нос, девушка с такой силой вогнала иглы в плоть сольпуги, что животное сорвалось с места с невиданной ранее скоростью. Бросившись в погоню за нерадивым сыном матриарха Васпии, Лантея лишь успела отдать приказ остальному отряду оставаться на своих местах. Она преодолела небольшое расстояние, разделявшее их с Оцарио за мгновение ока, словно переместившись в пространстве. Потому и вскрикнул торговец, когда сольпуга посла появилась перед ним как из-под земли, а Лантея уже схватилась за щетину его паука, вынуждая того застыть на месте.

— Какого хрена ты творишь, бестолковый кусок дерьма?! — не стесняясь в выражениях, спросила девушка, а ее лицо под платком пылало от гнева.

— Не мешайте! Я все равно поеду! — Оцарио пытался вырваться, дергал иглы, надеясь отвести сольпугу в сторону и обойти Лантею, но ему ничего не удавалось.

— Ты погубишь всех из-за своей жадности! Ифриты нас заметят и перережут нам глотки!

— Это огромные деньги! Это мой шанс вырваться из-под опеки матери и братьев! Мой шанс уехать и начать жить самому, без чужой поддержки! — захлебываясь от возбуждения, кричал мужчина.

Он вдавил одну из игл между хитиновыми наростами паука, и животное, задрожав от боли, вырвалось из хватки Лантеи. Но сольпуга не успела сделать даже шага, как девушка, схватившись за отравленный кинжал, направила его на Оцарио, и в ее взоре не было и намека на сомнения.

— Вернись к остальному отряду, иначе твое безжизненное тело навсегда останется лежать в этих песках.

Не поверив собственным ушам, торговец замер на месте. Он с таким удивлением смотрел на смазанное ядом лезвие, тянувшееся к его горлу, что даже не мог говорить. Яростно ревавший ветер сорвал с головы Лантеи капюшон и платок, растрепал алые мелкие косички. Кровавыми щупальцами они взвились в воздух, обрамляя ее бледное горевшее остервенением лицо, придавая девушке жуткий устрашающий вид. Перед таким грозным призраком Оцарио оторопел, он не мог вымолвить ни слова и лишь бестолково пялился на оружие, которое в любой миг могло оборвать его жизнь. Из ступора его вывел пронзительный крик Ашарха с вершины песчаного склона:

— Нас заметили!

Лантея резко развернулась. На одном из соседних барханов на самом гребне стоял отряд ифритов, которые с явным интересом разглядывали не замеченную ими раньше группу

пустынников верхом на пауках. Если бы Оцарио и Лантея не выехали так далеко из своего укрытия и не повышали голос, то имперцы могли бы проехать мимо. Но теперь поздно было сожалеть.

Пришпорив своих угольно-черных псов, скаливших клыки, ифриты во весь опор бросились в сторону обнаруженного каравана, скользя по песчаным склонам и поднимая облака пыли. Их крики эхом разносились вокруг, сплетаясь с завыванием ветра и утробным рычанием ксоло.

— Быстро! Waza! Уходим! — во все горло скомандовала Лантея отряду, разворачивая сольпугу и бросаясь в обратном направлении. Ей уже было все равно, поскачет ли Оцарио следом или по своей глупости решит в одиночку сбежать, но через миг с ее сольпугой поравнялся паук торговца. Кажется, его инстинкт самосохранения в экстренной ситуации все же оказался сильнее жажды наживы.

Группа не стала медлить: Аш кубарем скатился с гребня дюны и оказался на спине своей сольпуги как раз в тот момент, когда Лантея и Оцарио уже преодолели расстояние, разделявшее их и место последнего укрытия. Виек, Эрмина и Манс, практически не оборачиваясь, гнали своих пауков на восток, в направлении приближавшейся бури.

— Что мы будем делать? — закричал Ашарх, пытаясь не свалиться с сольпуги на такой скорости. Он распластался по спине животного, цепляясь за иглы наездника, и постоянно с ужасом оглядывался назад. За ними по пятам мчалась погоня, и уже через несколько секунд мимо паука Оцарио пролетела первая магическая огненная сфера.

Испуганно взвизгнув, торговец вильнул в сторону, чудом не повстречавшись со следующим снарядом. На счастье беглецов, сильный ветер замедлял сферы и частично гасил их, но расстояние между отрядом и их преследователями медленно сокращалось, и огонь стал мелькать все чаще и чаще с обеих сторон, с шипением пронзая воздух.

— Врассыпную! — скомандовала Лантея, первой уйдя с линии обстрела. — Двигаемся на юго-восток! Мы поскачем вдоль бури!

Пауки рассеялись, и отряд растянулся по открытому пространству прерывистым строем.

— Они нас догонят! Догонят! — твердил Оцарио, одеревеневшими от страха пальцами схватившись за щетину своей сольпуги.

— Не щадить пауков! — пытаясь перекричать ветер, приказала девушка. — Надо увеличить разрыв! Мы быстрее их!

Как бы ифриты ни подгоняли ксоло, но перевязанные обмотками лапы псов то и дело проваливались в раскаленный песок, замедляя преследователей. Для сольпуг ни ветер, ни сыпучие склоны дюн не были достойной преградой, поэтому в скором времени, когда ксоло понемногу стали выматываться, пауки, не сбавляя скорость, легко и быстро разорвали дистанцию, невесомо скользя по песчаным скатам. Огненные сферы имперцев больше не долетали до отряда, далеко ушедшего вперед, но чужаки не останавливались и продолжали преследование. Даже песчаная буря, блеклым маревом затмившая собой все небо и горизонт, не пугала ифритов, и они гнали своих псов навстречу самуму, надеясь успеть схватить пустынных.

Плавнo отклоняясь в южном направлении, вскоре отряд скакал уже практически вдоль надвигавшейся песчаной завесы. И с каждым метром ярость стихии чувствовалась все сильнее: удержаться на спине сольпуги стало непросто, теперь ветер сплошным бурным потоком сдувал всадников и пауков, срывал сумки и вещи, казалось бы, достаточно хорошо закрепленные ремнями.

— Еще немного, и нас унесет! — где-то на грани слышимости воскликнула Эрмина.

— Они не отстают! — обернувшись назад, рявкнул Виек, заметив, что ифриты, хоть и держались чуть западнее, но по-прежнему скакали следом за отрядом, вдоль песчаной пелены.

— Ждут, что мы испугаемся бури! — ответила ему супруга, вплотную прижимаясь к спине паука.

— Waza ya mio'henni! Уходим за завесу! — достаточно громко велела Лантея на обоих языках, чтобы все ее услышали.

— Это самоубийство... — не поверил приказу Оцарио. — Нам не выжить там без укрытия!

— Я сказала, уходим! — с рычанием повторила девушка и первой развернула сольпугу, посылая ее напрямик к границе, за которой начинался безумный песчаный вихрь.

«Это конец!» — почему-то промелькнула у Ашарха в голове паническая мысль, но он, ни минуты не колеблясь, бросился вслед за своей спутницей, вдохновленный ее храбростью.

Мчаться во весь опор навстречу собственной смерти, раскрывшей песчаный зев, было невероятно жутко, но никто из отряда не дрогнул и не засомневался — за спиной, поджимая куцые хвосты, с рычанием приближались свирепые псы с вооруженными всадниками на загривках. И если уж нужно было выбирать между смертью от рук чужаков и гибелью в песчаной буре, то пустынные предпочитали отдаться на волю родной стихии.

Через незримую грань они проскочили легко, сами не заметив, когда их со всех сторон обступила непроглядная песчаная мгла. Видимость резко ухудшилась, и теперь рассмотреть что-то дальше педипальп собственного паука становилось проблематично, но отряд, выстроившись цепочкой, продолжал двигаться вперед, надеясь не потеряться в этом хаосе.

Ветер здесь, на самой окраине бури, был уже достаточно силен, чтобы сдуть неосторожного наездника с сольпуги, и все путники держались, как могли: за щетину и хитиновые наросты пауков, за ремни, скреплявшие сумки, и за собственные плащи, чтобы их не унесло прочь. Практически не имея никакой возможности раскрыть глаза из-за пыли, отряд ступал медленно, а песок мгновенно заносил сольпугам лапы, мешая передвижению.

— Вп..р..д!.. В..ред!.. — кое-как пробилась сквозь шум и гул слова Лантеи, ехавшей во главе процессии. Ей приходилось тяжелее всего, но девушка уверенно прокладывала путь для своего отряда, пряча лицо в сгибе локтя, и заходя все дальше и дальше в сердце самума.

Для профессора время тогда остановилось, растворившись в буйстве стихии, и с уверенностью он мог сказать лишь одно — они шли на пределе своих сил достаточно долго, чтобы погоня их потеряла. Когда до слуха Ашарха донесся приказ Лантеи остановиться, то мало у кого из группы уже оставались силы держаться. Тяжелые сбивавшие с ног порывы ветра сталкивали всадников со спин пауков, песок забивался в плотку и нос сквозь платки, не давая дышать.

— Ставим укрытие! Виек, Манс, за работу! Остальные держат барьер! — очередной приказ девушки едва можно было расслышать, и ей пришлось не раз повторить его, чтобы группа уяснила, что каждому надо было делать.

Спрыгнув со своей сольпуги на землю, Виек сразу же почти по колено утонул в песке и не смог удержать равновесие, упав вперед. Ему помог встать на четвереньки Манс, прикрывая спиной от ветра и пыли, а после и сам опустился рядом. Зарывшись ладонями в песок, они воззвали к богине, призывая ее одарить их своей силой в минуту нужды, и когда магия потекла из их пальцев, формируя стены укрытия из мельтешивших перед лицом

песчинок, Эрмина возвела небольшой полупрозрачный купол над мужчинами, пытаясь защитить их от ветра.

Измотанные Лантея и Оцарио, коснувшись песка под ногами, уже через полминуты сумели накрыть похожей магической полусферой всех сольпуг, согнанных как можно ближе друг к другу, самих себя и профессора. Под защитой невесомого песчаного купола неукротимая сила самума ощущалась гораздо слабее, но держалось подобное заклинание недолго и было исключительно статическим, привязанным к одному месту. И все время, пока Виек и Манс совместными усилиями возводили для отряда достаточно крепкое и просторное убежище, остальные хетай-ра, по колени утопая в песке, постоянно обновляли свои барьеры, растрачивая магическую энергию.

Стены укрытия возникали медленно, постепенно наслаиваясь друг на друга, утолщаясь и стягиваясь в местах сочленений. Профессор был готов поклясться, что так продолжалось не меньше четверти часа, пока перед отрядом постепенно не сооткалось широкое, до середины погруженное в песок, здание. Оно было приплюснутым, как гольщ, не имело иных отверстий, кроме входа, и прямо на глазах заметалось песком, наносимым ветром.

— Все внутрь, — хрипло скомандовала Лантея, в тот же миг убирая свой барьер и облегченно встряхивая затекшие руки.

Подгоняя уставших животных, группа забралась в скромное убежище, сразу же запечатав за собой вход, из-за чего все помещение погрузилось в беспросветную мглу. Внутри, как оказалось, места едва хватало, чтобы разместить всех сольпуг, тесно сгрудив их в одной стороне, а для путников свободным остался лишь один дальний угол. На ощупь отыскав в одной из своих дорожных сумок закупоренную масляную лампу, профессор вслепую высек несколько искр с помощью огнива и зажег фитиль. Помещение озарилось слабым уютным светом.

— Откуда у тебя эта лампа? — охрипшим от криков голосом поинтересовалась у друга Лантея, устало опускаясь на пол и прислоняясь гудевшей головой к стене.

— Манс по моей просьбе купил еще в Четвертом Бархане, чтобы я вечерами мог изучать свои записи по Гиртариону и делать заметки, — объяснил Ашарх, посасывая обожженный палец. — Правда, я так устаю в дороге, что так ни разу ей и не воспользовался: мгновенно засыпаю на всех стоянках.

Лантея хмыкнула и обвела взглядом остальных членов группы. Из-за низкого потолка временного убежища все ходили, постоянно пригибаясь. Особенно тяжело было Виеку, которому высокий рост позволял передвигаться только согнувшись в три погибели. Понемногу успокоившись и смирившись с тем, что все угрозы остались позади и теперь оставалось лишь ждать, члены отряда усаживались возле масляной лампы и тихо обменивались своими переживаниями. Эрмина, переставляя иглы наездника, по одному усадила пауков на пол, чтобы они тоже могли отдохнуть и не занимали так много пространства своими длинными лапами, и после присоединилась к спутникам. Утомленные и с ног до головы обметанные пылью и песком, они были не в состоянии первое время даже пошевелиться — все просто сидели, опершись спинами на стены, и смотрели на огонек, объявший фитиль лампы.

— Все еще не могу поверить, что нам удалось это сделать, — прикрыв глаза, негромко сказал Манс, снимая со своего лица тесную повязку и отбрасывая ее в сторону. — Поставить укрытие прямо в центре бури — такое было никому не под силу из ныне живущих.

Его руки слабо подрагивали от перенапряжения, и юноша положил их себе на колени,

надеясь расслабиться хоть немного после выплеска магической энергии.

— Это было рискованно, — согласился Виек, делая пару жадных глотков из своей фляги, — но стоило того. От погони мы ушли быстро и буквально растворились в песках для них.

— Думаете, они будут нас искать? — спросил Манс.

Гвардеец мотнул головой.

— Нет. Через пару часов, когда нас полностью заметет, то никому не удастся найти это убежище.

— К тому же, им самим надо спасаться от бури, — тихо добавила Лантея, не отводя взгляд от лампы. — Если они все же отважились пойти следом за нами в сердце самума, то с ними уже покончено. Но если эти ифриты остались за границей, то они бросят все силы, чтобы успеть уйти на запад.

— Выходит, все кончено? Мы спасены от этих многоруких чудовищ? — робко спросила Эрмина.

— Пока что можно выдохнуть, — с заметной хрипотцой сказала Лантея. — От преследователей мы сбежали, и в буре никого не потеряли. Что ждет нас дальше — одной богине известно. Возможно, в следующий раз все обернется куда хуже.

— Особенно если среди нас по-прежнему останутся те, кто желают смерти всему отряду, — очень тихо и угрожающе проговорил Виек. После этой фразы замолчали все, а Оцарио, сидевший с краю, дальше остальных от лампы, невольно сжался и отвел глаза в сторону.

Теперь на него смотрели все, без исключения. Чувствуя тяжесть безмолвных упреков, торговец в конце концов не выдержал и взорвался чередой оправданий:

— Я мог бы тихо проскочить мимо них! Если бы Лантея меня не остановила, то чужаки не заметили бы нас никогда в жизни!

— Последнее, что тебе следует сейчас делать, так это обвинять во всем посла, — сурово сказал Манс, который хоть обыкновенно и относился к Оцарио по-дружески, но вот нападок в сторону сестры простить никак не мог.

— Вы все не понимаете! — затянул свою песнь торговец, стаскивая с головы тюрбан и принимаясь его мять в руках. — Я лишь хотел вернуться обратно, пока буря не добралась до стоянки, и забрать свой кисет... Эти свитки были моим шансом на лучшую жизнь, на жизнь, о которой я мечтал!

— Теперь очень многое прояснилось, — недобро усмехнулась Лантея, поднимаясь со своего места. — Раньше я удивлялась, как ты мог быть таким успешным лавочником со своей бестолковостью. Как вообще торговец пустыми безделушками сумел расширить свое дело до подобных объемов? А оказалось, что без помощи заботливой матери и любезных братьев ты никто, Оцарио Фуйима.

Услышав подобное, Виек тихо присвистнул и презрительно выплюнул, не стесняясь в выражениях:

— Так ты, сука, отправился в это путешествие только для того, чтобы сбежать от матриарха и подзаработать себе на новую жизнь?

— Я лишь хочу избавиться от финансовой зависимости перед своей семьей, — насупившись, произнес Оцарио. — Я годами рыскал по побережью и избородил все пустыни вдоль и поперек в поисках артефактов древности, в надежде отыскать однажды сокровище, которое позволит мне разбогатеть и отказаться от патронажа матриарха. Без ее

денег, покровительства братьев и моего звучного титула этими товарами бы никто не интересовался! А я хочу жить сам, по своим законам и правилам, не чувствуя себя должным перед кем-то. Я хочу быть свободным...

— И ты, бесполезный засранец, решил, что клочок старого пергамента поможет тебе в этом? — нервно засмеялся Виек, проводя ладонью по своем грязному покрытому щетиной лицу.

— Эти свитки — ценнейшая моя находка за всю жизнь. Тысячелетний журнал забытого культа! Уникальный сохранившийся артефакт! Я бы выручил за него целое состояние...

— Бред! — оборвал Оцарио гвардеец. — Ты, блядь, должен был разбираться не с деньгами, а со своей семьей! И тогда не пришлось бы собирать мусор по пустыням и подставлять весь отряд сегодня!

— Что толку теперь кричать и твердить мне что-то? — вспыхнул торговец, стискивая челюсти. — Я уже потерял свой единственный шанс! И в ваших глазах, судя по всему, я теперь отброс...

Нависая на Оцарио зловещей тенью, Лантея произнесла:

— В этом ты прав. Больше ни у кого здесь нет к тебе доверия. Поставив собственные эгоистичные потребности выше жизней товарищей сегодня, ты показал свое истинное лицо — лицо подлеца.

Она плюнула прямо под ноги трусливо сжавшемуся в комок торговцу и отступила к противоположной стене помещения, не желая даже рядом стоять с этим жалким ничтожеством. Виек мелочиться не стал: он от души врезал кулаком в бок Оцарио и не стал продолжать лишь потому, что Эрмина остановила его руку. Другие члены группы лишь отвели глаза в сторону и промолчали.

Так все и сидели несколько долгих часов в тягостной тишине, изредка пересекаясь взглядами и ожидая, когда же за пределами укрытия уляжется буря. Сквозь стены еще долго были слышны завывания ветра, гул воздушных потоков и шум песка, постепенно обволакивавшего убежище маленького отряда со всех сторон. И лишь когда снаружи замолкли все звуки, пустынники стали прорывать путь наружу.

Трудно было сказать, сколько времени ушло у них на то, чтобы выбраться на поверхность сквозь все слои песка, но когда они вновь сумели подставить свои лица солнечным лучам, то небо уже было чистым, как слеза. Во все стороны тянулись лишь ровные золотистые барханы, ничем не тревожимые, и не были и следа чужого присутствия. Буря улеглась.

Глава четвертая. Под сенью деревьев хацу

За свою долгую жизнь альвы обыкновенно меняют три имени. Первое дается на сакральнй восьмой день после рождения: альвы верят в силу имени и в его влияние на дальнейшую судьбу, поэтому родители основательно подходят к выбору. По достижении пятидесяти лет альвы сами подыскивают себе второе имя, и часто оно — подсознательное желание чего-то достигнуть. Третье имя альвы получают на столетие от соплеменников по своим заслугам или дурным деяниям. В Ивриувайне мало тех, кто перешагивает порог в полторы сотни лет, но таким долгожителям четвертое имя выбирает сам Синклит. И те, кто носят его — самые почитаемые старейшины Могучего Леса.

Волхв Уда клана Талхит из города Филд. «Гнев Омеотана»

В первую ночь после всего произошедшего спокойно спать никто в отряде не мог. Воспоминания о преследователях были еще слишком свежи, чтобы беззаботно и безбоязненно отдыхать, позабыв обо всем на свете. Теперь пустыни больше не казались такими необитаемыми, а чувство подстерегавшей за каждой дюной опасности довлело над всем посольством.

— Думаю, мы с Виеком встанем сегодня в караул, — решительно сказала Эрмина вечером на стоянке, кивая своему мужу. — Вы постарайтесь выспаться, а мы проследим, чтобы ничего не произошло и никто к нам не подкрался незамеченным.

— Разбудите и меня, как надо будет кого-то сменить, — попросил Манс, потягиваясь и с удобством располагаясь на шкурах. — Пару часов посидеть в дозоре я более чем готов.

— Может быть, и я тоже поучаствую? — робко подал голос Оцарио, но все сделали вид, что его никто не расслышал. Весь этот долгий день отношения между торговцем и остальными членами делегации не ладились, ведь отныне общаться с отщепенцем мало кому хотелось: лишь Манс еще кое-как терпел Оцарио, ведя с ним тихие беседы, и Лантея изредка могла расщедриться на парочку каких-нибудь нейтральных фраз, сказанных довольно прохладным тоном. Вот и теперь слова торговца будто бы никто не заметил, отчего тот еще больше поник и отвернулся от всех.

Первой заступила в дозор Эрмина. Выбравшись из песчаной юрты, она села спиной ко входу, чтобы в ее поле зрения оказалось все пространство перед стоянкой. Остальная группа расстелила шкуры, укрылась плащами и через четверть часа все мирно заснули, убаюканные тихим ветром и уповая на защиту своих верных воинов, неустанно охранявших покой отряда.

На следующее утро делегация двинулась в путь сразу же, как только посветлел горизонт. В середине дня им повезло набрести на извилистую неширокую речку, берега которой поросли густой травой и объемным кустарником. Вода оказалась мутноватой, но вполне годной для питья. Искупавшись и пополнив бурдюки, группа навела переправу, на скорую руку возведя из песка мост, и скорее направилась дальше.

— ...Значит, эти псы, эти самые ксоло, о которых ты говоришь, и правда так умны? — с сомнением поинтересовался Манс, пощелкивая бусинами своих четок.

Они вдвоем с профессором ехали бок о бок и неторопливо беседовали с самого утра. Давивший на голову солнечный жар неустанно клонил в сон, и сопротивляться ему порой едва хватало сил.

— Еще как, — вяло ответил Ашарх, сжеживая зевоту в кулак. — Они вышколены,

обучены командам и во всем слушаются своих хозяев. Опасные звери. От такого трудно унести ноги, а если вцепится клыками в плоть, то уже ничем челюсти ему не разжать — раздробит кости и раздерет мясо за пару мгновений!

— Ну, со всадником на спине они ведь не так уж и ловки... — неуверенно пробормотал Манс и легко коснулся иглы наездника в основании головы своей сольпуги. Стекло с противным чавканьем сдвинулось в сторону, из плоти выступило немного скверно пахнущего гноя, из-за чего юноша поморщился и скорее убрал руку. После головокружительной погони, случившейся прошлым днем, когда наездникам пришлось во весь опор гнаться прочь от имперцев, глубоко всаживая стеклянные иглы в тела пауков, у многих из животных раны воспалились. Грязь, занесенная бурей, вызвала заражение, и теперь желтоватый иخور сочился из отверстий почти постоянно, что никому не прибавляло хорошего настроения.

— Разве что немного теряют в скорости, — пояснил Аш. — Но все равно они достаточно маневренные, что с наездником, что без. У себя на родине ифриты вообще выращивают их не только как ездовых животных. Там ксоло — это и боевой зверь, и охотник, и верный помощник.

— Ох, не походят эти псы на домашних питомцев, совсем не походят. — Манс покачал головой. — Я с таким не стал бы даже рядом стоять, а имперцы, похоже, этих клыков вовсе не боятся.

— Они ксоло как раз особенно ценят за суровый нрав и безжалостность. Люди, к примеру, и ездить, и землю пахать предпочитают на лошадях. А ифриты коней не терпят за смиренный нрав. Говорят, что если животное само себя защитить не в состоянии, то оно только в пищу и годно. Поэтому на землях империи Ис лошадей разводят на мясо, а вот ксоло заняли место фаворитов.

— А что за лошади? Ты мне о таких зверях еще ничего не говорил...

— У сестры своей можешь о них спросить — она лучше расскажет, — усмехнулся Ашарх. — Она в свое время из-за одного коня чуть рук не лишилась, а второго и вовсе выкрала. В общем, довольно интересная была история. Но без ее разрешения я не стану ворошить прошлое.

Хохотнув, профессор поудобнее сложил затекшие от долгого сидения ноги, и перекинул свою длинную темную косу на плечо. Заинтригованный Манс же непременно пожелал услышать подробности от своей сестры и уже коснулся иглы наездника, чтобы послать сольпугу вперед, к началу каравана, но стеклянный шип неожиданно легко и без какого-либо сопротивления выскользнул из раны.

Юноша бестолково пялился пару секунд на иглу, оставшуюся в его руке, а после на изувеченный затылок сольпуги, где гадкая субстанция желтого цвета мгновенно заструилась из отверстия. А после пришедшее в себя животное неожиданно пронзительно и громко завизжало, почувствовав всю ту боль, что долгое время заглушалась иглами. Дрожа всем телом, паук встал на дыбы, щелкая своими хелицерами и перебирая педипальпами, продолжая уже практически на ультразвуке верещать. Манс кубарем скатился со спины, тяжело упав на песок и приложившись головой. Следом за ним полетела часть ненадежно закрепленных сумок, а запертые в клетках почтовые орлы, едва успевшие прийти в себя после вчерашней погони и песчаной бури, сразу же закричали и забили крыльями в узком пространстве, не понимая, что же опять происходило.

— Манс! — взволнованно позвала брата Лантея, разворачивая свою сольпугу и во весь

опор бросаясь обратно. — Уходи отсюда!

Юноша едва успел забраться на паука профессора, приняв протянутую руку, когда за его спиной разъяренное животное начало перекатываться по песку, пытаясь выбить из своего тела остальные иглы. Стекло трещало и лопалось, сольпуга визжала, и ее лапы подергивались и дрожали от боли.

— Я ей займусь! — на ходу выкрикнула Эрмина, бросаясь наперерез Лантее и не позволяя ей даже близко подъехать к взбесившемуся пауку.

— Тебе понадобится помощь! — возразила посол, вынужденно останавливая свою сольпугу.

— Я справлюсь! И не таких укрощала! — с вызовом бросила Эрмина и устремилась в сторону грозного противника.

Едва женщина оказалась поблизости, как она легко спрыгнула со спины своего паука на песок. В руках у нее уже лежала свернутая кольцами бечевка, а на поясе позвякивала связка стеклянных игл, которые опытная наездница всегда носила с собой.

Подкрадываться было бесполезно: как только рядом оказалась жертва, на которой сольпуга могла выместить свою злость, как паук мгновенно собрался с силами и резко бросился в атаку, намереваясь раскусить наездницу пополам и после выпить из еще живого тела все соки. Эрмина быстро ушла в сторону, пропуская животное мимо себя и выдерживая небольшую дистанцию. Пытаясь на расстоянии оценить, сколько игл еще было воткнуто в тело пустынного паука, она некоторое время кружила возле обезумевшей сольпуги и внимательно приглядывалась к стеклянным осколкам, торчавшим из корпуса животного.

— Берегись! — вовремя предупредил Виек, когда в какой-то момент паук, устав гоняться за своей неуловимой жертвой, резко вильнул в сторону, надеясь ее обмануть.

Мгновенно отреагировав, Эрмина поднырнула под голову сольпуги, проскальзывая прямо под бритвенно-острыми хелицерами и успевая наскоро обмотать конец бечевки вокруг одной из передних лап. Едва затянув узел, женщина перекадилась в сторону, уходя из-под брюха. Длинный шнур Эрмина накрепко держала в своих руках, и даже могучие рывки сольпуги не могли сдвинуть наездницу с места, хотя паук метался так яростно и сильно, что любой другой на месте этой женщины давно бы уже упал на колени.

Она забрала в ладонь горсть песка и бросила его прямо в оскаленную морду паука, когда тот в который раз сделал молниеносный выпад. Инстинктивно шарахнувшись в сторону и закрыв свои черные влажные глаза, сольпуга на несколько секунд потеряла противницу из зоны видимости, а за это время Эрмина успела оказаться позади животного и повязать свою бечевку вокруг одной из задних лап. Почувствовав опасность, паук сразу же попытался развернуться, но женщина не позволила ему это сделать. Упершись ногами в песок, она с такой силой потянула на себя веревку, что та грозила вот-вот лопнуть, а когда сольпуга, растерявшись и запутавшись, криво осела на одну сторону, Эрмина уже очутилась рядом и ловким движением завязала скользящий узел на задней лапе с другой стороны.

Дернув на себя конец бечевки, она не без усилий стянула все три лапы вместе, стреножив сольпугу и полностью лишив ее какой-либо возможности куда-то убежать. Перебирая остальными свободными лапами, животное вздымало в воздух клубы пыли и песка, пыталось дотянуться до обидчицы педипальпами, чтобы затащить добычу в пасть, но Эрмина грациозно избегала всех атак. И Лантея, с невольным восхищением наблюдавшая за этой искусно выполненной работой профессиональной наездницы, не сразу заметила довольную улыбку, затаившуюся в уголках губ Эрмины. Кружась возле своей поваленной

жертвы, уворачиваясь от ее тычков, стягивая ту же паучьи лапы, укротительница откровенно наслаждалась этой схваткой, будто не ощущая никакой опасности для себя. Она танцевала, опьяненная собственной неуязвимостью.

Как только веревка оказалась надежно закреплена, женщина ласточкой взмыла на спину побежденного паука. Она вытаскивала старые обломанные стеклянные иглы и выбирала пальцами осколки, стараясь не обрезать и без того изувеченную плоть сольпуги. Животное рвалось, визжало и угрожающе стрекотало, но поделаться ничего не могло.

— У нас еще осталась морская вода? — между делом громко спросила Эрмина.

Ее супруг отстегнул с ременной перевязи своего паука небольшую баклажку и, подыхав поближе, бросил прямо в руки жене. Эрмина ловко поймала флягу и принялась промывать загноившиеся раны на спине сольпуги морской водой. Соленая влага щипалась, но замечательно вымывала желтый иخور, обеззараживая ткани и очищая их. Когда с этим было покончено, женщина сняла с пояса связку стеклянных игл и неторопливо вкрутила их на старые места, не обращая внимания на то, как исходила криками сольпуга под ней, дергаясь и норовя перевернуться. Но едва только последние иглы оказались в плоти паука, как животное замерло и успокоилось. Оно больше не ощущало ни боли, ни голода, ни жажды — лишь готово было послушно исполнять указания и ступать туда, куда его направят.

— Вот и вся работа, — отряхнув руки, Эрмина с улыбкой прыгнула на песок.

Бросив баклажку обратно Виеку, она быстро развязала веревку, освобождая паучьи лапы, и смотала ее. Животное мирно встало и больше никаких признаков агрессии не подавало, а довольная собой Эрмина, щеки которой горели от легкого румянца, а глаза блестели от удовольствия, скорее забралась на свою сольпугу, готовая отправляться дальше.

— Ничего себе! — изумился Манс, возвращаясь обратно на своего ездового паука. Он первым делом проверил, прочно ли сидели новые иглы, а уже после стал успокаивать запертых в тесных клетках птиц: те растеряли часть перьев, и лишь жалобно кричали, не видя ничего за своими кожаными клобуками.

— Работа мастера, — не могла не признать Лантея с улыбкой.

— Ничего сложного, — отмахнула Эрмина, хоть и было заметно, что похвала ей очень приятна. — Лишь долгие годы теории и практики.

— О да, — со смешком хмыкнул Виек, — и сотни невинно исколотых сольпуг.

Его жена легко и звонко засмеялась в ответ, будто вспомнив те старые добрые времена, когда она еще только обучалась своему мастерству, а после предложила осмотреть и остальных пауков в группе. Перед тем как вновь тронуться в путь, другим сольпугам тоже промыли воспаленные раны, и у многих из них уже к вечеру заражение сошло на нет, а гной понемногу иссяк.

Через несколько дней караван заметил, что окружающий ландшафт начал неумолимо меняться. Пустыни постепенно заканчивались: песка становилось все меньше, на смену ему постепенно приходила каменистая почва, а где-то можно было заметить даже робкие побеги травы. И только солнце продолжало сиять все так же ярко, вынуждая путешественников страдать от жары и удушающего зноя.

Отряд двигался осторожно, поскольку восточная часть пустынь Асвен была печально известна благодаря зыбучим пескам, которые в свое время несколько раз останавливали великую ифритскую армию, пытавшуюся оккупировать земли вплоть до залива Таглаф, чтобы Ивриувайн оказался окружен со всех сторон. Пески были непредсказуемы, подчас они подстерегали неосторожных путников там, где невозможно было заподозрить их

присутствие: гладкая песчаная поверхность на поверку оказывалась бездонным котлом, который мгновенно принимался засасывать свою добычу. И чем сильнее дергалась жертва, чем тяжелее была одежда и экипировка, тем быстрее песок уходил вниз. Выбраться из таких мест самостоятельно было проблематично, поскольку уровень насыщенного подземными водами песка мог дойти до самого подбородка, и тогда уже никаких шансов живым покинуть ловушку не было. Отряд более чем внимательно смотрел себе под ноги на этих диких территориях, а когда песок окончательно сменился твердым камнем, то все облегченно выдохнули.

Затянувшийся переход через пустыни Асвен повлиял на каждого из членов группы по-своему, но было и то, что угнетало всех одинаково: однообразное питание, монотонная езда и иссушающая жара, больше двух недель сопровождавшие посольство, понемногу сводили всех с ума. Многим в отряде уже стало казаться, что они никогда не доберутся до Леса альвов, и лишь один Ашарх последние сутки в дороге уверенно твердил обратное:

— Мы уже скоро увидим их земли! Осталось совсем немного!

Профессор с таким воодушевлением и надеждой весь день говорил о близости Ивриувайна, что в какой-то момент Лантея все же не выдержала и спросила:

— С чего ты так уверен, что мы рядом? Ты ведь здесь ни разу до этого не был.

— Я держу в голове многие карты, — с улыбкой напомнил девушке Аш, поправляя висевший на поясе гладиус, постоянно тыкавший его рукоятью в бок. — В том числе пустынные карты из библиотеки твоей матери и даже старые карты пограничных городов Ивриувайна из академических учебников. Хотя как раз последним доверять нет особого смысла.

— Это еще почему? — удивилась Лантея, скидывая капюшон.

— У Залмар-Афи натянутые отношения с альвами. наших послов не пускают внутрь страны, поэтому ни о какой картографической точности говорить не стоит.

Манс, издали заслышав начало интересной беседы, сразу же подъехал поближе.

— Ни за что не поверю, что ты действительно наизусть помнишь все карты, что когда-либо видел, — подначил друга юноша. — Это же просто невозможно.

Неопределенно хмыкнув, Ашарх полез в сумку за пергаментом и чернильницей, а после принялся у себя на коленке старательно что-то чертить. Через несколько минут он предоставил Мансу простенькую, но достаточно понятную карту.

— Вот здесь заканчиваются пустыни Асвен и проходит западная граница Леса. На ней расположены всего два города: Ференаат практически вплотную примыкает к землям империи Ис, а Гарвелескаан находится гораздо южнее — он стоит на реке Мистис, которая впадает в бухту Зукк. Этот город к нам ближе всех, так что как только мы выйдем к этой небольшой бухте на краю залива Таглаф, то должны будем уже увидеть Могучий Лес. Ехать нам осталось совсем недолго.

Лантея, внимательно слушавшая своего друга, повернулась к нему, не отпуская иглу наездника, и заглянула в пергамент. В плохой памяти профессора действительно нельзя было упрекнуть: возле заштрихованного пятна, означавшего восточную часть пустынь Асвен, были изображены все приграничные территории, начиная от людских и имперских земель и заканчивая Лесом альвов. Их пересекали несколько подписанных рек, точками были отмечены основные города, а возле Гарвелескаана Ашарх даже обозначил все заливы и бухты, открытие которых в свое время снискало для ифритов славу исследователей, первыми отыскавших пустынный край.

— Говоришь, залмарских послов альвы не пускают дальше границ? — безрадостно повторила услышанную ранее фразу девушка, поправляя на лице свой платок, хотя песка вокруг уже практически не было. — Согласятся ли они вообще нам ворота отпереть? Мы ведь выглядим теперь как кучка оборванцев, а не как посольство...

Профессор обернулся посмотреть на группу. Действительно, уставшие и обгоревшие хетай-ра были облеплены слоем песка и пыли; их одежда, покрытая потными разводами и соляными пятнами, порвалась и приняла неподобающий вид, а грязные волосы сбились в колтуны. Конечно, от гордого посольства пустынного народа здесь осталось только воспоминание.

— У нас нет выбора. Постараемся убедить их выслушать нас, предоставим свиток пакта...

— А как мы будем общаться с ними? — спросил Манс. — Они говорят на залмарском языке?

— Не говорят... — задумчиво ответил профессор. — Насколько мне известно, у альвов есть свой собственный язык, который зовется амриль. Кажется, это переводится как «шум Леса» или что-то подобное. И, по слухам, его невозможно выучить тем, кто родился не в Ивриувайне, ведь альвы подражают шелесту листвы своими голосами... Залмарский они не знают, поскольку презирают человеческую страну и все человеческое из-за нашей рабской покорности Залмару и агрессивной политики Пророков. Но я рассчитываю, что в Гарвелескаане окажутся альвы, владеющие ифритским. Тогда переговоры без проблем состоятся.

— А ты говоришь на ифритском? — полюбопытствовал Манс.

— Не очень хорошо, но говорю, — признался Ашарх, смущенно потирая взмокшую шею. — В академии все студенты в обязательном порядке его учат. Это что-то вроде второго языка в Залмар-Афи, большинство людей им владеет, пусть и слабо. В условиях постоянной войны с империей Ис полезно знать язык противника, знаешь ли, мало ли когда он может пригодиться. Потому я и надеюсь, что у альвов идентичная ситуация с ифритским.

Манс в ответ на это недовольно фыркнул, и его можно было понять. Две недели ехать по пескам, постепенно иссушаясь под солнцем, чтобы в конце долгого пути узнать, что никто из альвов не понимает иных языков, кроме родного, было бы наихудшим вариантом развития событий.

— Раз альвы тоже находятся в состоянии войны с империей, то почему бы им тогда не объединиться с Залмар-Афи? Ведь это выгодно для обоих государств, разве нет? — поинтересовалась между делом Лантея.

— Союз предполагает взаимовыручку. — Аш пожал плечами. — А также тесное взаимодействие во всех сферах как в мирное, так и в военное время. Альвы не покидают границы своего Леса, это и стало основным камнем преткновения в свое время. Они оберегают свои деревья хацу пуще всего на свете, для них нет смысла теснить противника на его землях или выходить за пределы Ивриувайна для помощи союзнику. Более того, торговое соглашение между людьми и альвами тоже оказалось невозможным, потому что залмарцам в буквальном смысле нечего предложить Лесу. Они пытались навязать торговлю железом, но альвы не обрабатывают металл, тогда Залмар-Афи предложил осуществлять поставки готового оружия, но в очередной раз Ивриувайн отказался — они специализируются на нефритовом оружии. Таким образом, у них просто не оказалось точек соприкосновения. А на попытки ввоза шкур, угля и живых лошадей альвы смертельно обиделись: для них

непростительно убивать или мучать животных, а также наносить вред деревьям. К тому же их никогда не устраивала наша захватническая политика. Для альвов люди и ифриты — это почти одно и то же, просто последние слишком ярко посягают на их границы, вот и приходится давать отпор. Потому-то послам Залмар-Афи в Ивриувайне особенно и не рады, их сразу же разворачивают, едва заметят.

— То есть они, как и мы, не поддерживают связи с внешним миром? — заключила девушка.

— Не совсем, — усмехнулся Ашарх, передавая набросанную от руки карту Мансу, который хотел показать ее остальному отряду. — В свое время они вели затяжную войну с двумя своими ближайшими соседями, ифритами и гоблинами. Конечно же, это не привело ни к чему хорошему, поскольку воевать на два фронта было крайне изнурительно. В итоге внутри самого Леса случился какой-то конфликт, потому что альвов проклял их собственный бог, лишил магии и ушел, в одночасье ослабив весь лесной народ. Тогда их старейшина предложил заключить с одной из сторон мир, поскольку больше они не могли защищать собственные границы. И гоблины неожиданно согласились. Они никогда не были воинственным народом, скорее, торговцами до мозга костей... Поэтому в обмен на нефритовые изделия гоблины начали поставлять известняковые блоки, которые весьма помогли Ивриувайну сдерживать натиск ифритов в последующие века: из них возвели грандиозную стену, тянущуюся вдоль всех границ Леса и по сей день. С тех пор королевство Тхен — это единственная страна, с которой у альвов хорошие отношения. Гоблины ведь не только поставляют в Могучий Лес товары со всего мира, но и добывают любую информацию, пользуясь своей вездесущностью.

Где-то позади громко переговаривались Эрмина и Виек, которым Манс показывал нарисованную профессором карту. Оцарио, скривив хмурую гримасу, ехал поодаль, практически в самом хвосте каравана. Ему бы и самому хотелось поглядеть на карту и обсудить ее с другими членами отряда, но отношения между путешественниками все еще неладились. Конечно, по прошествии пары дней никто уже особенно не злился на беспечного торговца, чуть не погубившего весь отряд. Гнев давно улегся, но и никакой прежней легкости в общении не было: большую часть времени Оцарио игнорировали, предоставив его самому себе, а в краткие моменты добродушия с находившимся в немилости товарищем говорили намеренно безразлично, как с провинившимся ребенком. Долго такое продолжаться не могло, и было совершенно ясно, что рано или поздно все бы вернулось в привычное русло, но пока что Оцарио нельзя было позавидовать — он спал с лица, был вечно угрюм и задумчив. И с нетерпением ожидал прибытия в Ивриувайн в надежде, что там он окажется полезен группе.

— Говоришь, альвов проклял их собственный бог? — замешкалась Лантея, бросая на своего спутника изумленный взгляд. — Что это за бог такой? И почему он так поступил?

— Признаться, я мало что читал по этой теме, — смутился профессор, чувствуя некоторую неловкость из-за того, что он чего-то не знал. — Я слышал лишь, что их бог, Омеотан, даровал альвам магию повелевать растениями, именно поэтому им удалось превратить засушливые пустыни и степи в Могучий Лес. Что за конфликт произошел во время войны, я понятия не имею. Но после него магия полностью покинула народ Ивриувайна, а часть альвов стала выглядеть иначе. Ходят слухи, что они превратились в ожившие деревья. Насколько это правдиво, не берусь утверждать. Сам я даже простых альвов никогда в жизни не видел.

— Это звучит жутко. Надеюсь, ничем кроме легенд это не окажется.

— Ну, ты знаешь, исполинские деревья Могучего Леса тоже считают легендой в Залмар-Афи, — как-то неуверенно проговорил Ашарх, не сводя взгляд с горизонта. — Но, судя по всему, это правда...

— Почему ты так реш... — Лантея замолчала на полуслове, посмотрев в том же направлении.

Ее взгляду открылась укромная морская бухта, голубая вода которой искрилась отблесками яркого света. С небольшой возвышенности, где остановился весь отряд путешественников, хорошо просматривался другой край бухты. На нем, даже с расстояния в несколько десятков километров, можно было увидеть огромные раскидистые деревья хацу, которые высоко поднимались над массивными оборонительными стенами, бежевой лентой тянувшимися далеко на север. У подножия Леса плескалась широкая река, окаймленная густыми мангровыми зарослями и впадавшая в соленое море. Казалось, словно в этом месте в неравной битве сталкивались редяющие каменные пустыни и дремучие джунгли, и лишь лазурная полоска воды была последним рубежом перед буйством сочной зеленой растительности.

Тысячелетний Лес ждал своих гостей.

Бухта Зукк казалась сокровенным уголком небесной милости, созданным не иначе как для отдыха богов на земле. Окруженная вереницей скалистых рифов, облепленных коралловыми полипами, она была защищена от ветра и волн. В воде то и дело мелькали зеленые морские черепахи, которые призывно вытягивали свои длинные шеи, с любопытством глядя на столь редких в этих местах путников, а в воздухе с оглушительными криками металась белогрудые чайки. На берегу, опираясь на высокие жесткие корни, стояли раскидистые мангры, которых становилось только больше по мере приближения к устью реки Мистис.

Решив сделать привал в таком живописном месте, группа рассеялась по побережью, наслаждаясь свежим морским воздухом. Пока остальные члены посольства приводили себя в порядок, готовясь предстать перед лесным народом, Лантея наполнила свой небольшой поясной мешочек песком. В тех землях, куда они скоро должны были ступить, магия пустынников была бесполезна без песка, а девушка, памятуя об осторожности, хотела иметь дополнительную возможность постоять за себя, если бы вдруг что-то пошло не по плану. Конечно, она надеялась на лучшее, но опыт подсказывал, что худшее случалось гораздо чаще, и к нему нужно было готовиться заранее.

Когда отряд вновь оседлал сольпуг и двинулся в сторону Леса, то их облик уже куда больше походил для членов богатого и представительного посольства: гвардейцы почистили свои кожаные доспехи и оружие, отполировали стеклянные пластины нагрудников; Оцарио побрил лицо и приделался, затянув поверх ярко-желтых шаровар широкий шелковый кушак и заливчатски закрутив тюрбан на голове; Манс и Ашарх достали со дна сумок длинные темно-синие рубахи с вышивкой на рукавах и воротнике, а Лантея и вовсе заплела волосы в сложную прическу из кос и нарядилась в роскошный узорчатый халат изумрудного цвета, поверх которого гордо надела свой тяжелый коллар.

Чинно и медленно посольство въехало в мангровые заросли, прокладывая себе путь между спутанными ветвями и выступавшими из зыбкой почвы дыхательными корнями деревьев. Воздух был наполнен прохладой и пением экзотических птиц, которые яркими

всполохами метались в кронах и то и дело проносились над головами путников. Едва за стволами деревьев показалась водная гладь реки, как вокруг отряда стали виться толпы гнуса и мелкой мошки, лезшей в лицо и глаза.

Прямо за широкой полосой реки Мистис возвышались бежево-желтые известняковые стены Ивриувайна, но течение было достаточно быстрым, чтобы на другую сторону можно было перебраться вплавь, а для возведения моста вокруг практически не было песка.

— Двинемся вдоль реки? — внесла свое предложение Эрмина.

— Да, постараемся найти переправу или брод, — кивнула ей Лантея и, уже обернувшись к Мансу, попросила: — Отправь письмо в Первый Бархан. Нужно известить Совет, что мы добрались.

Через пять минут почтовый орел взвился в воздух, неся на лапе свиток с доброй вестью о том, что посольству удалось завершить свой долгий путь, и последняя птица вскорости принесет письмо с результатами переговоров, если они состоятся. Одинокий нахохлившийся орел угрюмо забился в угол своей клетки позади Манса и не подозревая, какая важная роль ему досталась: стать предвестником триумфа пустынных или же символом крушения всех их надежд.

Отряд двинулся вдоль берега вверх по течению, постепенно все больше и больше удаляясь от устья реки Мистис. Солнце уже начинало клониться к закату, но окружающая местность не менялась: по-прежнему тесно и чередой тянулись вдоль воды ветвистые деревья, а на другой стороне реки виднелась лишь монолитная оборонительная стена, которая нигде не прерывалась, словно в ней не существовало даже намека на ворота или любые другие проходы. Прямо у подножия неприступной преграды активно разрослись толстые шипастые корни некоего вьющегося растения, поднимавшегося высоко вверх и закрывавшего собой весь низ стены.

Лишь через час профессор разглядел подобие высоких каменных врат на одном из участков, где колючая преграда уходила глубоко под землю. При ближайшем рассмотрении это оказались узкие резные створки, богато украшенные вставками из зеленого нефрита, который образовывал изящные переплетения, похожие на растения и ветви деревьев. По обе стороны от ворот в тверди крепостных стен тянулись узкие бойницы, а на зубьях надвратной башни мелькали чьи-то фигуры. На вершине круглых бастионов, расположенных недалеко от створок, Ашарх явно увидел высокие зеленоватые силуэты, в руках которых были трубки, больше всего напоминавшие духовое оружие.

Прямо перед массивными воротами через реку раскинулся изящный каменный мост, пологой дугой соединявший оба берега. Украшенный боковыми арками, он легко вздымался над водной гладью, отражаясь в ней кантом дымчато-белого цвета. Последний участок моста оказался подъемным: монолитная каменная плита, снабженная двумя железными кольцами на углах, была соединена цепями с надвратными башнями и, видимо, поднималась на время осады, полностью закрывая собой ворота. Сейчас эта секция была опущена, и посередине моста посольство уже поджидал пеший вооруженный отряд альвов, не двигавшийся с места.

— Похоже, нас давно заметили и даже успели подготовиться, — прошептал в сторону сестры Манс, пока делегация добиралась до переправы.

— Надеюсь, они не восприняли нас как угрозу, — вымолвила бледная Лантея.

— Я попробую поговорить с ними, — не без волнения произнес профессор, стягивая с головы капюшон и первым двинувшись к середине моста на своей сольпуге. За ним неуверенно и очень медленно поехали остальные члены отряда, напряженно вглядываясь в

непроницаемые лица альвов, застывших у них на пути.

Аш заговорил медленно и четко, осторожно подбирая слова и искренне надеясь, что его знаний ифритского языка хватит, дабы не нанести смертельную обиду альвам и не оскорбить их неправильно употребленным словом:

— Стражи Леса, мне не ведом ваш язык, потому я говорю на ифритском, в надежде, что вы сумеете меня понять. Я не враг вам и не служу империи Ис, как и мои спутники. Мы — скромное посольство, направленное пустынным народом хетай-ра для переговоров с Могучим Лесом. Прошу, примите и выслушайте нас. Мы не враги вам!

Около двух десятков воинов, выстроившихся всего в паре метров перед посольством хетай-ра, не спускали глаз с путников и особенно пристально вглядывались в лицо Ашарха, который и сам не прочь был подробнее разглядеть жителей Леса, ведь профессор, как и его товарищи, первый раз в жизни видел альвов. А это оказались очень высокие создания, на несколько локтей выше любого человека или хетай-ра, и чтобы заглянуть им в лицо, непременно пришлось бы задрать голову. Все они отличались жилистостью, вытянутым телом и непропорционально длинными конечностями, а матовая кожа имела темно-зеленый оттенок с неявными коричневыми полосами. Телосложением они больше напоминали гибкие молодые деревья, чем человекоподобных существ, и даже нефритовые нагрудники не скрывали сильно выпиравшие бедренные кости и ребра, явно отличавшиеся по строению от людских. Длинные и тонкие пальцы на руках и ногах напоминали ветви, а обувь почему-то альвы побрезговали, все как один стоя с голыми ступнями. Очень высокая шея и голова, внешне походившая на яйцо, казались непривычными как для профессора, так и для его спутников. Каштановые волосы у каждого из воинов были заплетены в сложные прически из мелких косичек, в которых мелькали бусины, колечки и заколки, а предплечья альвов были покрыты симметричными полосками рубцов, видимо, имевших какое-то особое ритуальное значение. Маленькие губы на овальном лице, две узкие прорези ноздрей при полном отсутствии носа и большие миндалевидные глаза с широкой коричневой радужкой — все это выглядело как минимум очень экзотично.

Сперва профессору показалось, что большинство воинов были похожи как две капли воды, но при пристальном осмотре он заметил, что у альвов различались украшения в волосах, сами прически, нелепые бисерные бусы на длинных шеях и громоздкие серьги. Хотя Аш даже не мог предположить, какая необходимость была воинам на службе носить поверх нагрудника бусы.

Ашарх также с удивлением отметил, что в отряде были и женщины, хотя единственным признаком, по которому их можно было отличить, оказалась обнаженная грудь, совершенно не скрытая одеждой, но беспрепятственно видневшаяся из-под свободного нагрудника. Примерно половина солдат и вовсе представляла собой тех самых проклятых альвов, о которых еще совсем недавно профессор слышал лишь из легенд. Это были существа, полностью покрытые древесной корой. Их обнаженные ноги напоминали пучки корней, а на голове и плечах многих росли настоящие ветви с листьями и даже соцветиями. Эти неповоротливые и громоздкие создания угрожающе покачивались за спинами отряда, не имея на себе ни одежды, ни даже нефритовой брони, какую носили остальные воины. Лишь толстая кора защищала этих гигантов.

Пока Ашарх, как и его спутники, с жадным интересом разглядывал альвов, вперед шагнул один из воинов. Это явно был мужчина, хотя определить его точный возраст не представлялось возможным. В руках он держал короткий крепкий меч, выполненный из

зеленого отшлифованного нефрита, а на его поясе тяжело покачивались заточенные ножи и длинная духовая трубка. Мужчина начал четко и уверенно что-то говорить, но Ашарху не удалось понять ни слова на языке, больше напоминавшем шуршание листвы, чем какие-то явные звуки. Тогда профессор четко и отрывисто произнес, глядя в огромные карие глаза альва:

— Мы не понимаем ваш язык. Я говорю на залмарском и ифритском. У вас есть переводчик?

От отряда отделился еще один воин. На лоб у него спадали две тонкие косички, прижатые нефритовой фероньеркой, и их кончики были заправлены за уши. Он быстро вышел вперед и принялся что-то шептать на ухо, видимо, своему командиру, который пытался вести переговоры. Начальник подумал пару секунд, а после неуверенно кивнул, и солдат сразу же повернулся лицом к посольству.

— Я не очень хорошо знаю язык имперцев, но я могу понять, что вы сказали, — на ломаном ифритском заговорил альв, выдерживая длинные паузы. — Кто вы? Зачем пришли сюда?

Трудно было описать радость, которая овладела профессором в тот миг. Он уже был готов смириться с тем, что альвы не примут делегацию хетай-ра, но теперь появился небольшой шанс договориться.

— Это посольство пустынного народа хетай-ра, — в который раз повторил Ашарх. — Мы пришли в Ивриувайн, чтобы просить помощи в войне с империей Ис. Хетай-ра хотят заключить союз с вами. Мы не желаем вам зла. Мы лишь просим проводить нас к правителю Леса, чтобы нас выслушали.

На лице альва отразилось изумление, его и без того крупные глаза стали еще больше. Он повернулся к начальнику и начал неуверенно и растерянно переводить слова профессора. Однако командир явно испытывал сомнения по поводу услышанного: он весь скривился, расправил свои жилистые плечи и достаточно грубым тоном принялся что-то твердить солдату, постоянно тыкая длинным тонким пальцем себе в грудь и крепче сжимая меч. Ашарху это не понравилось.

— Мы не можем верить тому, что вы сказали. Никакого пустынного народа не существует. В пустынях никто не живет. Вы лжете, — немного зло сказал альв с косичками на лбу. — Вы — люди, а мы не ведем дел с теми, кто называет себя сыновьями и дочерьми Залмара.

При этом солдат демонстративно указал пальцем на обережь, которая по старому обыкновению всегда висела у Ашарха на поясе.

— Я — лишь проводник и переводчик для этого посольства! — сразу же объяснился профессор. — И давно уже не служу ни Залмару, ни его Пророку.

— Люди скажут что угодно, лишь бы проникнуть в наш Лес, — практически выплюнул эти слова воин, прищурившись и окатив собеседника пренебрежительным взглядом.

— Я готов доказать. — Ни минуты не колеблясь, Аш сдернул с пояса бархатистый мешочек и что есть силы бросил его в реку. Теперь путь в Залмар-Афи был для него закрыт, но в данный момент это было совершенно неважно. Шумный водный поток мгновенно поглотил обережь, а вот на лицах альвов отразилось неприкрытое смятение. Даже командир зашептался о чем-то с переводчиком, явно не поверив случившемуся.

— Никто раньше из людей так не делал, — произнес воин, вновь обернувшись к профессору. — Нам известно, что эта вещь — символ людской веры.

— Теперь вы готовы поверить, что я не служу Залмару? Я — часть этого посольства, часть пустынного народа. — Аш положил ладонь себе на грудь. — И я прошу вас позволить нам ступить в Лес.

— Альвы ничего не слышали о пустынном народе. — Воин упрямо мотнул головой. — Мы не пропустим за ворота незваных чужаков.

Ашарх жестом попросил Лантею подъехать поближе и кратко обрисовал ей ситуацию, а после представил девушку альвам:

— Это Лантеялианна Анакорит, член одной из правящих семей пустынного народа и назначенный посол. Она обладает всеми необходимыми полномочиями и регалиями, чтобы представлять волю своего народа в этих землях. Наша делегация проделала долгий и нелегкий путь, чтобы добраться до стен Ивриувайна, принести альвам богатые дары в знак своих добрых намерений и напомнить о заключенном в древности Андаритском пакте, который и дает нам право просить у Леса помощи в условиях войны с империей Ис.

По знаку Аша Лантея достала и продемонстрировала альвам костяную шкатулку, в которой на шелке лежал древний свиток пакта. Она бережно развернула пергамент, позволяя командиру вооруженного отряда подойти ближе и удостовериться в правдивости всех сказанных слов. Сперва альв не поверив увиденному. Но сразу же спал с лица, едва разглядел на полуистлевшем пергаменте древние клинописные письма своего народа и выцветший, но еще достаточно четко различимый чернильный оттиск печати с изображением головы альва, оплетенного листьями и лозами. Очевидно, это произвело на него большое впечатление, потому что следующие несколько минут командир что-то напряженно обдумывал и потом послал обратно в крепость одного из своих бойцов. Некоторое время все напряженно ждали возвращения гонца, и когда тот юрким угрем выскользнул обратно через щель в приоткрытых воротах и что-то нашептал на ухо командиру, посольству наконец озвучили ответ:

— Начальник гарнизона согласен встретиться с вами.

У Ашарха отлегло от сердца, и он с трудом удержался от счастливой улыбки. Но практически сразу же переводчик добавил кое-что еще:

— Однако вам необходимо будет сдать все оружие и отпустить песчаных пауков, которых вы так безжалостно терзаете, вонзив в них эти стеклянные шипы. В Лесу не терпят никаких проявлений жестокости по отношению к любым животным.

Сказано это было с легкой надменностью в голосе, но Ашарх предпочел ее не заметить. Ради того, чтобы им разрешили попасть за крепостную стену, можно было и потерпеть колкие упреки.

Когда хетай-ра сняли всю поклажу с пауков, и Эрмина вытащила стеклянные иглы, то сольпуги еще минуту приходили в себя. Они стояли, как заторможенные, на одном месте, не реагируя ни на что, и лишь после того, как к ним вернулась чувствительность и ощущение контроля над собственным телом, первые пауки развернулись и бросились обратно в мангровый лес, стремясь скорее укрыться. Они бежали, в спешке высоко задирая свои несуразные длинные лапы, а посольство до последнего провожало их взглядами. После стольких дней, проведенных вместе, даже Ашарха брала необъяснимая печаль от этого расставания, хотя во многом эти животные еще вызывали в нем глубинное чувство страха и легкого омерзения.

Едва все сольпуги затерялись за деревьями, командир отряда махнул рукой, и его солдаты за несколько мгновений окружили посольство хетай-ра. Следуя приказу Лантеи,

пустынники беспрекословно позволили себя обыскать и изъять все найденное у них оружие и показавшиеся опасными или подозрительными вещи. Большинство выюков тоже осмотрели и забрали, но, как понял Ашарх, лишь чтобы помочь донести их. Древоподобные альвы, нагруженные баулами и тяжелыми сумками, угрожающе поскрипывали, шагая в сторону ворот со своей поклажей, и лишь один Оцарио страдальчески смотрел, как неосторожно обращались с его забитыми товаром торбами, но сказать или поделаться ничего не мог.

Сопровождаемое конвоем посольство провели через приоткрытую каменную створку ворот, ни на минуту не ослабляя оцепление. Сразу за границей крепостной стены начинался гигантский Лес из могучих неохватных деревьев хацу, взрывающих почву своими толстыми грубыми корнями. Раскидистые кроны, казалось, дотягивались до самого небосвода, полностью закрывая его собой, а между раскрытых веером листьев с синеватыми прожилками виднелись желтые мягкие шишки, больше походившие на гроздья винограда. Высоко над землей на тысячелетних исполинских деревьях то здесь, то там можно было разглядеть круглые каменные плато, кольцами охватывавшие стволы на манер трутовиков: оттуда за линией горизонта и землями, лежавшими за стеной, неусыпно наблюдали дозорные. От этих платформ вниз тянулись длинные лианы, по которым легко и быстро можно было спуститься на землю, где между корнями великанов повсюду мелькали небольшие каменные здания, стоявшие на отдалении друг от друга, и соединенные сетью незримых тропинок.

Изнутри крепостная стена казалась еще толще и монолитнее, чем снаружи. У ее подножия располагалось несколько пристроек и даже одна невысокая башня-тайник, которые часто использовались в крепостях для обеспечения доступа к воде. Ее ступени вели к подземному колодцу, который напрямую соединялся с рекой, находившейся за оборонительными стенами. Но даже несмотря на эти типичные для крепости сооружения, Ашарха не покидало смутное чувство, что он находился в дивном саду, спрятавшем в своем чреве небольшое поселение. Все альвы, что встречались на пути посольства, с нескрываемым удивлением наблюдали за чужаками, многие даже шептались и указывали пальцами на пустынников. Как заметил профессор, большинство альвов здесь были солдатами, покрытыми нефритовым оружием и броней с ног до головы. Особенно странно это смотрелось в сочетании с босыми ногами и обилием украшений.

— Эти альвы лицом пострашнее ифритов будут, — шепнул на ухо Ашарху Манс, который, как и все остальные члены группы, по пути во все глаза рассматривал детей Леса и обстановку вокруг. — Такой засядет в кустах, его ведь от листвы ни в жизнь не отличишь.

— Меня больше пугает их рост, — едва слышно поделился своими мыслями преподаватель, оглядываясь на конвой. — Я чувствую себя каким-то малым ребенком в окружении взрослых...

Уже наступал вечер, солнце частично спряталось за линией горизонта, из-за чего Могучий Лес выглядел еще экзотичнее, ведь тонкие синие прожилки листьев и коры деревьев-великанов начали слабо светиться. Через переплетение неявных троп вскоре незваных гостей привели к оплетенному виноградной лозой трехэтажному зданию, которое казалось настоящим гигантом по сравнению со всеми теми приземистыми постройками, мимо которых посольство прошло по пути. Внутри дома оказалось достаточно прохладно и на удивление пустынно: голые каменные стены и очень высокие потолки наводили тоску, не было ни ковров, ни шкур, ни изящных орнаментов или какого-либо полноценного

освещения. Одна из комнат с грубым каменным столом посередине, парой светло-серых скамеек и узкими окнами, через которые невозможно было протиснуть даже руку, стала конечной точкой. Отряд оставили там в одиночестве, вернув им вьюки и попросив подождать некоторое время, пока прибудет начальник гарнизона. Едва все удалились, Эрмина первой шагнула к выходу.

— Эти зеленые великаны же не собирают просто запереть нас в какой-то пустой каморке? — спросила она и толкнула достаточно хлипкую бамбуковую дверь. Та легко распахнулась, но стоило женщине выглянуть в коридор, как она столкнулась взглядом с двумя стражами, замершими по обе стороны от входа в помещение. И без слов было ясно, что бродить по зданию посольству никто не позволит.

— Какое-то странное обращение... — проворчала Эрмина, возвращаясь в комнату и закрывая за собой дверь.

— Они до сих, по-моему, не слишком-то верят, что мы говорим правду о существовании пустынного народа, — сказала Лантея, опускаясь на холодную каменную лавку.

— Мы же показали им этот старинный документ, — непонимающе произнесла Эрмина, садясь рядом. — Что еще им нужно?

— Хотя убедиться, что мы не действуем заодно с людьми или ифритами, — проронил Виек, через окна-бойницы внимательно осматривая улицу.

— Верно, — подтвердила Лантея. — Они тут живут в состоянии вечной войны, судя по всему, и доверять случайным чужакам просто так не намерены.

— Это все звучит крайне паршиво для нас. Что же этот человек им ничего толком не объяснил? — мрачно спросил гвардеец, кивнув в сторону шептавшегося с Мансом Ашарха.

— Виек! — сразу же возмущенно окликнула его супруга.

— Он пытался, — твердо сказала Лантея, окидывая воина серьезным взглядом. — Не стоит думать, что Аш не старался отстоять нас. Он и так добился того, чтобы нас пропустили за стены. Это уже немало.

Гвардеец неопределенно пожал плечами и опять отвернулся к окну. Буквально через минуту дверь в помещение отворилась, и на пороге комнаты появилось трое альвов. За их спинами виднелось несколько вооруженных солдат, которые остались стоять в коридоре, в то время как троица уверенно прошла к центру приемной и, замерев возле стола, оглядела всю группу, выстроившуюся напротив. Один из альвов, сторбленный настолько, что при желании он мог поцеловать собственные колени, шлепая босыми ступнями, сел на лавку и достал связанные бамбуковые дощечки. Пушистая писчая кисть окунулась в нефритовую чернильницу, висевшую на шее этого седовласого альва, и принялась порхать по планкам, выводя клинописные знаки.

Другой мужчина, выглядевший из троих самым представительным и суровым, угрожающе сузил свои обведенные красной краской глаза и сложил руки на груди. Его предплечья были изуродованы десятками рубцов, а косы, спадавшие до пояса и заплетенные в кольца, оказались украшены таким количеством мелкого бисера и бусин, что издали это можно было принять за мозаику. По правую руку от него стоял нескладный альв с широкими скулами и задумчивым взглядом. Он был без брони: перетянутый галунной перевязью обнаженный торс прикрывали лишь длинные яркие бусы, а на высоком поясе льняных штанов, помимо оружия, висели мешочки и шнуры с круглыми нефритовыми бляшками, имевшими треугольные отверстия по центру. На его правом плече Ашарх далеко не сразу заметил ручную черную крысу, спокойно сидевшую на ремне перевязи, зацепившись за нее

коготками и встопорщив длинные усы. Сам же альв стоял прямо, заложив руки за спину, и с явным любопытством, как и его зверь, оглядывал неожиданных гостей крепости с высоты своего роста.

— Благодарим вас за то, что согласились принять нас, — не медля ни минуты, заговорил Аш и подошел почти вплотную к столу, встав напротив обоих альвов, из-за чего ему приходилось закидывать голову, чтобы увидеть их лица.

— Ты залмарец! Человеческий выблядок! — недобро прищутив глаза, совершенно невнятно произнес на ифритском покрытый рубцами и шрамами воин.

— Как я уже сказал вашим подчиненным, хоть я и рожден в Залмар-Афи, но давно покинул эту страну и выступаю теперь переводчиком и проводником для этого скромного посольства, посланного народом хетай-ра, живущим на западе, среди песков. — Профессор уважительно склонил голову.

— О таком народе никому из нас не доводилось раньше слышать, хотя многие века мы соседствуем с пустынями, — заговорил на идеальном ифритском нескладный альв с крысой на плече. — Каждый имеет право носить в себе зерно лжи, но стоит ему прорасти, как его вырывают с корнем, дабы ядовитые побеги не отравили собой почву истины.

Ашарх на миг обомлел, не ожидая повстречать в Лесу альва, столь безупречно владевшего ифритским языком. Этот наставительный тон и идеальное произношение вкупе с уверенным видом склонили профессора к единственной мысли:

— Вы комендант этой крепости? — прямо спросил он, облизывая пересохшие губы. — Мы готовы предоставить все имеющиеся у нас документы, чтобы подтвердить правдивость своих слов.

— Мое имя второго полувека Бриасвайс, я заместитель начальника крепости. Это сам комендант и командующий войсками гарнизона. — Альв с небрежной элегантностью вытянул длинные пальцы в сторону своего спутника. — Его имя третьего полувека Тестариус.

— Мы очень рады лично познакомиться с командованием. — Аш склонился в очередном формальном поклоне перед начальником.

— Комендант не в совершенстве владеет ифритским языком, поэтому разговаривать вы будете со мной, — строго припечатал Бриасвайс. — Что вы собираетесь предъявить нам?

Обернувшись к Лантее, профессор попросил ее показать старинный свиток. Выступив вперед, девушка поставила на каменный стол костяную шкатулку и, открыв ее, передала в руки альвов пергамент Андаритского пакта. Тестариус скользнул безразличным взглядом по коллару Лантеи, явно не придав ему никакого значения, и углубился в изучение свитка. Судя по широко раскрывшимся глазам Бриасвайса, который тоже мельком заглянул в пергамент, никто из командиров не ожидал такое увидеть.

— Этот текст написан на древнем амриле, мертвом языке, на котором никто уже не говорит в Ивриувайне, — с удивлением произнес Бриасвайс. — Откуда у вас вообще этот пергамент?

— Он веками хранился хетай-ра как знак того, что тысячелетний союз между альвами и пустынным народом все еще жив.

— Минуло уже слишком много лет, — чудовищно коверкая слова, кратко высказался Тестариус.

— Комендант прав... Любопытно будет узнать, и что же вы намереваетесь делать с этим истлевшим клочком пергамента в Ивриувайне? — поинтересовался Бриасвайс,

положив свиток на стол.

Аш весь подобрался от негодования и надменного тона альва, но все же ответил:

— Посольство хетай-ра прибыло с предложением возобновить сотрудничество между нашими двумя странами, задокументированное еще этим пактом, и заключить с вашим правителем военный союз, объединившись против общего противника — империи Ис.

— У нас нет правителя, — со смешком сказал Бриасвайс. — Давать всю власть в руки одного глупо.

— Кто же тогда стоит во главе Ивриувайна? Совет?

— Высочайший Синклит. Он заседает в столице Леса, Алверахе. В областях же, как здесь, решения принимают Малые Синклиты. Мудрейшие старейшины из разных семейств, обогатившись опытом своих долгих жизней, заботятся о благополучии Могучего Леса, — как маленькому ребенку объяснил альв очевидное для него.

— Если Синклит управляет Лесом, то мы просим, чтобы они приняли наше посольство и выслушали предложения пустынного народа хетай-ра в ближайшее время, — терпеливо произнес Ашарх.

После того как альвы несколько минут побеседовали между собой, обсуждая услышанное, Ашу ответили:

— Это все звучит очень занимательно. Однако у нас все еще нет уверенности, что вы те, за кого себя выдаете, — с усмешкой заявил Бриасвайс, окидывая преподавателя внимательным взглядом. — Эти ваши хетай-ра неотличимы от обыкновенных залмарцев. А может, вы и вовсе подсланные ифритами соглядатаи, которым поручено устроить в крепости диверсию?

Тестариус опасно насупился, крепко стиснув зубы, а Бриасвайс с любопытством разглядывал стоявшего перед ним профессора, явно ожидая, как тототреагирует на подобное заявление. Ашарх на мгновение растерялся, почувствовав, как былая уверенность по капле ускользает от него. Ситуация принимала скверный оборот, и с этим надо было что-то делать.

Сунув руку за пазуху, преподаватель извлек на свет аккуратно сложенную карту Гиртариона и отдельный свиток с пустынным рельефом, на котором было указано расположение всех пяти великих Барханов. Он всегда теперь старался их держать ближе к себе вместе с единственной сохранившейся книгой из личной библиотеки матриарха, поскольку последнее время работа над переводом шла все успешнее с каждым днем, и было бы крайне обидно потерять эти карты, когда уже большая часть книги и свитков оказалась расшифрована.

— Это города народа хетай-ра, расположенные к западу от Ивриувайна, посреди пустынь, — заговорил Ашарх, разложив перед командованием на столе пергамент. — Много столетий их жители скрывались от внешнего мира под песком. Однако некоторое время назад ифритам удалось обнаружить один из подземных полисов и уничтожить его. Вот этот. — Он указал пальцем на одно из обозначений. — Именно это событие и привело наше посольство в Ивриувайн, ведь пустынники надеются на помощь Леса.

— Лжете, сучьи дети, — недовольно проворчал Тестариус. — Это сказки. Под песком жить нельзя.

Ашарх поморщился от грубоватой манеры речи и неправильного произношения коменданта, из-за которых суть некоторых слов искажалась, но все же догадался о смысле его реплики.

— Лантея, не могла бы ты показать им вашу магию? — обратился к девушке профессор. Та кратко кивнула и, передав пустую шкатулку Мансу, сунула руку в свой поясной мешочек, зачерпнув горсть песка.

— Kzheomon-shate, Ewan'Lin!

Небольшой магический шар повис на кончиках ее пальцев, едва прозвучали слова воззвания к Эван'Лин. Сфера крутилась на месте с едва различимым шуршанием и через дюжину секунд легко распалась, осев на пол облаком песка. Но даже это краткое показательное выступление сильно впечатлило начальника гарнизона и его заместителя. В этот раз между собой они беседовали куда дольше, подключив к разговору даже писца, до этого момента лишь молча орудовавшего кистью.

— Мы признаем, эта магия нас удивила, — соизволил вновь заговорить Бриасвайс, пока Тестариус все еще с большим интересом разглядывал разложенные перед ним карты. — Люди ей не владеют, а треклятые ифриты выдыхают лишь все уничтожающее пламя. Никогда раньше мы не слышали о существах, умеющих управлять песком. Возможно, наши сведения об окружающем мире действительно в некоторой степени неполноценны.

— Так вы верите нам теперь? Нам позволят предстать перед Синклитом? — с надеждой в голосе спросил Аш, складывая и убирая карты обратно за пазуху под пристальным взглядом Тестариуса.

— Доверие слишком хрупко, чтобы бездумно раздаривать его каждому встречному. Наш народ не первый век сражается за свои земли, ведя жестокие кровопролитные войны. И в это тяжелое время наше доверие становится изысканной роскошью, доступной лишь избранным.

Бриасвайс смерил профессора очередным задумчивым взглядом сверху вниз и обратно и переплел свои узловатые длинные пальцы в замок.

— Мы с комендантом должны обдумать все услышанное. Пока что выносить вердикт касательно судьбы вашего посольства еще рано. Мы, знаете ли, не имеем привычки недооценивать своих противников и союзников... Особенно когда стоит вопрос допуска к Высочайшему Синклиту.

— И как долго нам ждать ответ?

— Сколько понадобится, — грубо ответил Тестариус.

— И что же нам все это время сидеть в этом с позволения сказать каземате? — выдавил из себя профессор, обводя руками холодную комнату.

Бриасвайс усмехнулся, явно оценив небезосновательность последнего определения.

— Я распоряджусь, чтобы вам выделили комнаты для отдыха и приготовили легкий ужин, — сказал он. — Однако покидать это здание вам запрещено даже с охраной. Это мера безопасности.

После этих слов Бриасвайс кивнул сгорбленному писцу, который быстро что-то дописал на бамбуковых планках и с трудом поднялся с лавки. Троица альвов в ту же минуту удалилась, забрав с собой свиток, и стражники захлопнули дверь, отсекая посольство от всего остального мира в этом пустом помещении. Через четверть часа по приказу коменданта делегацию перевели на другой этаж, где для них уже подготовили несколько смежных комнат со всем необходимым внутри. Плетеные сундуки и простенькие бамбуковые лежаки выстроились вдоль узких окон, выходивших во внутренний двор здания штаба крепости. Жесткие льняные простыни тоже не добавляли обстановке особенного уюта, но посольству хотя бы предоставили место для сна и отдыха, так что жаловаться им было не на что.

— Ну и чудные же эти края... Так что мы теперь будем делать? — тихо поинтересовался у Лантеи Оцарио, когда группа обустроилась на новом месте и собралась вся в одной спальне, чтобы обсудить произошедшее. Ашарх уже успел поделиться подробностями своей беседы с комендантом и его заместителем, а Манс перевел его слова всему отряду, так что теперь все были в курсе ситуации.

— Ждать. Что же еще? — хмыкнула Лантея. — Если будем покорно выполнять все их требования, у нас есть неплохие шансы...

— Шансы на что? На то, что они расщедрятся и отведут нас к этому Синклиту? — несколько грубо спросил Виек. — Им плевать, кто мы. Они, мне кажется, особенно даже не верят в нашу историю.

— Но ведь моя магия их удивила, — заметила Лантея, даже не став злиться на гвардейца из-за его сердитого тона. Все были на взводе в тот момент, все переживали из-за своей судьбы.

— Им ни горячо ни холодно от нашей магии. В этих лесах нет песка, а, значит, не будет и дара богини. Они должны понимать, что такой союз им ничего не даст, — коротко и зло рыкнул Виек.

— Но ведь это не им решать! — вступился за сестру Манс. — Возможность заключения военного союза должен рассматривать Синклит, а не простой начальник гарнизона с помощником.

— Прекратите эти пустые споры, — зычным голосом прервала начинающуюся ссору Эрмина. — Они ничего не дадут. Мы должны дождаться вердикта, тогда и будем думать. А сейчас стоит отдохнуть. Может быть, больше нам не представится такого шанса.

Все замолчали. В полупустых комнатах достаточно быстро стало темно, стоило вечеру опуститься на Лес. Через узкие окна внутрь помещения проникало немного слабого голубого света, испускаемого деревьями хацу, и в этих полупрозрачных лучах лица пустынников казались масками мертвенно-серого цвета. Эрмина тихо напевала какую-то мелодию себе под нос, и все странники, сидя на лежаках, на полу или возле окна, в напряженной задумчивости незаметно покачивали головами или пальцами в такт легкой расслабляющей музыке. Ашарх тоже сидел возле стены, подстелив под себя плащ, и думал над тем, какой несправедливо жестокой всегда кажется жизнь, когда ключи от будущего по воле случая попадают в чужие руки.

Через несколько часов до посольства вновь снизошли, и вернувшийся Бриасвайс в сопровождении пары солдат раздал плоски со странными вареными плодами. Очевидно, это был ужин, хотя никто из группы точно не мог сказать, что же все-таки лежало в их мисках. И пока Ашарх с сомнением вглядывался в свою еду, к нему вплотную подошел Бриасвайс.

— Иди за мной.

Профессор растерянно посмотрел на альва, но тот быстро развернулся и лишь подал знак своим воинам, чтобы они поторопили Ашарха. Его вывели из комнаты под конвоем, и вся процессия двинулась по длинным коридорам. Вскоре Бриасвайс шагнул в одно из помещений, больше всего напоминавшее аскетичный рабочий кабинет: в углу была стойка с различными видами оружия и брони, рядом находился каменный стол с нефритовыми вставками, на котором лежали раскрытые книги и свитки из бамбуковых дощечек. Однако альв, не замедляя шаг, пересек комнату и вышел на небольшой круглый балкон, где его уже дожидался Тестариус, облокотившись на парапет. Солдаты легко подтолкнули Ашарха, вынуждая проследовать за заместителем коменданта, и после небрежного взмаха

Бриасвайса, сразу же ушли, быстро покинув кабинет.

— Можешь отужинать здесь, конечно, коль уж ты такой голодный, — с долей пренебрежения в голосе проговорил Бриасвайс. — Хотя я бы попросил тебя воздержаться от подобного в следующий раз. Кабинет коменданта — не столовая.

Ашарх только после этих слов обратил внимание, что все время, пока его вели по коридорам, он так и держал миску с едой в руке. Профессор с сомнением посмотрел на желтые мягкие плоды, часть из которых по пути размазалась по миске, и есть это у него желание отпало.

— Это шишки дерева хацу, — неожиданно усмехнулся Бриасвайс, заложив руки за спину и внимательно наблюдая за своим собеседником. — Ешь, не бойся... Они сладки, совсем как приятная вечерняя беседа.

— Зачем вы привели меня сюда? — не позволяя сбить себя с толку спросил Аш.

— Комендант хочет переговорить с тобой без лишних ушей.

— Я слушаю.

Почти сразу же Тестариус заговорил на амриле, а Бриасвайс стал переводить. Это больше походило на хорошо отрепетированный спектакль, чем на реальность, и профессор все ждал подвоха, готовый буквально ко всему.

— Оглянись-ка, человек. Хорошенько посмотри вокруг себя и скажи мне, что ты видишь.

Начальник гарнизона с некоторой наигранностью провел ладонью перед собой. Ашарх послушно посмотрел по сторонам. С небольшого балкончика открывался приятный глазу вид на чашу необъятных хацу и мягкий травяной ковер, укрывавший корни деревьев-гигантов. Воздух был свежим и пропитанным приятной едва уловимой сладостью, смешанной с земляной горечью.

— Это мой дом, моя страна, мой народ, — продолжил тем временем Тестариус, не дождавшись ответа. — И я с самой юности борюсь за свободу Леса. Мои предки растили эти деревья тысячелетиями, чтобы хацу укрывали альвов от солнца, дарили им пищу и кров. Но все вокруг жаждут лишь уничтожить эту красоту... Люди, треклятые ифриты, гоблины... Одни — силой, другие — торговлей и хитростью. У альвов нет и не было союзников, мы всегда были сами по себе. Мы боремся против целого мира ради того, чтобы защитить творение наших рук. Чтобы Могучий Лес мог жить... Ты понимаешь это своим ограниченным разумом, человек?

— Да, — не особенно догадываясь, к чему клонит комендант, сказал Аш.

— Тогда скажи мне, за что борешься ты сам?

— В каком смысле?

— Ради чего ты проживаешь каждый день? — начиная терять терпение, перефразировал Тестариус.

— Ради своих товарищей и их борьбы, — чуть помедлив, ответил профессор, поворачиваясь к начальнику крепости и заглядывая в его вытянутые миндалевидные глаза. — Они пытаются защитить свою родину, как и вы. А я лишь хочу помочь им в достижении цели.

— Ты человек, дитя Залмара, и один из тысяч крошечных листиков этого гнилого древа — Залмар-Афи. Какое тебе дело до того, что будет с этим пустынным народом? — неожиданно от себя спросил Бриасвайс, пока Тестариус, слегка прищурился подведенные красной краской глаза, обдумывал слова Ашарха.

— Разве это так плохо, что мне небезразлична судьба целой цивилизации, находящейся на краю гибели?

Бриасвайс ничего на это не ответил, но зато сразу же заговорил Тестариус, и его заместитель быстро перевел слова коменданта:

— Если им суждено исчезнуть под натиском имперской армии, то ни ты, ни военные союзы их не спасут. Ифриты напали на один из их городов, а значит, они на этом не остановятся, отыщут и уничтожат и другие. Генерал-император Кагатт Ястребиный Ключ так или иначе добьется своего.

— Вы пригласили меня сюда только для того, чтобы побеседовать о неумолимости судьбы? — вкрадчиво поинтересовался профессор. — Может, мы перейдем к сути дела?

Тестариус недовольно фыркнул на эту неприкрытую язвительность и отошел на несколько шагов к дальнему краю балкона.

— Мне нравится твой деловой подход... — в свою очередь широко улыбнулся Бриасвайс, поглаживая пальцем черную крысу, по-прежнему без движения сидевшую у него на плече. — Не буду скрывать, комендант хотел кое-что тебе предложить, человек.

Тестариус молчал, отвернувшись от профессора, переплетя узловатые пальцы в замок за спиной и устремив свой взгляд на узор, складывавшийся из ветвей хацу вдаль. Будто его здесь и не было вовсе. Весь дальнейший разговор взял на себя заместитель коменданта:

— Твоему посольству нужно попасть в столицу, на заседание Высочайшего Синклита, так?

— Верно.

— Вот только старейшины могут и отказать вам в аудиенции. Но, допустим, комендант мог бы договориться, чтобы вас сопровождали в Алверах и даже познакомили с одним из членов Синклита, который мог бы поспособствовать вам оказаться на заседании и быть выслушанными.

— С чего бы это вы решили помогать нам? — мгновенно напрягся Ашарх, переводя взгляд с лица Бриасвайса на спину Тестариуса и обратно. Комендант резко повернулся на месте и сквозь сжатые зубы произнес:

— Я мог бы приказать казнить тебя, человеческий недомерок, и твое посольство в любую минуту без объяснения причин, но Лесу не нужна еще одна затяжная война с соседним государством!.. Да и я все же сторонник взаимовыгодной помощи.

— Взаимовыгодной?.. — протянул Аш.

— Ты же явно не самый глупый человек, — понизив голос и приблизившись к профессору, тем временем вкрадчиво сказал Бриасвайс. — Ты должен понимать, что любая помощь имеет свою цену, и эта цена должна быть соразмерна оказанной помощи.

— И какая цена у вашей помощи? — напрямую спросил Ашарх.

Сделав несколько шагов вперед, Тестариус вытянул средний палец и постучал им по груди преподавателя.

— Те карты, что ты хранишь у самого сердца.

— Зачем они вам нужны? — Аш невольно отступив назад, оказавшись в тесном окружении альвов, и нервно сглотнул.

— Не принимай меня за безмозглого кретина! — воскликнул комендант. — Как только я их увидел, то сразу же прекрасно понял, что это очень ценная вещь. У меня есть знакомые гоблины из торгового клана, которые не поскупятся, когда увидят такое сокровище. Эти карты перевернут ход истории и всего мирового порядка!

— Неужели все дело только в деньгах?

Замолчав, Тестариус скрестил руки на груди и уже куда тише добавил:

— Ивриувайн сейчас как никогда остро нуждается в дополнительных средствах. За эти карты, за шанс получить в свои руки достоверный древний свиток с точным обозначением всех городов полумифических пустынных гоблины мало того, что выдадут огромную сумму, но еще и останутся должны Лесу. И тогда взамен мы потребуем у алхимического клана рецепты их взрывных смесей. Они помогут Гарвелескаану и другим крепостям в обороне, помогут отбросить ифритов прочь от Леса.

— Клан Диш не продает рецепты своих бомб! Это всем известно! Правящие семьи королевства Тхен бережнее всего хранят эти знания! — жарко возразил профессор.

— Так было раньше. А теперь наши северные границы каждый день подвергаются атакам поганых ифритов, вооруженных этими бомбами. Я не знаю, как генерал-императору удалось договориться с гоблинами, но рецепты оказались у него в руках. И если мы не уравновесим шансы, то Лес падет.

— Но ведь если эти карты попадут к гоблинам, то вскорости весь мир узнает о том, где находятся города пустынного народа. И ифриты отыщут их все до одного и уничтожат!

— Они в любом случае их найдут, если уже сумели добраться до первого, — категорично заявил Тестариус. — До того времени, как сведения с карт дойдут до империи, у твоих хетай-ра будет шанс спрятаться получше или подготовиться к обороне. А может, Синклит и вовсе удовлетворит просьбу посольства, и наши народы объединятся, чтобы отстоять все южное побережье материка единым фронтом. Но с взрывчатыми смесями шансов у всех будет гораздо больше.

— Но ведь Синклит может и не согласиться на условия военного союза?

— Вполне. Я повторяю тебе еще раз, человек. Прочисти-ка уши и послушай хорошенько!.. Я пропущу ваше посольство в Алверах и сведу вас с альвом, входящим в состав Высочайшего Синклита. Дальше все уже будет зависеть от вас. Удастся ли тебе убедить старейшину и уговорить сам Синклит? Я не знаю. Да мне и без разницы как-то. Я не буду нести ответственность за их решение. Но после того, как я выполню свою часть сделки, ты отдашь карты. Это честно.

— А если я не соглашусь, то вы развернете наше посольство?

Послышался сдавленный смешок Бриасвайса, и альв признался:

— Ты нравишься мне все больше. Надо же! А ведь я считал людей недалёковидными глупцами! Какая ошибка! — Недобрая ухмылка исказила его лицо.

— Каков будет твой ответ, человек? — кратко спросил Тестариус.

Профессор несколько секунд напряженно думал, пытаясь найти выход из этой скверной ситуации, в которой он оказался. Но мысли путались и мешались, а холодная волна страха заглушала все догадки. В итоге Ашарх распрямил вспотевшую от волнения ладонь и протянул ее Тестариусу. Твердое рукопожатие закрепило эту сделку.

Уже уходя из комнаты под конвоем, провожаемый ехидным взглядом Бриасвайса и довольной самоуверенной улыбкой коменданта, преподаватель вновь вспомнил о миске с шишками хацу, которую он так и сжимал в руке всю беседу. Аш рискнул надкусить один желтый плод и сразу же скривился. Он оказался до омерзения кислым и вяжущим рот.

Глава пятая. В согласии с Лесом

Восьмого числа восьмого солнечного месяца каждый год Высочайший Синклит проводит обряд Лесного Плача. В этот печальный день нет в Лесу альва, что не рыдал бы и не взывал к Омеотану, моля о снисхождении. Многие сотни лет бог не внемлет ничьим молитвам, но есть еще те, кто надеются, что однажды он все же услышит своих детей и простит их.

Старейшина, носящий имя третьего полувека Ингротерт. «Труд о Танабе»

Ашарх резко распахнул глаза. Вязкая темнота вокруг медленно и словно бы нехотя расступилась, прячась в углах и заполняя обратно в узкие щели, из которых она была рождена. Он в полном одиночестве находился в крошечной комнате, больше походившей на затхлый склеп, в котором потолок едва позволял выпрямиться в полный рост, а противоположных стен легко можно было коснуться раскинув руки в сторону. Ни свет, ни воздух не проникали в это помещение, дышать здесь было тяжело. И с каждым вздохом это становилось ощутимее.

Мужчина пощупал рукой холодную каменную кладку, но странная комната не имела выхода, она была замурована. Аш тронул потолок, сильнее надавил на шов между двумя плитами. Тонкая струйка песка сразу же побежала между его пальцами и устремилась на пол. Поток не останавливался, даже когда Ашарх убрал руки. Постепенно расширяясь и образовывая на полу небольшую горку, он не иссякал, потому что был везде и всюду за пределами темницы. Ашарх стоял в каменном ящике, глубоко погруженном в песок.

Воздух становился все гуще, каждый вздох не приносил с собой облегчения, а лишь усиливал жгучую боль в груди. Профессор оперся рукой на стену, пытаясь унять тяжело колотившееся сердце, но это ничуть не помогло. Под его ногами помещение медленно наполнял золотой шуршащий песок, мягко укрывая собой каменные плиты.

Дышать стало нечем. Аш схватился за горло: инстинкты кричали ему, что нужно рвать свою плоть, несмотря на боль. И он начал вбивать ногтями в кожу в надежде содрать ее и распахнуть свою грудную клетку, как оконные створки, чтобы легкие скорее наполнил воздух.

Из темных углов на мужчину смотрело множество черных блестящих глаз, влажных и бездонных. Словно по краям комнаты сотни пауков сплели свои паутины и теперь молча наблюдали за пленником, ожидая конца агонии. Ашарх задышался, чувствуя, как постепенно угасает его разум. Под ногтями застряли клочья разодранной плоти, кровь сочилась из ран. Он упал на колени, на стремительно растущую гору песка. И закричал от безнадежного отчаяния.

— Давай поднимайся, человек, — голос Бриасвайса плетью ворвался в кошмар и разбил его на осколки.

Ашарха грубо трясли за плечо. Он резко подскочил на месте, от неожиданности заходясь сухим кашлем, будто все время до этого момента его грудная клетка была сжата тисками, и неожиданно их ослабили. Над профессором склонился Бриасвайс, находившийся

явно не в лучшем расположении духа. Он с явным нетерпением тряс Ашарха, в то время как все хетай-ра уже были на ногах и ходили взад-вперед по комнатам, роясь в вещах и настороженно поглядывая на альва, нависшего над преподавателем, как неумолимый рок.

Аш проморгался, нервно огляделся по сторонам, постепенно восстанавливая дыхание и возвращаясь в реальный мир, но перед его внутренним взором все еще стояли черные глаза, которые с интересом наблюдали за его мучениями из углов каменной темницы.

— Не трать мое время. Пора выдвигаться в дорогу, — нетерпеливо бросил Бриасвайс.

— Какую еще дорогу? — не понял Ашарх.

— Сегодня ваше посольство отправляется в столицу. А мне не повезло сопровождать вас, — кисло улыбнулся заместитель коменданта. — Так что поторопись. Не зли меня еще больше.

Кинув в профессора свертком одежды, висевшей на изголовье бамбуковой лежанки, Бриасвайс выпрямился и продолжил бурить медлительного гостя немигающим взглядом. Зато тягостный сон отодвинулся на границу подсознания, хотя призрачная боль в грудной клетке и странный зуд еще остались. Пока Аш в спешке одевался, он мельком заглянул себе за воротник рубахи и с внутренним содроганием увидел красные разодранные ногтями полосы на коже. Похоже, боль ему вовсе не почудилась, и жуткий кошмар частично воплотился в жизнь. Прошлой ночью он так долго сидел над картами Гиртариона, спешно перерисовывая их на отдельные свитки, что сам не понял, когда заснул от усталости, попросту упав на подушку без сил. И тогда и пришел этот скверный сон, из которого, как из вязкой смолы, удалось выбраться лишь к самому утру. Да и то исключительно из-за Бриасвайса и его эффективных методов пробуждения. Теперь же Ашарха терзали беспокойные мысли об увиденном во сне. Он не мог перестать думать о том, что существо, встреченное еще в древнем храме культистов, преследовало его и отныне насылало кошмары. Уже не первый раз за неделю он видел во сне паучьи глаза из тех самых руин.

— Значит, мы едем в Алверах? — хрипло спросил Аш у Бриасвайса, нетерпеливо поглаживавшего крысу, сидевшую у него на плече, на перевязи. Черный зверек низко пригибал голову, позволяя себя почесывать, и дергал длинными усами.

— Да. Я представлю вас одному из старейшин Синклита. Все, как и было оговорено вчера. Или ты уже забыл, человек? — Альв смерил профессора внимательным взглядом, словно проверяя, не собирался ли тот отказаться от заключенного соглашения. Но Аш лишь едва заметно скривился и кивнул.

Он не мог забыть об этой сделке, даже если бы очень сильно постарался. Ему нелегко далась вчерашняя беседа, а хетай-ра и вовсе пришли в ужас от этого договора, когда узнали о нем. Но делать особенно было нечего. Это был их единственный шанс выбраться невредимыми из Ивриувайна, предварительно попытав счастье на заседании Синклита и донеся до старейшин волю матриархов. Заключение союза могло спасти пустынный народ, и ради этого стоило рискнуть всем, что они имели в данный момент.

Едва все посольство собралось и было готово к отправлению, Бриасвайс махнул рукой, приглашая проследовать за ним и быстрым шагом удалился прочь из комнаты. Он вел своих спутников по коридорам, пока весь отряд не покинул здание штаба крепости и не оказался под открытым небом, практически полностью скрытым густыми непроглядными кронами деревьев. Дневной свет, тонкими лучами проникавший через раскидистые ветви гигантов хацу, мягким покрывалом ложился на цветочные поляны и мшистые стволы. Пока посольство в сопровождении Бриасвайса и небольшого отряда подчиненных ему солдат

ступало куда-то вглубь Леса, все больше и больше удаляясь от раскиданных по всей территории города-крепости зданий, Аш только и успевал, что крутить головой по сторонам и разглядывать местные красоты. Каменных строений было не так уж и много, и большинство из них тонули в зеленой растительности, опутанные лозами и лианами, спрятанные в укромных садах, полных фруктовых деревьев и цветочных полян, раскинувшихся ковром поверх выступавших из земли корней хацу.

Через какое-то время здания и вовсе закончились, но Бриасвайс все продолжал вести за собой отряд дальше, ступая по узким вытоптаным тропинкам, забираясь в самую чащу. За пределами Гарвелескаана вскоре стали встречаться простые работники, занятые сбором упавших веток с помощью больших серых слонов, запряженных в телеги. Молчаливые великаны тянули свои хоботы к хворосту, сгребая его и укладывая в повозку. И хетай-ра с удивлением проводили взглядами этих внушительных животных, виденных ими впервые, которые работали по собственной воле, никем не управляемые и никуда не уходившие. Некоторые альвы поблизости собирали с земли опавшие желтые шишки и огромные листья, похожие на раскрывшийся веер, которые, подхваченные ветром, мягко падали с верхушек хацу. Многие альвы уверенно и легко лазали по деревьям, цепляясь за кору длинными и ловкими пальцами рук и ног подобно тому, как водомерки скользят по поверхности озера, раскинув свои лапки. Они поднимались так высоко, опираясь на им одним известные выпуклости, что порой их становилось трудно разглядеть, и зеленокожие дети Леса буквально сливались с листвой.

На одной из широких вытоптаных полян, укрытых пожелтевшей листвой, Бриасвайс остановился, подзывая к себе какого-то еще совсем молоденького парня, отдохавшего у корней ближайшего дерева, росшего у тропы. Рядом с поляной ютилась скромная обмазанная затвердевшей на солнце глиной постройка, больше походившая на шалаш, а возле нее валялись разбитые бамбуковые телеги, колеса с поломанными спицами и обрывки тканевой упряжи. Едва нескладный подросток, постоянно отвлекаясь на разглядывание чужеземцев, выслушал приказы заместителя коменданта, он скрылся где-то в глубинах чащи, а через пять минут уже вернулся к посольству. И прямо за ним медленно и неторопливо ступали вереницей три слона. Они шли, величественно подняв головы и помахивая своими розоватыми ушами, чтобы отогнать вившихся вокруг мух. Белоснежные бивни на концах были вымазаны зеленым соком, а колоннообразные ноги почти до колен оказались испачканы подсохшей грязью. Едва молодой альв выкатил откуда-то из-за своего шалаша три целые бамбуковые телеги и принялся сноровисто впрягать в них слонов, Аш окончательно разуверился в реальности происходившего.

— Мы что, поедem в столицу верхом на слонах? — с невольным трепетом в голосе спросил он у Бриасвайса. Тот ответил на этот вопрос каким-то презрительно-высокомерным взглядом.

— Никто не ездит верхом на слонах. В Лесу даже малым детям известно, что, несмотря на свой внушительный вид, спины слонов слабы, и верховая езда лишь навредит этим животным. Мы запрягаем их в облегченные телеги и следим, чтобы нагрузка на хребет была минимальна.

— Я даже подумать не мог, что когда-нибудь в жизни увижу этих диковинных созданий так близко. — Аш разглядывал слонов, которые покорно позволяли опутывать себя мягким снаряжением и впрягать в оглобли. — С такой мощью, как у них, альвы давно могли бы использовать слонов в войне с имперцами. Почему вы до сих пор это не сделали? Ведь если

облачить их в броню и заострить бивни, то с такой силой мало что сравнится!

— Этим вы, люди, и отличаетесь от нас, — с презрением процедил Бриасвайс. — Вы на все готовы пойти, лишь бы облегчить себе жизнь и отправить других на войну вместо себя. Готовы даже терзать невинных животных. Слоны имеют такое же право на мирную и спокойную жизнь, как и любые другие мыслящие существа. Почему они должны страдать и умирать в войне, принуждаемые к этому погонщиками, а? Никто в Ивриувайне никогда не посмеет доставить боль животным или же подчинить их своей воле, как каких-то бесправных рабов.

— Но ведь сейчас мы собираемся как раз таки использовать этих слонов, чтобы они тащили повозки с нами? — растерялся Ашарх.

— Мы никого не принуждаем. Эти слоны добровольно пошли за погонщиком, потому что их попросили. Если они откажутся везти телеги, им беспрепятственно позволят уйти обратно в Лес.

У профессора от этих слов возникло еще больше вопросов, но он решил не злить и без того явно пребывавшего в дурном расположении духа Бриасвайса своим глупым любопытством.

Как только все было готово, путники расселись по местам, забравшись в простенькие бамбуковые повозки. Шестеро солдат, посланных комендантом для сопровождения, заняли первую телегу, а вот Бриасвайс уселся вместе с посольством, явно не собираясь оставлять чужаков без присмотра. Последняя из повозок, которую везла небольшая слониха без бивней и с пятнистым розовым хоботом, была отведена под съестные припасы, питьевую воду и другую поклажу. Едва только Бриасвайс махнул рукой, вереница медленно и неторопливо двинулась с места, направившись вглубь Леса, куда вела узкая тропа.

Слоны ступали мягко, чуть покачиваясь из стороны в сторону и постоянно норовя что-нибудь ухватить хоботом: чаще всего это была трава, опавшие листья и ветки, но когда им попадались спелые шишки хацу, то животные сразу же заталкивали лакомство себе в рот. В скором времени едва заметная глазу дорога раздалась вширь, и теперь это была вполне себе наезженная колея, на которой изредка встречались каменные столбы, отмерявшие расстояние и не позволявшие далеко отклоняться от спрятанного в густом Лесу тракта.

— Долго мы будем ехать? — поинтересовался Аш у сидевшего на облучке Бриасвайса.

Альв, следивший за дорогой, нехотя повернулся к профессору и кратко бросил:

— До Алвераха не больше четырех дней пути.

— Неблизко. Так весь зад отобьем на этих телегах — пробормотал Ашарх, подсакивая на очередной кочке.

— Не нравится — слезай и ступай пешком, человек! — раздраженно прошипел Бриасвайс.

— Да я ничего такого не хотел сказать! — сразу же пошел на попятную преподаватель, выставив перед собой раскрытые ладони. Но альв уже завелся на пустом месте и замолкать не желал.

— Будь благодарен, что комендант вообще согласился пойти вашему посольству навстречу! Вам предоставили все необходимое и даже сопровождают в столицу, а ты тут еще возникаешь?..

Бриасвайс начал ругаться на своем родном языке, из-за чего его дальнейшие слова Ашарх совершенно не смог понять. Все смешалось в одну сплошную чушь, полную свистов, шепотов и ропота на амриле, сквозь которую лишь изредка просачивались отдельные фразы

на ифритском.

— Непомерная наглость!.. — подвел итог альв, а глаза его гневно блестели. — Вы, люди, совершенно не умеете быть благодарными, ни миру, ни тем, кто его населяет!

— Мне жаль, что я проявил такое непочтение, — сразу же извинился Аш, чуть склонив голову.

В ответ на это Бриасвайс лишь громко фыркнул, раздув свои узкие ноздри, смотревшиеся двумя щелями на лишенном носа лице.

— Если бы не прямой приказ Тестариуса, я бы даже возиться с вами не стал! — добавил он. — Будто мне больше нечем заняться, как сопровождать ваше дрянное посольство в Алверах! Целая неделя моего времени просто сфинксу под хвост!..

— Это было не наше решение, — не удержался от замечания Ашарх.

К его удивлению, альва это даже не задело.

— Да знаю! Но крайним все равно оказался именно я!.. Тестариус посчитал, что только мне можно поручить это сопровождение, сколько я ни твердил, что у меня есть дела в Гарвелескаане! Но ему плевать на все вокруг, кроме себя самого и Леса... Зазнавшийся выскочка...

Последние слова Бриасвайс пробурчал едва слышно, значительно снизив тон. Срыв собственных планов явно вывел альва из душевного равновесия, и теперь скверное расположение духа было достаточно объяснимым фактом. По крайней мере, Аш сделал для себя вывод, что Бриасвайс просто не мог смириться с тем, что им, несмотря на высокую воинскую должность, помыкали, как каким-то новобранцем, мнение которого ничего не стоило для коменданта.

— А ведь мне вчера показалось, что вы с Тестариусом неплохо ладите, — протянул профессор, машинально поглаживая пальцами гладкие борта телеги. — Получается, я ошибся? Вы друг друга на дух не переносите?

— С чего это ты сделал такие выводы? — прищурившись, спросил альв.

— Он навязал задание, которое идет вразрез с твоими планами, — позволив себе фамильярное обращение на «ты», ответил Ашарх. — Ты, кажется, и вовсе не одобряешь его идеи по защите Леса.

— Да неужели?

— Вчера ты ни единым словом не поддержал Тестариуса. Думаю, эта сделка тебе претит.

Бриасвайс неожиданно усмехнулся и дернул себя за кончик высокого хвоста, в который были убраны его длинные каштановые волосы.

— Мне лишь было интересно, что ты станешь делать, когда комендант поставит тебя перед подобным выбором. Это было банальное любопытство, ничего лишнего, ведь до этого дня все встреченные мной люди боялись идти на подобные риски — проще сбежать, поджав хвост, чем бороться за свою правду... А так, конечно, идеи Тестариуса до крайности наивны. И поддерживать их может лишь такой же беспросветный кретин, как и он сам. Это не про меня.

— Значит, ты не веришь в то, что Ивриувайн однажды заставит ифритов отступить? — Профессор не поверил своим ушам. — Мне всегда говорили, что альвы — патриоты до мозга костей. Что вы безоговорочно верите в победу Леса и будете его отстаивать до последней капли крови...

— Мир меняется. То, что когда-то казалось нормой, теперь становится блажью. Лес

давно уже стал пережитком прошлого. Это всего лишь деревяшки, человек, в которых нет ни жизни, ни души, ни благости. Но многие упорно не желают в это верить. И хотят проливать свою кровь ради зеленых рощ и полян, будто вокруг недостаточно других более важных ценностей. Я же не вижу в этом смысла.

— Что ты тогда делаешь в этой крепости на должности заместителя коменданта? С такими убеждениями тебе бы податься в мыслители, но никак не на военную службу.

— В Ивриувайне очень сильно влияние семей. Старейшины рода следят за исполнением всех традиций и обычаев, воспитывают детей в единственно верном, по их мнению, ключе. И когда меня послали на прохождение обязательной службы еще в мальчишестве, я был горд, что пойду по пути своих предков. Я из кожи вон лез, чтобы стать лучшим, чтобы дослужиться до высокого звания и бороться за Лес плечом к плечу со своими братьями и сестрами...

— А что случилось потом?

— Неважно, — сказал как отрезал Бриасвайс. — Важно лишь то, что я прозрел. И осознал, что многие десятилетия своей жизни потратил на защиту страны, которая никогда не победит в войне. Потому что на этой земле ценность в первую очередь имеют не жизни альвов, а деревья хацу. Тысячи солдат гибнут за бездушные деревянные, и всех это устраивает!

— Наверное, потому что так было заведено в Ивриувайне еще с начала веков...

— Ты прав. Потому что мы привыкли существовать по указке старейшин. Порой мне кажется, что в Лесу уже не осталось ни одного по-настоящему свободного от власти ограниченного Синклита альва: все живут по заветам предков, под их тотальным контролем, чтобы в итоге к концу жизни превратиться в таких же разбитых маразмом стариков и учить молодежь провонявшим плесенью идеям, поскольку ничего иного за свой век никто и не видел.

— Но ведь ты все равно остался на военной службе, при крепости, несмотря на то что не видишь смысла в этой войне, судя по всему. Почему ты не бросил все? — приподняв бровь, спросил Аш.

— Потому что мне не все равно на мой народ, — тихо проговорил Бриасвайс. — Я хочу бороться за лучшую жизнь для своих сородичей, а не за сохранность хацу, потому что Ивриувайн — это не Лес, Ивриувайн — это альвы. Я должен донести эту мысль и до своих собратьев, понимаешь? А единственное место, где мне под силу это сделать — именно здесь, на передовой.

— Неужели? — с сомнением пробормотал профессор, щелкнув костяшками своих пальцев.

— Здесь есть шанс добиться высокого положения. А в этом мире быть услышанным просто: достаточно лишь получить в руки необходимую власть, и твой голос уже обретает силу.

— Похоже, ты рассчитываешь занять скоро должность коменданта?

— Начальник крепости — это лишь первая ступень! Однажды, если мне хватит сил, я поднимусь достаточно высоко, чтобы ко мне прислушались и эти древние старики, сидящие в Синклите, и все молодые альвы Ивриувайна. И тогда, кто знает... Возможно, Лес наконец изменится.

Растянув губы в кривой улыбке, Бриасвайс хмыкнул и потрепал по холке свою смирную крысу, перебравшуюся с плеча к нему на колени.

В словах альва было что-то мечтательное, будто в душе он видел себя романтиком,

надеявшимся изменить мироздание одним своим желанием. И все же Ашарх не до конца был уверен, что Бриасвайс говорил все это искренне. В хитром взгляде карих глаз без устали металась лукавые искры, которые то загорались, то гасли, и понять, что же из сказанного было правдой, а что выдумкой для доверчивого слушателя в лице профессора, казалось трудновато.

До самых сумерек, опустившихся на Лес синей пеленой, отряд продвигался сквозь череду деревьев в достаточно неторопливом темпе. Слоны неспешно ступали по колее, таща за собой телеги, но стоило приблизиться вечеру, как животные еще больше замедлились, а потом и вовсе по собственной воле свернули куда-то в сторону, начав ломиться сквозь густой кустарник и растительность.

— Все, приехали, — бросил Бриасвайс профессору на ифритском и ловко выпрыгнул из повозки на землю, начав что-то командовать своим солдатам, которые тоже спешно высаживались.

— Что-то случилось? Или мы разобьем здесь стоянку? — не сразу сориентировался Аш.

— Слоны устали. Встанем лагерем возле дороги, — отрывисто пояснил альв и одним из первых стал распрягать животных. Как только оглобли с легким стуком упали на траву, слоны один за другим стали разбредаться по округе. Двое первым делом скрылись где-то за деревьями, явно собираясь углубиться как можно дальше в Лес, а третий остался ходить недалеко от места стоянки, понемногу обрывая листья с кустов.

Никакого костра альвы разводить не стали. Как понял Ашарх, для них непочтительной грубостью было разжигание открытого огня на природе, ведь пламя и дым уничтожали растительность и губили деревья, которые дети Леса почитали как одушевленных существ. Без костра в лагере было темновато, хоть голубоватый свет, исходящий от хацу, и пронизывал Лес со всех сторон. Альвы с комфортом обустроивались на выступавших корнях, растягивали между стволов тканевые гамаки, в которых, видимо, и намеревались провести ночь, и собирали по округе свежие фрукты. Как уже успел заметить Ашарх, фруктовые деревья в Ивриувайне были распространены повсеместно, и даже за один неполный день профессор неоднократно видел, как вдоль дороги тесной чередой стояли целые сады, полные экзотических плодов. Их клевали птицы, срывали звери и собирали альвы, и сладковатый запах фруктов постоянно висел в воздухе, правда, вместе с тучами мошки.

Последнее, вообще, было настоящей напастью. Из-за жаркого влажного климата, царившего в Лесу, вокруг отряда постоянно вились комары размером с палец, мелкая надоедливая мошкара и крупные наглые слепни, только и норовившие залезть под одежду и укусить побольнее. Днем, проникавшие сквозь густые кроны солнечные лучи еще разгоняли насекомых, заставляя тех прятаться в тени, но стоило наступить сумеркам, полчища гнуса выходили на охоту. Более привычные альвы сразу же обмазали открытые участки тела соком пережеванных листьев с какого-то пахучего куста, а вот посольству приходилось нелегко: большей частью все попрятались по гамакам, завернувшись в них, как в кокон.

Сидеть вне укрытия остался только профессор, поскольку спать ему еще не хотелось. Склонившись над масляной лампой и плотно закутавшись в свой потрепанный дорожный плащ, он некоторое время работал над пустынными картами, продолжая делать зарисовки и ни на что не обращая внимания. Альвы, выставив часового, тоже скоро отправились спать, и весь лагерь затих. Забравшись по коре на нижнюю ветвь одного из деревьев хацу, караульный принялся нести свой дозор, вглядываясь в чащу, окутанную мягкой синевою.

Стоило ночи опуститься на Лес, мир вокруг наполнился мириадами различных звуков:

стрекотали насекомые, хлопали крыльями птицы, изредка кричали какие-то звери и ветер легко шумел в кронах. Две недели, проведенные в пустынях, приучили профессора к тишине. Он всегда легко засыпал под мягкое шуршание песка, и теперь, оказавшись со всех сторон окруженным сотнями и тысячами разнообразных звуков ночного Леса, Аш мог лишь сидеть и постоянно прислушиваться к этой мелодичной песне. Он давно уже отложил пустынные карты и просто молча внимал окружающему пространству, прикрыв глаза и опершись спиной на теплую кору дерева.

— Лучше погасить огонь, если не хочешь, чтобы к лагерю вышли дикие кошки.

Голос Бриасвайса невольно заставил Ашарха вздрогнуть. Он распахнул глаза и разглядел в тенях перед собой высокую фигуру альва. Тот поправил на поясе перевязь с нефритовым мечом и опустился на землю рядом с профессором. Сложив свои длинные ноги и удобнее усевшись на траве, Бриасвайс послунывил пальцы и затушил фитиль лампы.

— Почему ты не отдыхаешь? — спросил альв. — Завтра мы тоже весь день проведем в дороге. Тебе понадобятся силы.

— Не могу заснуть, когда вокруг все так стрекочет, — тихо признался Аш, убирая свои записи обратно за пазуху, а масляную лампу — в сумку.

— Это колыбельная Леса, человек.

— Кому как. Мне тяжело спать, когда над ухом постоянно кто-то кричит. — Профессор скривился, и сразу же где-то в стороне от стоянки пронзительно и громко завопила какая-то птица. Больше всего это походило на болезненный рев, но через пару секунд к нему присоединился второй и третий голос, и через полминуты уже целая стая птиц истошно кричала совсем неподалеку.

— Ты скоро привыкнешь, — чуть прикрыв глаза, Бриасвайс задрал голову и прислушался к Лесу.

Они сидели в молчании достаточно долго, размышляя каждый о своем, пока на плече альва не завозилась крыса. Спустившись вниз по галунной перевязи, она начала своевольно рыться в мешочках, висевших на поясе Бриасвайса и что-то искать. Ее хозяин отреагировал на это спокойно. Потянувшись к одному из тканевых кисетов, он высыпал на ладонь горсть желтоватых изогнутых орехов и позволил крысе забрать несколько.

— Будешь? — альв предложил угощение профессору, и тот взял пару штук на пробу. Орехи оказались сладковатыми на вкус и вяжущими рот, а также достаточно сытными. После легкого ужина, по большей части состоявшего лишь из свежесобранных экзотических фруктов, многие из которых Ашарх и его товарищи есть не стали, голод никуда особенно не делся. Так что лакомство пришлось кстати.

В это время крыса, сунув за каждую щеку по ореху, забралась обратно на плечо, ловко обвивая хвостом перевязь. Удобнее перехватив маленькими лапками добычу, она стала ее грызть с легким хрустом, не сводя при этом глаза-бусинки с преподавателя.

— Это Руфь, — кивнув на зверька, сказал Бриасвайс. — На амриле это значит «Друг».

— Никогда до этого не встречал ручных крыс, — посасывая последний свой орех, признался Аш. — Обычно их все сторонятся. Говорят, крысы разносят заразу, так что их никто не трогает в Залмар-Афи.

— Люди заблуждаются. Заразу разносят не крысы, а паразиты, которые заводятся на них. Но Руфь — умная и чистоплотная крыса, она вычищает блох.

Будто в подтверждение этих слов, черный как уголь зверек стал умывать свою мордочку обеими лапками, убирая крошки еды с шерсти.

— Откуда она у тебя? — поинтересовался Ашарх.

— Ее кинули мне в клетку ифриты, когда я был у них в плену, — фыркнул Бриасвайс. — Думали, с голода я съем ее живьем. Но, к их удивлению, я приручил крысу, и вскоре она даже стала приносить мне тайком кусочки украденной еды.

— Ты был в плену у ифритов? — Изумлению профессора не было предела.

— Да, был, — сухо ответил его собеседник.

— Насколько мне известно, от имперцев никому живьем не удастся уйти. Ты либо умираешь, либо попадаешь в рабство. Как тебе удалось сбежать?

— Удалось, и все тут, — недовольно проворчал альв, явно не желая делиться подробностями.

— Нелегко, наверное, пришлось?..

Бриасвайс помолчал несколько секунд, а после все же ответил:

— Я не намерен ворошить прошлое. Тяжело было или нет — сам догадаешься, чай не первый день на земле живешь, ифритские повадки знаешь. Мне помогла справиться со всем Руфь, и за это я благодарен ей.

Протянув руку, альв ласково погладил крысу, которая явно собиралась вздремнуть на его плече, уцепившись за перевязь коготками.

Ашарх слабо улыбнулся, наблюдая за животным. Какое-то время они с Бриасвайсом еще сидели рядом. Но тем для разговора почему-то больше не находилось, и вскоре они разошлись спать по своим гамакам. Уже пытаясь забраться на свою мягкую лежанку, которая оказалась подвешена слишком высоко, явно из расчета на средний рост альва, профессор неустанно обдумывал то, что упомянул заместитель коменданта. Если Бриасвайс действительно находился в плену ифритов какое-то время, то как ему удалось миновать рабскую участь? Чаще всего имперцы безжалостно убивали всех, кто осмеливался поднять на них оружие, но порой они не гнушались и брать пленников. Сильных и крепких мужчин ифриты продавали на невольничьих рынках, а женщин приносили в жертву богине Азуме, восхваляя свою владычицу. Сбежать с каторги или плантаций представлялось практически невозможным, ведь имперцы не щадили своих рабов — они всегда могли выкупить новых. К тому же, насколько было известно Ашарху, многих невольников подвергали таким суровым пыткам и внушению, что из них буквально создавали послушных и беспрекословно подчинявшихся любым приказам кукол, которые и не желали сбежать. Уже засыпая, профессор решил, что ему стоило при первом удобном случае подробнее расспросить скрытного Бриасвайса об этом побеге, чтобы окончательно выяснить, как же все-таки альву удалось совершить невозможное — ускользнуть от имперцев живым и вернуться обратно в Лес.

Стоило над Лесом забрезжить рассвету, Лантея одной из первых завозилась в своем гамаке. Можно было сказать, что всю ночь она с нетерпением дожидалась утра, поскольку спать в непривычном подвешенном состоянии оказалось странно, и в итоге девушка практически не отдохнула. Выбравшись наружу и приведя себя в порядок, она присела на корни дерева хацу и принялась жевать фрукты, оставшиеся еще с вечера. Конечно, такого рода пища была ей чужда, хотелось чего-то более сытного, вроде хлеба или мяса, но, судя по всему, альвы питались лишь дарами Леса и следовало привыкать к их рациону. Пока Лантея давилась каким-то очередным кислым плодом красновато-желтого цвета, к ней со спины подошел проснувшийся Манс.

Потягиваясь и почесывая щетину, он поправил сестру хмурым кивком.

— Не выспался? — сочувственно спросила девушка. — Я тоже.

— Ужасно. Не представляю, как альвы вообще могут лежать в этих гамаках. Они же постоянно то раскачиваются во все стороны, то и вовсе норовят перевернуться.

— Тут по земле столько дряни ползает, что невольно перехочешь на траве спать. Я вчера видела змею длиной с меня вон в тех кустах, — поделилась Лантея, указав пальцем на ближайшие заросли.

— Я Ашу говорить не стал, но я тоже перед сном заметил у тропы гнездо тарантула, — усмехнулся Манс, присаживаясь рядом с сестрой и принимая из ее рук один из фруктов. — Думаю, он бы не обрадовался, если бы я указал на такое соседство.

— Это уж точно... Скорее бы добраться до их столицы. Надеюсь, она окажется куда цивилизованнее, чем эти джунгли. Хотя, признаться, тут все же есть своеобразная красота.

— Твоя правда, — согласился юноша, кривясь от кислого вкуса фрукта. — Я столько зеленой растительности еще никогда в жизни не видел. Вчера весь день в глазах рябило с непривычки.

— Не жалеешь, что увязался с нами в эту экспедицию? — ненароком спросила Лантея, вытирая губы.

— А я должен? — вопросом на вопрос ответил Манс, вздернув белую бровь.

— Ты впервые забрался так далеко от дома, бросил все знакомое и привычное, отдавшись на волю обстоятельствам. Неужели тебя совсем не пугает эта неизведанность впереди? Ведь наша судьба сейчас — клубок спутанных дорог. Никогда не угадаешь, куда приведет выбранная тропа... Альвы могут казнить нас за какую-нибудь глупость, могут выпроводить вон из Леса, может начаться война или, напротив, будет заключен крепкий союз. Каждое утро я просыпаюсь с мыслью о том, что этот день может стать последним для всего нашего небольшого отряда. В пустынях нам постоянно грозили опасности иного рода, но даже там я чувствовала себя куда спокойнее. А здесь я даже не предполагаю, что или кто будет ждать меня за соседним деревом, и к чему в итоге приведет нас всех это странствие...

Лантея тяжело понурила голову, и красные пряди ее волос, выбившиеся из хвоста, упали на лицо, заслонив его.

— И это мне говорит девушка, которая не побоялась когда-то бросить родной дом, пустыни, и бесстрашно пересечь горный хребет? — неожиданно со смешком произнес юноша, не сводя взгляд с сестры. — Лантея, ты, не зная ни языка, ни местных законов, пришла в человеческое государство, прожила там два года и даже пыталась поступить в академию. Разве тогда ты не боялась? Не боялась быть пойманной или обличенной? Не думала каждый день, что на следующее утро твою тайну узнают все, и тогда твоему путешествию придет конец?

— Тогда я отвечала лишь за себя одну! Если бы что-то случилось, то погибла бы только я, унеся секрет хетай-ра с собой в мир духов. А теперь я — посол. На моих плечах ответственность за будущее целого народа, за сохранность Барханов и даже за жизни всех наших попутчиков. В том числе и твою, Манс. Если что-то случится с одним из членов отряда, то ведь это будет моей виной. Я не справилась с возложенными на меня обязанностями, я допустила, что все так все плохо обернулось...

— Ты винишь себя за то, что не произошло и, возможно, никогда на произойдет, — чуть понизив голос, сказал Манс. Отложив в сторону свой завтрак и обтерев липкие руки о низ рубахи, он взял кисть Лантеи, заключив ее в тепло своих ладоней, и легко сжал. — Каждый

здесь осознает всю опасность нашей миссии и каждый способен защитить себя. Если что-то случится, то ни твоей, ни чьей-либо еще вины в этом не будет. Даже если переговоры пройдут неудачно и эти альвы откажут нам в заключении военного союза, то это случится вовсе не из-за тебя.

— А из-за кого, Манс? Из-за кого? — приглушенно воскликнула девушка. — Ведь я должна убедить этот Синклит. И только от моего красноречия, моих слов и аргументов зависит согласятся альвы или нет на союз.

— Не все в этом мире крутится вокруг тебя одной, Лантея, — позволив проскочить в своем голосе твердости, проговорил юноша. — У альвов тоже есть свои желания, планы и намерения. Если они откажут нам, то вовсе не потому, что ты приведешь неубедительные аргументы, а если согласятся, то не из-за твоего красноречия. Этот союз может быть невыгоден для них, и даже все послы мира не добьются тогда положительного ответа от Синклита.

— Но дома все равно не поймут...

— Ха! Дома! — фыркнул Манс. — Дома, конечно, Совет сожрет тебя с потрохами. Им проще свалить всю вину на посла, выставив тебя неудачницей перед всеми Барханами, чем самостоятельно отправиться на переговоры или продумать пути отступления. Но домой ты не вернешься, и поэтому мнение матриархов не должно тебя волновать.

— Даже если все хетай-ра погибнут в разрушительной войне из-за моего провала? — с вызовом спросила Лантея, приподняв голову и устремив на брата пронзительный взгляд голубых глаз.

— Даже если так. Даже если они будут вынуждены зарыться под пески так глубоко, что больше никогда не увидят солнечный свет. Тебя это больше не коснется. Потому что ты свой выбор давно уже сделала: ты покинула Барханы, и сама сказала мне, что никогда не возвратишься туда.

— Выходит, у меня больше совсем нет дома... И семьи тоже нет. Отец, мать и тетя мертвы, а сестра отвернулась от меня... Признаться, я старалась об этом не думать, но теперь, кажется, это осознание сжимает мне сердце.

Она рассеянно коснулась некогда зеленой, а теперь давно уже выгоревшей на солнце ленты, повязанной вокруг запястья.

— Я — твоя семья, — прошептал Манс, стискивая ладонь Лантеи еще крепче. — Аш — твоя семья. Мы всегда будем рядом, мы не отвернемся в час нужды и не бросим тебя одну, потому что ты всегда была с нами, была готова рисковать ради нас жизнью и доверялась нам.

— Мне бы хотелось, чтобы так было всегда...

— Так и будет! — горячо уверил сестру юноша.

— Я жажду этого. Но последнее время меня и вовсе не отпускает чувство, что проведенные в дороге дни были самыми спокойными и счастливыми в нашей жизни. Что так больше никогда не будет. Не будет тихого звездного неба над головой, не будет свежего морского бриза и жаркого солнца. Будто все это скоро закончится, как мирный сон.

— Сны обрываются, чтобы вернуться вновь, как только стемнеет. И новый сон будет слаще старого, ярче и крепче.

— Пусть только он не обернется кошмаром... Уже одного этого будет достаточно.

Сжав в ответ пальцы брата, Лантея поблагодарила его за поддержку и, мягко поднявшись с места, ушла к своим сумкам, так и не закончив завтракать. На душе у нее было

смутно. Будто какое-то необъяснимое ощущение тревоги довлело над всеми остальными чувствами, и девушка постоянно неосознанно хваталась за рукоятку ножа. Вот только каждый раз руки ее нащупывали пустоту, ведь изъятое оружие посольству по-прежнему не вернули, хотя Лантея и подозревала, что Бриасвайс захватил его с собой в дорогу, но почему-то отказывался отдавать пустынным. И девушка очень надеялась, что небольшого мешочка с песком на поясе ей бы хватило, случись в дороге что-то непредвиденное. Но из-за отсутствия полноценного оружия хетай-ра невольно чувствовала свою незащищенность и слабость. Она привыкла рассчитывать на свою силу, и теперь, когда она могла полагаться лишь на горсть песка и воинов Бриасвайса, ни о каком спокойствии не было и речи.

Как только большая часть пустынников и альвов проснулась и позавтракала, недалеко от лагеря вновь появились массивные фигуры слонов. Животные, проведя ночь где-то в чаще Леса, самостоятельно вернулись к отряду и вновь позволили себя запрячь. Это было столь необычно — видеть, как могучие звери добровольно подходили к повозкам и покорно ждали, пока их опутают упряжью, — что Лантея все никак не могла поверить в происходившее. Слоны помогали альвам по собственной воле, они ступали вперед по дороге без понуканий погонщика, будто сами знали, куда нужно было везти путников.

В середине дня, когда жаркое солнце проникало сквозь раскидистые кроны, расчерчивая воздух желтыми лучами, на всех в отряде напала легкая сонливость. Высокая влажность и духота утомляли — ветер нечасто прорывался сквозь густые лесные заросли, и потому постоянно хотелось зевать. Оцарио, как подтаявшее на солнце масло, растекся по плечу Манса, на которое он сперва легко облокотился, а после уже полноценно сполз. Юноша не был против, хоть и сам начинал понемногу уже клевать носом, то и дело проваливаясь на пару секунд в дрему. Во главе колонны ехала повозка с солдатами Бриасвайса, и даже среди них были те, кто украдкой сжегивал зевоту в кулак, поглядывая на своего командира, и тер глаза, пытаясь взбодриться. Ашарх тоже сперва хотел как-то отвлечься, надеясь перечитать еще раз хорошенько свои записи по Гиртариону, но телегу так трясло и качало, что буквы прыгали у профессора перед глазами, как мушки, и сложить их в слова не представлялось возможным.

Идиллию нарушил неожиданно раздавшийся в ближайших кустах шум. Зашуршала листва и сквозь ветви на тропу прямо возле первой телеги выскочила небольших размеров тень с огромными блюдцами широко распахнутых голубых глаз. Едва только она поднялась на четыре лапы, как стало ясно, что это был еще совсем маленький и явно дезориентированный в пространстве детеныш черной пантеры. Все повозки мгновенно встали на месте, резко дернувшись, а слоны стали понемногу забираться в сторону — им такая встреча пришлась не по душе. Котенок тоже испуганно попятился, заметив слонов и альвов, и уже практически наполовину залез обратно в кусты, как вдруг прямо из них с яростным рычанием вырвалась его мать.

Взрослая черная пантера, оскалив клыки и выпустив когти, молнией бросилась на ближайшую к ней повозку. В панике затрубили слоны, ломанувшись в сторону деревьев и утягивая за собой телеги, которые со скрипом и грохотом покатались следом, застревая в кустах. Кто-то из альвов и посольства сразу повалился на землю, не успев среагировать, другие попадали на дно повозок, пытаясь скорее подняться. Пантера металась между слонами, запрыгивая им на ноги и на спину, цепляясь когтями за кожу и оставляя длинные кровоточившие царапины, а после неуловимым вихрем бросалась на альвов, опрокидывая одного за другим.

Что-то громогласно командовал Бриасвайс, успев одним из первых оказаться на ногах, и многие альвы даже слушались его — отступая дальше от разъяренного хищника и укрываясь за стволами деревьев. Никто даже не пытался дать отпор животному.

Тот слон, что вез делегацию, не разбирая дороги убежал в Лес и попросту обломил бамбуковые оглобли, когда телега, в которую он был впряжен, вместе со всем посольством застряла между двумя стволами. Хетай-ра, что еще оставались внутри, тяжело вывалились на землю, а повозка с грохотом осела из-за подломившегося колеса.

— Нужно забраться на деревья! Этот зверь наверняка нас там не тронет! — взвизгнул Оцарио, уже обхватив ствол обеими руками и пытаясь заползти по гладкой коре как можно выше. Его примеру никто из группы больше не последовал, потому что, глядя, как быстро пантера запрыгивала на повозки и хребты впряженных в них серых гигантов, никто не верил, что деревья были ей не под силу.

Тем временем пантера, разогнав всех слонов, которые представляли наибольшую угрозу для нее и ее детеныша, принялась атаковать альвов. Она металась между ними, то и дело впиваясь в кого-нибудь клыками, пока не навалилась всем весом на одного солдата, застрявшего ногой в обломках своей телеги. Он лишь беспомощно вопил, закрывая руками лицо и горло, но пантера, почувствовав вкус и запах свежей крови, свирепо полосовала воина, вгрызаясь в его плоть.

— Почему никто не атакует этого зверя? — крикнул Виек, подобрав с дороги острую палку, настороженно косился в сторону пантеры, широко расставив руки и ноги и готовый в любую минуту защищаться.

— Похоже, они или трусили, или вообще не трогают животных в Лесу! — предположил Манс, стараясь не отходить далеко от деревьев, чтобы можно было сразу же за ними укрыться.

— Что за тупицы?! Да этот зверь же сейчас сожрет его с потрохами! — не своим голосом завопила Эрмина, во все глаза уставившись на жуткую сцену того, как пантера драла когтями еще живого альва. — Я не собираюсь просто стоять и смотреть на это!

Она подхватила с земли стебель бамбука, отвалившийся от телеги, и без какого-либо намека на страх бросилась вперед, прямо на черного хищника. Ей попытался преградить путь Бриасвайс, едва он заметил, как Эрмина бездумно побежала навстречу своей гибели, но женщина ловко проскочила под его рукой, даже не замедлившись.

— Человек! Скажи, пусть она не трогает пантеру! Зверь насытится и уйдет сам! — рявкнул в сторону профессора Бриасвайс.

Аш перевел это Лантее и Мансу, но никто из них больше не мог докричаться до Эрмины, которая уже подобралась к животному и что есть силы огрела его палкой по спине. Коротко взвизгнув, пантера взвилась в воздух, отвлекшись от своей добычи и сразу же ринулась к обидчице. Зверь был стремительным и смертоносным. Извернувшись в воздухе, он в длинном прыжке вытянул вперед лапы, намереваясь зацепить когтями хетай-ра, но Эрмина успела ускользнуть в сторону. Подставляться она не собиралась, но зато теперь все внимание хищника было сконцентрировано только на ней, как на единственной, кто решился дать животному отпор.

Еще одна атака произошла так быстро, что мало кто из наблюдавших за этой сценой альвов и пустынников успел заметить, как женщина от нее уклонилась. Взбежав на ближайшую каменную глыбу, поросшую мхом, Эрмина выставила перед собой палку, поддразнивая и раздражая хищника, хотя назвать такую задумку удачной было сложно. И

без того озлобленная пантера метнулась черной молнией к камню, рассекая воздух обеими лапами в том самом месте, где стояла хетай-ра. Но ее там уже не было: женщина оттолкнулась от глыбы и, зацепившись пальцами за нависавшую над дорогой ветку дерева, подтянулась и встала на нее.

С рычанием зверь последовал за добычей. Легко и без каких-либо усилий он подпрыгнул и, сдирая когтями кору, стал карабкаться на сук, пытаясь уместиться на нем полностью. Листва зашуршала, затрещала ветка под тяжестью двойного веса, но Эрмина не позволила пантере даже приблизиться к себе — она жестко и резко ударила ее по лапам, сбрасывая обратно на землю.

Невольно зашипев, животное извернулось в воздухе, приземлившись на все четыре лапы, и предприняло новую попытку добраться до дразнившей его обидчицы. И вновь получило выверенный удар палкой. Так повторялось еще несколько раз: пантера искала новые способы забраться на сук, и каждый раз Эрмина, орудуя своей бамбуковой жердью, хлестко била зверя по лапам, подсекая и сбрасывая его вниз.

— Виек! — звучно позвала женщина. — Веревку!

Ее супруг стал метаться между телегами, пытаясь отыскать хоть что-нибудь, что могло бы помочь Эрмине заарканить зверя. Через пару мгновений он заметил тяжелую сеть, которой были укрыты грузы в последней повозке, и, сдернув и скомкав ее, забросил на ветку, где его жена стойко отбивалась от атак пантеры.

Когда зверь в очередной раз оказался на земле после неудачной попытки подобраться ближе к своей жертве, Эрмина расправила сеть и мягко скинула ее сверху на животное. Пантера затрепыхалась внутри, отчаянно кусая веревку и пытаясь протиснуться между ячейками, но от всех этих действий сеть лишь сильнее запутывалась вокруг хищника. И вот зверь уже всеми лапами и даже головой оказался спеленат в плотный кокон, не в силах выбраться оттуда самостоятельно.

Эрмина с видом победительницы спрыгнула с ветки и подошла ближе к пантере, намереваясь ее рассмотреть. Зеленоватые глаза с пульсировавшим зрачком, сузившимся до состояния точки, не мигая следили за каждым шагом укротительницы, но женщина знала — стоит ей протянуть руку, как острейшие когти вмиг разорвут ее на клочки. Пойманным, зверь становится в разы опаснее.

— Какого хрена она творит?! Пусть она отпустит пантеру! — брызгая слюной, бранился Бриасвайс, обращаясь к Ашарху. — Человек! Скажи этой дуре, чтобы она не сдерживала пантеру!

Все понемногу стали стягиваться ближе к месту схватки. Накал утих, и теперь альвы, зажимая кровоточившие царапины, с опаской поглядывали на Эрмину, с гордостью восседавшую возле заарканенного зверя.

— В Лесу никто не смеет трогать животных! — настаивал на своем Бриасвайс.

— Но ведь Эрмина спасла жизнь вашему солдату! — возразил Ашарх, указывая на альва, которому сослуживцы помогали выбраться из-под завалов телеги и остановить кровь, хлеставшую из ран. В целом пострадавший выглядел неплохо: лишь сильно была разорвана правая рука, которой он прикрывал голову во время атаки, и возле горла остался глубокий укус. Альв был бледен, из-за чего его зеленого цвета кожа имела светло-оливковый оттенок, но на ногах держался сам.

— Пантера лишь защищала свою территорию и своего детеныша, почуяв угрозу! — сурово нахмурившись, ответил Бриасвайс. — Пусть женщина выпустит животное

немедленно!

Пока Ашарх переводил слова альва Лантея, а та в свою очередь убеждала Эрмину распутать сети, Бриасвайс мрачной тенью ходил по кругу возле пантеры и нервно потирал руки. Наконец несколько солдат с помощью Эрмины и Виека подняли плененного зверя, дотащили его до кустарника и раскрыли сети. Пантера, едва почуяв, как ослабли веревки, уже самостоятельно выбралась на свободу и сразу же скрылась в зарослях, уйдя в направлении, где скрылся ее детеныш. Все вздохнули с облегчением, и только Эрмина еще какое-то время следила за Лесом, вслушиваясь в шелест листвы, чтобы наверняка удостовериться, что пантера и ее котенок ушли.

Раненых оказалось несколько. У большинства из них были простые царапины, которые скорее промыли и смазали какой-то густой субстанцией из перетертой травы, смешанной с грязью. Двое слонов тоже оказались достаточно глубоко ранены, но они позволили осмотреть их укусы и порезы, а вот третий слон, сбежавший от каравана еще в самом начале нападения, так больше и не вернулся. Правда и телеги уцелели далеко не все: не пострадала лишь повозка с поклажей, вторая была полностью разбита, а у третьей разломилось колесо. Поломку починили, и в итоге весь отряд разместился по двум телегам, распределив между собой и грузы.

На Эрмину альвы поглядывали с подозрением. Многих не устроило ее обращение с пантерой, ведь неприкосновенность животных в Лесу ценилась на каком-то особенном уровне, но вот единственным, кто не сводил с женщины восхищенный взгляд был тот несчастный воин, которому хетай-ра помогла. Едва он смог стоять на ногах, как первым делом бросился к своей спасительнице и принялся целовать ей руки, как какой-то госпоже. Альв постоянно что-то твердил на амриле, без устали кланялся и с обожанием разглядывал женщину, из-за чего она безумно смущалась, а Виек тихо скрежетал зубами.

— Кажется, ты обзавелась верным поклонником, — со смешком заметила Лантея, едва только все расселись по повозкам и двинулись дальше.

— Видимо, он уже мысленно расстался с жизнью, пока я не пришла ему на помощь, — улыбнулась раскрасневшаяся Эрмина.

— Если он не прекратит ходить за тобой следом и так пожирать взглядом, то я за себя не отвечаю. Гибели от клыков зверя он избежал, но вот от моего кулака ему так просто не скрыться, — едва слышно проворчал Виек, сверкая глазами в сторону альва, который из соседней телеги с благоговением поглядывал на свою защитницу.

— Ему и так досталось! Не трогай его, — попросила Эрмина, легко толкнув супруга в плечо.

— Ты как будто совсем и не испугана, — произнесла Лантея, внимательно изучая довольное лицо женщины. — Так бесстрашно полезла на этого хищника с одной палкой в руках... Дух укротительницы в тебе, конечно, силен, но не слишком ли самоуверенный был поступок?

Телегу подкинуло на колдобине, из-за чего всех потрянуло, и что-то забренчало в одной из сумок под ногами. Оцарио устремил на груду вещей свой печальный взгляд, чувствуя, что это был один из его баулов, но убеждаться в этом не стал, предпочтя послушать разговор спутников.

— Я хорошо развлеклась и развеялась. Противник оказался весьма достойным! — призналась воительница. — А то я так засиделась последнее время, что кровь застоялась в жилах, и эта схватка пришлось как нельзя кстати. Тем более я просто не могла стоять, как

остальные, и смотреть, пока зверь рвал на куски того альва. Не понимаю, почему никто не прогнал пантеру? Ведь нас тут было достаточно, чтобы отбить ее нападение!

— Судя по всему, эти альвы совсем слабоумные! — прошипел Виек. — Животных даже пальцем не трогают, как и свои деревья. И даже если бы на их глазах жрали ребенка или целую толпу беззащитных сородичей, они бы даже не шевельнулись. Идиотизм какой-то!..

— Как Аш мне объяснил, тут дикие животные нечасто нападают на альвов, — поделилась Лантея, убирая за ухо выбившуюся прядь алых волос. — А если подобное и случается, то лишь из-за того, что хищник чувствует угрозу для себя или своего потомства. И альвы предпочитают постоять в сторонке, дожидаясь, пока зверь сам уйдет, чем прогонять его или, уж тем более, убивать — тут это вообще считается чуть ли не преступлением.

— Судя по такой логике, для них жизнь сородича ничего не стоит? — тихо спросил Оцарио.

— Ну, как мы сегодня убедились, так оно и есть, — фыркнул Виек, скрещивая руки на груди. — Они согласны были, чтобы их сослуживца сожрали живьем. Мол, зверь утолит жажду крови и уйдет.

— Я понимаю, что мы чужаки в этом Лесу, — сказала Эрмина, мотнув своей короткостриженной головой. — Мы не должны лезть к альвам со своими законами и видением мира, но ведь это же просто как-то противоестественно.

— Может, они считают это милосердием по отношению к животным? — предположил Оцарио, пожав плечами.

На это заявление Эрмина нахмурила брови и сжала губы:

— Тогда я не вижу ничего разумного в таком милосердии к каждой живой твари. Нужно уметь хотя бы постоять за себя, когда тебе угрожает опасность, а не просто плыть по течению и мирно ждать, когда угроза сама минует.

— Ты считаешь это глупостью, они — нормой, потому что живут так с начала времен. Что-то из наших обычаев и привычек покажется им неестественным и неправильным, — проговорила Лантея. — Мы просто два разных мира.

Все задумались над этой мыслью и затихли. Понемногу путники расслабились, опять размякли на жаре, и каждый стал коротать время, как умеет. Аш и Манс негромко что-то обсуждали с Бриасвайсом. Оцарио все же рискнул заглянуть в свои мешки, чтобы проверить, все ли там уцелело, и теперь с грустным лицом выгребал осколки и крошки, высыпая их за борт телеги. Лантея молча вглядывалась в Лес, окружавший караван со всех сторон, а Эрмина ласково поглаживала супруга по коротким белым волосам на голове, пока он дремал у нее на коленях.

Тем же вечером начался проливной дождь. Тяжелые капли застучали по листве, ручейками забираясь за шиворот путников и размягчая землю под колесами повозок. По грязи слоны ступали осторожнее, а телеги и вовсе частенько стали застревать, набирая под днище целые комки влажной глины и ключьев травы. Бриасвайс злился и ворчал, что с такой непогодой путь до столицы займет еще больше времени, чем он планировал.

— Сезон дождей уже закончился! — негодовал альв вечером на привале, прикрывая сложенные в телегах вещи огромными листьями алоказии, заросли которой находились неподалеку. — Откуда взялась эта непогода?!

Его ручная крыса по кличке Руфь забралась в плотный тканевый мешок на поясе своего хозяина и дремала там, не желая мочить шерстку под дождем.

— Ну, ты же не можешь предугадывать абсолютно все в дороге, — без тени сочувствия в

голосе произнес Ашарх, пытаясь забраться в свой гамак, чтобы укрыться от ливня. — Уж погода не во власти смертных.

— У меня есть четкий расчет, — пробормотал Бриасвайс, откидывая со лба мокрые волосы. — Если я выбиваюсь из своего расписания хоть на день, то все последние годы моей жизни пойдут сфинксу под хвост! Дерьмо!..

Поскользнувшись голыми ступнями на кучке грязи, альв с трудом удержал равновесие и, быстро разбросав оставшиеся листья алоказии, отступил под укрытие ближайших деревьев. Он промок до нитки, по колено был испачкан в глине, а его зубы постукивали друг о друга, но в гамак Бриасвайс не торопился залезать — ему еще предстояло пару часов нести ночное дежурство.

— Что за дела у тебя в Гарвелескаане, что ты так торопишься успеть обратно? — уже замотавшись в ткань, как в кокон, поинтересовался все же Ашарх.

— Не твое дело, человек, — злобно выплюнул альв, скрещивая руки на груди и прислоняясь спиной к теплой коре дерева хацу. — Ясно тебе или нет?

— Я лишь хотел узнать, может, смогу помочь чем-то, — извиняющимся тоном пробормотал профессор, недовольно заворочавшись и расправляя свою скомкавшуюся рубаху.

— Никогда нельзя рассчитывать на чужую помощь, иначе потеряешь контроль над ситуацией и сам не заметишь, как твоя жизнь перестанет быть твоей.

— Хочешь сам плавать по горло в трясине проблем, не мне тебе мешать... В конце концов, и правда, чего это я должен протягивать тебе руку помощи, когда вы с Тестариусом согласились пропустить наше посольство только за отдельную плату...

Бриасвайс презрительно фыркнул и отвернулся в сторону от преподавателя, не намереваясь и дальше развивать эту тему. Он так и остался в одиночестве нести свой дозор под проливным дождем, прикрываясь лишь опавшими листьями хацу и хмуро поглядывая по сторонам.

Весь следующий день ливень не прекращался, будто небеса прохудились и стремились как можно скорее излить на землю свои воды. Во всем караване уже не было ни единого живого существа или вещи, которые бы не промокли насквозь. Дорогу окончательно развезло, и пару раз повозки намертво вставали посреди бездонных луж и топкой грязи. Условия для путешествия выдались не самыми лучшими, к тому же еще и поднялся сильный ветер, который гнул деревья, шумел в кронах и мешал путникам прикрываться от непогоды плащами и листьями.

К счастью, ближе к сумеркам отряду удалось добраться до небольшого постоянного двора, представлявшего собой бедную хибару, в одной части которой жил сухой, как ветошь, одноногий альв, передвигавшийся только благодаря самодельному протезу из бамбука, а другая была отведена под отдых гостей. Слоны разместились под хлипким навесом на улице, а посольство вместе с солдатами потеснилось в одной-единственной комнате дома. Все углы там были черными от грязи и плесени, запах стоял гнилостный, и кроме трещавших от любого движения лежачков хозяин больше ничего и не сумел предоставить своим постояльцам. Хотя даже кроватей хватило не всем — нескольким альвам пришлось спать прямо на полу, на тростниковых циновках, а ни о какой еде для голодных путников речи и вовсе не шло.

— Хорошо уже хотя бы то, что эту ночь мы проведем под крышей, — нашелся Виек.

— Жаль, что кроме целой крыши здесь больше ничего и нет, — из своего угла

проворчал на такое заявление Оцарио, вертевшийся на своем лежаке, как угорь на сковородке.

— В дороге надо уметь радоваться мелочам, — нравоучительно ответил гвардеец. — Иначе весь путь будет казаться сплошным наказанием.

Такого торговец принять спокойно попросту не мог:

— Но ведь так оно и есть! Назвать эти джунгли по-другому как сплошным мучением язык не поворачивается! Кругом одни заросли, колючки, какие-то огромные вонючие цветы или острые как бритва травы! За каждым кустом ждет либо очередная жаба, ящерица или змея, либо хищная зверюга, только и жаждущая, как закусить тобой! И конца-края этому зеленому безумию нет! А теперь еще и вода льет с неба без остановки!..

— Неужто наш brave путешественник, который все пустыни вдоль и поперек изъездил, не может теперь выносить дорожные трудности без соплей? — с издевкой спросил Виек. — Хочешь быстрее вернуться домой, к матери под юбку, а, торгош?

Оцарио задохнулся от возмущения, но отвечать задире не стал, чтобы не получить в пылу ссоры кулаком в лицо, как до этого уже частенько происходило. Виек обыкновенно долго шуточками не обменивался, а как только что-то в разговоре шло вразрез с его мнением, так он сразу же норовил продемонстрировать обладание недюжинной силой. Это был его любимый аргумент в решении любых споров с Оцарио, хоть торговец и пытался каждый раз успокоить своего собеседника или пойти на мировую.

— Вы, двое, опять там что-то не поделили? — прокаркал со своего места Манс, который застудил под дождем горло и теперь разговаривал не иначе как гнусавым охрипшим голосом. Сестра уже заботливо приготовила для него лечебный травяной настой из компонентов, захваченных еще из Первого Бархана, и теперь юноша, зарывшись под одеяло, прихлебывал горячий напиток и сверкал глазами в сторону споривших Виека и Оцарио.

— Я лишь говорю о том, что когда отправлялся на должности сопровождающего вместе с посольством в дальнюю страну, то рассчитывал на куда более приличные условия, — повернувшись к Мансу, поделился своими душевными страданиями торговец.

— Что, надеялся на хоромы во дворцах и лучшую выпивку? — не смог промолчать Виек.

— Хотя бы на достойный ночлег и горячую еду!

— Помнится, в Гарвелескаане нам предоставили и то и другое.

— Жесткий лежак и кислые фрукты — это не то, о чем мечтает путник после дальней дороги, — пробормотал Оцарио. — К тому же, с тех пор больше ничего и не было. Спим на деревьях, как обезьяны... Или как там зовут этих местных зверьков с хвостами?.. Питаемся только гадостью всякой. Ни нормального отдыха тебе, ни тепла и сухости.

— Ты всегда можешь уйти, — растянул губы в гадкой ухмылке Виек. — Тебя здесь никто не держит, торгош. Вернешься домой, под крылышко своих братьев и матриарха. Вновь будешь жить-поживать, проблем вокруг не видеть. И не будешь знать ни о каких трудностях.

— Я так не поступлю! — внезапно выпятив вперед свою широкую грудь сказал Оцарио. — Посол рассчитывает на весь наш отряд, в том числе и на меня! Я пройду с Лантеей до самого Синклита и, если понадобится, буду бок о бок с ней отстаивать интересы нашего народа перед альвами!..

— Неожиданно смелое заявление... — невольно протянул гвардеец.

— Виек, прекрати, — с укором произнес Манс и закашлялся. — Может, в чем-то Оцарио и кажется тебе несостоятельным, но все же он уже стал неотъемлемой частью

нашего отряда, нашим товарищем. И прогнать его никто не смеет, кроме, разве что, Лантеи. Но она так никогда не поступит. Уж я-то знаю.

Он стрельнул глазами в сторону сестры, примостившейся на лежанке неподалеку и сквозь приоткрытые веки наблюдавшей за спором в состоянии легкой дремоты.

— Спасибо, — одними губами прошептал Оцарио юноше.

Манс махнул кистью в ответ и пригубил свой травяной настой, чтобы промочить зудевшее горло. А после отвернулся и скорее заснул, разморенный теплым питьем.

На утро небо немного прояснилось, ливень практически прекратился, и лишь с деревьев продолжали стекать редкие ледяные капли. Слоны шли куда быстрее, больше не осторожничая и не выбирая дорогу почище. И когда во второй половине дня тропа неожиданно еще сильнее расширилась и вывела отряд к высокой каменной стеле, сложенной из желтоватых известняковых блоков, Бриасвайс удивленно присвистнул.

— Что такое? — сразу же завозился на своем месте Ащ, отсидевший уже все ягодицы.

— Не ожидал, что мы прибудем в срок. Смотри-ка, даже дождь нас не замедлил.

— О чем речь?..

— Мы на месте, — сказал альв и указал рукой на стелу, где в толще камня были выбиты потемневшие от времени и поросшие мхом клинописные символы. — Это Алверах, столица Леса и обитель Высочайшего Синклита. Склоните головы перед совершенством города, сотворенного нашими предками, чужеземцы.

Кустарники расступились, и дорога вывела караван на край обрывистой скалы, выступавшей вперед из темноты зарослей. Внизу, в широкой прогалине, где простирались лишь необъятные хацу и вереницы каменных строений, раскинулся город Алверах, обступивший овальное озеро, блестящее на солнце ровной гладью. С этой высоты казалось, что стоит ступить вперед, сделать один шаг, и ты взмоешь в воздух как птица, и, раскинув крылья, промчишься между стволами вековых гигантов хацу, взовьешься в небеса над широкими кронами и после камнем упадешь вниз, к лазурным водам озера.

Ашарх как замороженный стянул капюшон плаща и невольно опустил голову, повторяя этот жест за Бриасвайсом и остальными альвами. Утопавший в зелени древний город дышал величием и силой, по капле стекавшей сюда со всего Леса тысячелетиями. И он требовал проявить к себе должное уважение от всех, кто смел переступить его границы.

Глава шестая. Высочайший Синклит

Не всяк мудрец, кто дожил до седин,

Ум не бывает следствием морщин.

Мастер Крак Велианфор. Пьеса «Безумный Пророк»

Величественный город Алверах лежал на правом берегу реки Амемори, одной из трех крупнейших рек Ивриувайна, прозванных еще с древних времен Тремя Сестрами. Амемори переводилось с амриля как «Нежная», и это название как нельзя кстати подходило тихим водам широкой реки. Течение здесь было слабым, берега пологими и поросшими густым тростником, покачивавшим на ветру своими темно-бурыми колосками. Амемори впадала в овальное сточное озеро, раскинувшееся на самом дне лесной прогалины, и носившее название Уладена, значения которого никто из местных не ведал, поскольку слово это происходило еще с тех времен, когда бог альвов жил в мире со своим народом и ходил по земле, как смертный, неся свою волю собственным детям и присматривая за ними.

В чистой водной глади озера Уладена отражались деревья хацу, и их похожие на раскрывшийся веер листья медленно опадали на зеркальную поверхность и плыли по ней, как кораблики, уносимые ветром. По озеру и устью реки сновали бамбуковые плоты: с них альвы рыбачили и ныряли за какими-то пресноводными водорослями, которые после сушили на берегу, разложив длинные темно-зеленые ленты на солнце. В воздухе с криком носились чайки, целыми стаями зависая над головами рыбаков и резво хватая любые объедки, что им бросали.

Ведущая в город дорога становилась все шире и шире, и вскоре на земле уже появились каменные бульжники, утопленные в грязь. Повозки застучали колесами по мощеному покрытию, и на пути показались первые путники. В город прибывали груженные телеги, босоногие альвы с объемными коробами на плечах несли в столицу товары на продажу, на отдельных участках можно было заметить отряды солдат, которые непременно, едва завидев Бриасвайса, спешили поприветствовать его зычными окриками или кивками. Уже на самом подъезде к Алвераху появились первые постоянные дворы и станции, на которых можно было арендовать в дорогу или, напротив, оставить телеги и повозки, а также где отдыхали слоны, согласные помогать альвам.

Здесь Бриасвайс заставил всех высадиться, и дальнейший путь в город предстояло проделать пешком, взвалив на плечи все свои грузы. Это было связано с запретом передвижения слонов по центральной части столицы, а, как понял из скомканных объяснений альва Ашарх, конечная точка маршрута лежала как раз в сердце Алвераха.

Мостовая вела отряд дальше, как путеводная нить. Гладкие отполированные тысячами стоп камни поблескивали на солнце и убегали вперед, петляя между стволами хацу, раздваиваясь и сложной сетью паутины опутывая все районы города. На окраинах столицы было множество бедного вида халуп, обмазанных глиной, низких и топорщившихся во все стороны выступавшими из каркаса стеблями тростника. Возле них крутились маленькие дети, испачканные в земле и растительном соке, а за ними приглядывали нищие альвы, одетые сплошь в драные обмотки и занимавшиеся каким-нибудь мелким трудом, вроде плетения корзин или размалывания в ступке каких-то трав. Запах здесь стоял своеобразный — эта была вонь бедности, голода и грязи. Но Бриасвайс скорее увел свой отряд в ином

направлении, шагнув на одном из перекрестков в другую сторону, будто ему было стыдно перед важными гостями показывать такие уродливые уголки столицы.

Там, куда группа свернула, уже не было ни жалких лачуг, ни оборванцев. Новый район был спокойным и тихим: аккуратные одноэтажные каменные домики с плоскими крышами ютились в корнях исполинских деревьев хацу, они были оплетены виноградными лозами и лианами со всех сторон, и часто за зарослями не было видно ни окон, ни дверей. На крышах Ашарх не раз замечал обустроенные беседки, лавочки и шатры, где отдыхали на свежем воздухе немолодые альвы, среди которых часто встречались и древесные. Оттуда же нескладные худощавые подростки ловко забирались на ячеистую кору деревьев и, быстро-быстро перебирая конечностями, как ящерицы, залезали на нижние ветви хацу или, и вовсе, совершенно не пугаясь высоты, карабкались до самых каменных плато, на манер трутовиков обхватывавших стволы на разных уровнях.

Едва пройдя насквозь этот район, Бриасвайс сразу же вильнул куда-то ближе к центральной части города. Потянулись широкие мощенные булыжником и идеально ровными каменными плитами мостовые, а вдоль них выстроились двух и даже трехэтажные особняки, на нижних ярусах которых хозяева часто держали собственные лавки. Через распахнутые двери и окна виднелись прилавки, заставленные самыми разными товарами, мастерские по обработке камня, гончарные и пошивочные. Кое-где Аш видел тесные заваленные бумагами конторки, где низкорослые серокожие гоблины, ростовщики и оценщики, с важным видом восседали за своими столами и принимали потоки просителей, которые тянулись к ним, чтобы заложить что-нибудь из имущества или взять деньги в долг.

На одной из вытянутых овальных площадей этого района раскинулся шумный рынок, где стоял тяжелый запах пота и сладкий — перезревших фруктов. Рои мух и мошки носились в толпе альвов, со всех концов площади доносились призывные крики, из распахнутых дверей ближайшей таверны звучало приглушенное пение флейты. Едва ли гоблинов в этом месте было меньше, чем древесных и обыкновенных альвов — всюду взгляд профессора наткнулся на этот серокожий народец, а купцов и лавочников среди них оказалось и вовсе подавляющее большинство. Гоблины торговали всем, чем только вздумается: продавали с телег роскошные ткани и тяжеловесные закупоренные кувшины со знаменитой медовухой королевства Тхен, предлагали с лотков какие-то алхимические склянки с неясным содержимым и лекарственные порошки, а где-то, заняв самые лучшие места на рынке, важного вида купцы выкладывали на прилавках серебряные украшения, переливавшиеся на солнце драгоценными камнями всех цветов и размеров.

Конечно, путники не остались равнодушны ни к представителям иных рас, ни к такому богатому разнообразию представленного на полках и витринах товаров. Лантея крепко держала Оцарио за запястье, не позволяя ему отходить от себя ни на шаг, поскольку глаза торговца так и бегали от лавки к лавке, и он каждую минуту только и норовил, что отлучиться на мгновение, чтобы осмотреть какую-нибудь очередную занятую вещицу. Манс, открыв от изумления рот, просто в глубочайшем молчании ступал возле профессора, боясь отстать от группы и потеряться, и все не мог поверить в размеры столицы и обилие населявших ее жителей.

— Такой огромный город! — шепнул он на ухо Ашарху своим все еще охрипшим голосом. — И как же много здесь народа! О, богиня, ты только взгляни на этих серокожих карликов... Ну и страшные же у них рожи!..

— Если когда-нибудь ты попадешь в Италан, то мне даже трудно представить, каково

тогда будет твое удивление, — усмехнулся преподаватель, провожая взглядом толпу важных гоблинов, на которых указывал юноша. Аш и сам чувствовал безумный восторг: немногие из людей могли похвастаться тем, что им довелось мало того, что попасть за каменные границы Леса, так еще и оказаться в самой столице Ивриувайна.

Путников тоже не оставили без внимания. В здешних местах ни людей, ни уж тем более пустынных альвы не видели никогда. И дети Леса бесстыдно тыкали пальцами в чужеземцев, разглядывая их, как уродцев, а некоторые даже желали подойти ближе и заговорить. Но тут уж в дело вступился Бриасвайс и его подчиненные. Посольство со всех сторон окружили тесным кольцом, и под конвоем солдат отряд продолжил свой путь, чувствуя на себе сотни чужих взглядов.

За рынком были и другие площади, улицы и районы. Где-то высились богатые декорированные резьбой по камню дома, где-то украшением или же неким памятным символом служили узкие стелы, образовывавшие круги, а в некоторых частях города и вовсе было необыкновенно пустынно — там неожиданно начиналась густая чащоба, либо тесными рядами росли возле друг друга фруктовые деревья, ягодные или ореховые кусты. В таких местах часто встречались сборщики с корзинами в руках и на спинах, которые ухаживали за садами.

Алверах казался необозримо обширным городом, но на деле Ашарх определил для себя, что столица достигла таких размеров исключительно из-за свободной застройки. Необъятные деревья хацу и их выступавшие из земли корни занимали значительную часть места в городе, и дома возле них редко когда стояли вплотную — часто между строениями лежали небольшие рощицы или цветущие поляны, на которых вполне можно было заблудиться, пока удалось бы добраться до соседнего здания. Это был город, неотделимый от Леса.

Когда Бриасвайс, отмалчивавшийся на любые вопросы профессора последние полчаса, все же соизволил заговорить, Аш даже не сразу расслышал слова.

— Что?.. — переспросил он.

— Я говорю, что мы уже почти прибыли на место, — устало повторил альв.

— А куда мы вообще идем?

— Потерпи, человек. Скоро сам все увидишь.

Ашарх поморщился от такого ответа, но продолжил оглядываться по сторонам с прежним усердием. Как и обещал Бриасвайс, вскоре он действительно увидел финальную точку их долгого маршрута. На берегу реки Амемори раскинулся живописный участок земли, где, отсеченные друг от друга изящными каменными оградами, располагались пышные особняки, явно принадлежавшие самым состоятельным горожанам Алвераха. Высокие здания, украшенные акантовыми розетками и ступенчатыми фронтонами, тянулись вверх, выставив вперед свои просторные балконы и ошестинившись угловыми башенками. Перед каждым из таких особняков обыкновенно стояло еще около десятка флигелей, и все это великолепие скрывали от чужих глаз ухоженные сады, полные самых редких и роскошных цветов.

Когда к одной из таких парковых зон и повернул Бриасвайс, Аш до последнего не верил, что им предстоит побывать в подобной величественной усадьбе. Но альв беспрепятственно провел свой отряд через невысокие каменные ворота, быстро переговорил с кем-то из obsługi, выступившей навстречу группе, и напрямую зашагал к главному входу в основное здание.

— Не хочу ничего утверждать раньше времени, — сипло протянул Манс, — но, кажется, Оцарио, богиня все же услышала твои мольбы. Вот тебе и роскошные хоромы, и богатое убранство, как ты хотел.

Торговец лишь с предвкушением потер ладони друг об друга и скорее поправил свой тюрбан, чтобы иметь наиболее презентабельный вид, когда посольство представят хозяину поместья.

За тяжелыми входными дверьми раскинулся просторный холл с широкой лестницей, уводившей на верхние этажи, и изящными тонкими колоннами, отсекавшими вестибюль от галереи. Солнце легко проникало во все уголки помещения через высокие окна, и наполненный светом зал блистал чистотой, как и анфилады одинаковых комнат, расстилавшихся по правую и левую руку от входа. Возле Бриасвайса сразу же материализовались слуги, низко склоняясь перед ним, как перед каким-то господином и выслушивая его приказы. Видно, альв был хорошо знаком с владельцем этого прекрасного места, либо же Тестариус заранее договорился, чтобы посольство с сопровождающими разместили в самом роскошном особняке столицы.

— Человек! — окликнул профессора Бриасвайс, подзывая его к себе. — Слуги разведут вас по комнатам, еду и прочие блага вам покажут. Бродить по дому можете, сколько хотите, но если кто-то пойдет в город, то только с моими бойцами. — Альв кивком указал себе за спину, где его солдаты, согнувшиеся под тяжестью поклажи, смиренно ждали приказов.

— А без конвоя точно никак нельзя? — с надеждой спросил Ашарх.

Бриасвайс строго цыкнул в ответ.

— Оружие я вам возвращать по-прежнему не намерен, пока вас не представят Синклиту. Ходить по городу без ножа за поясом, особенно для чужака, может быть чревато. К вам и так из-за внешности будет много внимания, и этим непременно воспользуются какие-нибудь мелкие грабители, едва увидят в вас богатых иноземных путешественников. Так что сопровождение необходимо для вашего же блага.

— Нас представят сегодня владельцу этого поместья? — Аш демонстративно окинул взглядом вестибюль. — Хотелось бы поблагодарить хозяина за гостеприимство.

— Он в отъезде, — мгновенно помрачнев лицом, ответил Бриасвайс. — Так что лебезить ни перед кем не придется... Ступайте за слугами, они вас разведут по комнатам.

Махнув рукой, альв поскорее отогнал от себя профессора. Гостей сразу же окружила прислуга: они забрали всю поклажу, сумки и даже баулы Оцарио и жестами пригласили проследовать за ними на второй этаж по центральной лестнице.

— Эй, человек! — неожиданно вспомнив что-то, позвал профессора Бриасвайс, оставшийся стоять внизу. — Не уходи из комнаты, будь так добр. Тебя и посла сегодня ждет аудиенция у старейшины.

Кивнув, Аш поспешил догнать своих спутников и слуг, которые уже успели преодолеть целый пролет. Пройдя насквозь светлый и просторный коридор, который обдувался из распахнутых окон свежими потоками воздуха, посольство привели к гостевым комнатам с непомерно высокими потолками, соседствовавшим с полукруглым обеденным залом. К искреннему восторгу Оцарио, каждого разместили в своей собственной спальне. Здешняя роскошь чувствовалась в любой мелочи, на которую падал взгляд: все вокруг было обито дорогими жаккардовыми тканями из королевства Тхен, на стенах висели тяжелые вручную вышитые гобелены с растительными мотивами и изящные посеребренные подсвечники. Пол устлала тонкие ковры, сотканые из шелка, а над низкой бамбуковой кроватью висел

объемный бежевый балдахин с кистями и тонким пологом от насекомых. Едва окинув взглядом свою комнату, Аш сделал вывод, что практически все здесь было привозным: гоблинская работа ощущалась буквально в каждой детали интерьера, начиная от фарфорового ночного горшка и заканчивая безумно дорогими зеркалами, которых тут имелось целых пять штук в разных концах спальни. Видимо, сотрудничество Ивриувайна и королевства Тхен было настолько плотным, что из-за границы в Лес с каждым годом текло все больше и больше чужеземной экзотики и экстравагантных предметов обихода, а альвы и не противились этому.

Где-то из соседней комнаты послышался восхищенный свист Оцарио, который поверить не мог своему счастью, что его высокородную особу в кои-то веки приняли достойно. Усмехнувшись, Ашарх скорее кинул вещи и свой плащ на ближайшее кресло и подошел к одному из зеркал, висевшему над аккуратным столиком. В гладкой поверхности отразился запыленный путник с длинной косой темных волос, смуглым покрытой жесткой бородой лицом, на котором особенно выделялись выразительные глаза болотного цвета, чуть смещенный в сторону сломанный нос и прямые почти черные брови, над одной из которых белел старый шрам. В этом человеке не было и следа от солидного столичного профессора, предпочитавшего проводить время в окружении пыльных книг и незаполненных академических журналов. Это был закаленный солнцем пустынь путешественник, повидавший величественные горы, мрачные пещеры и непроходимые леса, побывавший в самых сокровенных уголках этого мира, о существовании которых большинство смертных даже не подозревало. Он не боялся спать на голой земле, есть что попало, не страшился попасть под дождь или в бурю, и бок о бок со своими товарищами был готов идти хоть на край света.

И самое главное, что его все совершенно устраивало.

Аш смотрел на себя и не мог поверить, что когда-то он просиживал штаны в академии, тратя драгоценные годы на ругань с руководством и заполнение кипы документов, а теперь стоял в самом центре Могучего Леса в роли одного из членов посольства, и мир вокруг раскрывался перед ним, как бутон лотоса на рассвете, предлагая все новые и новые знания, которые он бы никогда не получил, оставшись в Италане, на своем прежнем месте, и почитывая старые фолианты.

Он улыбнулся собственному отражению. Улыбнулся легко и открыто, как старому другу. Таким он себе нравился куда больше, и даже усталый вид после дальней дороги не портил этот облик. Аш так и стоял, вдохновленный переменами, произошедшими с его внешностью. Пока его взгляд неожиданно не упал на отражение самого дальнего угла комнаты, возле кровати, где находился небольшой угловой столик на тонких металлических ножках. Вся спальня была наполнена дневным светом, но лишь это место единственное казалось чернее самой темной ночи. Будто кто-то пролил там склянку чернил, и теперь это мрачное пятно невольно притягивало к себе внимание.

А еще Ашарху казалось, что еще минуту назад там ничего не было.

Нахмурившись, он все продолжал и продолжал вглядываться в темноту угла через зеркало, не отворачиваясь от него и практически не дыша. Тьма будто была живой, она двигалась. И в какой-то момент Аш стал различать тонкие паучьи лапки, которые по одной выбирались из плотного кокона мрака и медленно ощупывали пространство вокруг себя.

Это было уже слишком! Профессор резко обернулся, отыскивая взглядом темноту в углу комнаты. Но ее там больше не было. Ничего похожего на черный сгусток на паучьих ножках

— лишь белые стены и маленький угловой столик. Тщательно осмотрев спальню перед собой, Аш все не мог унять колотившееся в груди сердце, стук которого эхом отдавался в ушах.

«Неужели почудилось? Среда бела дня?» — мелькнула мысль у него в голове.

Он вновь повернулся к зеркалу, намереваясь взглянуть через него на загадочный угол, но в тот же миг испуганно застыл, не в силах пошевелиться или хотя бы закричать. В гладкой поверхности зеркала не было больше ни комнаты, ни самого преподавателя — все заволочка непроглядная чернота. И из нее выступало чье-то лицо. Вытянутое и белое, как алебастр, лишь отдаленно напомилавшее человеческое. Девять иссиня-черных влажных глаз были рассеяны по лбу и щекам, а на месте рта поблескивали два изогнутых крючка хелицер, покрытых острыми наростами и прятавших за собой провал пасти. С головы спадали длинные угольного цвета волосы, а прямо из самой макушки тянулись вверх тонкие паучьи лапки, державшие идеально круглую сферу, сотворенную будто из черного агата или обсидиана.

Этот облик был настолько пугающим и мерзким, что Аш сам не понял, как вышел из овладевшего им ступора и с коротким звонким криком ударил кулаком странное существо, наблюдавшее за ним из зеркала. Послышался звук разбившегося стекла, костяшки профессора прострелило резкой болью, и неожиданно все вокруг исчезло, будто по мановению руки.

— Не надо так кричать, человек! — возмутился кто-то голосом Бриасвайса со стороны. — Я ведь просто разбудил тебя!

Ашарх приоткрыл глаза и сразу же зажмурился от яркого дневного света, резанувшего зрачок. Он нащупал руками кровать под собой и после удивленно сел, пытаясь понять, что же произошло. Вокруг была все та же комната, наполненная солнцем, хотя, судя по положению лучей, прошло не меньше пары часов с того момента, как Аш ступил в выделенную ему спальню. Сам он лежал на краю кровати, прямо в дорожной одежде поверх чистого белья, а рядом молча вздымалась высокая фигура Бриасвайса, который, сложив руки на груди, ждал, когда профессор начнет его адекватно воспринимать. Он был без своей ручной крысы, весь в чистой одежде и явно только после купания — длинные волосы еще не обсохли, и мокрой паклей облепили плечи и спину.

— Ты уже проснулся? Давай, поднимайся, зови посла и пойдем к старейшине, как и было оговорено.

Потрогав свою голову, будто проверяя, на месте ли она, Ашарх поморщился от боли в костяшках правой руки и удивленно посмотрел на свою руку. Содранная кожа кровоточила и была покрыта нежной пленкой коросты, едва начавшей нарастать на ранках. Сразу же взгляд профессора метнулся к зеркалу, и паника овладела им повторно — оно оказалось разбито и забрызгано каплями крови. Бриасвайс проследил за его взглядом и недовольно поцокал языком.

— Зачем ты разбил зеркало? Что, неужели собственная рожа в отражении так не понравилась?

— Я... Мне просто показалось, что я там что-то странное увидел... — промямлил Аш морща лоб и пытаясь найти объяснение случившемуся. — Видимо, мне это приснилось...

— Да уж. Спишь ты крепко. Слуги мне сказали, что хотели пригласить тебя на обед вместе с остальными твоими дружками, но ты валялся на кровати, как мертвец, ни на что не реагируя, и они решили оставить тебя в покое. Подумали, ты так утомился после дороги, что

не стоит тебя больше тревожить.

— Выходит, меня пытались будить? Сколько же я проспал? — удивился Ашарх.

— Ну, обед закончился пару часов назад. Уже скоро солнце коснется линии горизонта. Так что хватит тут разглагольствовать, пойдем к старейшине. Не стоит заставлять его ждать.

Бриасвайс сделал круговое движение кистью, поторапливая заторможенного профессора и первым двинулся к выходу из комнаты. Аш поправил одежду, пальцами пригладил волосы на макушке и, уже собираясь последовать за альвом, все же не сдержался и бросил последний взгляд на угол под столиком. Там ничего не было. Ни темноты, ни паучьих лапок или чужих лиц — простой белый кусок стены и маленький солнечный зайчик, рассеяно метавшийся по полу.

Можно было все списать на очередной кошмар или усталость, как Ашарх делал последнее время каждый раз, как страшные видения стали его преследовать, но боль в разбитом кулаке и подернутое трещинами зеркало будто не позволяли так легко позабыть об увиденном призраке. Кажется, Ашу впервые удалось лицом к лицу столкнуться со своим ночным кошмаром, который следовал за ним еще с тех самых храмовых руин в пустынях. И лицо это испугало его до дрожи.

Лантея тоже первым делом обратила внимание на кровоточивший кулак профессора.

— Что это у тебя? — сразу же спросила она, как только Ашарх и Бриасвайс постучали к ней в комнату и пригласили на аудиенцию к старейшине.

— Да так, случайно порезался, — неуверенно промямлил мужчина, не желая поднимать эту тему.

Бросив на спутника подозрительный взгляд, девушка вздернула бровь, но нормального ответа так и не дождалась. Зато альв в очередной раз стал всех торопить:

— Давай скорее, человек.

— Хорошо-хорошо! — пробормотал Аш, пододвигаясь в сторону, чтобы позволить Лантее выйти из ее спальни и закрыть за собой дверь. — Идем.

Бриасвайс удовлетворенно кивнул и первым поспешил вперед, показывая путь. Они миновали коридор с гостевыми комнатами, спустились по лестнице и после свернули к трапецевидной арке, ведущей напрямую к внутреннему дворику, расположившемуся между двумя боковыми корпусами основного здания. Здесь, исчерченный линиями узких тропинок и выложенных булыжником дорожек, лежал тенистый живописный сад. Посередине зеленой полянки располагался изящный каменный фонтан, выполненный в виде вставшего на дыбы слона, выпускавшего из хобота поток воды. По всей территории сада находились лавочки, а буйство цветов и плодовых деревьев радовало взор своим разнообразием и ухоженностью. У бортика фонтана стоял высокий древесный альв, молча наблюдавший за брызгами воды, и в такт его дыханию тихо покачивались ветви, росшие из его тела.

— Позволь представить тебе старейшину, — произнес Бриасвайс, повернувшись в сторону профессора. — Его имя третьего полувека Сеамрантий. Он входит в состав Высочайшего Синклита и готов выслушать тебя и посла. Только говорите по делу.

Старейшина медленно повернулся к прибывшим. Даже человек, никогда в жизни не видевший проклятых альвов, мог догадаться, что Сеамрантий был уже достаточно старым. Его кора была покрыта мхом и паршой, а часть корней, которые заменяли старейшине ноги, загнивали. От шеи вверх тянулись гибкие ветви, и листья на них засыхали, скручивались в трубочки и опадали от легчайшего дуновения ветра. Карие глаза, выцветшие практически до медового оттенка, смотрели спокойно и чуть устало.

— Ты, человек... пришедший в наш Лес, — негромко проскрипел Сеамрантий на ифритском, грузно ступая по направлению к профессору и Лантее. — Ты привел сюда тех, кого зовешь пустынными жителями...

— Верно, — твердо ответил Ашарх, и практически мгновенно получил хлесткий удар ладонью по голове от Бриасвайса.

— Нельзя прерывать старейшин, когда они говорят! — разгневанно прошипел альв и бросил на преподавателя испепеляющий взгляд.

— Полно, Бриасвайс... Не вини чужака за незнание наших приличий, — Сеамрантий говорил очень медленно, с придыханиями, из-за чего трудно было понять, когда он действительно заканчивал свою мысль. — Ты, человек, и эта особа желаете предстать перед Синклитом?.. Что вы хотите предложить нам?..

— Военный союз, — неуверенно сказал Ашарх после того, как выждал некоторую паузу, чтобы вновь случайно не прервать старейшину. — Пустынный народ, называемый хетай-ра, желает заключить с Ивриувайном союз, чтобы единым фронтом выступить против империи Ис и защитить все восточные земли.

— Неужели они правда еще живут в пустынях?.. Бедные дети... Нет ничего слаще прохлады Могучего Леса, пусть дается она не каждому, но дар этот бесценен... — Сеамрантий вздохнул особенно шумно, из-за чего с его веток впорхнуло несколько крупных жуков. — Не все в Лесу знают эти старые легенды о пустынных жителях. А ведь когда-то мы были братскими народами, но выбрали разные пути... Они скрылись в песке подобно тому, как насекомые прячутся в бутонах цветов в непогоду... Мы же решили бороться, не опасаясь встретиться со своими врагами лицом к лицу. И теперь хетай-ра пришли под вековые кроны хацу, дабы просить нашей помощи...

Сеамрантий замолчал. Со стороны казалось, будто он заснул. Ашарх и Лантея украдкой снизу разглядывали возвышавшегося над ними старейшину, понимая, что вряд ли им еще когда-нибудь представится случай так близко увидеть древесного альва. Одежды на нем не было, лишь широкий пояс, на котором висели мешочки и нефритовые бляшки, похожие на монеты. А вот разноцветные бусы из бисера и нефрита, как и у остальных альвов, в изобилии покрывали шею и руки Сеамрантия. Кора в местах сочленений была стерта или спилена, будто она мешала передвижению, и от нее частично пришлось избавиться. Гибкие корни, заменявшие ноги, цеплялись маленькими отростками за почву и растительность и вообще почти все время находились в движении, ища надежную опору.

— Тебе повезло, человек, что когда-то давно я слышал о пустынных жителях, потому верю твоим словам, — наконец продолжил старейшина, раскачивавшийся под легкими порывами ветра. — Но вот мои собратья из Синклита не такие доверчивые и памятьливые... И скорее согласятся с тем, что ты и твое посольство — лишь пособники ифритов, либо залмарские дипломаты, обманом проникшие в Лес. Для них это куда проще...

Аш зашептался с Лантеей, переводя ей слова старейшины.

— У нас есть еще кое-что, что мы могли бы предоставить Синклиту, — произнес профессор через минуту. — Старинный свиток пакта, заключенного между нашими народами.

— Неужели?.. Я бы хотел взглянуть на него.

Бриасвайс окликнул одного из слуг, послав его в комнату посла за шкатулкой, которую девушка не взяла с собой на аудиенцию. Вскоре Лантея передала ценный документ древесному альву в руки, и он очень долго и внимательно его изучал, скользя взглядом по

строкам.

— Древний амриль... — прошелестел старейшина. — Этот текст смогут прочесть немногие альвы в Лесу... Даже мне здесь известны лишь несколько символов, но, тем не менее, сомневаться в подлинности этого свитка мне не приходится. О чем здесь говорится?

Используя все свои познания ифритского языка, Ашарх подробно пересказал текст документа, рассказав об условиях Андаритского пакта, которые ему на ухо перечисляла хетай-ра. Сеамрантий выслушал профессора внимательно, не прерывая его и не задавая никаких вопросов.

— Безусловно, это чрезвычайно важный пергамент, заботливо сохраненный пустынным народом. Синклит обязательно должен его увидеть... Я заберу свиток с собой, если посол не против, чтобы изучить его в меру своих сил и, возможно, отыскать в библиотеке Алвераха тексты, в которых этот пакт упоминается...

— Это значит, что вы поможете нам? — осторожно спросил Ашарх, косясь в сторону Бриасвайса, который только и следил, чтобы чужеземцы были исключительно вежливы со старейшиной.

— В отличие от моих собратьев, заседающих в Синклите, я не считаю себя приверженцем легких путей. И я постараюсь напомнить им о хетай-ра и об этом пакте, но ничего обещать не стану... Будьте готовы к тому, что на заседании другие старейшины усомнятся в ваших словах.

— Мы благодарим вас хотя бы за предоставленную возможность встретиться с достойнейшими альвами Леса. — Аш склонил голову. — Но... согласится ли Высочайший Синклит вообще собраться, чтобы выслушать посла, если нам здесь никто особенно не верит?

— Мои листья начали осыпаться, значит, совсем скоро я отправлюсь в Шиарум... Возможно, это будет одно из моих последних заседаний, поэтому просьбу уходящего-в-сердце-Леса старейшины выполняют беспрекословно, — туманно высказался Сеамрантий, разворачиваясь обратно к фонтану.

— Что это значит? — Профессор обернулся к Бриасвайсу и вопросительно поднял бровь.

— Древесные альвы предчувствуют свой конец, — скосив глаза в сторону Ашарх, ответил заместитель коменданта. — Когда наступает время уходить, они отправляются в Заветную Рощу в сердце Ивриувайна, в Шиарум, где прорастают корнями в землю и навсегда сливаются воедино с Лесом. Мой дедушка тоже скоро направится в свой последний путь.

— Пойдите... — поперхнулся преподаватель на последних словах альва. — Сеамрантий — ваш дедушка?

— Он — старейшина моего рода.

— Н-но... как такое вообще возможно?.. Я думал, что у проклятых альвов не может быть обычных детей...

Бриасвайс не сразу понял, что Аш имел в виду, зато старейшина со скрипом опустился на бортик фонтана и негромко ответил:

— Человек... Незнание не так страшно, как нежелание что-либо узнать. Поэтому я объясню тебе. — Сеамрантий зачерпнул рукой с длинными ветками пальцев воду, но она быстро стекла по глубоким бороздкам его коры. — В Ивриувайне все дети рождаются обычными альвами, и лишь к десяти годам половина из них покрывается корой... Без разницы, кто были родители. Станет ли дитя древесным альвом, решает само проклятие,

наложенное нашим богом. Таково было наказание Омеотана за выбор, сделанный Высочайшим Синклитом много веков назад... Как бы ни были рассудительны старейшины, как бы ни было оправдано их решение, наш бог предал нас тогда и ушел, навечно заставив расплачиваться за грех, которого никто не совершал...

— Вовсе не так, — неожиданно возразил Бриасвайс, шагнув вперед. — Это была справедливая кара Омеотана за нашу черствость и толстокожесть. И не нам противиться решению бога, оно было милосердно и вполне соизмеримо поступку наших предков.

— Тихо. — Сеамрантий вытянул вперед руку, и его внук мгновенно замолчал. — Наши с тобой мнения всегда разнились по этому поводу... Но я все еще верю, что мудрость придет к тебе с годами, как когда-то она снизошла и на меня... И ты прозреешь. Ведь я с малолетства учил тебя не сомневаться в суждениях старейшин, и однажды ты поймешь, почему. А пока что не стоит чужеземцам слушать наши пререкания... Сейчас куда важнее передать весточку всем членам Высочайшего Синклита и поскорее представить старейшинам посольство.

— Конечно. — Бриасвайс покорно склонил голову, скрыв всполох гнева, промелькнувший на дне его темно-карих глаз. — Я все исполню.

Очевидно, это означало окончание аудиенции, поскольку Бриасвайс молча поманил за собой профессора и хетай-ра, и процессия скоро покинула укромный сад, оставив Сеамрантия в одиночестве наслаждаться прохладой фонтана. Однако Ашарха терзало любопытство и чисто профессиональный интерес историка, и он, нагнав своего провожатого, напрямую спросил:

— Из-за чего Омеотан проклял альвов?

— Тебе не все равно, человек? Тебя это никак не касается, — достаточно грубо ответил Бриасвайс.

— Скажем так, мне странно видеть, что два родственных альва имеют разные точки зрения по поводу события, которое, если мне не изменяет память, произошло почти две тысячи лет назад.

— Полторы, — мгновенно исправил профессора альв, даже не повернув головы в сторону собеседника. — Хотя тут совершенно неважно, как много веков назад случилась эта трагедия. Важно, что мы до сих пор должны отвечать за необдуманные деяния наших прадедов и молить бога о прощении из-за самоуверенности Синклита.

— Ты совершенно не поддерживаешь какое-то давнее решение своих предков?

— Да. Высочайший Синклит сделал неправильный выбор, они смертные, и могут ошибаться. Но Омеотан не простил им эту оплошность. А мой народ за своей слепой преданностью старейшинам не смог заметить, как совершил непоправимое и навечно сделал себя пленником проклятья.

— Ты ненавидишь Синклит? — робко спросил Ашарх, едва поспевая за шагом высокого альва.

— Наблюдательности тебе не занимать, — с жесткой усмешкой ответил Бриасвайс, а после резко остановился на этаже с гостевыми комнатами и обернулся к профессору и молча семенящей следом Лантее. — Что ж, послушай и реши сам, кто прав, если ты так этого желаешь... Мой народ боролся с ифритами и гоблинами веками. И лишь наша могучая магия позволяла сдерживать противников. Но когда они прорвали оборону в двух точках одновременно, то Синклиту пришлось делать выбор. На северо-востоке гоблины крали наш лес и, когда их засекли, они подожгли чащу, чтобы задержать преследователей, огонь распространился мгновенно. На северо-западе ифриты взяли в осаду областной центр,

угрожая вырезать половину города, а вторую — забрать в рабство.

— Патовая ситуация...

— Слушай дальше! Высочайший Синклит не успевал прислать подмогу в обе точки, поэтому старейшины приняли решение спасти Лес. «Мы тысячелетиями растим хацу», — объясняли свой выбор тогда эти древние старики и старухи. — «Они полны нашей энергией и божественной любовью! Мы не можем позволить пожару истребить сотни гектаров!» И я считаю, что это было в корне неверное решение. Целый город пал, а большинство его жителей погибло страшной смертью, но зато мы спасли клочок Леса от пожара... Какими же идиотами надо быть, чтобы сделать такой выбор, а?! Вот и Омеотан пришел в ярость, когда услышал, что мы выбрали деревья вместо жизни альвов!

— Тысячи жизней в обмен на жизни тысячелетних деревьев?

— Он сам дал нам силу выращивать хацу. Он учил мой народ следить за Лесом и слушать его не одно тысячелетие. Но никакое дерево, сколько бы лет ему ни было, не может быть важнее жизни альва. И бог решил так же. Омеотан проклял нас и забрал свой дар! Так скажи мне, разве выглядит все так, что Синклит поступил тогда верно, а?! Омеотан справедливо наказал нас!

— Теперь твой народ стал тем, кого сам и выбрал... Спасая деревья, альвы покрылись корой. Спасая братьев, вы бы остались самими собой.

— Даже чужеземец видит истину яснее, чем половина стариков этого Леса! — обращаясь к пустоте, воскликнул Бриасвайс, вскинув свои длинные руки. — Ну и какое будущее ждет эти земли, где жизни народа — ничто, а сохранность деревьев ценится превыше всего? Как ты думаешь, человек?

Ашарх лишь развел руками. Лицо его собеседника было искажено злобой, но обращенной вовсе не на профессора, а на порядки Ивриувайна. И отчасти это возмущение можно было понять.

— Вот именно, человек! — блеснув глазами, воскликнул альв. — У Леса нет будущего.

Развернувшись, Бриасвайс коротко махнул рукой на прощанье и быстро удалился прочь по коридору, оставив Ашарха стоять в смешанных чувствах. Лантея дернула его за рукав рубахи:

— Пойдем к остальным. Ты расскажешь нам, что там наговорил этот старейшина.

— Знаешь, я все больше и больше поражаюсь этим альвам... — пробормотал себе под нос профессор, направляясь вслед за девушкой к жилым комнатам.

— Это еще почему? — спросила Лантея.

— Полторы тысячи лет они не могут решить, любить ли им собственного бога или ненавидеть его. Удивительный народ...

— Думаю, их бог уже все давно решил за них, — проговорила хетай-ра, раскрывая дверь своей спальни. — Он проклял своих детей и покинул их, не желая принимать любовь альвов. О чем тут еще спорить?

— Мало ли, он однажды вернется, — протянул Аш, ступая в комнату за девушкой.

— У него было полторы тысячи лет, чтобы сделать этого. Обида, живущая так долго, вряд ли однажды чудесным образом исчезнет.

— Не нам, смертным, постигать божьи поступки.

— Да, — хмыкнула Лантея. — Но, как это ни прискорбно, именно нам устранять их последствия.

В целом весь остальной отряд остался доволен итогами беседы между Ашем, Лантеей и старейшиной. Оцарио предсказывал успех грядущего заседания Синклита и очень надеялся, что по окончании переговоров для гостей устроят грандиозный пир, куда созовут представителей самых знатных родов, титулованных особ, высокопоставленных офицеров и, конечно, именитых купцов. Виек же, как и Эрмина, напротив, придерживался мнения, что альвы не пойдут на заключение союза.

— Если бы они видели выгоду в соглашении между нашими странами, то давным-давно уже бы представили нас этому Синклиту, выложив к нему путь шелковыми коврами, — поделилась своими мыслями Эрмина. — А так мы чуть ли не каждому солдату должны доказывать свои намерения, демонстрируя свитки, документы и выпрашивая позволения двинуться дальше.

— И то верно. — Виек кивнул. — Им все равно, что будет с нашим посольством. Кажется, если бы мы сгнули где-нибудь в этих джунглях по дороге в столицу, то альвы бы только с облегчением вздохнули...

— В любом случае, — оборвала гвардейца Лантея, — в ближайшее время мы уже все узнаем. Когда состоится заседание Синклита, и нас туда пригласят, тогда и посмотрим, что там эти старейшины решили.

Все согласно покачали головами, обменялись по очередному кругу своими предположениями и впечатлениями от первого дня, проведенного в столице, а после стали ждать ужина. Когда слуги пригласили всех пройти в обеденный зал, там для гостей уже накрыли длинный стол. Конечно, среди блюд в большинстве своем были представлены фрукты, свежие, маринованные и сушеные, но, видимо, Бриасвайс позаботился и о том, чтобы для чужеземцев меню разнообразили. Несколько видов вяленой рыбы, завернутой в речные водоросли, украшали стол, разнообразные закуски из измельченных корнеплодов, присыпанных ароматными травами, холодные овощные супы и густые каши из высушенных и перетертых с водой семян кукурузы и фасоли. Хетай-ра пробовали пищу с осторожностью, неумело обращаясь с миниатюрными нефритовыми ложками, и большинство еды все же осталось нетронутой, кроме рыбы, которая пустынным была вполне привычна и знакома. Ее съели одной из первых, не побрезговав даже кожей и головой.

Когда на стол подали десерт — тонко нарезанные ломтиками желтые вытянутые плоды, то все уже насытились вдоволь, но приятный сладкий запах фрукта был чрезвычайно заманчив. Мягкая текстура и незабываемый аромат окончательно вскружили голову всему посольству, и Оцарио пообещал, что непременно привезет домой это угощение, не подумав, правда, как экзотический плод переживет двухнедельный путь через жаркие пустыни.

После ужина все разбрелись по своим комнатам, поглаживая круглые животы и предвкушая желанный отдых. Аш едва успел упасть на свою кровать, как на пороге его комнаты возникла служанка, которая на ифритском с весьма грубыми ошибками повторяла лишь одну фразу:

— Хозяин желает видеть вас.

Догадавшись, что это Бриасвайс его звал, профессор с тяжелым вздохом сполз с кровати и шагнул в коридор следом за прислужницей. Та долго водила его по этажам, лестницам и просторным холлам, пока не остановилась у невзрачной на вид двери, располагавшейся в самом конце одного из боковых корпусов особняка. Поклонившись, служанка ушла, а Аш толкнул дверь, переступая порог комнаты. Это был совмещенный с библиотекой рабочий кабинет, где большую часть помещения занимали стеллажи с аккуратно разложенными на

них бамбуковыми книгами, представлявшими собой связанные пластины, с нанесенными на них клинописными знаками. В дальнем углу стояла вытянутая тахта с валиками подушек, набитых сухими травами. Окна и небольшой балкон выходили прямоком на сад, раскинувшийся во внутреннем дворе. Бриасвайс сидел в одном из бамбуковых кресел возле самого балкона и, поглаживая пальцем нефритовый кубок, украшенный серебром, вглядывался в темноту Леса, расцветенную голубоватым сиянием хацу.

— Проходи, человек. Присаживайся. — Даже не повернув головы в сторону входа, альв указал рукой на соседнее кресло. Стоило профессору опустить на жесткие подушки, Бриасвайс сразу же протянул ему наполненный до краев кубок.

— Это вино из одуванчиков и иных трав, — заметив неуверенность во взгляде Ашарха, сказал альв. — Это солнечный напиток, впитавший в себя тепло Леса. У нас его любят пить после ужина, когда наступает вечер, чтобы ночь была спокойной, и сон стал крепче.

Аш взял нефритовый кубок за ножку и осторожно пригубил вино. Оно оказалось сладким, с легким миндальным привкусом, и лишь на самом корне языка чувствовалась травяная горечь.

— Вижу, что понравилось, — усмехнулся Бриасвайс и сам сделал глоток из своего кубка. Он был расслаблен, будто до этого часа уже хорошо выпил, и теперь просто без сил растекся по креслу, поглаживая свою черную ручную крысу, вытянувшуюся у него на коленях. Альв был в простой холщовой безрукавке, коротких льняных штанах, и вовсе не выглядел как хозяин огромного особняка и член могущественного рода, но после встречи с Сеамрантием, Ашарх уже выяснил, что все вокруг принадлежало Бриасвайсу и его семье. Странно, конечно, что альв ничего не сказал об этом посольству раньше, но, судя по всему, своей знатностью он не особенно гордился.

— Ты хотел о чем-то со мной поговорить?

— Хотел. Сеамрантий обратился к остальным членам Высочайшего Синклита, и завтра утром они готовы пригласить вас с послем на заседание, чтобы выслушать.

Аш вскинул голову и, уверившись, что Бриасвайс говорил это серьезно, слабо улыбнулся.

— Это хорошие вести. Я верил, что Сеамрантию удастся убедить Синклит собраться.

— Как раз собрать их всех вместе не так уж и трудно. — Альв легко пожал плечами. — Старейшины и без того заседают практически каждый день. В Ивриувайне масса дел, которые старики решают сутки напролет. Так что мой дедушка лишь поспособствовал тому, чтобы ваше посольство согласилось послушать.

— Это уже немало. Это значит, что весь проделанный нами путь из пустынь был пройден не зря.

— На твоём месте я бы не рассчитывал, что убедить старейшин в необходимости заключения военного союза будет так уж просто, — протянул альв, скосив свои огромные глаза на собеседника. — Завтра вам придется несладко. Будь к этому готов.

Кивнув, Ашарх поднес нефритовый кубок к губам и сделал еще один глоток. Вино мягкой волной скользнуло к нему в желудок и наполнило организм теплом солнечного цветка.

— Меня с вами не будет, — как бы между прочим упомянул Бриасвайс. — Едва рассветет, я уезжаю обратно в Гарвелескаан. Меня ждут в крепости неотложные дела, и я должен успеть вовремя туда вернуться. Времени и так в обрез.

— Выходит, — неуверенно пробормотал Аш, — мы будем в твоём особняке и в городе

сами по себе?

— На заседание Синклита вас проводят мои подчиненные, и в целом дальше они будут везде сопровождать вас, пока старейшины не решат вашу судьбу. А дома можете жить, сколько потребуется, никто не будет вас гнать. Сеамрантий почти все время пропадает на заседаниях, к тому же он скоро отправится в Шиарум. А мой дражайший отец сейчас обороняет крепость Ауремналон на севере Леса, так что вряд ли он появится здесь в ближайшие пару лет...

Ашарх не стал вникать в суть взаимоотношений Бриасвайса с семьей и задавать лишние вопросы, но почему-то ему показалось, что отца альв не очень-то любил и говорил о нем с пренебрежением.

— А наше оружие ты нам вернешь? — спросил профессор.

— Я отдам его Пелеантаду, командиру отряда, который оставляю с вами. В зависимости от решения Синклита, он вернет вам оружие или придержит у себя еще на какое-то время.

Бриасвайс двумя пальцами почесывал Руфь за ушами, отчего крыса прикрыла глаза и, расслабившись, блаженствовала на коленях своего хозяина. Поглядывая на зверька, альв не смог скрыть слабую улыбку, закравшуюся в уголки его губ, но после, будто вспомнив, что он в комнате не один, быстро вернул лицу равнодушное выражение.

— И, поскольку это наша с тобой последняя встреча, человек, я хочу напомнить, — посерьезневшим голосом произнес Бриасвайс, — что ты должен отдать мне пустынные карты в обмен на ту помощь, что я и Тестариус оказали тебе.

Завозившись в своем огромном кресле, явно сделанном по размерам лишь для высоких и худощавых детей Леса, Ашарх в волнении защелкал пальцами на руках. Он-то надеялся, что альв, расслабленный вином, позабудет о сделке. Глупая, конечно, надежда, но профессор так не желал отдавать в руки Тестариусу и Бриасвайсу эти карты, что был готов поверить во все, что угодно.

— У нас был договор, человек, — сурово напомнил альв, заметив, как занервничал его собеседник. — Тестариус сегодня прислал мне птицу, что уже связался с покупателями из кланов Фано и Диш, и гоблины готовы обговорить условия.

Бриасвайс протянул руку ладонью вверх, и в этом жесте было что-то требовательное. Отказ он был не намерен принимать.

— У меня с собой нет карт, — промямлил Аш, ступевавшись. — Они в комнате... Я схожу, пожалуй...

Профессор уже было поднялся с места, но Бриасвайс остановил его одним только взглядом. Сколько в нем было холодности и стали — не измерить, и Ашарх застыл, не в силах пошевелиться.

— Не стоит мне лгать, человек. Я знаю, что ты всегда носишь карты у сердца, под рубахой. Даже в дороге ты с ними не расставался, а я всегда следил, как ты рисовал с них копию по вечерам. — Альв прищурился. — Надеялся впихнуть мне подделку, чтобы гоблины высмеяли Тестариуса при заключении сделки? Плохая идея. Не думал же ты, в самом деле, что я не отличу оригинал от грубо набросанной на коленке копии?

Невольно сжавшись под этим взглядом, Аш молчал. Конечно, он не верил, что удастся обмануть Бриасвайса дубликатом, и рисовал второй экземпляр исключительно для своего пользования, чтобы продолжить исследование, касавшееся Гиртариона, но почему-то в тот момент, замерев перед заместителем коменданта, он чувствовал себя виноватым.

— Давай сюда карты. — Воин вновь махнул требовательно вытянутой ладонью.

Сунув руку за пазуху, Ашарх вытащил измятые и уже хорошенько промасленные и испачканные карты и вложил их в ладонь альва. Длинные зеленоватые пальцы мгновенно захлопнулись, как капкан, и Бриасвайс, с нескрываемой ухмылкой оглядев свитки, убрал их себе на пояс, в черный кисет с завязками. Аш же в свою очередь проводил карты тоскливым взглядом.

— Вот и хорошо, — продолжил альв, поднимая свой нефритовый кубок. — Так давай же выпьем за окончание этой честной и выгодной сделки.

Он держал бокал до тех пор, пока профессор, сдавшись, не коснулся своим кубком его, и только тогда Бриасвайс одним большим глотком допил вино из одуванчиков.

— А теперь ступай, человек. Не скажу, что был рад нашему знакомству. Но кое-чему оно меня все же научило. Надеюсь, и ты не остался обделенным. Доброй ночи и прощай.

Аш ничего отвечать не стал, он и так чувствовал себя оплеванным, а потому лишь хмуро кивнул и скорее направился к выходу, ощущая, как вместе с вином по его телу медленно и неохотно расплзается нелюбовь ко всем детям Леса.

Утро было настолько ранним, что в окружавшей особняк роще еще не замолкли ночные птицы. Высочайший Синклит начинал свои заседания по обыкновению с первыми солнечными лучами, и этот раз не стал исключением. Назначенный Бриасвайсом сопровождающий для посольства оказался еще достаточно молодым альвом, который носил на лбу тугую повязку, прижимавшую его волосы плотно к голове, и отличавшийся крайне громким командным голосом. Пелеантад говорил по-ифритски слабовато, но все же Ашарха он более или менее понимал, а это было самым важным.

— Я и мой отряд проводим вас, — зычно сообщил профессору воин, оказавшись утром на пороге его комнаты, и попросил немедленно собираться, чтобы не заставлять Синклит ждать.

Оказалось, на заседание были допущены лишь Лантея, как официально назначенный посол, обладавший всеми необходимыми полномочиями, и Ашарх, как переводчик. Остальные пустынноики были вынуждены остаться в особняке Бриасвайса, уже смирившись с тем, что Ивриувайн оказался не таким уж замечательным и приветливым местом, и для чужеземцев здесь многое было недопустимо или запрещено.

— Нам разрешено отсюда выходить вообще? — с вопросом заглянул в комнату к сестре Манс, наматывая на запястье свои излюбленные четки. — Или эти альвы намерены круглосуточно держать нас в особняке?

Лантея, спешно собирающаяся на заседание, на ходу шнуруя сапоги, пробормотала:

— Аш говорил, что можно. Но с сопровождением. А что, тебе так надоело сидеть в четырех стенах?

— Оцарио спит и видит, как попасть на базарную площадь. Я решил составить ему компанию.

На пороге за спиной юноши с громким пыхтением появился Оцарио. На плечи у негс были закинута мешки с товарами на продажу. Набитые котомки делали его похожим на покрасневшего от натуги сгорбленного гоблина, ограбившего чей-то дом.

— Нужно приглядеться к товарам конкурентов! — беззаботно заявил торговец.

— Но ведь у тебя даже нет местных денег... — осторожно заметила Лантея.

— Это как раз легко решаемый вопрос! — усмехнулся Оцарио и, махнув рукой на прощанье, удалился дальше по коридору, позвякивая содержимым своих баулов.

— Надеюсь, заседание сегодня пройдет успешно. Пусть Эван'Лин не оставит вас с Ашархом. — Юноша коснулся своих молитвенных песочных часов на поясе и, улыбнувшись сестре, ушел догонять торговца.

Через десять минут Аш и Лантея в сопровождении внушительного эскорта из воинов Пелеантада, несших баулы с дарами для Синклита, покинули территорию фамильного поместья и двинулись через весь город какими-то тайными, едва видимыми глазу, тропами, не выходя на центральные улицы. Здесь было опасно терять из виду провожатых, иначе легко можно было заблудиться в густой растительности. Идти пришлось недолго. Скоро впереди сквозь частокол деревьев показалась водная гладь, и отряд ступил на берег озера Уладена.

Здесь возле самой кромки воды, раскинув в стороны свои узловатые корни, стояло древнее высохшее дерево, очень выделявшееся среди остального зеленого массива. Его голые серые ветви оцетинились колючими прутами, а по всей высоте ствол пересекала широкая трещина. В чреве этого огромного полого дерева ходили альвы, разглядывая письмена, вырезанные на стенах, а возле прохода внутрь несли почетный караул бдительные часовые.

— Что это за мертвое дерево? — обратившись к Пелеантаду, любопытно спросил Ашарх. Альв долго собирался с мыслями, явно вспоминая отдельные слова на ифритском, и вскоре озвучил:

— Здесь высечены законы, по которым Лес существует вот уже почти две тысячи лет.

— И кто их там высек?

— Два великих мыслителя древности. Наш народ почитает их веками и благодарен за дар, который они преподнесли нам. Это были два кровных брата — Имагантий и Игдрангар, первыми среди альвов получившие от Синклита свои четвертые имена.

— Никогда не слыхал я, чтобы был в этом мире уголок, где народ бы жил по законам, что не менялись столетиями, — удивленно протянул профессор.

Видимо, Пелеантаду было лестно, что чужеземец стал его расспрашивать о внутреннем укладе Леса, поскольку через мгновение альв продолжил:

— Братья желали, чтобы наш народ всегда знал свои права и обязанности, всегда мог увидеть их. А дабы никто не мог изменить законы, они собственноручно вырезали их в чреве полого дерева хацу и высекли над входом свои слова: «Никто не смеет искажать эти законы, менять их или стирать, ибо в законах этих заключена свобода и справедливость альвов».

Аш обернулся, провожая взглядом древнее разошедшееся древо, и успел заметить, что над головами часовых и правда можно было рассмотреть старинные потемневшие клинописные знаки. Жаль, что у него не было достаточно времени, чтобы заглянуть в это сакральное для альвов место и изучить его подробнее.

Обогнув покое дерево, отряд приблизился к скромному приземистому зданию, расположившемуся возле самой кромки воды и спрятавшемуся среди серых корней мертвого хацу. В павильоне не было дверей — лишь остроугольная арка, обвитая плющом, к вершине которой был подвешен маленький золотистый колокольчик. А прямо за этим широким проходом раскинулся роскошный вишневый сад, где все было усыпано розовато-белесыми лепестками. В здании не было потолка, и кроны ближайших деревьев укрывали собой строение, бросая на сад ажурные тени. Одна из боковых стен отсутствовала: таким образом воды озера подходили вплотную к павильону.

Меж деревьев блуждали и переговаривались между собой десятки старейшин — женщины и мужчины, простые и древесные альвы. Всех их объединял только почтенный возраст: седые волосы, уложенные длинными косами вокруг голов, выцветшие глаза и

согбенные спины выдавали в альвах стариков, хотя кожа их не была покрыта сеточками морщин, как это бывало у пожилых людей или хетай-ра. Кто-то сидел в размышлениях на каменных скамьях, другие же устроились прямо на траве, некоторые стояли по щиколотку в водах озера, любуясь природой. Когда отряд Пелеантада ступил внутрь, то никто даже не обернулся посмотреть. Все так и продолжали беседовать, медитировать или дремать. Пелеантад вывел Аша и Лантею на середину сада, оставил нескольких воинов рядом, а остальных отпустил.

— Почему на нас никто не обращает внимания? — поинтересовался профессор у альва.

— Вам нужно начать говорить, тогда Синклит сам решит, стоит ли ваша информация их внимания или нет. Если им будет интересно, то они подойдут ближе и прислушаются, — объяснил воин.

Ашарх неуверенно посмотрел на Лантею, которая и сама с сомнением оглядывала старейшин, демонстративно не замечавших ничего вокруг. Просто удивительно, какими заносчивыми порой могли быть альвы. Хотя преподаватель был счастлив уже тому, что заседание состоится и их готовы выслушать. Поэтому он прочистил горло и несмело заговорил:

— Высокочтимый Синклит, достойнейшие старейшины. Мы благодарим вас за то, что вы согласились собраться здесь и пригласили нас выступить на заседании. Мое имя Сои Ашарх, я залмарец по рождению, но сейчас выступаю переводчиком, помогая послу пустынного народа хетай-ра исполнить свою миссию. Я никак не связан с интересами Залмар-Афи и самого Пророка, а потому прошу вас не относиться ко мне предвзято из-за принадлежности к человеческой расе...

Сделав паузу, Ашарх окинул быстрым взглядом сад. Никто, судя по всему, и не собирався задавать вопросы о его происхождении.

— Моя спутница — это Лантеялианна Анакорит, она сестра матриарха, член одной из правящих семей пустынного народа, с которым когда-то альвы жили в мире. — Профессор указал рукой на девушку, но внимание старейшин все еще было приковано к деревьям, а не к оратору. Аш даже начал сомневаться, правильно ли он употреблял отдельные высокопарные слова на ифритском языке.

— Лантеялианна — посол, которого хетай-ра отправили в Ивриувайн в надежде возродить былые добрые отношения с детьми Леса. Мы также пришли не с пустыми руками! Правительницы пустынь посылают Высочайшему Синклиту ценные дары, дабы уверить вас в своих благих намерениях.

Даже последняя фраза не произвела на стариков никакого впечатления. Подчиненные Пелеантада достали из мешков и разложили на опушке стеклянные шкатулки с украшениями, отрезки тканей, богато иллюстрированные книги и искусно сделанное оружие — всю ту поклажу, что посольство провезло через пески и леса, чтобы сейчас старейшины даже не обратили на эту роскошь внимания. Профессор почувствовал нарастающую злобу, которую он невольно начал испытывать, глядя на этих безразличных ко всему альвов.

— Лантея, объясни Синклиту суть предложения хетай-ра, — обратился к девушке Аш на залмарском. — И в целом обрисуй произошедшую ситуацию в Бархане. Я все переведу.

— Я буду говорить медленно, по предложению, — тихо предупредила спутника Лантея, которая сама уютно себя чувствовала посреди этого сада надменности.

Она достала свернутую грамоту, переданную ей еще матриархом Иамес в Первом Бархане, в которой правительницы излагали свою волю, и, поглядывая на нее, заговорила:

— Совет Пяти Барханов, собранный из мудрейших матриархов хетай-ра, прислал меня к вашему народу как посла. Мы отыскиали старинные документы, подтверждающие, что раньше альвы и хетай-ра были братскими народами, жившими бок о бок... Так не настало ли время возобновить старые связи для укрепления обеих стран?..

Тишина была ей ответом. Изменив тон, она продолжила куда жестче:

— Мы пришли сюда не просить помощи, как слабые дети. Мой народ тысячелетиями самостоятельно выживал в пустынях, каждый день борясь за свои жизни с сотнями жесточайших тварей. Мы способны постоять за себя! Но когда на один из наших городов без объявления войны совершили нападение ифриты, сея смерть и разорение во славу своей кровавой богини Азумы, то пострадало множество невинных, весь наш привычный многовековой уклад был нарушен!.. Матриархи не желают оставлять эту обиду неотомщенной! Хетай-ра хотят защитить свой дом! И потому мы пришли сюда, чтобы объединить наши силы с могуществом детей Леса против общего врага — империи Ис!..

Лантея яростно и пылко произносила свою речь, крепко сжимая кулаки и вся побелев от волнения. У профессора не было подобной горячности, поэтому он просто старался как можно громче выкрикивать перевод. Итогом ораторского выступления стал Сеамрантий, который единственный подошел ближе и сделал вид, что до крайности заинтересован услышанным. Остальные старейшины не торопились сходить со своих мест, застыв, как деревянные куклы.

— Пелеантад, они вообще понимают, что мы им говорим? Может, они не знают ифритский? — негромко спросил преподаватель у альва, когда Лантея решила отдышаться.

— Старейшины все его знают в той или иной степени. Это примитивный язык, — усмехнулся воин и посмотрел на нахмурившегося Аша сверху вниз. — Значит, ваша речь их не особенно впечатлила.

У профессора от досады на скулах заходили желваки. Почти три недели по пустыням и джунглям добираться до Алвераха, чтобы толпа напыщенных стариков отказалась подойти поближе и поговорить с назначенным послом! Кто бы мог подумать о таком плачевном финале.

— Хетай-ра многие столетия провели под песками, скрытые от всего мира, — продолжала тем временем Лантея, еще не исчерпав все свое красноречие и запал. — Мы забыли, как выглядит мир вокруг и кто здесь обитает. Потому ифриты застали нас врасплох, но это не повторится. Они не посмеют больше разрушить ни один из наших городов! Если наши воители, владеющие магией песка, объединятся с вашими солдатами, закаленными в многолетней войне с ифритами, то все южное побережье материка сможет спать спокойно раз и навсегда! Неужели вы не желаете укрепить свои позиции и надолго отогнать империю от границ Леса?! Наши народы близки по духу, между хетай-ра и альвами с давних времен есть связь, которая хоть и угасла, но не разорвалась окончательно! И в наших силах восстановить былое величие, заключив новый, более крепкий, союз!

Небольшая группа старейшин неторопливо двинулась ближе к ораторам. Лантея закончила свой вдохновенный монолог и перевела дух, выжидающе наблюдая за новыми зрителями. Нелепое молчание затягивалось, пока, наконец, один из подошедших альвов не обратился к Ашарху.

— Красивые слова в лстивых устах подобны плоду, гниющему изнутри. Их оболочка привлекает внимание, но стоит чуть надкусить, как вскрывается испорченное чрево, — глубокомысленно изрек сторбленный старец, опиравшийся на нефритовый посох. — Зачем

альвам помогать вам?

Преподаватель даже на мгновение растерял всю свою злость и уверенность. Кажется, слова о братских народах ничего не значили для детей Леса. Вести переговоры оказалось гораздо сложнее, чем Аш это себе представлял. Он наморщил лоб и повернулся к Лантее.

— Они спрашивают, зачем альвам нужно помогать хетай-ра. Похоже, твоя речь не показалась им вдохновенной... Мы можем предложить что-нибудь еще?

— Вот же хрычи плешивые, — раздраженно прошептала девушка себе под нос, а потом куда громче добавила. — Пустынный народ будет верен своему слову. Мы готовы наладить торгово-экономические отношения для укрепления связей между Могучим Лесом и пустынями. Как только города хетай-ра обезопасят от ифритов, прибывающих в пустыни с севера, мы не останемся в долгу, и альвы смогут в любой момент рассчитывать на военную поддержку матриархов в обороне границ Ивриувайна.

На переведенные слова Лантеи старейшина лишь фыркнул, демонстрируя все свое отношение к этим предложениям. Нарочито медленно развернувшись, альв, опираясь на свой посох, ушел обратно в сад. Подобное поведение разочаровало Аша даже больше, чем полное отсутствие внимания. Однако на смену первому старику пришла подслеповато щурившаяся пожилая женщина, которую под руку аккуратно поддерживал древесный альв, полностью заросший мхом от корней и до головы. Эта живописная пара сразу же начала свою речь с обвинений.

— Когда старейшина Сеамрантий попросил всех членов Высочайшего Синклита собраться для принятия посольства, то я даже подумать не могла, что это окажется настолько бессмысленной тратой времени, — дрожащим голосом возмутилась старуха.

— Что вас не устраивает?.. — поинтересовался Сеамрантий.

— Какие-то дикие племена пустынников приходят к нам и практически с порога требуют заключить военный союз, обосновывая это некими легендами о том, что их и наши предки общались еще до создания Леса.

— Это подтвержденная информация, — неожиданно с легкой полуулыбкой вступился за посольство Сеамрантий, медленно разворачивая свое скрипучее тело в сторону полуслепой женщины.

— Кем же это все подтверждено?!

— Посольство по прибытии передало мне древний документ, который напрямую доказывает, то между Лесом и пустынями некогда был заключен пакт о сотрудничестве, известный как Андаритский пакт...

— Пусть его увидит весь Синклит! — потребовала старуха.

Древесный альв неторопливо снял с пояса бамбуковый футляр, из которого достал одолженный ему вчера свиток и продемонстрировал его всем собравшимся поблизости старейшинам, толпа которых все больше и больше росла с каждой минутой. Многие с интересом смотрели на пергамент и стоявшие на нем печати, другие, не повышая голос, шептались между собой.

— Я взял на себя смелость посетить внушительную библиотеку имени старейшины Кезегелана, где сумел перевести с древнего амриля текст этого документа...

— Подлинность этого клочка вызывает у нас сомнения! — заявил кто-то из толпы.

— Свиток, безусловно, подлинный... — с привычными паузами и вздохами выговорил Сеамрантий. — Оттиски соответствуют печатям, использовавшимся в те давние времена Синклитом. Более того, в собрании наших старейших книг я отыскал упоминания об этом

пакте... Связь между нашими народами не была домыслом, это достоверный факт.

Однако слепая женщина не оценила заступничества древесного альва и начала что-то громко твердить на амриле. Ее, в свою очередь, активно поддержал заросший мхом сосед. Остальные старейшины тоже вступили в дискуссию, на несколько минут наполнив павильон шумом голосов. Заседание плавно превращалось в балаган, и даже предоставленный свиток пакта ничего не дал.

— Я попрошу проявить уважение к нашим гостям, иноземному посольству, которое проделало долгий и трудный путь, чтобы выступить сегодня перед Синклитом! Говорите на ифритском, будьте же так любезны... рассудительные собратья, — громогласно потребовал Сеамрантий.

Его неожиданно все послушали. Видимо, статус уходящего-в-сердце-Леса действительно позволял диктовать Синклиту некоторые условия. Старейшины замолчали на десяток секунд, переглядываясь, а после древесный альв, покрытый мягким мхом, прочистил горло.

— Пакт давно уже утратил свою силу за истечением большого количества времени, — проворчал он.

— Трудно спорить с этим заявлением, — шумно выдохнул Сеамрантий.

— Но даже факт существования некоего соглашения в прошлом не дает хетай-ра права требовать заключения военного союза в нынешние времена. Нужно здраво оценивать ситуацию.

— Андаэлль, поясните свою позицию яснее, пожалуйста, — со вздохом попросил Сеамрантий.

— Ивриувайн находится в состоянии перманентной войны с империей Ис, — обращаясь напрямую к послу и переводчику заявил Андаэлль. — Мы не можем предоставить военную помощь иному государству, когда каждый солдат в Лесу на счету.

— Мы ведь просим о любой посильной помощи, — заикнулся было Ашарх.

— Ослабление армии или границ приведет к прорыву обороны и нашему неминуемому поражению! Альвам нельзя рисковать безопасностью Леса ради блага чужой, пусть и дружески настроенной страны!

— Но ведь хетай-ра готовы предоставить свои войска для обеспечения неприкосновенности границ Ивриувайна! — Ашарх резко шагнул вперед, из-за чего Пелеантад дернулся, опасаясь, что профессор задумал что-то неподобающее. — Почему вы не можете? Даже один пехотный полк альвов, высланный для поддержки, сыграет решающую роль в обороне городов хетай-ра!

— В первую очередь мы должны оберегать Могучий Лес, — твердо ответила полуслепая старуха. — Нам нет дела до того, что происходит за границами Ивриувайна, тем более в иных странах. Альвы не покидают пределы Леса.

Ашарх обомлел от ее слов. У него складывалось такое впечатление, что альвы были совершенно не способны функционировать отдельно от своего Леса, иссыхая от беспомощности за его пределами, как лишенные влаги цветы.

— Думаю, остальные старейшины с нами согласятся, — заметил Андаэлль, осматриваясь по сторонам. Многие из стариков в саду кивнули в ответ на слова древесного альва, другие же, еще посоветовавшись между собой тоже в итоге вынесли неутешительный вердикт:

— Заключение военного союза совершенно невозможно.

Аш почувствовал, как его захлестнула жгучая обида, но куда тяжелее ему было переводить жестокие фразы старейшин Лантее, видя, как гаснет в ее глазах всякая надежда на успех.

— Боюсь, это решение окончательное, — Сеамрантий сочувственно улыбнулся преподавателю, словно говоря, что он сделал все, что мог. Но проку от этой жалости не было, как не было и никакой весомой помощи в переговорах от самого дедушки Бриасвайса.

Подрагивавшими пальцами Лантея забрала у него свиток Андаритского пакта, который оказался совершенно бесполезен, даром что хранился пустынным народом тысячи лет.

— Тогда, я считаю, посольство хетай-ра может быть свободно, — оглядевшись по сторонам в поисках возражателей, заключил Андаэлль. — Высочайший Синклит озвучил свое решение.

Пелеантад вежливо склонил голову перед старейшинами и быстро двинулся через сад к выходу из павильона, за ним последовали разочарованные гости Леса, а шествие закрывала пара воинов. Старейшины проводили колонну тягостным молчанием, а после вновь разбрелись по саду, будто ничего и не произошло.

Глава седьмая. И один в поле воин

Я часто в молодости думал, как нелегко порой бывает прийти к согласию с теми, кто тебя окружает. Мы будто деревья, что неохотно соприкасаются кронами, и каждый сам по себе тянется к солнцу как к жизненной истине. Но на исходе своих лет я уразумел, что единственная важность состоит в том, чтобы жить в согласии с самим собой, цепко хватаясь корнями за почву и не позволяя ничему и никому нарушать спокойствие, хрупкий баланс своего существования.

Старейшина, носящий имя четвертого полувека Кезегелан. Мемуары

— Тьма!.. Я не могу в это поверить, — потирая виски, твердила Лантея своему спутнику, пока воины вели их сквозь Лес обратно в поместье. — До последнего я надеялась, что они все же согласятся на союз.

— По-моему, их решение с самого начала было очевидным, — возразил Аш. — Даже этот не слишком радушный прием на заседании уже выдал настроения альвов.

— Это верно, но в любом случае стоило попытаться, чтобы не винить себя после всю жизнь, что у нас был единственный шанс, а мы им не воспользовались...

— Теперь матриархам не осталось никаких призрачных надежд. Ифриты нападут скоро вновь, а когда до них дойдут эти проклятые карты, то они будут действовать еще увереннее. — Профессор сжал в кулак ткань рубахи на груди, где еще недавно за пазухой лежали свитки. — Надо было уничтожить их, пока было время, чтобы эти сведения не попали в империю...

Больше всего преподавателя расстраивало, что вся эта жертва оказалась бессмысленной в итоге — карты были в руках Бриасвайса, а Синклит развернул посольство, едва выслушав. Но разве мог хоть кто-то предположить, что старейшины окажутся столь категоричными и единодушными в принятии своих решений?

— Тогда Бриасвайс и Тестариус пришли бы в ярость. — Лантея мотнула головой. — К сожалению, мы все еще в их власти, пока торчим в Лесу. Мы пользуемся их сомнительным радушием исключительно из-за карт. По-хорошему, надо быстрее покинуть Ивриувайн, пока эта «доброта» не иссякла.

— Если бы не свитки, то у многих пустынных городов еще была бы надежда спастись. А так, получается, мы о союзе не договорились, так еще и раскрыли местоположение всех Барханов.

— Ифриты все равно уже нашли один полис и вполне возможно, что к этому моменту уже отыскали вход в Четвертый Бархан, так что они и без карт замечательно справляются, когда поняли по какому принципу спрятаны наши города.

— Больше хетай-ра не на кого рассчитывать. Матриархи теперь прикажут полностью закрыть Барханы, отрезав их от поверхности и погрузив еще глубже в пески. Вряд ли они будут ввязываться в заведомо проигрышную войну, — с тяжелым вздохом заметил Аш, чувствуя как под его ногами пружинит мягкая земля, укрытая мхом. — Но что будет теперь с нами?

— Туда мы точно не вернемся, Аш, — твердо ответила Лантея, жмурясь под солнечными лучами, проникавшими сквозь кроны хацу. — Я все еще придерживаюсь мнения, что для нас там больше нет места. Хетай-ра заживо похоронят себя на века, и нам

нет смысла присутствовать при этом.

У девушки в голове эхом отдались жестокие слова сестры, сказанные на прощание. Быть может, не будь их, все сложилось бы иначе. Но теперь горевать уже было поздно.

— Куда же тогда мы пойдём? — приподняв бровь, поинтересовался профессор.

— Кто знает?.. Мир необъятен, а я видела лишь малую его часть. Почему бы не уехать туда, где нет войны и можно просто спокойно жить, наслаждаясь каждым днем?

— Тогда нам стоит пойти на северо-восток, навязаться в попутчики к какому-нибудь гоблинскому торговому каравану. Их почти везде спокойно пропускают. И добраться до королевства Тхен, искупаться в горячих источниках в долине гейзеров или же направиться в Ровалтию... Говорят, у гарпий в столице изгнанников, Ракаре, лучшая копченая рыба в мире и красивые снежные зимы, — рассуждал вслух Ашарх, даже начиная слегка улыбаться от всех этих мыслей. С того самого дня, как он оказался втянут в интриги хетай-ра, прошло несколько месяцев, а о полноценном отдыхе оставалось только мечтать. Может, стоило наконец осуществить все эти дивные грезы? Неужели он не заслужил покой так же, как и его спутница?

— Смотрю, ты много об этом думал? — Лантея подмигнула собеседнику. — Я не прочь побывать в Ровалтии, тем более мне всегда хотелось поближе познакомиться с гарпиями. Хотя, чтобы попасть к ним, нам ведь придется рискнуть вновь показаться на человеческих землях.

— Уверен, мы что-нибудь придумаем. Доберемся сперва до Гарвелескаана и оттуда уже попробуем спланировать безопасный маршрут.

— Виек, Эрмина и Оцарио должны будут в любом случае отправиться обратно в пустыни со всеми этими нерадостными новостями от Синклита. Но вот Манс точно поедет с нами. Он сильно изменился за это время... И не скажу, что таким он мне нравится меньше. Напротив, он стал тем еще авантюристом, горящим жаждой жить и исследовать.

— Просто ты вдохновила его своими взглядами на этот мир. А я не откажусь от такого попутчика, он замечательный парень. Тем более, мне совсем не хочется, чтобы юноша навсегда оказался замурован в Бархане, когда он только-только стал познавать мир вокруг.

Процессия достаточно быстро добралась до фамильного особняка Бриасвайса, и Пелеантад с вежливым поклоном сообщил, что Синклит не собирается больше задерживать послов в Ивриувайне, но и гнать их, конечно, тоже никто не станет.

— Гости могут остаться в столице на столько, на сколько пожелают, — сказал альв своим зычным голосом. — Это повеление старейшины Сеамрантия.

— А оружие нам вернут? — спросил Аш и сразу же заметил, как забегали глаза у воина.

— Эм... — протянул Пелеантад, — боюсь, нет. Пока вы находитесь на землях Ивриувайна, это невозможно. По указанию Синклита.

Аш ругнулся себе под нос на залмарском. Ходить по местным джунглям без меча на поясе казалось плохой идеей, особенно после того случая, когда на караван напала дикая кошка, а альвы отказались ее даже пальцем трогать.

Отпустив Пелеантада, Ашарх и Лантея направились на этаж с гостевыми комнатами, где их уже поджидали Виек и Эрмина, расположившись на креслах в просторном холле. Едва завидев поднимавшегося по лестнице посла, Эрмина резво подскочила с места.

— Каковы результаты заседания? — осторожно поинтересовалась она, заметив, что ни профессор, ни Лантея не выглядели особенно счастливыми. Виек тоже сразу же наострил уши.

— Они отказали. Помощи не будет. Военный союз оказался им не нужен, — призналась девушка, обводя гвардейцев сосредоточенным взглядом.

— Как же так?.. — разочарованно выдохнула Эрмина, не веря собственным ушам.

— Альвы не покидают свой Лес.

— Выходит, все было зря, — мрачно подвел итог Виек, мгновенно нахмурившись.

— Им без разницы, что происходит за пределами Ивриувайна. Главное, чтобы в их Лес никто не приходил. Поэтому любое ослабление армии они воспринимают в штыки, — сказала Лантея.

— Этого следовало ожидать, — тихо заметил Виек. — Похоже, Эван'Лин отвернулась от нас.

— И что теперь будет? — спросила Эрмина, обернувшись к супругу. — Война?

— Матриархи прикажут городам уйти как можно глубже в песок и закрыть все выходы на поверхность. Это очевидно. Потому что с картами отыскать Барханы ничего не стоит, а противостоять воинственной расе, значительно превосходящей числом, хетай-ра не смогут, — заключил Виек, скрепя руки на груди. — Тьма бы побрала эти карты!

— Даже без них ифриты самостоятельно нашли Третий Бархан, — напомнила гвардейцу Лантея.

— Если бы мы не передали их альвам, то у нас было бы гораздо больше шансов спрятать сейчас остальные полисы так, чтобы об их существовании забыл весь мир, — категорично ответил гвардеец, покачав головой.

— Прошу тебя, Виек, пожалуйста, не надо ссор, — попросила мужа Эрмина, зная его вспыльчивый характер.

В этот момент на лестнице послышались тяжелые шаги, и на площадке показались Манс и Оцарио. Запыхавшийся торговец явственно светился от счастья, а количество его сумок на плечах сильно уменьшилось.

— Неужели тебе удалось найти кого-то, кто купил это барахло? — сразу же поинтересовалась Эрмина, старательно переводя тему, чтобы Виек не вздумал продолжать ссору с послом.

— Еще лучше! — воскликнул торговец, смахивая рукавом пот со лба и складывая на стол посреди гостиной свою поклажу. — Я подумал, что стоит попробовать местные деликатесы, поэтому обменял кое-какие вещи на мешок этих сладких плодов. Меня уверили, что это самые экзотичные фрукты, что можно достать в Ивриувайне!

Оцарио вывернул одну из сумок, и по поверхности стола рассыпались крупные красные яблоки. Лантея скрыла улыбку, не став говорить торговцу, что ничего особенного в этих плодах не было и быть не могло, а Оцарио просто обманули. К чему было так расстраивать товарища? Зато Виек сразу же потянулся к ближайшему яблоку и надкусил его, держа в сложенных лодочкой ладонях. Пару секунд он сосредоточенно жевал, весь остальной отряд выжидательно за этим наблюдал, а после гвардеец швырнул надкушенное яблоко обратно на стол.

— Очередная кислятина! На деликатес не похоже!

Оцарио воззрился на гору фруктов с нескрываемой досадой.

— Как тебе вообще удалось договориться с альвами? — поинтересовалась тем временем Эрмина. — Ты ведь не знаешь их язык!

— Мы встретили на рынке гоблина-торговца, — несколько уставшим голосом объяснил Манс, опускаясь в свободное кресло. — Он был весьма впечатлен безделушками Оцарио и

его живой манерой поведения. Выяснилось, что гоблин немного понимает на залмарском языке, поэтому мы разговорились.

— Бедный гоблин, — пробормотал себе под нос Виек. — Он еще не понимал, на кого нарвался...

— На самом деле, они стоят друг друга. Чтобы посмотреть, как они жестаами торгуются за этот несчастный мешок фруктов, собралась половина площади. Но, кажется, наш Оцарио все же оказался убедительнее, потому что приз достался ему. — Манс побарабанил пальцами по столу.

— Клянусь Эван'Лин, я даже не сомневался! — сказал Виек и закатил глаза. — Он способен продать сапоги безногому!

Оцарио зарделся, сочтя это за комплимент. А вот Манс, обведя собравшихся серьезным взглядом и остановив свой взор в итоге на сестре, не забыл поинтересоваться:

— Значит, вы уже вернулись с заседания. Как все прошло?

Его и торговца посветили в подробности. Лантея пересказала слова старейшин Леса, пока весь остальной отряд, осторожно пробуя лежавшие на столе яблоки, внимательно слушал. Едва она закончила, хмурый Манс первым произнес:

— Не такого я ожидал от этого Синклита...

— От нас тут уже больше ничего не зависит. — Лантея пожала плечами. — Свои обязанности мы выполнили. Теперь дело за матриархами.

— Нужно отправить в Первый Бархан письмо как можно скорее, — процедил Виек. — Сообщить, что мы не смогли договориться и возвращаемся обратно. Пусть готовят города к полной изоляции.

— Вы вернетесь домой без нас, — решительно призналась Лантея. — Мы с Мансом и Ашархом проводим вас до Гарвелескаана, а после двинемся в другие земли.

На нее мгновенно возрились все члены отряда. Никто не ожидал такого заявления. Только Манс серьезно кивнул сестре, давно готовый к подобному исходу.

— Вас так расстроила неудача с переговорами? — прямо спросил у посла Виек.

— И это тоже. Но в основном меня не устраивает политика матриархов. Я не готова провести остаток жизни как скарабей, зарывшись в песок и затаив дыхание, чтобы нас не нашли ифриты.

— Мы практически так и жили со времен основания Гиртариона, — робко заметила Эрмина.

— Разве после того, как вы побывали за пределами пустынь, вам хочется туда возвращаться? — приподняв бровь, спросила Лантея. — Да, это наш дом. Но им весь мир не ограничивается. Иногда нужно набраться смелости и шагнуть в распахнутую дверь до того, как она навсегда закроется прямо перед носом. Мы увидели существ другой расы, побывали в Лесу, где деревья касаются неба, попробовали необычную пищу и впервые познакомились с чужой культурой. Разве все это не вдохновляет вас? Разве вам не хочется посмотреть на весь остальной мир?

— У нас есть долг перед родиной, которая нас вырастила и воспитала. Мы были бы неблагодарными детьми, если бы решили бросить свой народ в минуту опасности, — не терпящим возражений тоном произнес Виек, поджимая губы.

— Мы сделали достаточно для отечества, чтобы вернуть этот долг, — ответил Манс, опустив взгляд. — Если мы с сестрой вернемся в Бархан с неудачей, то станем крайними во всей этой ситуации. Нас заклеймят и будут стыдить всю оставшуюся жизнь. Я, как и она, не

хочу себе такого будущего.

— Этот мир действительно оказался огромным и полным необычных мест. Но Виек прав, не мы те, кому менять вековые устои, — с грустной улыбкой сказала Эрмина. — Матриархи издревле руководили хетай-ра, принимая дальновидные решения для блага всего народа. И если они считают, что для Барханов будет лучше полностью закрыть города, то я беспрекословно подчинюсь их воле.

— А что думаешь ты, Оцарио? — Манс повернулся в сторону притихшего торговца.

— Я, признаться, не люблю заглядывать вперед, когда еще здесь не все ясно... Что толку строить планы по поводу путешествий или возвращения в Бархан, если мы еще даже не добрались до Гарвелескаана? Когда нас выпустят из этого Леса, тогда и надо что-то решать! А пока толку нет...

Виек впервые посмотрел на Оцарио с молчаливым уважением. Дельные мысли у торговца возникали не так часто, и гвардеец уже привык видеть в сыне матриарха лишь обузу.

— Делать нам в этой столице больше, в принципе, нечего. Так почему бы не уехать побыстрее? — внесла свое предложение Эрмина.

Все покачали головами с задумчивым видом, соглашаясь с таким вариантом.

— Я буду первым, кто с радостью отсюда уберется, — сказал ее муж. — Уже сил нет, как надоело смотреть на эту зелень кругом и питаться кислыми фруктами.

— К тому же, сдается мне, что и альвам наша компания тоже не в радость, — протянул Манс, усмехнувшись. — Я весь день ловлю на себе их презрительные взгляды. А уж после отказа Синклита тут вообще вряд ли наше посольство будут воспринимать всерьез. Надо уезжать.

— В принципе, нас тут и правда никто не держит, — проронила Лантея, накручивая на палец прядь волос. — Можем хоть завтра утром отправляться обратно в Гарвелескаан.

— А нужно ли ждать до завтра? — произнес Виек. — День еще не перевалил за середину. Час на сборы — и в путь.

Несколько пар глаз полувопросительно уставились на девушку, ожидая ее вердикта. Было очевидно, что никто из отряда не желал даже лишний день проводить в Лесу, где вовсю процветало столь высокомерное отношение к гостям. К тому же категоричный отказ Синклита и перспектива скорейшего разлучения и без того не добавляли оптимизма никому из членов группы, так что бесцельно прожигать часы, глядя в окно и ожидая неясно чего, смысла не было.

— Ладно, — смирилась посол. — Давайте так и поступим.

Все выдохнули и быстро разошлись по своим комнатам, готовясь к отъезду. Ашарх занялся переговорами с Пелеантадом, который по приказу Бриасвайса должен был снабжать посольство необходимыми в дороге вещами, водой и пропитанием, а также сопровождать их до самых границ Леса. Лантея тем временем попросила брата составить и отправить письмо матриархам. Юноша со всей серьезностью подошел к делу, и уже через четверть часа последний почтовый орел взвился в окно, унося на своей лапке печальные известия.

Уж переодевшись в дорожную одежду, Лантея с чистой совестью зашвырнула свой бесценный коллар на самое дно сумки, забросав регалию грязными портянками, лишь бы глаза ее больше не видели. Свой долг перед народом и страной она выполнила и больше не намеревалась строить из себя ту, кем она не являлась, — великого дипломата и переговорщика.

На пороге комнаты практически беззвучно появился Оцарио. Девушка даже не сразу его заметила, погруженная в сборы и раздумья. А торговец молча жался в дверях, явно вынашивая в голове какие-то сомнения.

— Ты что-то хотел? — поинтересовалась Лантея, едва заметила гостя на пороге.

— Простите, что отвлекаю. — Торговец неуверенно зашел внутрь комнаты и прикрыл за собой дверь. — Мне необходимо с вами поговорить.

— Прямо сейчас?

— Прямо сейчас.

— О чем? — удивилась Лантея и заметила, что губы Оцарио были все искусаны и покрыты засохшими бляшками. Да и общий его вид был чересчур бледным, а на лбу показалась испарина. — Плохо выглядишь. Ты здоров?

— Да... Да. Я просто... Мне нужен ваш совет, — тихо признался торговец.

— Ты заинтриговал меня. Ну, говори, раз уж пришел.

— Сегодня, когда мы с Мансом были на базаре, тот гоблин, с которым мы так жарко торговались, сделал мне деловое предложение. Мастер Сако согласился принять меня в ряды своих помощников и полноценно обучить искусству торговли, которым он владеет гораздо лучше меня. Я попросил Манса ничего не рассказывать остальным, потому что сам еще думал, стоит ли мне отвечать отказом или нет, — едва слышно поделился Оцарио.

— Ты же не говоришь ни на залмарском, ни на ифритском, — с сомнением протянула Лантея.

— Это правда. Но знание языка приложится! Истинный торговец должен уметь представлять свой ассортимент не только при помощи слов! Разве не так?

— Это все верно, но я хочу знать, с чего бы это ты вдруг решил рассмотреть подобный вариант. Тебе так надоела наша компания, что ты только и ищешь повод с ней скорее расстаться?

— Как вы могли такое подумать! — возмутился торговец, но почти сразу же стушевался под внимательным взглядом девушки. — Простите... Но я до сих пор чувствую себя виноватым за то, что произошло в пустынях. Вы были правы, я поступил тогда глупо, подвел весь отряд, и Виек недаром так меня невзлюбил за это... Я здесь лишний, он все верно говорит. И остальные будут только рады, если я уйду. Так что предложение мастера Сако пришлось как нельзя кстати.

— Неважно, что думает или считает Виек, да и другие наши спутники. Важно, что на самом деле хочешь ты сам. Подумай хорошенько, ты действительно желаешь работать на этого мастера?

— Я не уверен. Именно поэтому мне и нужен ваш совет. Вы путешествовали по миру, не побоялись уйти из пустынь так далеко... — Оцарио, стянув с головы тюрбан, провел рукой по своим мелким седым кудрям. — Караван мастера Сако скоро отправляется в столицу королевства Тхен, город Пентеф. Путь неблизкий, но он согласен взять меня с собой, дать у себя на родине работу. С одной стороны, это же второй шанс, дарованный мне судьбой... Ведь, когда мы были в пустынях, я так отчаялся лишь потому, что думал тогда, будто жизнь дала мне лишь один шанс в корне все изменить, а я его упустил. Но, видимо, я ошибся — вот новая возможность, и в этот раз мне очень не хочется ее прозевать. Наверное, я должен рискнуть и попробовать оторваться от прежней жизни, невзирая на все страхи, но я так сомневаюсь в своих силах...

Лантея окинула торговца внимательным изучающим взглядом. За все время

совместного путешествия она привыкла видеть в нем добродушного, немного испорченного алчностью и эгоизмом, дельца. Он не всегда умел держать язык за зубами, часто играл свою глупую шутовскую роль и был не в меру капризным, однако, никому не желал зла. А в этот миг перед ней стоял настоящий Оцарио — растерянный, глубоко одинокий в душе хетай-ра, который всеми силами пытался вырваться из удушавшей его обыденности. И он боялся.

— Знаешь, иногда в жизни действительно нужно уметь принимать неожиданные решения. Ты можешь не согласиться сейчас на это предложение, испугавшись трудностей и перемен, но пройдет время, и ты будешь жалеть, что когда-то давно отказался от своего второго шанса. Так скажи мне, Оцарио, что же лучше? Прожить свою жизнь тихо и спокойно, зная, каким будет каждый следующий день? Или же рискнуть и открыть для себя что-то новое?..

Торговец еще ниже склонил голову, внимательно вслушиваясь в слова девушки. Было видно, как внутри него боролись страх перемен и жажда исследований и новых знаний.

— Ведь ты в любой момент сможешь уйти от этого гоблина и отправиться на поиски иного призвания для себя, если это покажется тебе недостаточно подходящим, — шепотом закончила свою мысль Лантея.

— Значит, вы считаете, что мне не стоит отказываться от этого предложения?

— Да. Когда судьба идет тебе навстречу и дает в руки одну возможность за другой, ими стоит пользоваться без раздумий... Когда отправляется караван мастера Сако?

— Через пару дней.

— Тогда езжай с ним, Оцарио. Твой путь лежит в Пентеф, в богатую гоблинскую столицу.

— А как же вся наша остальная группа? — спросил торговец.

— Мы тронемся в Гарвелескаан без тебя. Не волнуйся, с нами все будет в порядке. — Лантея мягко улыбнулась. — А ты будь осторожен. И не дай себя обмануть.

— Неужели вы сомневаетесь в моей хитрости? — Ее собеседник неожиданно лукаво подмигнул, вновь надевая свою привычную маску добродушия.

— Ни на мгновение.

Девушка подошла ближе и крепко сжала плечо Оцарио на прощание. Уже направляясь в сторону выхода, он внезапно словно о чем-то вспомнил и достал из кармана небольшой тканевый сверток, чтобы без колебаний протянуть его Лантее.

— Говорят, добрые дела, как и хорошие советы, должны возвращаться... Я бы хотел подарить вам это на память и в знак своих искренних извинений за мой поступок в пустынях. Пожалуйста, не отказывайтесь!

Девушка приняла из рук собеседника сверток и осторожно его развернула. В складках жаккардовой ткани лежала резная нефритовая шпилька для волос. Но за ее внешней изящностью скрывалась опасная тайна: заколка оказалась скрытым заточенным клинком. Стоило потянуть за изогнутый верх, как из нефритового корпуса выскользнула узкая полоска металла с острым концом, которым вполне можно было поранить кого-нибудь.

— Когда я ее увидел сегодня на базаре, то сразу подумал, что она будет хорошо смотреть в ваших алых волосах, — не преминул вставить комплимент Оцарио. — И при необходимости даже может служить простым оружием! Но, надеюсь, вам чаще придется пользоваться ей именно как украшением.

Торговец мягко улыбнулся, наблюдая, как девушка сворачивает свои отросшие волосы в тугую узел на макушке и закрепляет их нефритовой шпилькой. А после он, приложив сжатый

кулак к груди в жесте уважения, надел свой тюрбан на голову и быстро, не оборачиваясь, вышел из комнаты. Лантея проводила его долгим взглядом. И даже когда шаги Оцарио затихли в коридоре, она все еще смотрела на дверной проем, надеясь, что дала правильный совет, который не испортит жизнь этого незадачливого купца.

Собрались все по-военному быстро. Через час возле ворот поместья Пелеантад уже дожидался неудавшееся посольство вместе со своими бойцами и нехитрой поклажей, необходимой в пути.

— Ну что, все готовы к отбытию? — на всякий случай уточнила Лантея, оглядывая своих спутников, которые нетерпеливо переступали с ноги на ногу, нагруженные заметно похудевшими сумками.

— Торгаш задерживается. Наверняка, опять копается в своем барахле, — подал голос Виек.

Со стороны особняка раздался звук торопливых шагов и протяжный возглас из-за деревьев:

— Подождите!.. Стойте!..

Запыхавшийся Оцарио что есть сил спешил по садовой дорожке, хватая ртом воздух и вытаращив глаза. Его круглое брюшко подпрыгивало в такт шагам.

— О, а вот и он, — разочарованно протянул гвардеец, скрещивая руки на груди. — Похоже, он совершенно не успел собраться. Вот же растяпа...

— Хорошо, что я не опоздал! — Добежав до своих товарищей, Оцарио еще несколько секунд пытался отдышаться, уперев руки в колени, а потом, выпрямившись, обвел отряд довольным взглядом.

— Я не еду с вами. У меня есть дела в Лесу, и боюсь, теперь в пустыни я вернусь нескоро. Но мне очень уж хотел попрощаться и поблагодарить всех вас за это долгое и увлекательное совместное путешествие! Пусть часто мы вздорили и не во всем приходили к согласию, но я все равно был рад познакомиться с каждым из вас и провести это время вместе!

Его слова повисли в тишине и мареве недопонимания. Пустынники удивленно переглядывались между собой, явно пытаясь понять, что же происходило.

— Постой, как это ты с нами не едешь? — первой спросила Эрмина. — Что еще у тебя за неожиданные дела в Лесу.

Вместо Оцарио ответил Манс.

— Вчера на базаре один из торговцев, этот гоблин Сако, предложил тебе работу, верно? — вспомнил юноша, задумчиво пощипывая свои белые усы. — Видимо, ты все же согласился.

— Так и есть, — подтвердил Оцарио. — Через несколько дней я уеду с гоблинским караваном в королевство Тхен.

— Вот так новости, — протянула Эрмина, пройдясь ладонью по своим короткостриженным волосам.

— Ох, вам вовсе не стоит по мне горевать, — усмехнулся торговец. — Я справлюсь со всем, что мне готовит судьба. Надеюсь, Многоликая Матерь не оставит и вас. Удачной дороги, друзья!

Он широко улыбнулся, уперев руки в бока, и кивнул готовому отправляться отряду. Не выдержав, Манс все же не ограничился такими сухим прощанием и заключил торговца в

крепкие объятья, похлопав его по спине.

— Я желаю, чтобы у тебя все получилось, — проронил юноша. — Будь смел и иди до конца!

— Обязательно, — пообещал Оцарио, смахивая непрошеную слезу с ресниц.

Манс отступил назад. Его сестра, уже попрощавшаяся с торговцем ранее, лишь растянула губы в ободряющей улыбке, Эрмина скупомы помахала рукой, а Виек и вовсе лишь фыркнул себе под нос, явно крайне довольный сложившейся ситуацией.

Стоило Пелеантаду подать сигнал, ворота поместья открылись, и отряд двинулся вперед по лесной тропе, уводящей прочь из города. Оцарио до последнего смотрел вослед уходившим товарищам, пока стволы деревьев и густой кустарник окончательно не закрыли обзор.

— Поверить не могу, что все так получилось, — прошептала Эрмина, но ее услышал весь отряд.

— У каждого из нас свой путь, — проронила Лантея, разведя руками.

— Выходит, обратно в Бархан вернемся только мы с тобой вдвоем? — Виек переглянулся с женой. — Не скажу, что я не рад избежать двух недель долгой дороги с этим болтливым торгашом, но мне откровенно жаль гоблина, который еще не понимает, на что согласился.

— Это все так неожиданно... — пробормотала Эрмина, все еще не верившая в происходившее.

— Почему же? Мне с самого начала путешествия казалось, что Оцарио подсознательно ищет для себя место, где он бы мог осесть, — сказал Манс, и все посмотрели на него с удивлением, явно не готовые согласиться с суждениями юноши.

Едва Манс объяснил профессору, почему Оцарио не отправился вместе с ними в Гарвелескаан, то Аш был не меньше своих спутников изумлен поспешностью отбытия и неожиданностью этого решения. Однако от всего сердца желал незаурядному торговцу найти свое место в мире и не ошибиться с выбором. И вплоть до самых окраин столицы группа изумленно молчала, ступая за Пелеантадом и его альвами и обдумывая собственные взгляды на жизнь.

В этот раз погонщики пригнали четверых крепких слонов, но зато арендованные повозки оказались скрипучими и расшатанными. Колеса ходили ходуном, раскачиваясь из стороны в сторону, но хотя бы дорога уже просохла после последнего дождя, и ни о какой грязи не было и речи. Телеги катились по колее вдоль непроходимых джунглей, и путники, посвободнее рассевшись в четырех повозках, дремали в свое удовольствие или занимались мелкими делами.

— Послушай, — в который раз позвал профессора Манс, — я не могу понять, что здесь за символ. Из-за этого жирного пятна все размылось.

Юноша сидел на лавке, покачиваясь в такт колыхавшейся телеги и подобрав под себя ноги, и водил пальцем по страницам потрепанной книги о Гиртарионе. В свою очередь Аш, примостившись рядом и разложив на коленях свои мятые свитки, спешно записывал перевод, который ему надиктовывал приятель. Теперь, когда старинные карты оказались в руках Бриасвайса, преподавателю не оставалось ничего другого, кроме как проводить все свое свободное время за расшифровкой оставшейся у него книги из библиотеки Третьего Бархана. Конечно, он успел сделать копии со всех карт, но качество их оставляло желать лучшего. А для его исследовательской работы требовалось как можно больше подробной

информации. К счастью, Манс и Лантея, поочередно меняясь, довольно сильно помогали Ашарху с переводом и распознаванием древних иероглифов.

— Попробуй догадаться по смыслу, — предложил профессор, сажая на пергамент очередную кляксу. — Что там рядом?

— Восточная воздушная шахта... что-то там... достигается шириной, — пробормотал себе под нос Манс. — Видишь, из-за пятна совсем не ясно, к какому типу относится этот иероглиф. Без его боковых черточек можно почти сотню значений перебрать и так и не угадать.

— Фух, ладно, — сдался Ашарх, откладывая в сторону бумаги и закрывая чернильницу. — Я устал сегодня. Мы уже пару часов как минимум сидим над этой страницей, а толку нет. Давай отложим до завтра.

— Дай почитать, что ты там успел записать, — попросил юноша.

Аш протянул ему свои корявые заметки, где помимо перевода он еще набрасывал периодически свои мысли для будущей исследовательской работы по Гиртариону. Быстро пробежавшись глазами по последним абзацам, Манс удивленно приподнял белесые брови.

— Ты действительно пытаешь рассчитать, где бы мог располагаться город-колыбель?

— А как без этого, — прокашлялся Ашарх. — Смысл мне изучать ваш древнейший полис, если я не смогу хотя бы приблизительно доказать, что он существовал.

— Ты собираешься после представлять где-то эту работу? — Манс кивнул на зажатые у него в пальцах листки.

— Если когда-нибудь ее закончу, то отправлю в италанскую академию или, может, к гоблинам в Пентеф. Думаю, последние оценят ее по достоинству. У них там неплохая академия и довольно прогрессивное научное сообщество...

— Надеюсь, я дождусь, когда ты завершишь эту работу и смогу ее прочитать полностью, — усмехнулся юноша, возвращая пергамент приятелю.

— Ты действительно многое здесь разобрал и понял в моих записях? — с сомнением спросил Ашарх, убирая бумаги и книгу себе за пазуху.

— Очень нудно, конечно, но вроде как все вполне ясно.

— Я тебе поражаюсь, — искренне восхитился профессор, хлопая глазами. — Ты стал очень быстро читать на залмарском и легко воспринимаешь даже сухой академический язык.

— Думаю, это все потому, что у меня был самый лучший учитель, какого только можно желать. — Манс расплылся в улыбке и похлопал спутника по плечу.

— Мне это, конечно, лестно, — смущенно пробормотал Аш. — Но ты и сам, как истинный самородок, легко впитываешь знания и тянешься к ним с удовольствием. Не думал поступить куда-нибудь на обучение? Даже к тем же гоблинам, если мы когда-нибудь до них доберемся. Несколько лет в академии дадут тебе очень многое.

— Ну уж нет, — неожиданно хрипло захохотал юноша, откинувшись назад и положив локти на борт повозки. — Мне действительно нравится учиться и читать. И я в полной мере осознаю, сколько еще в мире всего непознанного мной. Но прозябать годами в академических стенах я не готов, Аш! Мне куда больше интересно познавать мир самому, через путешествия и собственный опыт, а не с пыльных книжных страниц.

— О, в этом я с тобой соглашусь, — улыбнулся профессор. — Я и сам когда-то ничего не видел дальше книжных страниц, и только повстречав твою сестру научился на практике получать знания о мире вокруг.

— Вот видишь! Ты и сам такой же. Так что ты прекрасно понимаешь, о чем я говорю...

К тому же, больше всего мне бы хотелось совсем другого. Я все еще желаю обучиться мастерству чужих народов в плане изготовления оружия. Я многое знаю о резьбе по кости, о плавке стекла для заготовок — всему этому искусству я научился в Барханах. Но ведь люди, альвы, гоблины и другие расы владеют своими методами обработки материалов. И я бы не прочь на них взглянуть...

— Да уж, никто на материке не использует кость и стекло для оружия, — сказал с авторитетным видом Ашарх, подвигав бровями. — На поверхности всем правят железо и сталь. И только рукояти и древка делаются из древесины, украшаются драгоценными камнями и цветным стеклом.

Глаза у Манса загорелись возбужденным блеском.

— Если ты так этого хочешь, то почему бы и нет, — продолжил профессор. — Пока будем добираться до Ровалтии, по пути насмотримся на ремесленные районы вдоволь! Глядишь, и найдем мастеров, которые обучат тебя.

— Непременно! — воскликнул юноша и заерзал на лавке. — А расскажи мне еще, что ты знаешь о человеческих и других ремеслах. Расскажи о железе и дереве!..

И Аш, усмехнувшись, стал делиться всеми сведениями, что были ему известны. Он поведал Мансу об изящном серебряном оружии, которое умеют изготавливать только гоблины, рассказал о золотой руде Шаккаса, из которой сфинксы, по легендам, ковали оружие для своих рабов. Много профессор говорил о видах оружия, которое он встречал на своем веку, о запахе древесины и блеске драгоценных камней. А Манс слушал с искренним удовольствием, уже мечтая, как однажды постигнет эти искусства и станет непревзойденным мастером.

За этими приятными разговорами время до вечера пролетело быстро и совершенно незаметно. Караван ступал по лесной дороге, пустынной и залитой красноватыми закатными лучами солнца. Мягко шумела листва, едва уловимо поскрипывали старые тряские телеги, и в воздухе с пением порхали птицы, ловя насекомых. За весь день отряд почти никого не встретил: на узкой тропе иногда мелькали случайные пешие путники, пару раз Аш замечал впряженных слонов, которые вместе с погонщиками отдыхали на обочине, но в целом это направление было не слишком-то популярно среди альвов.

В свете вечерней зари впереди каравана показался одинокий странник, который устало брел по колее, обмахивая себя веером из листьев хинного дерева. Едва заслышав скрип приближавшихся повозок, альв обернулся и расцвел в довольной улыбке. Не сразу Ашарх распознал в случайном путнике Бриасвайса, лишь угольно-черная крыса, привычно сидевшая у альва на плече, уверила профессора, что перед ним действительно заместитель коменданта.

Караван замедлил ход. Перебросившись парой слов в Пелеантадом, ехавшим во главе процессии, Бриасвайс легко и грациозно запрыгнул в полупустую телегу к Ашу, Лантее и Мансу. Пустынники с изумлением оглядели воина, а преподаватель не преминул поинтересоваться:

— Что ты тут забыл посреди дороги?

Повозки вновь тронулись, заскрипев колесами, а Бриасвайс с удобством раскинулся на скамье, вытянув ноги и отбросив свое опахало в сторону.

— Что, надеялся уже больше никогда меня не увидеть? — усмехнулся альв, снимая с плеча Руфь и усаживая ее себе на колени. — Поверь, я искренне желал того же.

— Ты же утром еще уехал из Алвераха. Разве нет? — не отставал Аш, облокотившись на

свои колени и с любопытством поглядывая на воина.

— Уехал. Половину дня тряся в телеге, а после обеда мой слон отказался идти дальше. — Бриасвайс погладил крысу по холке и сунул ей в пасть несколько красных ягод, которые достал из кармашка на поясе. — Пришлось его распрячь и отпустить. И с того самого часа я так и брел по тропе, пока не заметил вас на свою удачу. Или неудачу. Это уж как посмотреть.

— Ты что, знал, что мы скоро поедem по этой дороге?

— Откуда мне было это знать? — язвительным тоном спросил альв. — Я был рад любой повозке, но в это время года из-за сезонной миграции пустынных пауков все пути к западным областям вымирают. Вы первые, кто мне попался.

— Мы как раз возвращаемся в Гарвелескаан. Хотим быстрее убраться из Леса, поэтому решили не задерживаться в столице.

— Значит, с Синклитом все же ничего не вышло? — догадался Бриасвайс, сверху вниз глянув на профессора. — Это было ожидаемо. Решения старейшин всегда так предсказуемы, что от их единообразия зубы сводит.

— Не для нас. Мы все же до последнего рассчитывали на поддержку.

— Очень зря. Если бы Лесу нужны были военные союзники, мы бы не разворачивали залмарских послов, стоит им показаться на горизонте. Синклит просто хотел утолить свое любопытство: выслушать ваши предложения, своими глазам посмотреть на пустынников, веками прятавшихся в песках, и узнать о планах. Но ничего больше.

Аш почесал свой старый шрам на лбу, задумавшись над словами альва. Для Бриасвайса все это было так очевидно, словно он сам заседал в Высочайшем Синклите, а вот профессор впервые почувствовал себя наивным чадом, которое уповало на добрый исход там, где все остальные даже не сомневались в провале. Эта заносчивая невозмутимость воина его раздражала.

— Между тем, — подал голос альв, крутя головой по сторонам и оглядывая вереницу телег. — Мне кажется, или вас действительно стало меньше?

— Один из наших товарищей решил задержаться в столице, — хмыкнул Ашарх.

— Вот так просто взял и оставил вас? — Бриасвайс удивленно поднял брови.

— Да. Ему предложили работу, — сказал профессор, перекидывая на плечо свою длинную косу и принявшись ее переплетать. — Через пару дней он уедет в королевство с гоблинским торговым караваном.

— Неожиданные вести. Я думал, ваше посольство окажется более сплоченным.

— Это его личное решение. Не нам осуждать пути, что выбирают для себя другие.

— Верно... Признаться, когда вы покинете Гарвелескаан, я даже буду немного скучать. Без вашего нелепого посольства в Лесу станет скучновато... Но, как бы то ни было, определенный вклад в развитие Ивриувайна вы внесли. И за то, как говорится, мы вам весьма признательны.

Не скрывая усмешки, Бриасвайс похлопал себя по черному тканевому кисету на поясе, где он держал пустынные карты. Аш скривился, как от кислого, и торопливо отвел глаза. Он проиграл. И негоже было возмущаться, если сам сглупил. Заключение сделки не принесла никаких плодов, и поддаваться из-за этого на откровенные провокации альва не стоило.

Незаметно стемнело. По приказу Бриасвайса, который и так потерял половину дня из-за своевольного слона, караван продолжил путь даже в сумерках. Заместитель коменданта еще надеялся успеть попасть в Гарвелескаан согласно своим срокам и потому был готов ехать

даже в темноте, покуда слоны бы сами не решили остановиться. Несколько часов животные покорно ступали по дороге, но, едва чернильная тьма вечера окончательно заволочла Лес, они замедлились и вскоре свернули с тропы, не готовые больше работать.

Посланные на разведку подчиненные Пелеантада вернулись с донесением, что недалеко от места стоянки есть водопад. Лагерь ближе к воде переносить не стали, поскольку в подобном шуме уснуть было бы трудно, но большая часть каравана все равно отправилась к водоему, чтобы умыться и насладиться свежестью прохладных потоков. Лантея одной из первых, не постеснявшись чужих взглядов, в одной нательной рубахе забралась в воду и встала под тугие струи водопада. Брызги летели по все стороны, но девушка, карабкаясь по скользким камням, без страха забралась в самое сердце каскада, позволив пенным потокам низвергаться себе на плечи и голову. На мели, сидя на коленях, умывались альвы, косясь на чужеземку странными взглядами, а возле них, протянув к воде хоботы, утоляли жажду слоны, вслед за своими провожатыми выйдя к водопаду.

Уставший профессор сидел на мшистом камне на берегу, опустив ступни в воду и наблюдая за Лантеей, в свое удовольствие плескавшейся в ледяном течении. Рядом неслышно опустился Бриасвайс и, зачерпнув ладонями горсть студеной влаги, умыл свое лицо, отфыркиваясь.

— Твоя подруга хороша собой, — задумчиво произнес альв, заметив взгляд Ашарха, устремленный на девушку. — По человеческим меркам, конечно.

— Не советую тебе на нее заглядываться, — тихо ответил профессор. Лантея как раз откинула с груди влажные волосы, и мокрая рубаха, ничего не скрывая, облепила ладный торс.

— Почему это? — усмехнулся Бриасвайс, присаживаясь на землю. — Так ревнуешь свою женщину, что не побоишься меня ударить? Я ведь могу и ответить. Сдерживаться не стану.

Аш косил взгляд на своего собеседника, но с места не сдвинулся.

— Если она заметит, что пялишься, то одним ударом ты не отделаешься. Она тебя так разукрасит, что век не забудешь. По сравнению со мной, Лантея весьма и весьма опытный боец. За свою честь постоять сумеет... Но, просто к слову, она не моя женщина.

— Неужели? А чья же еще, человек? — в тоне альва послышалась неприкрытая насмешка. — Ты пожираешь ее взглядом как собственник. И я говорю не только про настоящий момент. Всю дорогу до столицы ты ей чуть ли не в рот заглядывал, каждое слово ловил, провожал взглядом.

— Проклятье! Ты что, только и делал, что за мной наблюдал? — вскинулся Аш.

— Я тебя изучал. Пытался понять, что забыл человек, залмарец, среди полудиких пустынных, забредших в лесные земли. И, кажется, понял. Ты идешь не за посольством, а идешь за ней.

Бриасвайс кивнул в сторону купавшейся девушки. Его слова заставили профессора зайтись лихорадочным румянцем. Он чувствовал, как щеки загорелись огнем, но поделать с этим ничего не мог. Альв оказался куда внимательнее и проницательнее, чем Ашарху думалось раньше.

— Это мое дело, на кого смотреть и за кем идти, — сухо ответил он, сжав губы.

— Может, и твое. Но только она и сама не против, как мне чувствуется. — Скабрзная улыбка заиграла на лице Бриасвайса. Он искренне наслаждался замешательством собеседника. — Следит за тобой взглядом, когда ты этого не видишь. Всегда

прислушивается, о чем вы разговариваете с этим розовощеким юнцом... Даже когда на караван напала дикая кошка, как думаешь, перед кем она встала, готовая защищать своим телом от хищника, а?

Аш чуть было не подавился воздухом, услышав подобное, а после и сам вспомнил, что Лантея в действительности задвинула его себе за спину в момент опасности. В пылу нападения он этого даже не заметил, а вот наблюдательный альв не упустил ни одной детали.

— Так что уж не знаю, что там думаешь ты сам, — продолжал свою тираду Бриасвайс, — но вот она явно считает себя твоей женщиной. Это сквозит в каждом ее движении, каждом взгляде. Она тянется к тебе, как цветок к солнцу, раскрывая свои лепестки и только и жаждет...

— Прекрати! — сердито и грозно оборвал альва профессор. — Я не намерен это больше слушать. Ты не стесняешься соваться туда, куда тебя не звали, я смотрю.

— Я просто пересказал тебе свои наблюдения, человек.

Не скрывая коварной самодовольной улыбки, Бриасвайс поудобнее уселся, сложив свои длинные худые ноги. Он явно получал ни с чем не сравнимое удовольствие, вгоняя преподавателя в краску и выслушивая его неловкие оправдания. Было в этом что-то отвратительно гадкое, от чего Ашарху захотелось раздеться и нырнуть скорее в ледяную воду, чтобы смыть с себя воспоминания об этом диалоге, но он лишь желчно спросил:

— Почему бы тебе не понаблюдать за кем-нибудь другим? Какое тебе дело до моей и ее жизни?

— Просто мне это так напомнило собственные сердечные муки прошлого, что даже смешно стало.

Альв что-то нечленораздельно фыркнул, схватил за кончик розового хвоста дремавшую у него на плече Руфь и стал его мягко поглаживать.

— Значит, твое сердце, помимо крысы, когда-то занимала еще и женщина? — в шутку поинтересовался Аш, не ожидая, что Бриасвайс ему ответит.

— Так все и было, — с неохотой неожиданно проговорил альв. — Можешь счесть это ворчанием одинокого солдата, но когда-то и я любил. Любил жарко и страстно, позабыв обо всем на свете. Ваши переглядывания с этой пустынной кажутся детскими играми по сравнению с тем чувством, что владело моим сердцем когда-то.

— И кто она была? — не без интереса спросил профессор, поднимая ноги из ледяной воды и отряхивая их.

— Хорошенькая воспитанная особа из такого же знатного рода, как и мой. Хотя нет... Даже не так. Она была не просто хорошенькой. Она была обворожительной...

Альв запнулся, но, будто взяв себя в руки, вновь заговорил:

— А ведь все начиналось так прозаично. Едва я вернулся с обязательной военной службы и отметил получение имени второго полувека, как старейшины моего рода уже подыскали мне невесту. Это была она. Мелладения из рода старейшины Визгардца. Мы влюбились друг в друга с первого взгляда, как неосторожные юнцы. И, казалось, что с каждым днем мы любили друг друга только больше — горели от своей страсти, теряли самих себя в этих чувствах... Несколько лет, согласно традициям, я ухаживал за ней, доказывал ее роду серьезность своих намерений. Все уже шло к тому, чтобы во всеуслышание объявить о дате сочетания. Близилась самая длинная ночь в году, Ночь Памяти, когда почти весь Лес должен был собраться в Заветной Роще, в Шиаруме, чтобы помянуть ушедших... И там мы

готовились перед слившимися с землей предками рассказать о грядущем торжестве.

Замолчав, Бриасвайс понурил голову. Он мягко поглаживал хвост ручной крысы, устремив пустой взгляд в воду. Не выдержав, Аш спросил:

— Ну, и что было дальше?

— Дальше?.. Мелладения со своей семьей уехала в Шиарум, а я задержался в столице. В тот же день отец вызвал меня в свой кабинет и в приказном тоне объявил, что я немедленно отправляюсь с ним в пограничную крепость Ауремналон. Синклит назначил его комендантом, и отец намеревался сделать меня своей правой рукой. Он всегда надеялся, что мое будущее будет связано с военной службой, как и у него самого. И решение старейшин рода о женитьбе его не устраивало. Он увез меня силой к северным границам Леса вопреки всему.

— Ты успел послать весточку Мелладении? Она знала, что произошло? — приглушенным голосом поинтересовался Ашарх, замороженный искренним рассказом альва.

— Только когда я уже прибыл в Ауремналон, мне удалось написать ей. Она была в ужасе. Просила меня сбежать, даже намеревалась сама отправиться к границам, лишь бы быть рядом. Но отец, будто предчувствуя мои настроения, поставил меня во главе небольшого разведывательного отряда и отправил к самым ифритским землям. Я оказался отрезан от мира, ползал в пыли и грязи вместе со своими солдатами, подбираясь к имперским лагерям, мечтая лишь об одном — скорее вернуться в столицу хоть на месяц, чтобы увидеть любимую.

— Мне кажется, я знаю, что было дальше.

— Да, я уже говорил тебе раньше. Я попал в плен. Нас тогда засекли. Перебили всех моих ребят одного за другим. Ксоло разорвали выживших, растерзали раненых на куски. Ифриты пробили мне грудь в двух местах. — Альв указал на старые едва заметные шрамы на ребрах и возле ключицы. — Я чудом мог дышать, и они забрали меня едва живого в лагерь, бросили в клетку. Знали, что я командир отряда, так еще и по-ифритски мог слабо говорить. Это я сейчас так хорошо на нем треплюсь, а тогда понимал очень немногое. Но все равно я был им нужен.

Ашарх заворочался на мшистом камне, подбирая под себя заледеневшие ноги. Рассказ становился все мрачнее и безрадостнее, как и лицо Бриасвайса.

— Они держали меня в плену почти год. Сначала спрашивали о новом коменданте и планах по обороне крепости, после полезли в дела Синклита, о которых я почти ничего не знал. Они жгли мне волосы, выдергивали ногти раз за разом, едва те отрастали, заставляли глотать масло, пока живот не становился похожим на шар. Первое время я ждал и надеялся. Ждал шанса на побег, надеялся, что мой отец придет и вызволит из плена. Но ифриты не отпускают добычу, а альвы не выходят за пределы Леса. И тогда я впервые задумался над тем, за что я умру. Я не понимал, почему должен терпеть эти пытки, почему должен молчать о делах Леса, когда Лесу нет до меня дела, а имперцы в открытую смеются над альвами, называя нас «сношающимися с деревьями»... Я многое узнал, пока висел на дыбе. Знаешь, человек, весь мои собратья наивно считают, что ифритам нужен Лес, нужны наши хацу ради их крепкой древесины, но на деле все обстоит совсем не так. Имперцам нужны земли альвов не для того, чтобы выжечь их, а чтобы возделывать. Это благодатный плодородный край, и из него можно сделать процветающую урожайную область.

— Не думаю, что Синклит согласился бы с тобой в суждениях...

— Синклит всегда не желает делать то, что было бы лучше для Леса, человек! Они до

сих пор верят, что Ивриувайн — это одни только хацу. Но Ивриувайн — это живые альвы, это развитые города и общество! Страна и народ должны процветать, обогащаться, а не трусливо прятаться за стенами. Лес — это устаревший символ нашего давно забытого бога, он не должен быть на первом месте. Покуда альвы слушаются стариков и пекутся о бездушных деревьях, Ивриувайн никогда не выиграет эту войну, никогда не станет богатой землей и будет просто век за веком оттягивать неизбежное.

— Все это ты понял, пока был в плену? — с сомнением спросил Аш, отгоняя от лица мошкару и с опаской поглядывая на своего распалившегося собеседника. Эта тема его явно волновала, и он давно мечтал выговориться, судя по тому, какой поток слов изливался из него без остановки.

— Я много слушал ифритов, человек. И сделал определенные выводы. В некоторых вещах эти имперцы не так уж и не правы, пусть даже мои собратья не похвалят меня за такое мнение.

— Они пытали тебя почти год, а ты им... благодарен? — не поверил своим ушам профессор.

— Пытки не продолжались год, лишь несколько месяцев, пока я был еще интересен имперцам. После меня отправили на работы, а, как только они расслабились, приняв меня за послушного пленника, я сбежал и сумел вернуться в Ауремналон.

— Просто так сбежал? Говорят, ифриты безмерно жестоки к своим рабам и сбежать от них практически невозможно. Потому что шанс может и не представиться, а второй попытки и вовсе не будет — ксоло оторвут тебе голову.

— Мне повезло. Я долго их изучал, ждал своего часа. И сумел вернуться домой.

Поняв, что никаких подробностей он не дожидается, Аш обиженно вздохнул.

— Но хотя бы что было дальше с тобой и Мелладенией? Вы встретились вновь? — спросил профессор, пощелкивая суставами своих пальцев.

— Ну, как встретились... Когда я попал в крепость, мой отец не пришел в восторг от возвращения своего сына. На меня надели кандалы, бросили в темницу и еще почти месяц подвергали всевозможным проверкам, пытаюсь вызнать, не стал ли я перебежчиком, не завербовали ли меня ифриты. То еще удовольствие, скажу я тебе, человек. Когда ты целый год провел по колено в моче и говне у врага в плену, а дома тебя ждет лишь презрение и недоверчивые взгляды вкупе с новыми истязаниями. И в один из дней отец показал мне письмо, в котором говорилось, что Мелладения успешно вышла замуж за одного столичного винодела знатных кровей.

— И ты поверил этой бумаге? — не выдержал Ашарх, даже подскочив на месте от негодования. — Ее вполне мог подделать твой отец, учитывая, как он не хотел твоей женитьбы!

— Ты совсем меня на придурка держишь, человек? — Альв злобно блеснул глазами. — Это было первое, что я подумал. Но через неделю ко мне в тюрьму приехала сама Мелладения. Прекрасная, как и всегда. Прекрасная и совершенно чужая. Я сидел на голом каменном полу в кандалах, вонявший, как зловонное болото, покрытый струпьями и болячками, а она возвышалась надо мной по ту сторону решетки, с головы до пят в гоблинских драгоценностях и нефритовых украшениях, благоухавшая, как цветок плюмерии. Вот она! Королева моих грез! Стояла передо мной, несравненная и недоступная, принадлежавшая другому мужчине.

— Как же так?..

— Она сказала мне, что ждала. Но любая надежда, если ее не подпитывать, рано или поздно иссыхает. Она боялась, что ее красота скоро завянет и, с подачи старейшин, выбрала себе нового жениха. А когда узнала о моем возвращении, то не нашла в себе сил что-то изменить. К тому же по всему Лесу тогда ходили сомнительные слухи обо мне, и на ее репутацию и репутацию ее рода такой брак лег бы темным пятном.

Не в силах произнести ни слова, Аш просто молча сидел рядом, растерянный и опечаленный. Безрадостный конец истории его откровенно подкосил.

— И что мне оставалось делать, человек? — задал риторический вопрос Бриасвайс, поднимаясь на ноги. — Через пару месяцев, когда меня оправдали, я перевелся в Гарвелескаан, подальше от отца, полностью сосредоточившись на службе. Я забыл о Мелладении, медленно вытеснил ее из сердца, хоть до конца это так и не удалось. Но теперь там давно уже живет Руфь. Она хотя бы не оставила меня в трудные времена: была со мной в плену, жила в темницах крепости Ауремналон, выдержала все тяготы и лишения.

Сняв с плеча ручную крысу, Бриасвайс прижал черный комочек к своему сердцу, и пальцами стал поглаживать Руфь по спинке с нежностью, читаемой во взгляде. Вдалеке раздался шум и плеск воды: это Лантея, спрыгнув с камней из-под водопада, выбиралась на берег к Ашарху и альву. Бриасвайс бросил на мокрую девушку ничего не выражавший взгляд.

— Надеюсь, ты будешь осмотрительнее меня, человек, когда решишь довериться своему сердцу. Надеюсь, оно тебя не подведет.

Сделав последний рывок, Лантея оказалась на берегу возле профессора, выбравшись из воды. Влага стекала по ее снежно-белой коже, расчерченной синеватыми венками, на голени ярким красным пятном виднелся старый шрам от ядовитой медузы, но все равно она была прекрасна.

— Просто чудо! — поделилась девушка со спутником. — Очень свежо!

Она тяжело дышала и вся покраснелась от купания, и широкая улыбка не сходила с ее лица. Свесив алые волосы на один бок, она стала их выжимать, но в этот миг Бриасвайс неожиданно нахмурился, заметив что-то непривычное в облике девушки.

— Человек, скажи ей, чтобы не двигалась.

— Не двигалась? — не понял Аш, задрал голову на альва и надеясь дождаться от него объяснений.

— Скорее! Пусть не шевелится! — крикнул Бриасвайс, одним движением закидывая Руфь себе на плечо и стремительно приближаясь к хетай-ра.

— Тея, стой на месте! Замри! — воскликнул Аш, вскакивая на ноги.

Лантея застыла практически мгновенно, скрючившись в неудобной позе, держа мокрые волосы в горсти. Лишь голубые глаза обеспокоенно метались из стороны в сторону. Едва Бриасвайс приблизился, на ходу сдергивая с пояса пустой бамбуковый тубус и открывая его, хетай-ра видимо напряглась. Только тогда Аш заметил, что на плече девушки, поверх намоченной рубахи, сидела миниатюрная лягушка кобальтового цвета с несколькими желтыми пятнами на спине. Земноводное мирно и молча отдыхало, пока альв одним ловким движением не сгреб ее в тубус с помощью крышки и не захлопнул хранилище.

— Все, — выдохнул Бриасвайс. — Теперь ей ничто не угрожает.

Лантея отмерла и с интересом воззрилась на бамбуковый тубус, внутри которого лягушка прыгала, пытаясь выбраться из своей темницы.

— Что произошло? — спросила девушка у профессора, а он, в свою очередь, обратился с тем же вопросом к заместителю коменданта.

— Это ядовитая лягушка, которую мы называем Синяя смерть, — поделился альв. — Их довольно редко можно встретить в Лесу, и в основном только возле водоемов. Одно касание — и ты мертв. Их кожа покрыта ядовитой слизью, способной остановить сердце за несколько секунд.

Все это Бриасвайс говорил на удивление спокойным и даже менторским тоном, хотя у Ашарха волосы на голове шевелились от осознания того, как скоропостижно могла скончаться его спутница пару мгновений назад. Лантея же, напротив, пришла в восторг от знакомства с земноводным. Через профессора она уговорила альва отдать ей лягушку для личных целей и, весьма довольная своей находкой, скорее удалилась в лагерь, забыв даже обернуться полотенцем.

Когда Аш пришел следом за ней к месту стоянки, то хетай-ра уже пересадила Синюю смерть в небольшой стеклянный флакончик и, вооружившись своими кожаными митенками, явно намеревалась позаимствовать у лягушки каплю ее ядовитой слизи. Профессор не рискнул отвлекать девушку от этого занятия, лишь тихо сел рядом и смотрел, пока Лантея, достав подаренную Оцарио нефритовую шпильку и обнажив скрытое лезвие, тыкала кончиком металла в земноводное. Вскоре на украшении оказался тонкий слой синеватой слизи, и хетай-ра, бережно спрятав лезвие в корпус, убрала вещицу в сторону, а Ашарха попросила выпустить лягушку в дальние кусты.

— Никогда нельзя недооценивать даже такую малую дозу яда, — усмехнулась девушка, стоило профессору вернуться с пустым флаконом.

— Думаешь, этим можно кого-то убить в случае чего? — Аш с сомнением взглянул на тонкую шпильку, покоившуюся на земле.

— За неимением всех моих ядов и оружия, отобранных альвами, это довольно неплохое средство для самозащиты. Главное — уметь им грамотно воспользоваться.

Пожав плечами, Ашарх не стал вдаваться в детали. Он знал и так, что его спутница была одержима любыми ядами, которые попадали ей в руки. Но, к ее чести, и применять их она научилась за время пребывания в пустынях мастерски. Страшно было даже подумать, что бы девушка решилась сотворить со своими соперниками или неприятелями, останься она и дальше жить в Барханах и захотев незаметно и быстро от них избавиться. Никакие дворцовые интриги ее старшей сестры Мерионы и заговоры матриархов даже не шли в сравнение с десятком миниатюрных флакончиков, с помощью которых можно было бы незаметно устранить кого угодно. Грозное оружие в знающих руках. А Лантея определенно неплохо знала, как и где его стоит использовать.

Глава восьмая. Превратности судьбы

Война заставляет нас позабыть, как должен выглядеть мир.

Пророк Бога Ской Гервасиус

Лесная дорога витой лентой устремлялась вдаль, плутая меж неохватными стволами деревьев хацу. До крепости оставалось совсем недолго. Весь прошлый день караван с раннего утра и до поздней ночи ехал по тропе, практически не делая остановок. Бриасвайс поторапливал отряд, хоть скорость передвижения напрямую зависела от тягловых слонов, а вовсе не от воли альвов. Но тем не менее за два дня с момента отъезда из Алвераха каравану удалось преодолеть расстояние, которое в обычное время путники покрывали за трое суток. Оставался последний рывок — уже к вечеру нового дня Бриасвайс рассчитывал добраться до окраин Гарвелескаана и с самого отправления с места стоянки сидел на облучке передовой телеги и вглядывался вдаль.

Едва ли пустынные были недовольны подобной спешкой. Им и самим не терпелось быстрее покинуть границы Леса и вновь спокойно вздохнуть, забыв о гордых альвах и скинув с плеч тяжкий груз дипломатических обязанностей. Конечно, горечь скорого расставания давила на сердце, но с тех пор, как Оцарио попрощался с отрядом, избрав свой собственный путь, многие в посольстве стали легче относиться к близившейся разлуке. Ведь если избалованный и трусоватый торговец в одиночку рискнул все изменить в своей жизни и уйти в свободное плавание, то чем остальные были хуже.

Местность вокруг неуловимо менялась, и вскоре Ашарх заметил, что караван въехал в густой бамбуковый лес. Было полуденное время, и солнце стояло в зените, пробиваясь сквозь узкие тонкие листья. Вокруг царила всеобъемлющая тишина, нарушаемая лишь едва уловимым дыханием ветра, скользившим меж растений. Толстые одревесневшие стебли бамбука тянулись к самым небесам, и их ровный частокол расстилался во все стороны, насколько хватало глаз.

В тени рощи колонна медленно продвигалась в прежнем направлении, слоны ступали по пыльной ухабистой дороге, периодически на ходу обрывая хоботами мелкие бамбуковые побеги с листьями и засовывая их себе в рот. В этом месте чувствовалось умиротворение и какой-то безмятежный покой, и никому даже не хотелось разговаривать: молча ехали альвы, в тишине сидели и гости Леса, разглядывая вытянутые темно-желтые стебли с зелеными поперечными полосками.

Когда откуда-то со стороны раздался отчетливый шум и слабый треск бамбука, в тот же миг все напряглись, вглядываясь в гущу Леса. Из чрева чащи медленно и тяжело ступал высокий древесный альв, закутанный в грязную рваную хламиду и с потрепанным дорожным мешком за плечами. Едва он вышел на дорогу, то поприветствовал караван на амриле и склонился перед путниками в неглубоком поклоне, вытянув вперед в просящем жесте свои покрытые корой ладони. Аш без особенного интереса разглядывал бедняка, хотя кое-что в облике попрошайки все же вызвало у него вопросы. Древесный альв явно был истощен, весь покрыт паршой и желтоватыми пятнами лишайника, но среди его обносков профессор рассмотрел висевший на шее нефритовый амулет, который явно стоил немалых денег. Вырезанная из зеленого камня эмблема изображала дерево хацу, заключенное в круг, и за такую вещицу, наверняка, можно было купить себе и еды, и новой одежды, и лекарств.

Бриасвайс неожиданно жестко отреагировал на появление нищего. Спрыгнув с замедлившейся повозки, он в несколько шагов оказался возле древесного альва и толкнул его ногой в бедро, чуть не повалив на землю. Гневный окрик на амриле заставил попрошайку сжаться, и он, так ничего и не получив, торопливо засеменил к обочине, подальше от каравана. Многие из воинов Бриасвайса и Пелеантада стали гнать нищего еще дальше, бросая в него камни и громко бранясь.

Без промедления процессия двинулась вперед, но, как подметил краем глаза Ашарх, бедняк, выждав, пока повозки отъедут на некоторое расстояние, медленно двинулся следом, прихрамывая и тяжело передвигая свои ноги, покрытые узловатыми корнями. Где-то через час Бриасвайс объявил о коротком обеденном привале, и отряд разместился на обочине, пока слоны, углубившись в бамбуковую рощу, искали себе зелень посочнее.

Рассевшись прямо на земле, альвы пальцами ели из своих мисок сладковатую холодную кашу из перетертого зерна с добавлением воды и сухофруктов. Для чужеземцев эта пища показалась скудной, к тому же жевать ее приходилось долго, но как походная еда и альтернатива опротивевшим фруктам каша все же была не так уж и дурна. Держа в руках свои миску, профессор добрался до Бриасвайса, облюбовавшего себе тихое место на слое поваленного высохшего бамбука в стороне от лагеря.

— За что вы все так жестоко прогнали того нищего? — поинтересовался Ашарх у заместителя коменданта, присаживаясь рядом на корточки.

— Это был один из проповедников Танабе, — нехотя ответил альв, пережевывая кашу.

— Кто это такие? — не преминул спросить Аш, обсасывая кусок высушенной дынной груши, попавшийся ему в каше.

— Крошечная община на юго-востоке Леса, в которой по собственным законам и обычаям живут древесные альвы. Они по-прежнему сохранили свою веру в Омеотана и считают себя прямыми носителями проклятия бога, поэтому и не желают обитать рядом с обыкновенными альвами, которых, по их мнению, нелюбовь всевышнего не коснулась.

— То есть они принимают себя за каких-то прокаженных, что ли?

— Вроде того. Верят, что однажды молитвами все же добьются благословения Омеотана, сбросят с себя узы проклятья и только тогда вернуться к обществу. А пока что они выгоняют всех детей, не обросших корой к десяти годам, в ближайшие поселки и сами постоянно посылают проповедников бродить по Лесу, возрождать веру в Омеотана и звать к себе в общину древесных альвов. Хотя к ним никто в здравом уме идти не хочет, вот они и вымирают потихоньку.

Аш задумчиво облизал свои пальцы после каши и отставил пустую миску в сторону.

— А за что такая ненависть к ним? Я все еще не понимаю.

— Наш народ давно уже перестал испытывать какой-то пиетет перед божественным. Омеотан проклял нас и исчез, и с чего бы это альвам продолжать ему молиться и просить о снисхождении. Но Танабе надеются вернуть благосклонность бога, стелются перед ним, как послушные слуги и других призывают делать тоже самое. Древесные альвы давно стали неотъемлемой частью нашего общества, нашли для себя место в каждой нише, но Танабе продолжают считать своих покрытых корой собратьев олицетворением божественного проклятья. Их проповедники приходят в города и обливают древесных альвов такой словесной грязью, что уши вянут. Они говорят, что древесные альвы грешны уже одним своим появлением на свет, а искупить эту вину можно лишь постом, лишениями и молитвами. Ну и кто станет слушать этих безумцев-отшельников, а?

— Но меж тем община еще живет, — сделал вывод Ашарх. — Значит, на кого-то их проповеди действуют. К тому же, смотри, какие у них упорные приверженцы встречаются.

Указав пальцем в направлении дороги, видневшейся через бамбуковые стебли, профессор откровенно усмехнулся. По лесной тропе брел недавно встреченный древесный альв, который все же умудрился нагнать караван.

— Вот же отребье! — недовольно фыркнул Бриасвайс сквозь сжатые зубы. Но подниматься он не спешил, будто знал, что отгонять упорного проповедника было бессмысленно.

А тем временем древесный альв остановился возле разбитого лагеря и, упав на колени, лицом прямо в пыль, вытянул вперед пустые руки, что-то едва слышно приговаривая. Подручные Бриасвайса и Пелеантада отреагировали неоднозначно. Кто-то просто ушел подальше, другие игнорировали попрошайку, продолжая свою скромную трапезу, но нашлись и недовольные. Один из альвов приблизился к проповеднику и вывалил прямо перед ним остатки своей каши из миски, после с лающим смехом зачерпнул горсть дорожной пыли и присыпал это блюдо, которое впору было предлагать бродячему псу.

Однако древесный альв, проявив неожиданное смирение, голыми руками стал есть кашу вместе с землей, жадно глотая ее под взглядами всего отряда без какого-либо отвращения. Истощенный и обессиленный, он был готов даже на такую пищу, хоть и выглядело подобное зрелище крайне унижительно и прискорбно. Ашарх даже отвернулся, не в силах понять ту ненависть, которую вызывала в сердцах альвов община Танабе.

— Смотри, что будет дальше, — ухмыльнулся Бриасвайс, которого происходившее явно веселило. — Они сами хотят, чтобы с ними обращались как с отбросами, вот они и получают желаемое сполна.

Через несколько минут, когда проповедник доел, он поднялся на ноги и напрямую двинулся к одному из подчиненных Пелеантада. Это был единственный в отряде древесный альв — еще совсем молодой худощавый солдат с бугристыми наростами на коре в районе плеч и большими печальными глазами, запавшими глубоко внутрь черепа и обрамленными темными пятнами мха. Присев рядом, проповедник стал уверенно что-то нашептывать юному альву, и так продолжалось достаточно долго, пока общинник не стал неумолимо повышать голос, распаляясь все больше и больше. И вот он уже не просто тихо говорил с собратом, а, обращаясь ко всем сидевшим в бамбуковой роще альвам, буквально выкрикивал какие-то отдельные пропагандистские лозунги, судя по тону. Кто-то прислушивался к нему с печатью явного скептицизма на лице, другие откровенно гоготали, а отдельные альвы стали швыряться землей, жухлыми листьями и камнями.

Проповедник все терпел, продолжал свою речь, а вскорости, вновь обратив внимание на древесного альва, схватил его за руку стальной хваткой и потянул следом за собой к дороге, явно намереваясь увести глупого юнца в общину силой. Солдат хоть и вырывался, но не ему ростом и крепостью было тягаться с явно более крупным и жилистым собратом.

— Не надо было его подкармливать, — с недовольным цоканьем заворчал Бриасвайс. — Они всегда наглеют после того, как дать им еды. Ну ничего, Пелеантад сейчас разберется.

Щелкнув пальцами, Бриасвайс привлек внимание своего помощника и отдал ему короткий приказ. Поднявшись с места и отерев рот после трапезы, Пелеантад в несколько шагов оказался возле проповедника и своего солдата. Схватив общинника за запястье, он резко и грубо дернул его, вынуждая отпустить пленника, а после без каких-либо слов ударил попрошайку прямо в глаз. Следом была еще пара быстрых ударов по лицу, и после Пелеантад

мощным толчком опрокинул проповедника на землю. Дальше в ход пошли ноги, и к своему командиру уже присоединились другие солдаты, без жалости и сострадания избивая сжавшегося в пыли нищего.

Когда тот уже не мог сопротивляться, и только слабо постанывал, размазывая по лицу слюни, смешанные с кровью, Пелеантад приказал воинам подхватить проповедника за руки и ноги и оттащить его подальше от места стоянки. Древесного альва выбросили в кусты, как гнилую корягу.

— Пора сниматься с места, — поднимаясь на ноги проронил Бриасвайс. — И так достаточно задержались из-за этого оборванца, а нам еще нужно успеть добраться до Гарвелескаана к ночи.

— И вы его прямо так бросите умирать посреди дороги? — растерянно вымолвил Аш.

— Этот сброд куда живучее, чем ты думаешь. Он еще и следом за нами пойдет, как очухается, будь уверен. Но к крепости его даже близко никто не подпустит, таким там не место. Вот он и продолжит путников донимать на дороге.

Пока слонов запрягли обратно в повозки, Аш с интересом наблюдал за молодым подчиненным Пелеантада. Юный древесный альв после разговоров с проповедником сник, весь как-то помрачнел и держался обособленно, слабо помогая остальным сослуживцам. Его взгляд метался то и дело к кустам, куда выбросили общинника, но подходить близко он не решался. Видимо, впервые, как и профессор, встретился с членом Танабе и остался под впечатлением. Хотя в больших печальных глазах солдата появились хорошо читаемые сомнения по поводу всего, что он знал до этого момента.

Остаток дороги до Гарвелескаана прошел спокойно. Едва холодные сумерки опустились на Лес, вдали уже показались окраины города-крепости. Слонов распряг все тот же мальчик-погонщик, который и провожал отряд в столицу. Он ловко освободил животных от оглобель и выпустил их отдыхать в чащу, а путники, подхватив свой немудреный скарб, пешком двинулись по направлению к центру города вслед за Бриасвайсом. Альв сиял как начищенная кираса, радуясь скорому возвращению, и, подчинившись внезапному порыву души, он даже предложил посольству отпраздновать их близившийся отъезд:

— Есть у нас тут недурственный трактир. И комнаты в нем на ночь тоже можно снять. Почему бы вам не заночевать там сегодня? Заодно и посидим все вместе, выпьем на прощание, отдохнем.

Обсудив приглашение с Лантеей и остальными, Аш согласился.

— Почему бы и нет, — фыркнул он. — Вот только платить за все будешь ты. У нас нет ни одной вашей монеты до сих пор.

— Я не разорюсь, уж поверь. — Альв усмехнулся и провел пальцами по горсти нефритовых монет с треугольным отверстием по центру, нанизанных на шнуры у него на поясе.

Отпустив Пелеантада и остальных подчиненных, Бриасвайс без промедления повел своих знакомых к трактиру, который, по словам альва, назывался «Разбитной гуляка», и где собирались отдохнуть все служивые крепости по вечерам, поскольку альтернатив в небольшом городе не имелось. Уже на подходе к двухэтажному каменному зданию, заросшему виноградными лозами до самой крыши, из окон были слышны лихие песни и гогот. А стоило Бриасвайсу переступить порог, как и его, и гостей Леса со всех сторон окружил шум, гам, крепкая рыбная вонь и пьянивший спиртной запах.

Изнутри трактир казался больше, чем снаружи. На обоих этажах раскинулись

просторные общие залы, где от одной стены до другой тянулись длинные каменные столы и лавки, за которыми группами и поодиночке собрались все защитники этой крепости. По бокам были проходы и в отдельные комнаты, так называемые кабинеты, но, судя по доносившемуся оттуда хохоту и рыганию, их уже давно заняли. Ноги липли к полу и трухлявым тростниковым циновкам, на стенах вместе со связками сухих грибов и никогда не знавшими чистки дешевыми гобеленами соседствовали старые засохшие пятна, прилипшие остатки еды и чья-то рвота.

В целом это был обыкновенный захудалый трактир без особых изысков, но с постоянной публикой. Таких было сотни по всему матеруку, и все они походили друг на друга, хотя в одних пьянствовали альвы, а в других гоблины, люди или пустынные. Суть от этого не менялась.

— Хорошо, что с нами нет Оцарио, — осматриваясь по сторонам, проронила Эрмина. — Он бы отказался даже близко подходить к такому заведению.

— А мы не столь привередливы, как этот торгаш. Так что для нас вполне сойдет, — заявил Виек, уже подыскивая взглядом свободное место для всей компании.

Они облюбовали край длинного стола возле самого выхода, смахнули с лавок крошки и огрызки и скорее расселись, придвинув поближе чадившие восковые свечи на подставках, чтобы различать лица друг друга в этом полутемном помещении. Подавальщицу удалось перехватить не сразу, но сухопарая высокая женщина в засаленном переднике и с мокрой тряпкой в руках в какой-то момент все же возникла в этой части зала и выслушала у Бриасвайса объемный заказ.

Через десяток минут на столе перед гостями уже выстроились в ряд кувшины с гоблинской медовухой, вином из одуванчиков, сладкими напитками из перебродившего сока агавы и сахарного тростника. Россыпь закусок заняла оставшееся свободное место: в плоских лежали маринованные щупальца осьминога, порезанный тонкими кольцами кальмар, моченые стебли бамбука, белая редька и соленые огурцы. Было много видов рыбы, вяленой и покрытой тонким слоем соли, а также обилие сырых и готовых овощей, названия которых ни профессор, ни его спутники никогда не слышали. Целая миска была отведена под свежие водоросли, а рядом стояло отдельное блюдо с ростками папоротника в дольках острого перца.

— Давайте-ка скорее приступим! — Бриасвайс хлопнул в ладоши и быстро разлил по миниатюрным бамбуковым стопкам сладкую наливку. — Не скажу, что рад был с вами познакомиться, поскольку это будет откровенным враньем, но развлекли вы меня своим появлением неплохо, и за то уже благодарен весьма! Выпьем за ваш отъезд. Пусть путь будет добрым!

Альв одним махом опрокинул в себя стопку и сразу же потянулся за пучком папоротника. Затолкав в рот острую закуску, он потер заслезившиеся глаза и признался сидевшему рядом с ним Ашу:

— Лучше вам будет завтра с самого утра отправиться в дорогу. Так что закусывай хорошо, человек, иначе голова будет трещать.

— Мы никуда не торопимся. Можем выехать из крепости и позднее, — ответил ему профессор, тем не менее все равно отправляя в рот несколько кусочков редьки.

Его спутники облизывали губы после сладкой жгучей наливки и больше наседали на водоросли и рыбу, хотя Эрмина одной из первых смело рискнула попробовать щупальца осьминога и некоторые другие экзотические закуски, выглядевшие наиболее безобидно.

— Не стоит вам задерживаться в Гарвелескаане завтра. Скоро в городе будет неспокойно. Так что отправляйтесь с утра и не добавляйте мне проблем, — настоял на своем Бриасвайс.

— Здесь что-то намечается? — удивился Аш.

— Внутренние дела крепости и Леса чужаков не касаются, — сказал как отрезал альв и скорее наполнил стопку профессора новой порцией наливки.

— Весьма показательное отношение...

— Заткнись и выпей, человек. — Заместитель коменданта сунул в руки Ашарху стопку. — Просто выпей за процветание Ивриувайна и за наш народ альвов. Уважь меня!

Едва пустынные и сам преподаватель пригубили новую порцию наливки, альв уже указывал им на блюда на столе, которые непременно стоило попробовать. Крыса на плече Бриасвайса активно шевелила усами и принюхивалась ко всем запахам, хотя было очевидно, что стоявший в трактире шум и витавшие алкогольные пары были ей не по нраву — грызун постоянно лапами тер нос.

— Не такое уже и плохое угощение, — шепнул на ухо Ашу сидевший с ним рядом Манс, разламывая кожуру какого-то колючего желтого фрукта, от которого отвратительно пахло, но при этом юноша с удовольствием жевал апельсиновую мякоть.

— Не боишься, что прихватит живот от такой дряни? — поморщившись от вони, спросил профессор.

— В таком деле главное — сразу выпить. И тогда любую гадость есть можно без страха, — поделился своей мудростью юноша. — К тому же, я надеюсь, что даже если замаюсь животом, вы меня не бросите с Лантеей в этой глуши, а вытащите с собой хотя бы за ворота.

Аш хохотнул и пообещал товарищу не оставлять его с альвами даже если очень захочется.

Тем временем Бриасвайс начал копаться в своем наплечном мешке, который он бросил под стол, и через минуту вытащил оттуда увесистый сверток, в котором что-то брэнчало.

— Человек, — окликнул он Ашарха, — пока я еще не слишком пьян и могу разумно мыслить, хочу вернуть вам ваши вещи. Держите. Только драк мне тут в трактире и крепости не устраивайте в нетрезвом виде, а то мне придется усомниться в правильности этого поступка.

Потянув за дерюгу, альв развернул сверток, уместив его на крае стола, и все путники с восторгом разглядели в складках ткани свое давно изъятое оружие. Они уже и не рассчитывали, что дети Леса все же вернут гостям клинки и яды, и Бриасвайс сумел приятно удивить пустынных. Лантея в первую очередь схватилась за стеклянный нож с наверху в виде орлиной головы, подаренный ей братом, и скорее вернула его себе на пояс вместе с остальными клинками, а после придирчиво проверила все флаконы с ядами, пока Эрмина и Виек прилаживали к перевязи свои казенные мечи и ножи. Манс тоже вооружился двумя стеклянными кинжалами и с довольным видом закрепил ножны у себя на ремне. Аш забрал свой гладиус, отерев ладонью холодное лезвие, — эта памятная вещь была ему дорога уже хотя бы тем, что не позволяла забыть, как часто он был на грани смерти и как каждый раз находил путь обратно.

Всем в отряде как-то сразу стало спокойнее.

На дерюге остался лежать лишь одинокий костяной нож, который больше для вида, чем для защиты, носил когда-то на поясе Оцарио. И пустынные смотрели на него с легким

сожалением.

— Пожалуй, я возьму его, — неуверенно проговорила Эрмина, забирая нож и засовывая его себе за ремень. — Чего хорошей вещи пропадать.

— Этот бестолковый барышник даже оружия с собой не взял в дальний путь, — с досадой в голосе заворчал Виек. — Ума не приложу, как ему удастся выжить в этом мире с такой пустой головой!

— Он — торговец, а не воин, — проронила Эрмина. — Ничего с ним не будет. Не пропадет.

Виек в ответ на это лишь фыркнул со свистом и скорее вернулся к сушеной рыбе, которую он очищал от костей и медленно жевал.

Вскоре Бриасвайс предложил следующий тост, потом еще один и один. Следом за наливкой он посоветовал гостям попробовать гоблинскую медовуху, и только один Ашарх отказался от ароматного напитка, предпочтя ему куда более легкое вино из одуванчиков. Угощения стремительно убывали со стола, даже самые экзотичные и сомнительные на вид, поскольку аппетит разгорался все сильнее с каждой каплей горячительных напитков.

Лантея рассказывала сидевшим по одну сторону стола с ней Эрмине и Виеку о том, как она впервые пересекла Мавларский хребет, а Ашарх, устало подперев рукой подбородок, во второй раз выслушивал историю о несчастной любви Бриасвайса, поскольку альв откровенно перебрал и никак не мог сдержать свои старые чувства, неожиданно вспыхнувшие в нем с новой силой.

— Как же она была красива! Моя Мелладения!.. — горестно и совершенно несвязно бормотал опечаленный воин, практически не отрываясь от кружки с медовухой.

— Да забудь ты о ней уже! — с легким раздражением посоветовал Ашарх, украдкой толкая локтем в бок Манса, который прикорнул на краю стола, подложив под голову руку. Юноша встрепенулся, вздохнул и потянулся к острому перчику, надеясь взбодриться от его вкуса. Помогло ему это не особенно сильно, но теперь он хотя бы не мог спать, поскольку постоянно открывал обожженный рот, чтобы вдохнуть прохладного воздуха, и смахивал с ресниц слезинки.

— Как я могу?! — тем временем пьяно закричал Бриасвайс. — Она ведь любовь всей моей жизни! Нужно написать ей письмо и срочно его послать... Она должна вспомнить о чувствах, что нас связывали!.. Может, тогда она уйдет от этого напыщенного барана!

Альв подорвался было с места, но Аш грубо схватил его за запястье и усадил обратно. Крыса беспокойно возилась на плече хозяина, пытаясь с него слезть, поскольку перегар ее откровенно нервировал. Бриасвайс повернул голову и звонко чмокнул Руфь в бок, от чего грызун явно не пришел в восторг и стал чистить шерсть.

— Ты не понимаешь, — протянул альв, обращаясь к профессору. — Я ведь люблю ее!

— А она тебя нет! Держи себя в руках! Вокруг еще столько красивых женщин, найди себе кого-нибудь по душе! — угрюмо отчитывал Ашарх заместителя коменданта, продолжая удерживать его на месте.

— Ты прав... Ох, человек, ты точно прав, тварь меня сожри!.. — развязно проорал Бриасвайс и стал демонстративно оглядываться по сторонам.

В трактире с каждой минутой становилось все громче и веселее. Где-то на втором этаже звучно и нестройно тянули какую-то заунывную песню другие посетители этого питейного заведения. Внизу в одном из отдельных кабинетов уже шла шумная драка и, судя по собравшимся возле двери зрителям, в ближайшее время заканчиваться она не собиралась.

Когда посреди этого безумия неожиданно пронзительно заиграла свирель и ей стала вторить бамбуковая флейта, гвалт стал только оглушительнее. Где-то возле стойки трактирщика двое музыкантов отчаянно пытались задать мелодию этому вечеру, и некоторых посетителей это даже вдохновило на пляску. Альвы один за другим поднимались с мест, хватали отбивавшихся подавальщиц или своих боевых подруг, отдохавших, как и все, после службы, и тянули их танцевать в свободное пространство между длинными столами или на клочок пустого места возле музыкантов. Понемногу топот босых ног по полу, свист флейты и смех заглушили все остальные звуки — трактир ходил ходуном от веселой пляски.

— Хватит сидеть в стороне! — призывно воскликнул Бриасвайс, отбрасывая руку Ашарха и поднимаясь на ноги. — Время плясать до упаду!..

Он нетвердой походкой обогнул стол, отвесил Лантее неожиданно грациозный и полный элегантности поклон и протянул руку, приглашая ее на танец. Будто они находились посреди просторного особняка, где проходил роскошный бал, а вовсе не в полутемном зале грязного трактира. Едва Ашарх раскрыл рот, чтобы возмутиться, как Лантея уже вложила свою ладонь в пальцы альва и пошла следом за ним к центру зала, чтобы влиться в поток танцующих.

— Слов нет... — выдохнул профессор, провожая их негодующим взглядом.

— А ведь на его месте мог бы оказаться ты, — подначил друга Манс, усмехнувшись. — Как ты только позволил подобному случиться?

Злобно блеснув глазами в сторону соседа, Ашарх вернулся к своему наблюдению. Бриасвайс провел Лантею через толпу потных альвов, выплясывавших между лавками, и, найдя клочок свободного места возле флейтиста, бросился в лихой танец. Девушка, едва достававшая партнеру до живота, тоже пыталась повторять незамысловатые движения, но видно было, что опыта в пьяных трактирных плясках у нее было маловато. Бриасвайс, держа хетай-ра за руку, крутил ее вокруг себя, как деревянный кубарь, пытался без слов научить повторявшимся элементам танца. Вот он дважды топал ногой и делал отскок в сторону, после менялся местами с Лантеей и поворачивался вокруг себя, завершая цепочку хлопком в ладони.

Стены и пол трактира ходили ходуном от десятков альвов, выплясывавших в проходах под задорную мелодию. Кто-то даже умудрился залезть на стол и начать кружиться там, разбрасывая ногами содержимое мисок и кружек, но крепкий трактирщик сдернул затейника на ногу вниз и одним ударом в челюсть объяснил, что так делать не стоило.

Вскоре Лантея втянулась в пляску. Она легко повторяла одни и те же движения, крутясь возле Бриасвайса, и на ее лице даже расцвела широкая радостная улыбка. И пусть она постоянно сталкивалась с пьяными альвами в этом крошечном пространстве, раз за разом топтала соседям ноги, но ей было хорошо и весело, как не бывало уже давно. Аш со своего места наблюдал за этой необычной парой, и впервые он почувствовал слабый укол ревности где-то в груди. Лантея светила молодостью, красотой и счастьем рядом с Бриасвайсом, она разгулялась и в глазах профессора стала необыкновенно обворожительной: щеки покраснелись, глаза горели внутренним огнем, легкие пряди выбились из ее алых кос, заплетенных вокруг головы и заколотых отравленной нефритовой шпилькой. Прекрасна в своей свободе.

— Не пожирай их таким завистливым взглядом, мой друг, — посоветовал Манс со смешком. — Лучше повеселись и сам. Пригласи ее на следующий танец! Чем ты хуже этого альва?

— Тут ты прав.

Но Бриасвайс все не позволял своей партнерше уйти отдыхать. Музыканты без устали играли, танцы продолжались, и альв плясал без остановки, увлекая своей энергией и девушку. Видимо, заразившись показательным примером, Виек тоже поднялся со своего места и протянул руку супруге. Та сразу же с восторгом схватила мужа за ладонь, и они оба растворились в толпе, влившись в поток танцующих. Лишь изредка среди зеленокожих альвов мелькали невысокие фигуры двух гвардейцев, которые лихо отплясывали какой-то свой собственный танец.

За столом в одиночестве остались сидеть лишь юноша и преподаватель.

— Не расстраивайся, Аш, — протянул Манс, похлопав профессора по спине. — Давай-ка лучше выпьем.

Они оба синхронно опрокинули в себя кружки и продолжили смотреть за тем, как развлекалась остальная часть из немногочисленного отряда. Вскоре Лантея и Бриасвайс все же вернулись к столу, тяжело дышавшие и вымотанные они упали на лавки и потянулись скорее к медовухе.

— Тея! — осмелев, позвал спутницу профессор. — Ты потанцуешь со мной?

Девушка подняла на Ашарха свой ясный голубой взгляд и виновато улыбнулась.

— Прости. Я так вымоталась, что ноги еле держат! Сейчас немного отдохну и тогда пойдем, хорошо?

Аш несколько расстроился, но все же согласно кивнул, принимая отсрочку. Тем временем Бриасвайс жадно глотал и гоблинскую медовуху, и вино, дотягиваясь до всех кувшинов на столе. Он был уже совершенно пьян и только чудом держал голову, подперев ее кулаком. Глаза его медленно и нехотя закрывались, и альв явно скоро должен был упасть лицом в миску с острыми ростками папоротника. У профессора даже мелькнула шальная мысль попытаться стащить у нетрезвого Бриасвайса тканевый кисет с пустынными картами, когда он заснет или отключится, но случай все не представлялся, да и Ашарх не был уверен, что ему удастся такое проверить.

Через пару минут за стол вернулись Эрмина и Виек, тоже запыхавшиеся и взмокшие. Едва они утолили жажду, Лантея склонилась к уху женщины и, пытаясь перекричать стоявший в трактире шум и музыку, сказала:

— Вы чудесно танцевали вдвоем! Все только на вас и смотрели!

— Спасибо! — Эрмина широко улыбнулась и зашлась беспричинный смехом. — Мне так хорошо! Давно уже не было так весело! Я будто чувствую себя живее всех живых!

— Будто ты до этого никогда нормально не гуляла! — усомнилась Лантея.

— Раньше для меня всегда только бои были побегом от реальности, — склонившись к своей собеседнице, сокровенно призналась Эрмина. — Я дралась, кровь кипела в моих жилах, и только тогда жизнь обретала подобие смысла — лишь на арене я ощущала себя живой!

— Тебе определенно стоило почаще бывать в трактирах!

— Во время своей юности я не умела отдыхать! Только драться. И даже на службу пошла больше для того, чтобы обрести потерянный вкус жизни, сражаться с ингурами, защищать матриарха — быть всегда на острие атаки, ничего не бояться.

— Ты так и оказалась в личной гвардии матриарха? — полюбопытствовала Лантея, делая глоток сладкой медовухи.

— Да! Меня перевели в гвардейцы именно за мое бесстрашие, а уже там я овладела

искусством наездника... Тогда усмирить опасного хищника казалось мне торжеством собственной силы, пиком опасности!

— Интересно, а как это воспринимал Виек?

Эрмина усмехнулась и украдкой бросила взгляд на своего супруга, сидевшего рядом и о чем-то громко спорившего с Мансом через стол. И в этом коротком взгляде было столько любви и искренней привязанности, что они читались без слов.

— Виэка я встретила уже после. Но именно с ним моя жизнь стала объемной, многогранной, чувственной и яркой. И мне уже не так нужны стали эти страсти, чрезмерный риск и хождение по лезвию ножа. Рядом с ним я уже чувствую, что живу! Рядом с ним мне везде и всегда хорошо!

Не удержавшись, Эрмина обернулась к мужу и, притянув его к себе за ворот рубахи, крепко поцеловала в губы. Сперва Виек опешил от такого прилюдного проявления чувств, но после размяк, и поцелуй стал глубже. Усмехнувшись себе под нос, Лантея скорее отвернулась и скрыла улыбку за кружкой медовухи, делая большой глоток пьянящего напитка.

Все было замечательно. Все было так, как и должно было быть.

Пиршество и танцы продолжались, хотя над Лесом давно уже стояла ночь. На столе раз за разом появлялись новые закуски, а кувшины с алкоголем совсем не пустели, вовремя пополняемые бдительными подавальщицами, кружившими по залу. Расслабленные и разомлевшие от еды и медовухи хетай-ра, смеялись по всю плотку и улыбались, радуясь разгульной жизни и своему скорому отбытию из Леса.

Прощальный вечер прервал неожиданный звук, раздавшийся где-то на другом конце города. Пронзительное пение сигнального рога облетело крепость и мгновенно оказалось подхвачено другими рожками. Через мгновение уже весь Гарвелескаан наполнился однообразным и протяжным ревом, который проникал в запертые дома через закрытые ставни и толстые стены. Даже в шумном трактире удалось его расслышать, и сразу же замолчали флейта и свирель, а альвы прекратили свою пляску, непонимающе оглядываясь по сторонам.

— Что это такое? — обеспокоенное спросил у Бриасвайса Аш.

— Вот же сучий потрох!.. — пьяно проворчал альв, отрывая подбородок от сложенных рук. — Уже?!.. Слишком рано...

— Это звук сигнальных рогов! На крепость что, напали?! — Ашарх крепко встряхнул Бриасвайса, но у того только голова мотнулась из стороны в сторону, как у безвольной куклы.

— Сидите здесь, — невнятно пробормотал заместитель коменданта, поднимаясь с места. — Я все решу, а вы не высовывайтесь...

Шатающейся походкой он двинулся в сторону выхода вместе с толпой альвов, которые торопились покинуть трактир. А снаружи все также надрывались сигнальные рожки, но только теперь к ним присоединились еще и командирские выкрики на амриле.

Преподаватель, озадаченный и взволнованный всем происходившим, повернулся к своей группе.

— Бриасвайс сказал, чтобы мы оставались здесь, — неуверенно объяснил Ашарх, чувствуя в воздухе нараставшее напряжение. Лантея кивнула и быстро перевела отряду его слова.

— Еще чего! — возмутился сразу же Манс, вскакивая с места. — Пойдемте посмотрим.

что там происходит.

Они все вылезли из-за стола и, бросив свои вещи, влились в поток альвов, которые торопливо выбегали из трактира, шумно переговариваясь. Едва оказавшись на улице, отряд изумленно застыл на месте, оглядываясь по сторонам. Всюду металась альвы. По направлению к воротам из центра города стремились созванные по тревоге солдаты. Все они спешно поправляли на себе нефритовую броню и крепко сжимали рукояти мечей и узкие духовые трубки. Сосредоточенные и подтянутые воины вереницами скользили по узким тропам, и в голубом свете, отбрасываемом хацу на ночной город, черные силуэты альвов сливались в непрерывную череду теней.

— О Эван' Лин, — прошептал Манс, — это явно не к добру.

Стараясь держаться вместе, отряд двинулся в сторону главных ворот, не теряя ни минуты. Всеобщее волнение, царившее в крепости, заставляло сердце Ашарха неровно биться в груди, а ладони потеть, и он прекрасно знал, что не он один в группе испытывал подобное. Бродивший в крови алкоголь понемногу рассеивался, из-за чего происходившее начинало выглядеть все непригляднее и страшнее. Ведь если все было так, как казалось, то Гарвелескаан подвергся нападению. Но всем пустынным и даже профессору хотелось убедиться в этом лично.

Когда впереди показались главные ворота, уже перекрытые тяжелым металлическим брусом, то стоявший вокруг гвалт достиг своего апогея. В надвратных башнях толпилось бесчисленное количество альвов, вооруженных духовыми трубками. За ревом рогов и приказами командиров не слышном было даже, что творилось за крепостной стеной, а там явно было неспокойно. Лишь можно было различить, как звенели натянутые цепи подъемного моста, который закрывал собой ворота, да раздавалось пронзительное визгливое пение горнов чужого войска.

— Кто напал на город? — надрывая связки, громко спросила Лантея, пытаясь перекричать шум.

Однако Ашарх даже не успел ответить своей спутнице, когда неожиданно из-за стены раздалось несколько мощных громopodobных взрывов один за другим. Яркие вспышки осветили ночное небо, и, кажется, даже сама почва задрожала под ногами. Весь отряд в ту же секунду ударной волной откинуло на жесткую землю. Они тяжело повалились друг на друга, сбитые оглушительным грохотом. Новые взрывы, сразу же последовавшие за первым, слились воедино с визгливыми криками всех, кто находился возле крепостной стены. В воздух мгновенно поднялись непроницаемые облака пыли, дыма и каменной крошки. За границами города послышался хлесткий звук оборвавшихся металлических цепей, и тяжелый подъемный мост с раскатистым гулом рухнул вниз, делая главные ворота крепости уязвимыми. Отряд еще даже не успел подняться на ноги и прийти в себя, как мимо них уже бежали толпы испуганных альвов: мирные жители Гарвелескаана, случайно оказавшиеся в эти минуты у стен, торопились укрыться в своих домах, спрятаться в Лесу, подальше от осажденных ворот.

Город утонул в криках, возгласах, требовательных приказах и топоте ног. Когда у Ашарха и его спутников перестало звенеть в ушах и они смогли крепко держаться на ногах, то их взорам предстало ужасное зрелище. В, казалось бы, неприступной крепостной стене альвов зиял неровный дымившийся пролом. Он находился на том месте, где раньше стояла башня-тайник, ведшая к подземному колодцу. Очевидно, нападавшие воспользовались закрытым каналом для воды, шедшим из реки прямо под все укрепления альвов, заложили

туда взрывчатые смеси, а течением их вынесло прямо под оборонительные сооружения. Через обрушенную часть стены, вспарывая воздух пронзительными боевыми криками, быстро проникали вооруженные ифриты, которые безжалостно врезались в ряды защитников Леса, стоявших на их пути.

— Проклятье! Это ифриты! — закричал Ашарх не своим голосом, когда сумел разглядеть в куче смешавшихся воинов имперских солдат. Лантея, ошеломленная и напуганная происходившим не меньше всех остальных членов группы, первой вернула над собой контроль и, подталкивая спутников, побежала дальше от места, где разворачивалась битва. Отряд устремился под прикрытие одного из ближайших домов, но дальше отходить не было смысла: они хотели своими глазами следить за событиями, чтобы грамотно оценить обстановку.

Преимущество альвов состояло в том, что они достаточно быстро успели среагировать на вторжение, буквально за минуту до взрывов подать сигналы о наступлении противника и успеть собрать возле ворот основные силы гарнизона. Именно благодаря этому обороняющихся не смели в первые же пару минут, а после к месту боя уже стали подтягиваться дополнительные отряды. Как только большая часть имперских воинов сумела пройти через пролом на внутреннюю территорию крепости, они стали действовать гораздо агрессивнее и неосторожнее, рассчитывая на скорую победу. Первые ряды наступающих открыли магический огненный залп по защитникам города, превращая кричавших альвов в горящие головешки за секунду. В воздух поднялся стойкий омерзительный запах паленой плоти. В то время как первые ряды ифритов создавали огненную преграду перед воинами альвов, задние успешно проникали через разрушенную стену, пока вся огромная масса воинов не оказалась на внутренней территории.

Крепостные ворота тоже дрожали, сдерживая напор имперских солдат, которым удалось опустить подъемный мост и вплотную подобраться к каменным створкам. Судя по звукам, ифриты использовали тяжеловесный таран, который с грохотом врезался в ворота раз за разом. Имперцы надеялись пробить в них брешь или распахнуть силой, но часть альвов сгрудилась по эту сторону врат, удерживая их своими телами, к тому же толстая металлическая балка все еще плотно лежала на массивных крючьях, вбитых в створки. С надвратных башен в неприятеля сыпались увесистые каменные бульжники, которые постоянно таскали в огромных корзинах подносчики, летели дротики и другие опасные снаряды.

Тем временем альвы, сгрудившиеся возле пролома в крепостной стене, не собирались просто так сдаваться: полукругом обступив ифритов, отряды солдат выстроились тремя шеренгами за огненным заслоном. Первый ряд воинов по команде опустился на одно колено: в руках у этих альвов появились толстые духовые трубки из сухого бамбука. Командиры отдали приказ, и в кучу сгрудившихся противников полетели небольшие круглые снаряды. При контакте с твердыми объектами они раскрывались, выбрасывая в воздух густые облака белой известковой пыли, которая уже через несколько залпов полностью закрыла ифритов мутной завесой. Тогда в дело вступили вторая и третья шеренги: пока второй ряд из тонких нефритовых трубок начал обстрел длинными играми-дротиками, сдерживая противника, третий вел стрельбу водными снарядами. Они использовали мешочки из свежих листьев хацу, обмазанных застывшей глиной, внутри же эти свертки были наполнены водой. Когда хрупкая глина и листья лопались от удара, влага выливалась на головы врагов. И тогда пыль, осевшая на нападавших, начинала закипать, обжигая открытые участки тела ифритов,

заставляя тех заходиться в воплях от ожогов. И рой тонких игл следом глубоко впивались в плоть, отбрасывая имперцев дальше, не позволяя сделать им ни шага вглубь территории. От жутких криков кровь стыла в жилах.

Альвы продолжали обстрел, а в скором времени с крепостной стены на помощь собратьям пришли стрелки с отравленными снарядами. Из тонких нефритовых трубок вырывались один за другим смазанные ядом шипы, и, стоило им вонзиться в плоть, как ифрит пал на землю. Еще минуту тело сотрясалось в агонии, и наступала смерть. Отравленные дротики выкашивали ряды пехоты и казалось, что неприятель вот-вот начнет отступать. Но ифриты не зря считались самыми опытными и опасными воинами на материке: они сильно полагались на свою разрушительную магию, мастерски умея ее применять в любой ситуации. Во мгновение ока между защитниками и имперцами развернулась высокая и широкая огненная стена, которая абсолютно не пропускала сквозь себя метательные снаряды, сжигая их пламенем. Через пару секунд подобная стена укрыла ифритов и сверху, полностью защитив их от дождя отравленных дротиков, сыпавшихся с крепостной стены. Тонкие иглы вспыхивали и осыпались пеплом при контакте с огнем.

Пока альвы настороженно перестраивались, меняли оружие, ожидая, когда заклинание закончит действовать, Ашарх обратил внимание на одинокую мужскую фигуру, которая, пьяно пошатываясь, брела в сторону крепостных ворот, по широкой дуге обогнув сражавшихся.

— Залмар милостивый, — прошептал себе под нос профессор, не сводя с фигуры Бриасвайса напряженный взгляд. — Что этот придурок задумал? Он же на ногах еле держится. Его сейчас попросту изрежут на куски!

Лантея, прищурившись, тоже взглядела в силуэт альва. А он тем временем совершенно незамеченным подобрался напрямик к механизму, отвечавшему за закрытие главных ворот. Многотонные каменные створки были плотно заперты, и с внутренней стороны на вделанных крючьях лежала неподъемная металлическая балка явно гоблинской работы. Чтобы поднять ее или опустить, использовались тяжелые цепи и система противовесов, которая приводилась в движение с помощью ручной барабанной лебедки. Бриасвайс, поплевав на ладони, схватился за рукоять и что есть силы принялся ее крутить. Металлический засов стремительно стал подниматься.

— Что он творит?! — изумленно вскричала Лантея, указывая на заместителя коменданта. — Он ведь сейчас откроет ворота!

Альвы, столпившиеся вокруг створок и державшие их, заметили, как балка легко взмыла вверх и мгновенно вычислили предателя. Они бросились в сторону Бриасвайса, надеясь успеть его остановить, но металлический брус уже поднялся, и в тот же миг ворота дрогнули, раскрываясь под напором ифритского войска, прорвавшего оборону. Стенобитное бревно с бронзовым наконечником первым показалось в проеме, а следом за ним с рычанием через распахнутые створки кинулись имперцы, на ходу сбрасывая со своих могучих плеч тяжелый таран и обнажая оружие. Альвы грудью встретили эту волну, и их смели подчистую, попросту растоптав и безжалостно залив огнем.

— Что же он наделал? — пораженно шептал себе под нос Аш, все еще не в силах поверить, что Бриасвайс только что сотворил. — Как он мог так поступить со своим народом?!

— Смотри! — вскрикнул Манс, указывая пальцем на альва-предателя. Тот уверенно и открыто ступал навстречу ворвавшимся в крепость через ворота ифритам. На этом

направлении атаковавшими командовал примечательный сотник, весь с головы до ног измазанный в чужой крови, с торсом, сплошь покрытым черными татуировками, и в тяжелой боевой юбке, усеянной железными кольцами. Именно к нему и приблизился Бриасвайс, демонстративно подняв пустые руки и на ходу выкрикивая на ифритском:

— Вот он я!

Ашарх чуть вышел вперед из своего укрытия, присев в густые кусты и пытаясь расслышать, что же альв намеревался сообщить сотнику, к которому так безбоязненно ступал.

— Я тот, кто открыл для вас ворота, Бургас Жало Шершня! — громко признался Бриасвайс, замирая прямо перед могучим ифритом и отвешивая ему низкий поклон. Воин, тяжело дыша и сжимая в одной из нижних рук древко крепкой секиры, с интересом разглядывал склонившегося альва, будто примеряясь, куда его лучше было ударить. Вокруг бежали мимо имперцы, с яростными криками сталкиваясь с шеренгами защитников крепости, а эти двое замерли посреди поля боя напротив друг друга, будто не замечая творившегося всюду безумия.

— Значит, ты еще не сдох, раб... — со смешком протянул имперец.

— Я ждал этого дня! — восторженно и горячо воскликнул Бриасвайс, выпрямляясь и ударяя себя кулаком в грудь. — Я преподношу вам эту крепость в знак своей верности!

— И ты, видимо, желаешь получить за это награду? Так?

Что-то нехорошее прозвучало в тоне ифрита, и даже Аш, сидевший в стороне от ворот, почувствовал опасность, исходившую от этого вопроса. Но Бриасвайс, все еще опьяненный медовухой и своим собственным дерзким поступком, ничего не заметил.

— Вы обещали обогатить меня и сделать наместником этих земель! Я смиренно готов принять вашу милость! С этого дня эти территории будут подвластны только вам, а я лишь скромно буду следить за сохранностью ваших земель, мой господин!

У Ашарха перехватило дыхание от этих слов. Ему все еще трудно было поверить в предательство Бриасвайса, но после услышанного у профессора отпали все сомнения. Альв и сам раньше говорил, что побывал в ифритском плену и только чудом оттуда сбежал. Но теперь Аш не верил в эти сказки. Улизнуть от внимания имперцев для раба практически невозможно. А это значило, что заместитель коменданта на деле давно уже примкнул к ифритам и действовал исключительно в их целях. Его завербовали и перевоспитали в необходимом ключе, внушив чужие идеи и застав поверить, что это были его собственные желания и стремления.

— Ты знаешь, раб... — протянул ифрит с жуткой улыбкой на заляпанном кровью лице. — В империи никто не любит крыс.

Он сгреб в охапку Руфь, привычно сидевшую на плече альва, и неожиданно резко сжал ладонь. Бриасвайс подавился истошным надрывным криком, когда на его глазах ифрит превратил черную крысу в безжизненный комок плоти и шерсти, а после выбросил останки в сторону, брезгливо отряхнув руки. Ашарх мог бы поклясться, что он видел, как стремительно побледнела зеленоватая кожа на лице альва, а его пальцы мелко затряслись.

— И никто не станет властвовать над крысами.

Сделав широкий замах, сотник одним движением снес своей секирой голову с плеч Бриасвайса, и мертвое тело бесформенным кулем упало к его ногам. Ифрит переступил через труп и, командуя своим войскам продолжать наступление, врезался в плотные ряды альвов, которые, прикрываясь круглыми нефритовыми щитами, перегруппировались и

пытались сдержать натиск.

— Аш, нужно уходить! — крикнула Лантея, хватая профессора за рукав и пытаясь выдернуть его из кустов, где тот так и сидел, опустошенно вглядываясь в безжизненное тело Бриасвайса.

— Дай мне время! — неожиданно попросил Ашарх, приходя в себя и вырывая край одежды из пальцев спутницы. Он поднялся на ноги и ринулся к самым воротам, где в средоточии битвы лежал обезглавленный труп альва.

— Что ты творишь?! Тебя же убьют! — воскликнула девушка, пытаясь остановить профессора, но тот уже растворился в гуще сражения.

Он бежал, прикрывая голову и весь сжавшись в комок, как трусливый пес, только и ожидая, что вот сейчас ему не повезет, и чей-то меч вонзится в его спину, превращая внутренности в сплошную кровавую кашу. Но боги хранили его. И Ашарх, проскользнув мимо скопища альвов и ифритов, группами сражавшихся на внутренней территории возле врат, упал на колени перед телом Бриасвайса, не веря собственной удаче. Он скорее нашарил рукой черный тканевый кисет на поясе мертвеца, вытащил оттуда карты и сунул себе за пазуху, трепетно прижимая к груди свое сокровище. Он не мог позволить, чтобы эта вещь попала в чужие руки или погибла в пламени ифритского огня, который медленно и неотвратимо растекался по земле вокруг, искрами срываясь в траву от имперских заклинаний.

Чуть вдалеке лежала отсеченная голова Бриасвайса. Два распахнутых карих глаза удивленно взирали в небо, будто альв до последней секунды своей жизни не мог поверить, что все закончится именно так. Ашарх тоже не верил. Он никогда не видел в Бриасвайсе своего товарища или даже приятного компаньона, но отчего-то история жизни альва запала ему в душу, и теперь, наблюдая, как последние ручейки крови покидали тело заместителя коменданта, профессор чувствовал в глубине сердца невыразимую тоску. Бриасвайс предал свой народ, свой Лес и семью, он переметнулся на сторону врага, обманутый чужими обещаниями, и его нельзя было винить за это, потому что в свое время его точно так же предали все близкие, бросив на верную смерть. Он желал основательно изменить свою страну, не испугавшись ступить для этого на трудный и опасный путь, но ему это оказалось не по зубам. И вот он лежал на траве, вновь забытый и покинутый всеми. Презираемый собственным народом, презираемый врагом, погибший презренной смертью.

Аш отвернулся прочь. Не он должен судить о жизни и кончине этого альва. Да и никто не должен.

Вскочив на ноги, он бросился обратно, к тому укрытию, где его должны были дожидаться друзья. Профессор надеялся повторить свой трюк и незамеченным пробраться мимо сражавшихся. Переступая через сваленные на земле трупы и оскальзываясь на лужах крови, он не заметил, как со стороны в его направлении уже надвигался вооруженный короткими патами имперец. Только когда тяжелый удар сапогом опрокинул его прямо на окровавленную землю, Аш ошеломительно ясно понял, что даже гладиус на поясе никак не поможет ему избежать в этот момент смерти. С ревом ифрит бросился на поваленного противника, намереваясь проткнуть его патами насквозь, и Ашарх мог лишь попытаться отползти в сторону, перебирая ногами по почве, как беспомощный жук.

Помощь пришла неожиданно. Ифрит вдруг замер на месте, с удивлением уставившись себе на обнаженную грудь, где в районе сердца торчал кончик острого стеклянного лезвия. Он попытался что-то воскликнуть, но в тот же миг еще один нож впился ему уже в глотку,

разрывая кожу и артерии, заливая все вокруг кровью. Зашатавшись на месте, воин взмахнул руками и упал, а за его спиной, сжимая окровавленные кинжалы, стояли необычайно собранные Манс и Лантея. Девушка вмиг оказалась возле трупа и для надежности ударила тело еще пару раз, но имперец даже не шевелился. А Манс в это время протянул профессору руку, помогая подняться.

— Ты просто бестолковый придурок! — наградил друга лестным словом юноша.

— Хватит болтать, — скомандовала Лантея. — Отходим!

Они быстро двинулись через поле боя к тому зданию, за которым их поджидали Виек и Эрмина.

— Какого хрена этот человек так подставился? — сразу же воскликнул гвардеец, стоило всем вернуться в укрытие за углом.

— Этот человек, рискуя своей жизнью, забрал пустынные карты, на которых обозначены все Барханы хетай-ра! — вкрадчиво объяснил Виeku Манс, бросая на него крайне недружелюбные взгляды. Гвардеец мгновенно замолчал и больше не задавал никаких лишних вопросов, лишь с невольным уважением стал поглядывать в сторону профессора, будто заново его узнав.

Тем временем происходившее у ворот и пролома в крепостной стене становилось все серьезнее с каждой минутой. Ифриты не теряли времени даром, скрываясь под магическими заслонами от снарядов противника. Через пару минут, когда заклинание иссякло, и огненные стены пали, на отряды оцетинившихся оружием альвов смазанными тенями бросились огромные черные ксоло — кровожадные псы империи, направляемые своими жестокими хозяевами. Их было всего около тридцати особей, но за счет того, что они бежали без наездников, псы передвигались в разы быстрее, а их клыки и когти практически не промахивались мимо своих целей. Ксоло основным потоком напирали через брешь в стене, но и сквозь главные ворота просачивались редкие вереницы чудовищных псов, которые ловко оббегали имперцев и выискивали в пылу сражения только зеленокожих альвов, вгрызаясь в их тела.

Ряды защитников дрогнули под натиском кровожадных животных: ксоло прореживали строй воинов, создавая панику, а ифриты, спешившие следом за своими любимцами, не позволяли построению альвов закрывать бреши. И тогда солдаты Леса бросились врассыпную, стараясь спасти свою шкуру от острых клыков псов, не слушая окриков командиров, крича от страха и ужаса. Им нечего было противопоставить быстрым и смертельно опасным ксоло, которые за несколько мгновений заполнили собой всю территорию близ главных ворот и которые двигались так стремительно, что в них невозможно было даже попасть отравленными дротиками.

Это и повернуло ход событий у крепостной стены.

Ифриты мгновенно воспользовались слабостью противника, догоняя беглецов, испепеляя командиров и раненых своей магией. Единогo строя воинов больше не было. Отдельные группы имперцев рассеялись по всей территории крепости, истребляя оставшиеся отряды гарнизона, а псы смертоносными тенями метались между врагами, перегрызая глотки и откусывая конечности, вымазываясь в крови. Они не боялись ран и оружия, слушаясь лишь приказов своих хозяев.

Альвы протрубили к отступлению. Они оставляли главные ворота врагу, уходя дальше от крепостных стен и надеясь добиться преимущества в Лесу. Выжившие ловкими движениями взбирались на деревья хацу, цепляясь пальцами за кору и надеясь хоть на

подобной высоте спастись от вездесущих черных псов. Ксоло действительно не могли забраться по стволам, и им оставалось лишь сердито рычать внизу, прыгая на месте и неотрывно наблюдая за ускользнувшей из их клыков добычей. Рассредоточившись по каменным платформам на разной высоте, альвы выбрали для себя весьма удобную позицию для отражения атаки ифритов. Недоступные для противника, защитники отстреливались ядовитыми дротиками и оставшимися снарядами с известковой пылью. Пусть это было и не самым внушительным оружием, но тем не менее имперцы ничего не могли противопоставить укрывшимся среди ветвей альвам, и лишь один за другим падали на землю, сраженные отравленными шипами.

— Поджечь этот треклятый лес! — послышался громогласный приказ на ифритском, который сразу же подхватили другие голоса.

И в тот же миг имперцы стали взывать к своей богине, разжигая пламя в собственных ладонях, и сплошные огненные потоки полились на вековые деревья хацу. Оранжевые языки плясали на траве, перекидывались на дома и впивались в древесину, подтачивая кору. К ночному небу потянулись угольно-черные дымные столбы. Едва пламя окрепло и охватило нижние ветви, как деревья стали напоминать огромные факелы. Их яркий свет воцарился над всем городом, и из любого конца крепости было видно вереницу подоженных хацу. Альвы, оказавшиеся отрезанными от земли на огромной высоте, пытались спасти свои жизни, прыгая на лианы и спускаясь вниз, но там их встречали только ифритские клинки и клыки ксоло. Многие защитники, задыхаясь от дыма на каменных платформах, предпочли умереть сами — сбросившись с плато, лишь бы не даться в руки имперцам и не стать добычей псов.

Очевидцами этой жестокой расправы стали Ашарх и все хетай-ра, которые пораженно наблюдали за развитием событий издалека, отступив от главных ворот вместе со всеми альвами. Но когда ночное небо осветилось огнями разрушительного лесного пожара, а надежд на победу защитников крепости уже не осталось, отряд путешественников пришел в ужас.

— Это конец, — проговорил Виек. Его бледное напряженное лицо, как и лица его спутников, было искажено страхом. Никто из них не ожидал, что ситуация окажется настолько катастрофической.

— И что нам делать? — нервно спросила Эрмина, кусавшая свои губы до крови.

— Сейчас ифриты будут продвигаться глубже в город, мародерствовать в жилых домах, брать штурмом здание штаба крепости. У нас есть шанс бежать, — неуверенно предположила Лантея.

— Лес охвачен огнем, а за главными воротами, наверняка, еще толпы имперцев! — воскликнул Манс.

— Значит, постараемся незаметно улизнуть через брешь в стене и скрыться в темноте, нырнув в реку, — твердо сказала Эрмина.

— Нельзя ввязываться в драки. Просто быстро уходим! — бросил Виек и выглянул из-за дома, оценивая ситуацию вокруг и ища наиболее спокойный путь для побега.

Вся группа, обнажив свое оружие, осторожно двинулась в сторону ворот, забирая вбок от центра города и скрываясь за густой растительностью. Они продирались сквозь кусты и низкие деревья, избегая троп и дорог, замирая, едва рядом слышались чьи-то шаги или крики. Им уже было не так важно, что произойдет с Гарвелескааном и его жителями. Ифриты прорвали оборону, Бриасвайс сдал свой город неприятелю, а путешественникам

оставалось лишь бежать. Это была не их крепость и не их сражение, чтобы жертвовать жизнями ради альвов, которые отказали им в военной помощи и которых было уже не спасти.

Когда до заветной стены оставалось пройти совсем немного, прямо перед группой из-за угла здания появились ифриты. Четверо разгоряченных сражением имперцев, с головы до ног покрытых кровью и свежими ожогами, которые их только раззадоривали, бросились на небольшой отряд, едва завидев его. Они были вооружены кистенями и топорами, хотя у одного в нижней паре рук было зажато экзотичное имперское оружие — катары — тычковые ножи, напоминавшие паты, с защитными боковыми пластинами, плотно пристегнутыми к рукам ремнями. Сражаться против врага, умевшего пользоваться подобным клинком, было тяжело, но выбирать никому не приходилось.

Лантея одним уверенным ударом оттолкнула беспомощного Аша с гладиусом в руке к стене дома, прямо себе за спину. Девушка правильно расценивала его шансы: он ничего бы не смог противопоставить таким опытным бойцам, лишь мешался бы под ногами хетай-ра, которые вполне могли за себя постоять. Виек и Эрмина, держась ближе друг к другу, мгновенно выставили перед собой костяные мечи и ножи и смело шагнули навстречу неприятелю, пока Манс ловко уводил одного из ифритов от группы — он уверенно двигался вокруг своего крупного противника, выискивая слабости в его защите. Лантея же стремительными движениями метала небольшие стеклянные ножи в имперцев, осторожно двигаясь вокруг занятых боем врагов и оценивая их.

Скованный страхом, Аш чувствовал себя совершенно бесполезным, видя, как его товарищи самоотверженно сражались с превосходившими их по силе противниками. В порыве паники он крепко сжимал свой меч потными ладонями, выставив его перед собой. Конечно, владеть он им практически не умел, но в этот миг его товарищам могла пригодиться любая помощь. Если бы ему удалось хоть на мгновение отвлечь ифритов, то хетай-ра могли бы успеть нанести решающие удары. Аш заметил обнаженную спину имперца, который ближе всех находился к нему и был занят отражением молниеносных жалящих атак Манса. Профессор моментально сократил расстояние и нанес сильный выверенный удар прямо по хребту врага, полоснув его мечом по коже. Ифрит на секунду замер от обжигающей боли, а после с разгневанным лицом, искаженным жаждой мести, обернулся в сторону наглеца. Но именно этой секунды хватило Мансу, чтобы подскочить к имперцу ближе и нанести глубокий порез по открытому горлу. Враг упал на колени, захлебываясь густой алой кровью.

Манс сразу же ринулся к противнику Лантеи, который создал огненный шар в своих ладонях и атаковал им девушку, отбивавшуюся песчаными щитами. Однако ифрит, едва заметив прибывавшее подкрепление, мгновенно рассеял свою магию и уже совсем по-иному сложил две верхние руки, свободные от оружия.

— Azuma! Isa dagar! — яростно взревел солдат, и во мгновение ока у его груди зародилось пламя, которое мощным потоком устремилось прямо по направлению к Мансу.

Юноша явно никак не успевал уйти из-под струи огня: он уже слишком близко подобрался к ифриту, возможности отскочить в сторону не было. Но в последнюю секунду прямо перед лицом хетай-ра появилась полупрозрачная песчаная дымка. И огонь разбился об нее, плюясь искрами и медленно затухая.

Имперец недовольно нахмурился. Его поток огня иссяк так же быстро, как и появился. Песочный щит опал на землю, а Манс пораженно посмотрел на Лантею: девушка в

последнюю секунду успела выкрикнуть слова воззвания к богине и создать завесу из песка, чтобы спасти брата из-под потока огня. Теперь ее запасы в мешочке на поясе практически иссякли, и больше на магию она рассчитывать не могла. Но обмениваться любезностями было некогда. Ифрит, очевидно, растративший весь свой запас магической энергии и разгневанный неудачей, бросился на Манса, вооруженный двумя катарами с вытянутыми треугольными клинками, которые словно являлись продолжением его нижних рук. Манс отпрыгнул от натиска противника, а Лантея тем временем бросила один из ножей в ифрита, но враг больше не упустил из вида девушку и ловко увернулся от ее оружия. Брат надеялся достать его ножом в этот момент, однако опытный имперец не только отбил атаку, но и сам успел царапнуть юношу по предплечью.

И тогда Лантея решила на сумасшедший поступок, который мог либо убить ее, либо дать шанс на победу. Она с разбега бросилась в сторону дравшихся и сделала кувырок, находясь практически за спиной у напряженного ифрита. Коснувшись одной рукой горстки рассыпанного песка, оставшегося от щита, девушка создала шар, который устремился прямо в лицо медленно поворачивавшегося имперца. Песок разбился о его голову, сдирая своим хаотичным движением частиц кожу с лица воина. Пока ифрит кричал от боли, Манс сильным ударом по рукоятке вонзил нож в основание шеи врага и с трудом его проворачивал до тех пор, пока грузная фигура противника не упала на землю.

Аш, Манс и Лантея, воодушевленные совместными победами, устремились на помощь Виеку и Эрмине, которые стойчески сражались с двумя своими противниками, кружась на вытоптанной площадке между двумя деревьями. В этот момент позади оставшихся в живых ифритов внезапно показалась темная фигура оскаленного пса, а следом за ним появилась тройка новых имперцев, которые моментально ринулись на помощь своим соотечественникам. Лантея ускорила, уже собираясь вклиниться между гвардейцами, когда Эрмина неожиданно остановила ее истошным криком:

— Уходите через пролом! Сейчас же! Мы их задержим и догоним вас!

Лантея замерла на месте, лихорадочно анализируя ситуацию.

— Бегите! — поддержал жену Виек, скреживая свой меч с патой одного из имперцев. — Сейчас!

Лантея закусила губу ровно на мгновение. Эрмина и Виек готовы были подарить им только один шанс на спасение. Если они им не воспользуются, тогда погибнет весь отряд. Она схватила слабо сопротивлявшегося Аша за предплечье и устремилась к крепостной стене. Манс, нахмуренный и измазанный чужой и своей кровью, молча поспешил за ними следом, не выпуская ножи из рук.

Но когда оставалось сделать один последний шаг, чтобы оказаться по другую сторону стены, Лантея все же обернулась. И душераздирающий крик сорвался с ее губ. То, что она увидела в ту секунду, навсегда запечатлелось в ее памяти. Огромный угольно-черный косолапый клыками вцепился в голову Эрмины и с рычанием дергал ее еще живое тело из стороны в сторону как безвольную куклу. На висках и лбу воительницы расплывались кровавые пятна, она безостановочно вопила и пыталась разжать пасть пса, ногтями скребя по его морде, но это было бесполезно. А окруженный Виек даже не мог ничем помочь своей супруге. Он и так с трудом уворачивался от множественных ударов, сыпавшихся со всех сторон. Но даже быстрая реакция и бойцовский опыт не спасли гвардейца: прямо на глазах Лантеи он попал под огненный шар, который опалил его предплечье до кости, обуглив кожу, и рука мгновенно повисла плетью.

Лантея, ни секунды не раздумывая, вихрем бросилась обратно, не в силах обречь своих товарищей на такую бесславную страшную смерть. Ашу и Мансу ничего не оставалось, как вернуться к месту сражения следом за своей спутницей. Их лица были белы от ужасного зрелища поверженных гвардейцев. Но троица даже не успела приблизиться к раненому Виеку, как имперская ловушка захлопнулась: ифриты опустили свое оружие, на их лицах были злорадные ухмылки. Они смотрели за спины пришедшим на подмогу путникам. Аш обернулся и почувствовал, как его сердце ушло в пятки. Крупный отряд из дюжины имперцев умело теснил их от пролома в крепостной стене, и черные псы скалили клыки, бегая возле ног своих хозяев. Теперь пустынные были окружены со всех сторон. Виек безостановочно стонал от боли, корчась на земле, и от его изуродованной руки валил густой отвратительно пахнувший дым, а Эрмина уже безжизненно обмякла на траве: ксоло раскусил ее голову как орех своими мощными челюстями, разбросав по земле содержимое черепной коробки.

Ифриты не пытались больше нападать, они ждали добровольной сдачи. И Лантее не оставалось выбора. Она бросила оружие на землю, и ее товарищи были вынуждены сделать тоже самое.

Глава девятая. Рабская доля побежденных

Матерь повелевает детям своим не бояться смерти, ибо нет в ней ни тайн, ни страхов.

Четвертый закон. Скрижали Эван'Лин

Пленников быстро и грубо связали, отобрав все оружие и проверив на его наличие даже голенища сапог. Поясную портупею с Лантеи сдернули полностью, лишив ее как флакончиков с ядами, так и почти пустого мешка с песком. У Ашарха вырвали из рук гладиус, и кто-то из воинов даже сразу же приладил его себе поверх боевой юбки. А другой солдат уже заграбастал стеклянный нож Лантеи, который был воспринят мародерами как крайне забавная вещица. На мертвецов, валявшихся на земле, никто из имперцев не обратил внимания. Они спокойно прошли мимо трупов своих собратьев и так же безучастно перешагнули через изувеченное тело Эрмины, с которого дрожавший Виек не сводил опустошенный взгляд. Пока ифриты вереницей вели пленников к центру захваченного города, гвардеец до последнего момента оборачивался, и, казалось, даже сожженная до кости рука совершенно его не волновала. Его душа и сердце навсегда остались лежать там, на вытопанной поляне, вместе с бездыханным телом супруги.

Цветущий Гарвелескаан превратился в разграбленное и обезображенное место: десятки разрубленных и почерневших трупов покрывали землю, дымились обвалившиеся тростниковые хижины, и, разгоняя ночную тьму, по-прежнему ярко полыхали деревья хацу, объятые магическим пламенем. Ифриты блуждали по уцелевшим каменным домам и между телами убитых, собирая в мешки награбленное оружие и украшения, за волосы выволакивая из укрытий стариков и женщин с детьми. Угольно-черные псы ксоло с наслаждением вгрызались в еще теплые внутренности погибших альвов, пачкая свои морды в крови и виляя обрубками хвостов. Такое пиршество было им по нраву, и звери торопились скорее набить животы, пока хозяева не прервали их трапезу.

На центральной городской площади прямо на земле, прижимаясь друг к другу, сидело около сотни связанных и избитых альвов. Вокруг них бродили псы и имперцы, зорко наблюдавшие за пленными, среди которых было куда больше простых мирных жителей, чем воинов. Некоторые альвы прижимали к себе плачущих детей, трясущимися руками убаюкивали младенцев или зажимали раны на своем теле. Дети Леса с лицами, покрытыми копотью, залитыми слезами и кровью, в ужасе и отчаянии смотрели по сторонам, не видя больше для себя никакой надежды на спасение. Их дом был разорен и сожжен дотла.

Ашарха и его товарищей грубо толкнули на землю к остальным пленникам. Виек сразу же зашипел от боли: его обожженная рука выглядела крайне скверно, двигать ей он практически не мог и лишь держал на весу, стараясь не касаться лишней раз. Пока выдалась минута, Аш помог Лантее оторвать ошметки рукава гвардейца, чтобы освободить рану от обгоревших тряпок. Виек держался из последних сил, сжимая зубами воротник своей рубахи, чтобы не закричать во все горло и не привлечь к себе еще больше ненужного внимания. У Манса тоже кровоточила длинная царапина на предплечье, но от помощи он отмахнулся, больше озабоченный тем, что теперь с ними всеми будет.

— Они убьют нас? — одними губами спросил бледный как полотно юноша.

— Не думаю. Империя славится работорговлей... — едва слышно прошептал ему в

ответ профессор. — Из всех налетов ифриты приводят пленных, которых потом продают на рынке рабов.

— Молчать, лесные выблядки! — гнусавым голосом рыкнул один из воинов, следивших за альвами, и поднял вверх руки с двумя тяжелыми топорами. Все невольники мгновенно затихли.

Через час из дальней части города вернулся крупный отряд ифритов, который вел целую толпу связанных и избитых жителей Гарвелескаана. Их было около сотни, и они также присоединились к тем, кто уже сидел на площади. Многие были ранены, кто-то лишился конечностей, другие отделались ссадинами и ожогами. Ашарх очень надеялся, что все же большинству жителей города удалось вовремя укрыться в лесной чаще, тогда можно было рассчитывать на прибытие подмоги и последующее спасение пленных. К тому же дым горевших хацу, поднимавшийся до самых небес, не могли не заметить в соседних городах и поселках. Однако пока что участь защитников Гарвелескаана была незавидной и весьма горькой.

В какой-то момент всех пленных ударами и грозными окриками заставили подняться с земли. На вопли раненых никто не обращал внимания: их били нагайками по спине до тех пор, пока они не вставали или же не умирали под градом хлестких ударов. У матерей выдергивали из рук детей, даже грудных младенцев, невзирая на слезные мольбы, и либо сразу перерезали им глотки на глазах у родителей, либо бросали в пылавшие повсюду костры. Крики отчаявшихся наводнили город. Ифриты плотным кольцом окружили своих рабов, а отдельные воины связали пленников друг с другом, пропуская веревку через стянутые руки, делая петлю на горле, и выводя ее к следующему рабу — они создавали колонны. Позади Ашарха привязали Манса, а вот Лантея и Виек оказались порознь совсем в другой шеренге. Когда дело было закончено, ифриты провели рабов через распахнутые настежь каменные ворота крепости и пострадавший от взрывчатых смесей мост.

За спиной остался опустевший Гарвелескаан и охваченный пожаром Лес.

На другом берегу реки Мистис, укрывшись в мангровых зарослях, уже собиралось войско имперцев, готовясь уходить прочь от границ Ивриувайна со своей добычей. Ифриты торопились, укладывая трофеи на спины ксоло, смывая с себя кровь в водах шумной реки и постоянно поглядывая на дымившиеся развалины крепостной стены. Ашарх, посвятивший многие годы своей работы в академии изучению истории империи Ис, был знаком с воинскими формированиями ифритов и легко мог отличить одно подразделение от другого. Он украдкой разглядывал войско, подсчитывая количество бойцов, и в итоге пришел к выводу, что напавшие на Гарвелескаан никак не могли принадлежать к регулярной армии генерал-императора. Но и действовали они явно не самостоятельно, хотя численность выживших воинов не доходила даже до трех сотен с учетом тяжеловооруженной пехоты и нескольких отрядов всадников. Профессор предположил, что это было личное войско одного из генерал-экзархов, ставленников императора в отдельных округах ифритских земель. Экзархи часто на свой страх и риск предпринимали такого рода отчаянные вылазки к территориям альвов, надеясь разжиться рабами, награть нефрита и укрепить свое положение среди соседей.

Когда имперцы были готовы к отбытию, они выстроили своих рабов таким образом, что пять вытянувшихся колонн образовывали фалангу, со всех сторон окруженную пешими группами ифритов. Между рядами равномерно были распределены всадники верхом на ксоло, которые следили за порядком. Любые разговоры или переглядывания мгновенно

пресекались ударами палок, кнутов и нагаек, которыми воины подгоняли не только невольников, но и своих псов. Имперцы вели построение строго на север, удаляясь все дальше от реки Мистис и бежево-желтых крепостных стен, чтобы не быть замеченными из приграничных застав Ивриувайна.

Ифриты явно пришли налегке, практически без запасов продовольствия, без осадных машин, за исключением единственного тяжеловесного тарана, который вполне могли изготовить уже перед осадой и который так и остался лежать возле городских ворот. Они рассчитывали на силу взрывных смесей и не прогадали — алхимические бомбы позволили войску взять крепость буквально за одну ночь, избежав длительной и выматывающей осады. И даже теперь, возвращаясь домой, имперцы не были сильно нагружены: лишь позади колонны, вывалив языки, ступал десяток ксоло, освобожденных от всадников и увешанных мешками с трофеями, краденым провиантом и бурдюками. Это в очередной раз подтверждало мысли профессора о том, что основной целью набега все же были именно рабы. Но даже учитывая все имевшиеся у него на руках факты, Ашарх никак не мог понять, как же этому войску удалось незаметно подобраться так близко к крепости, если их обнаружили уже практически у самых ворот. Гарвелескаан явно был не самым подготовленным к осаде участком на границе Ивриувайна, но, даже владея этими сведениями, ифриты ведь не могли соткаться прямо из воздуха.

Альвы ступали в колоннах очень медленно. Если кто-то из них спотыкался и падал, то моментально утягивал за собой соседей — тогда каждый из них получал удар нагайкой по хребту. Аш особенно страдал: веревка, тянувшаяся от горла к горлу между пленниками, из-за большой разницы в росте между ним и идущим впереди альвом постоянно натягивалась и вынуждала его идти на цыпочках, чтобы не задохнуться. Скорее всего, точно так же дела обстояли и у Лантеи с Виэком, но преподаватель даже не мог отыскать их взглядом в ровных шеренгах рабского построения, потому что опасался лишний раз повернуть голову, чтобы не получить удар.

Ночь закончилась быстро, и вот уже из-за линии горизонта поднялось яркое солнце. Оно неумолимо нагревало головы и с вершин небосклона наблюдало за мучениями побежденных. Ифриты гнали своих пленников целый день, постоянно то ускоряя темп, то делая краткие передышки на пять минут, чтобы напоить ксоло. Рабам воду никто не предлагал, и они могли лишь с завистью смотреть на то, как капли желанной влаги стекали по мордам псов. Прежде чем наконец встать на ночлег посреди голой равнины, караван дождался захода солнца. За весь день они значительно отошли от Леса: верхушки могучих хацу и черный шлейф дыма скрылись за горизонтом, а вместе с ними истаяла и слабая надежда альвов на освобождение.

Пленники были сильно измотаны после битвы и перехода в быстром темпе, а раненые и вовсе держались из последних сил. Сотники скомандовали остановку резко, их приказы гулко разнеслись над всеми шеренгами. Ашарх ждал этого несколько часов: он полагал, что теперь с них хотя бы снимут веревки, без которых можно было бы даже подумать о возможности побега. Но все его надежды испарились во мгновение ока, когда имперцы согнали рабов в один тесный круг, усадили на землю и окружили со всех сторон. Не было ни единого шанса незаметно пробраться сквозь плотное кольцо ифритов. Веревки так и остались на шеях и руках пленников, натирая кровавые мозоли, снимать их никто не собирался, и даже нужду пленникам приказали справлять под себя, как животным. А единственным послаблением для рабов стал бурдюки с мутной речной водой и грузный баул

с едой.

Когда голодные альвы жадно накиннулись на мешок с пищей, отталкивая друг друга, Аш с сожалением понял, что еда достанется не всем. С каким же удивлением уже через мгновение он увидел, как истощенные альвы брезгливо отбросили увесистый баул, и никто из него так ничего не взял. Ифриты же зашлись гогочущим хохотом, со своих мест наблюдая за происходившим, как за представлением. Аш быстро дополз до отброшенного в сторону мешка, который оказался наполнен обыкновенным сушеным мясом. Его спокойно ели ифриты, люди и даже хетай-ра, но совершенно не переносили травоядные альвы. Это была своеобразная гнусная шутка и одновременно жесточайшее издевательство над захваченными противниками: давать им пищу, которую они не могут съесть. Все альвы, как один, решительно отказались от мяса, невзирая на чудовищный голод, но Аш был уверен, что имперцы не будут в ближайшем будущем предлагать им другую еду. Тогда уже через пару дней альвам пришлось бы переступить через свои принципы и привычки, потому что голод стал бы сводить их с ума. И они возненавидели бы самих себя.

Однако подобные моральные запреты не касались ни хетай-ра, ни Ашарха. Они набили полные карманы еды, в душе даже радуясь такому исходу: по крайней мере умереть от голода лично им было не суждено. Вот только когда профессор попробовал это мясо, оно показалось ему довольно странным на вкус. Он определенно ел такое впервые и никак не мог понять, чье оно.

— Скорее бы эти бараны травоядные заканчивали говниться, — сплюнул один из ифритских воинов на землю, блуждая темными глазами по толпе рабов. — Каждый раз одно и то же! Не хотят жрать мясо, а потом валяются без сил по дороге! И так улов, как по мне, не сильно богатый вышел, а тут еще половина сдохнет по пути к хренам собачьим!

Ашарх, пытавшийся разжевать жесткое мясо, осторожно прислушался к ифритской брани. Он надеялся тайком вызнать, куда же ведут караван и что ждет пленников в обозримом будущем. Имперцев, похоже, совершенно не волновало, знали ли альвы их язык, потому что воины между собой разговаривали громко и в целом относились к поработанным противникам как к безмозглому скоту, плюя в их сторону и покрывая грязными ругательствами.

— Да эту старую конину не стал бы жрать даже мой пес! А ты знаешь, Клещ не привередлив в жратве! — хрипло загоготал другой имперец, шлепая по спине крупного черного как ночь косола, лежавшего у его ног.

Ашарх с трудом сдержал рвотный позыв. Конина! Как он мог забыть?! Ведь это был один из самых распространенных среди имперцев видов мяса, поскольку трусливых животных, не способных защитить себя самостоятельно, ифриты, согласно своим убеждениям, разводили лишь на забой. Но для Аша, как для человека, который большую часть жизни провел рядом с лошадьми, есть мясо животных столь разумных и благородных было настоящим преступлением. Однако в данный момент у него не было выбора. Профессор через силу продолжил жевать тонкие ломтики. Он хотел сбежать, а для этого нужна была энергия. Если бы он стал вести себя как высокомерные альвы, отказываясь от пищи, то уже на следующий день бы упал без сил.

Манс тихо сидел неподалеку, совершенно ничего не подозревая о душевных терзаниях преподавателя, и тоже посасывал сушеное мясо. Как бы им обоим ни хотелось полноценно обсудить ситуацию и обменяться своими мыслями по поводу незавидной ситуации, в которой они оказались, но на любые перешептывания ифриты сразу же щелкали кнутом в

воздухе и угрожающе сверкали глазами. У мужчин не было возможности даже подобраться ближе к Лантее и Виеку, чтобы узнать о состоянии воина: веревки сразу же натягивались, грозя задушить альвов, с которыми профессор и юноша оказались в одной колонне.

Имперцы плотным кольцом окружили пяточек земли, на котором разместили пленников. Они развели слабые костры из сухих веток кустарников, росших неподалеку, и в свое удовольствие ели сыровяленую колбасу, поджаренную на огне. Этот ароматный запах дразнил обоняние невольников, но им оставалось лишь жевать старую конину и сглатывать подступавшую слюну. Иногда имперцы потягивали из фляжек какой-то крепкий напиток, празднуя свою легкую победу над защитниками Леса, и в скором времени над лагерем зазвучал нестройный хор голосов, пьяно горланивших протяжную застольную песню о некоем пиратском капитане, пошедшем ко дну вместе со всей своей флотилией из-за собственной самоуверенности. Однако те ифриты, что следили за рабами, не позволяли себе выпить ни глотка и все так же зорко глядели за невольниками, не смыкая глаз.

Спать пленникам пришлось вповалку, тесно прижимаясь к соседям, иначе не всем хватало места, а веревки начинали путаться. Ашарх и Манс легли как можно ближе друг к другу, чтобы их короткие перешептывания труднее было услышать со стороны.

— Куда нас ведут? — едва двигая губами, спросил юноша.

— Не знаю точно. Они об этом не говорили между собой, — тихо ответил профессор, постоянно прислушиваясь к любым движениям и беседам со стороны ифритов. — Но мы точно идем на север, прямо к имперским землям. Куда точнее — сказать не могу.

В этот момент заворчал один из ксоло, лежавший ближе всех к границе круга с рабами, и оба мужчины мгновенно замолчали. Как только на пса прикрикнул хозяин, Ашарх продолжил:

— В империи несколько рынков, где продают рабов. Но нас могут вести вовсе не на продажу, а на работу в тот округ, из которого они сами пришли. Или сразу на жертвоприношение...

Манс побледнел и нервно сглотнул, из-за чего его острый кадык дернулся под кожей. Все варианты развития событий были отвратительными.

— Как так получилось, что у крепости оказалось целое войско имперцев? — с отчаянием в голосе спросил юноша.

— Ифриты часто совершают набеги на Лес и ближайшие регионы в Залмар-Афи ради рабов и добычи. Особенно это любят делать генерал-эксархи, которые пришли к власти в своем округе силой, а не были официально назначены генерал-императором, — быстро шептал профессор. — Они так доказывают свое могущество и пытаются утвердиться перед другими эксархами.

— Но почему именно Гарвелескаан? Он ведь далеко от границы?

— Вот именно. Сам подумай. Крепости альвов на северных границах Леса хорошо защищены, потому что на них приходятся основные силы нападающих. А на западе, где расположены всего два города, оборона слабее, поскольку со стороны пустынь обыкновенно нет угрозы. Но Ференаат — это неподходящая мишень, ведь туда мгновенно прибудет подмога. А вот Гарвелескаан, крошечная крепость с горсткой защитников, стоящая на отдалении от других городов, — это идеальная цель.

— Хорошо, — согласился Манс, нахмутив белые брови. — Но почему тогда раньше они не пытались захватить Гарвелескаан?

— У них не было взрывчатых смесей гоблинов. Без них крепостные стены просто так не

разрушить. Везти из империи полноценные осадные машины слишком долго и тяжело, а возвести их на месте невозможно, ведь в этих степях растут только хилые мангровые деревья, а хацу находятся под защитой стен и альвов. Поэтому алхимические бомбы и перевернули ход битвы. Даже предательство Бриасвайса не сыграло тут большой роли: если бы ворота не открыли, то ифриты рано или поздно все равно бы пробились внутрь через ту брешь в стене после взрыва.

Пьяные песни ифритов раздавались уже где-то на другом конце небольшой лагеря. Они праздновали свою победу, а альвы сжимали руками нывшие от голода животы и боялись лишний раз даже пошевелиться. Наконец раздался гневный окрик одного из командиров, и веселье имперцев поутихло. Видимо, кому-то из сотников шум мешал спать. Над стоянкой сразу же воцарилась густая тишина, прерываемая лишь стрекотом кузнечиков вдаль.

— Я все еще не могу поверить в то, что Бриасвайс так поступил со своей крепостью, — едва слышно признался Манс. — Мне он казался нестигаемым воином, готовым оберегать свой дом до смерти.

Ашарх слегка поерзал на месте.

— У меня были подозрения насчет него после того, что он рассказал об ифритском плене и своем побеге. Но я решил не лезть в это дело с лишними вопросами. А вон оно как все обернулось...

— Печальнее всего, что это напрямую сказалось на нас и наших товарищах, Аш.

— Я же говорю тебе, что Бриасвайс тут почти не сыграл. Все решили бомбы.

— Так, получается, это те же самые бомбы, что использовали ифриты, напавшие на Третий Бархан? — тихо поинтересовался Манс у профессора.

— Да. Это изобретение алхимического клана гоблинов Диш, которое они бережно хранили от всех веками, прекрасно понимая всю его опасность, — с тяжелым вздохом поделился сведениями Ашарх. — Но имперцам, видимо, как-то удалось завладеть рецептами. Готов отдать руку на отсечение, что генерал-император провернул настоящую аферу, чтобы их получить. Кагатт славится своей хитростью и нестандартным подходом к решению проблем... Поэтому ифриты и стали еще смелее. Пробили стеклянный купол Третьего Бархана и испытали бомбы на крепостной стене альвов. Теперь вряд ли есть хоть одна сила в мире, которая сможет остановить империю Ис, когда они, наконец, получили желанные бомбы.

— Видимо, так оно и есть... Никому больше не удастся остаться в стороне. Даже моему народу, — хмуро пробормотал Манс и почесал заживавшую рану на предплечье, которая днем под солнцем покрылась стягивавшей кожу коростой. — А ведь если бы мы покинули Гарвелескаан сразу по прибытии, а не пьянствовали в трактире, то сумели бы избежать всего этого.

— Вряд ли. Скорее всего, ифриты сидели в засаде всю прошлую ночь и целый день. Иначе они бы не смогли незаметно установить взрывчатые смеси в канал, проходивший под крепостной стеной. Это все было неизбежно.

Мужчины замолчали, с грустью размышляя над своей судьбой, которая теперь была так туманна, что пытаться предсказать ее казалось совершенно безнадежным делом.

— Знаешь, я постоянно теперь думаю об Эрмине, — неожиданно еле слышно признался другу Манс.

— Ее страшная смерть тоже не выходит у меня из головы.

— Она пожертвовала собой, чтобы у нас был шанс сбежать через пролом... А в итоге

мы все станем рабами или умрем по дороге в империю.

— Не будь так уверен в этом. Нельзя отказываться от любой возможности для побега, которая нам представится. Но и бездумно рисковать тоже не стоит.

Ашарх с грустью посмотрел на юношу.

— Да, ее кончина была чудовищно жуткой, — продолжил он. — И мне искренне жаль, что мы даже не смогли попрощаться с ней и достойно оплакать ее тело... Эрмина погибла как воин, в бою, отстаивая то, что ей было действительно дорого. И она была смелой до самого конца.

— Виек так ее любил... Наверное, ему сейчас очень нелегко. Они оба не заслужили такой судьбы.

— Не нам это решать. К сожалению, не нам.

Измотанные тяжелым дневным переходом, мужчины быстро заснули. А вот Лантея, терзаемая бессонницей и нелегкими думами, провела половину ночи, любуясь звездным небом и поглаживая стеклянные молитвенные часы в кармане штанов — одну из тех немногочисленных вещей, что ей удалось сохранить при пленении. Ее шеренга спала слишком далеко от того места, где лежали профессор и Манс, поэтому она не могла слышать, что они обсуждали. Но и сами мысли девушки были обращены к Эрмине, погибшей в клыках безжалостного ксоло у нее на глазах. Она то и дело вспоминала, как еще совсем недавно эта счастливая женщина, смеясь, танцевала в объятьях мужа посреди шумного трактира, как даже не могла помыслить о своей скорой кончине. Да и никто тогда не мог.

Виек спал неподалеку, глухо постанывая во сне. Его рука выглядела просто ужасно: из-за жары рана воспалилась и покрылась гнойной коростой, от которой шел крайне дурной запах. Лантея слегка промыла ее перед сном, когда общий бурдюк с водой оказался у нее, но ситуацию это никак не улучшило. Казалось, мутная речная вода только сделала хуже. Гвардеец был бледен, его терзала боль как физическая, так и душевная. Разговаривать на протяжении целого дня и всего вечера он не хотел, отворачиваясь от Лантеи, а в какой-то момент девушка и вовсе заметила, что в здоровой руке Виек сжимал горсть мелких ракушек, соединенных гнилой ниткой. Это украшение, купленное у Оцарио еще в самом начале их пути, Эрмина последние недели почти не снимая носила на запястье, а теперь ее муж хранил браслет как единственную памятную вещь. От этого зрелища Лантея почувствовала себя еще хуже: она весь день пыталась доказать себе, что не виновата в гибели Эрмины, но удавалось ей это крайне плохо.

Ближе к середине ночи острый слух девушки уловил шорохи. Она приоткрыла глаза: двое высоких альвов, весь вечер сидевших недалеко от нее, каким-то образом сумели избавиться от веревок. Они пытались тихо выбраться из круга рабов, аккуратно ступая по крошечным свободным от тел участкам земли. Лантея не подала виду, что заметила альвов, хотя ей очень хотелось остановить беглецов: их план был глуп, ведь им бы недалеко удалось убежать по ровной выжженной солнцем земле, где любой куст было видно за километр. Но она решила наблюдать, не вмешиваясь.

Альвы сумели выйти из круга пленников совершенно бесшумно. Они тихо прошли между спавшими часовыми, которые столь неосторожно позволили себе задремать на посту. А когда весь небольшой лагерь оказался позади, беглецы ринулись в степь как сумасшедшие. Но Лантея видела, как шевелились мокрые носы ксоло, когда альвы проходили мимо них: псы ждали лишь команды. Некоторые из них начали тихонько нетерпеливо поскуливать, и их хозяева моментально распахнули глаза, словно они и не спали все это время, а лишь

лежали с закрытыми веками. Ифритам хватило одной секунды, чтобы увидеть беглецов, и одного мгновения, чтобы дать ксоло команду. Тройка псов, взрывая когтями землю, бросилась в погоню и в несколько мощных прыжков догнала альвов, которые едва успели распробовать вкус свободы. Животные со свирепым рычанием накинулись на мужчин, погребая их под своими тяжелыми телами и сминая плоть острыми клыками.

Лантея закрыла глаза, но все равно слышала жуткие крики умирающих и смачные чавкающие звуки разрываемых тел. Многие альвы сразу же проснулись от душераздирающих стонов и стали невольными свидетелями казни беглецов. Ксоло вскоре вернулись на свои места. Они были сыты и довольны, облизывая свои окровавленные морды. Зато невольникам теперь стало ясно, почему часовые могли позволить себе поспать: куда более чуткие охранники стерегли рабов.

Как только солнце окрасило горизонт в светло-розовый цвет, ифриты пинками и окриками принялись будить пленников. Караван в быстром темпе шел все также на север, на почтительное расстояние удалившись от реки, редких мангровых лесов и границ Ивриувайна. Всюду тянулась голая безжизненная степь, выжженная солнцем и жаром, — это были окраины пустынь Асвен, где вместо песка под ногами стелилась жесткая каменистая почва, практически не встречалась растительность и только буйствовал порывистый колючий ветер, бросавший пыль в лицо. Лантея почти весь день напряженно приглядывалась к Виеку, который находился в ее колонне на пару альвов впереди. Его сожженная рука обессиленно висела вдоль тела, да и сам хетай-ра ослаб и осунулся. Вряд ли он долго смог бы выдержать заданный темп ходьбы, но у гвардейца просто не было выбора: ему приходилось идти, тратя на это последние крохи своих сил.

Когда очередной проведенный в дороге день неумолимо начал клониться к закату, пленники невольно замедлились, ожидая скорого привала. Альвы ничего не ели уже двое суток, и лишь непомерная гордыня все еще давала им силы двигаться дальше. Однако ифриты и не думали останавливаться: они кнутами понукали рабов, заставляя продолжать путь. Так прошло еще несколько часов, пока один из пленников, у которого вокруг головы была обмотана пропитанная свежей кровью повязка, не упал без сознания на землю, утягивая за собой соседей.

— А ну поднимайся, ленивая скотина! — сразу же закричали надсмотрщики.

Они стали обжигать этого и других невольников ударами кнута, однако альв в себя так и не приходил. Больного пытались поднять на ноги его собратья, но открывшаяся рана на голове лишь сильнее начала кровоточить, из-за чего по лицу раба потекли густые алые струйки.

Несколько ксоло без всадников неожиданно забеспокоились. Они принялись прыгать на месте, рыть землю когтями и поскуливать. А после один из них без команды хозяина вдруг резко бросился к раненому альву, видимо, одурманенный запахом свежей крови. Двое псов сразу же последовали за ним, черными тенями стелясь по земле.

— Сука! Прочь, Клык!

— Репей, Зудень, назад! Я сказал назад!

Ифриты принялись свистеть и разгневанно отзываться собак, без приказа накинувшихся на раненого невольника, но те уже рвали тело альва на куски. Хозяева ксоло устремились следом за своими жестокими питомцами и били их обухами кнутов и нагайками, пока те не выпустили из пасти уже полностью обезображенный труп, оставшийся от раба. Альвы с

ужасом смотрели на останки своего собрата, едва сдерживая рыдания и плач.

После этого ужасного происшествия караван шел дальше почти до самой полуночи. Лишь тогда имперцы дали команду на отдых, и все пленники мешками упали на землю, лишённые каких-либо сил. Большая часть одежды на рабах порвалась и была покрыта слоем пыли и грязи, из-за палящего солнца у многих обгорела кожа, а волосы сбились в колтуны. От них несло потом и мочой. И уже трудно было в этих измученных созданиях опознать представителей гордой расы альвов. Да и сам Ашарх вместе со своими спутниками выглядел ничуть не лучше.

В этот раз преподаватель с интересом наблюдал за тем, как некоторые альвы уже робко тянулись к мешку с мясом. Их сопровождали злобными взглядами голодные соотечественники, которые пока что не поступились собственными принципами. Но это был только вопрос времени, скоро должны были сдаться и они.

Профессор и его шеренга этим вечером оказались почти у самого края круга, поэтому он с любопытством прислушивался к разговорам между имперцами, собравшимися возле небольшого костра. Солдаты явно были чем-то озабочены. Один из ифритов, носивший на себе тяжелую кожаную юбку, покрытую кольчужными кольцами, громко и отчаянно бранился:

— Чтоб тебе провалиться!.. Да здесь эта ебаная река должна быть, сказано же тебе! Мы от нее ровно два дня шли!

Он отчаянно бил себя по коленям нижней парой рук, из-за чего массивный кистень с шипастым шаром, заправленный у него за пояс, постоянно дрожал и звякал цепью. Почему-то у Ашарха даже не было сомнений, что этот воин состоял в тяжелой пехоте и мог одними своими ладонями раздавить кому-нибудь голову в пылу гнева. Но собравшиеся вокруг него товарищи едва ли уступали крепкому солдату в силе.

— Ну вишь ты, дубина, нету ее! — беззубо прошепелявил огромных размеров имперец, чей рот пересекал уродливый рубец. — Ежели мы вовремя к границе не выйдем, то галеры уйдут. Будем тогда хрен сосать, пока следующее гнилое корыто не приплывет.

— Никуда они не уйдут, — возразил еще один ифрит, разглядывавший какой-то свиток. — Сотник сказал, что корабли будут стоять сколько надо. Завтра мы выйдем к реке.

— Точно?

— Да пусть мне сфинкс башку оторвет, если я не прав!

— Хоть бы скорее добраться до воды, уже сил нет! Жарко тут как в печи и только мошкара эта сраная летает, — пожаловался первый из говоривших, отмахиваясь от толп гнуса, садившихся на влажную кожу. Он был с голым торсом, не прикрытым никакими доспехами, впрочем, как и его соратники. И, насколько было известно Ашарху, это был один из показателей храбрости среди ифритов. Таким образом воины демонстрировали отсутствие страха перед смертью или ранениями. Именно поэтому сидевшие возле огня солдаты были почти полностью покрыты шрамами, как их псы — блохами.

— То верно. Скорее бы в Тардор, там уже осень... Прохладно небось, хорошо! — протянул беззубый воин, и соседи поддержали его согласным хмыканьем. — В подполе ледяная настойка ждет!

— Рано тебе об отдыхе думать, Медвежий Рев. Сначала бы доплыть до Салкахаса без проблем, чтобы вся эта падаль зеленая не подохла и не разбежалась.

— Да там до дома рукой подать по тракту. Чай с галер нихрена они никуда не денутся, десятник.

— Сам знаешь, они безмозглые и гордые. Языки себе вырвут, лишь бы сдохнуть с честью! — ифрит с картой, который, судя по всему, был командующим этого десятка, кивнул себе за спину, где спали пленники. — Чем больше народа экзарху приведем, тем больше заплатит. Но таскаться с этими недоносками и беречь их тоже не хочется. И так больше пяти десятков наших порешили.

— На галерах старичье всякое и хворые подохнут, а генерал-экзарху только сильных приведем. Может, он за них даже вдвойне заплатит, — потирая руки, проговорил ифрит, до этого молча жевавший колбасу. — Если до галер никто не откинется больше, то почитай нормальный улов!

Все солдаты поддержали говорившего нестройным гулом голосов, а Ашарх, уже закрывая глаза, с отчаянием подумал, что если ему с хетай-ра не удастся сбежать до границы империи, то после Салкахаса их шансы освободиться начнут таять на глазах.

Очередной ранний подъем никому не добавил добродушия. Альвы стоически страдали, все еще продолжая отказываться от мяса и питаясь лишь найденными в земле и пыли корешками и ветками кустарников. Степи становились все зеленее, их бескрайняя равнина тянулась до самого горизонта, и лишь иногда вдалеке можно было заметить, как из объемных облаков тянулись косые штрихи дождя. К сожалению, в этой части прерий не стоило даже мечтать о ливнях, поскольку воздух здесь был раскаленным, как чугунная сковорода, и застоявшимся. Периодически каравану попадались голые стволы одиноких деревьев, но до желанной прохлады ифритских лесов нужно было идти еще долго. Многие альвы, привыкшие к влажной земле Леса, обжигали голые ступни о высохшую почву степей и рвали на себе одежду, чтобы обмотать стертые ноги.

Ашарх целый день потратил на то, чтобы в шеренгах пленных рассмотреть хотя бы одно знакомое лицо. Он надеялся, что увидит Пелеантада или Тестариуса. Но ни один из альвов так и не попался на глаза профессору. Видимо, они оба или погибли при захвате крепости, или же им все-таки удалось скрыться в Лесу. На одной из остановок преподаватель, осторожно называвший эти два имени всем альвам, к кому мог обратиться, наконец отыскал того, кто сумел приоткрыть завесу тайны над судьбой коменданта крепости. Сутулый одноглазый воин, чья глазница еще сочилась гноем и сукровицей, провел пальцем по животу, демонстрируя, что Тестариусу выпустили кишки. Судьба Пелеантада так и осталась неизвестной.

Ифриты становились злее: ранние подъемы и тяжелые переходы по жаре могли утомить кого угодно. Поэтому имперцы вымещали гнев на своих безвольных рабах. Они плевались, пинали альвов в пыль и дразнили их мехами с прохладной водой, сразу жеогревая нагайкой по пальцам, стоило кому-нибудь протянуть к бурдюкам руки. К середине дня одному из рабов напекло голову, и он потерял сознание, рухнув на землю. Караван был вынужден остановиться, а один из всадников слез с косола и пошел проверять состояние пленника. Он хлестко побил его по щекам, но альв не шевелился. Тогда воин пощупал артерию на горле, однако пульса не было. Тогда солдат снял с шеи пленника веревочную петлю, поднял тело за ноги и оттащил в сторону. Все рабы, замерев в своих шеренгах, с опаской наблюдали за происходившим: пара хозяев косола подвели псов к трупу и отдали команду. Собаки мгновенно набросились на мертвеца, они разрывали плоть клыками и, не жуя, проглатывали мясо с рычанием, брызгая слюной. Несколько животных даже завязали драку за право обладания внутренностями: они с угрожающим воем вцепились друг другу в загривки и

царапались до тех пор, пока один, поскуливая, не отполз в сторону. Через пять минут от альва не осталось ни косточки, а довольные хозяева отвели своих сытых питомцев обратно в строй. Среди дрожавших от ненависти и страха рабов слышался одинокий женский плач.

Ближе к закату караван вышел к реке Мистис, которая, сделав крюк у крепостных стен Ивриувайна, вновь вернулась на прямой северный курс. Извилистые каменистые берега должны были привести ифритов и их пленников напрямик к границам империи Ис. Рабам, под строгим контролем солдат, позволили быстро окунуться в воду. Каждой шеренге давали едва ли больше минуты, чтобы помыться. Кто-то быстрее полоскал свою смердевшую одежду, другие распутывали свалевшиеся волосы, а некоторые жадно пили прохладную воду, даже не смущаясь, что рядом с ними стирали ножные обмотки.

Лагерем встали на этом же месте, хотя солнце еще не садилось. Ифриты намеревались как можно раньше разбудить пленников, поскольку, судя по их разговорам, до границы оставалось полтора дня пути, но они намеревались пройти это расстояние за один день. Профессор, у которого ноги в сапогах давно уже превратились в постоянно кровоточившее скопление мозолей, мог лишь с тоской думать о том, что из-за суровой бдительности имперцев и их псов сбежать у них вряд ли получится. Силы в нем с каждым днем убывали: ифриты делали все, чтобы рабы каждый вечер падали лицом в землю, и у них не было желания даже шептаться друг с другом. Хотя, даже несмотря на свинцовую усталость, придавливавшую Аша к земле каждую ночь, спал он все равно прерывисто. Тяжелые мрачные кошмары по-прежнему посещали его и заставляли раз за разом просыпаться в поту. Теперь для профессора не было покоя ни во сне, ни наяву.

Утром преподавателю удалось сказать Лантее пару слов во время построения. Он передал информацию о галерах, стоявших у границ империи, и о том, что после сплава нужно будет обязательно бежать и затеряться в лесах. С восходом солнца их путь продолжился. Караван двигался на север вдоль берега реки, а имперцы постоянно поглядывали в сторону Леса, который иногда можно было увидеть на горизонте. Насколько Ашарх помнил, на этой части крепостной стены должна была находиться альвская крепость Ференаат, но ее защитники при всем желании не смогли бы разглядеть войско на таком расстоянии, да и, зная царившие в Лесу устои, никто не стал бы посылать за пределы границы спасительные отряды.

Все больше альвов, следуя примеру соплеменников, перестали отказываться от мяса, но все еще оставались и те, кто гордо игнорировал пищу. И именно они чаще других обессиленные оставались лежать на земле, чтобы после отказа подняться на них натравливали вечно голодных ксоло. За последующий день количество пленных уменьшилось почти на десяток альвов. Имперцев это немисливо раздражало, но они ни на минуту не сбавляли темп, продолжая гнать караван к границе. Однако хотя бы жара начинала постепенно спадать: окружающий ландшафт менялся достаточно быстро, и вот уже выжженные солнцем степи уступили место заливным лугам, где гулял приятный ветер, и где речная прохлада разгоняла полуденный зной.

Только глубокой ночью, когда весь караван, включая ифритов, еле передвигался на гудевших от усталости ногах, вдалеке, наконец, показалась имперская граница. Это были всего лишь высокие деревянные столбы с красными флагами, вкопанные в землю каждые пятьсот метров. Находились они посередине чистого поля, совершенно никем не охраняемые. Но после перехода импровизированной черты имперцы заметно приободрились и ускорились еще сильнее, из-за чего даже крепкие ксоло высунули из пастей алые языки и

тяжело дышали. Через пару часов, когда в непроглядной тьме ночи уже практически ничего не было видно, войско ифритов и их невольники неожиданно вышли к небольшой речной пристани, у которой раскинулось несколько заброшенных деревянных домов и сараев, а на причале стояли две узкие величественные галеры.

Это были вытянутые корабли с одним рядом весел и двумя толстыми мачтами с треугольными парусами из грязного коричневого брезента. Эти галеры отличались плавно изогнутым корпусом, у них был низкий тупой нос и высокая корма, оканчивавшаяся стальным украшением в виде чешуйчатого рыбьего хвоста, слабо блестящего в свете звезд.

Пленников, как скот, загнали в темные сырые трюмы кораблей, где пахло гнилью, застаревшим потом и можно было заметить крупных крыс, которые совершенно никого не боялись. Ашарх и Манс вновь оказались разделены с Лантеей и Виеком, так как тех увели на второе судно. Трюм представлял собой сплошные лавки с впаянными металлическими кандалами и длинными веслами, временно втянутыми внутрь. Пленников распределили по лавкам, застегнув тяжелые кандалы на щиколотках. Кисти рук, наконец, освободили от жестких веревок, но у всех рабов на запястьях остались жуткие кровавые следы, которые нестерпимо болели и сильно опухли.

Профессора и Манса посадили вдвоем на одной лавке практически в самом носу галеры. Аш сперва подумал, что им повезло, поскольку остальных пленных разместили по трое, но довольно быстро он осознал свою ошибку, поскольку грести вдвоем оказалось куда тяжелее. Из крошечного окошка, на краю которого лежало одно из весел, ничего не было видно, кроме черной глади реки. Рабам спустили в трюм ведра с речной водой, мешки с надоевшей сушеной кониной и приказали спать до рассвета на жестких лавках.

Манс выглядел ужасно: он был морально и физически истощен. Постоянные тяжелые переходы, однообразная еда и периодические удары кнутом, которые каждый из рабов ежедневно получал за различные мелкие провинности или же просто так, — все это превратило юношу в осунувшегося призрака, который при любом окрике сразу же втягивал голову в плечи и дрожал. Профессор старался чаще приободрять Манса, нашептывать ему добрые слова, которые могли бы поднять боевой дух хетай-ра, но последние дни в глазах юноши все время стояли слезы.

— Послушай меня, — тихо позвал Ашарх своего друга. — Я знаю, тебе сейчас очень нелегко. Как и нам всем. Но нельзя сдаваться. Имперцы добиваются именно этого — ослабить нас, чтобы мы были готовы трудиться в их округах лишь за еду и сон.

— Я уже не знаю, что я хочу, — едва слышно признался Манс, обхватывая себя за плечи. — Это словно бесконечный кошмар, из которого невозможно выбраться. И я устаю бороться, Аш...

— Верю, верю. Но нужно продолжать, понимаешь? Ты ведь силен духом, уж я-то знаю. Ты пережил нападение на Третий Бархан, сумел выжить в Диких тоннелях почти без еды и воды. Ты пересек пустыни, побывал в сердце песчаной бури. Попал в Могучий Лес и не погиб под военной мощью имперцев. Разве можно сейчас отступить? — продолжал шептать профессор, не сводя пристальный взгляд со своего товарища.

— У меня уже нет сил, друг. — В глазах юноши блеснули слезы.

— Вспомни, мы ведь хотели втроем, ты, я и Лантея, уйти на край света. Побывать в горах гарпий. Забыть о войне и просто посмотреть на мир. Вспомни море. Ведь ты был покорен им? А есть и другие моря... Теплые, как парное молоко, или же скованные льдом,

иссиня-черные, изумрудные, бурлящие или спокойные, словно душа мудреца. Неужели ты не хочешь увидеть их все?

— Хочу... — дрожащим голосом произнес Манс.

— Тогда ты должен быть сильным. Морская стихия подвластна лишь тем, кто способен ее обуздать. — Аш коснулся плеча хетай-ра и слегка его сжал. — Мы непременно выберемся и сбежим из этого плена. Только не падай духом и верь мне.

— Ты думаешь, улизнуть от ифритов действительно возможно?..

— После того, как эти галеры причалят в Салкахасе, мы должны будем любым способом бежать. В тех местах будут густые леса, где мы сможем укрыться.

— Но ведь нас наверняка казнят, если поймают? — надрывно протянул юноша.

— Значит, мы не должны попасться им. Вернемся по реке к границе с пустынями или Ивриувайном, а там мы уже сумеем решить, что делать дальше.

В этот момент по трюму прошелся один из надсмотрщиков, вооруженный кнутом. Он проверял, все ли рабы спали, поэтому Манс и профессор быстрее легли на свою лавку, притворяясь дремлющими. А когда имперец вернулся обратно на палубу, Ашарх понял, что хетай-ра успел по-настоящему заснуть, обессиленный долгим и тяжелым днем. Преподаватель решил не будить своего друга, да ему и самому требовался отдых.

Пинок ногой по ребрам вырвал Лантею из приятной темноты сна, возвращая вновь в мир, где она была лишь безвольной рабыней на галерах. Имперцы щелкали кнутами и толкали пленников, которые, с трудом свернувшись калачиком на узких лавках, едва смогли восстановить часть сил за ночь, а их уже собирались подвергнуть очередному испытанию. Новый щелчок — и ифриты указали на тяжелые длинные весла, которые следовало взять в руки и спустить на воду. Хоть ей и помогали два альва-соседа, Лантея едва сдержалась, чтобы не застонать, сделав первый гребок. Деревянные весла казались слишком тяжелыми, чтобы их можно было без усилий толкать даже втроем. Но надсмотрщиков не волновало это: они продолжали щелкать кнутами, подстегивая невольников, а один толстоватый имперец с мясистыми губами сел за тугие барабаны, установленные в носу галеры, и стал отстукивать ладонями единый ритм, в котором рабы должны были вспарывать речные волны.

Виек был прикован к лавке, находившейся прямо перед девушкой. Она не сводила взгляд с напряженной спины гвардейца. Во время стоянки у реки им удалось хорошо промыть раненую руку, ожоги даже начали самостоятельно подсыхать, а количество гноя уменьшилось. Но теперь пленникам предстоял тяжелый труд в виде гребли, а из-за этого рана вновь могла воспалиться.

Лантея чувствовала, как мерное течение реки сопротивлялось напору галер, и ей приходилось прикладывать все больше сил, чтобы весло могло сделать свой оборот. А ифриты неустанно били рабов по спинам, заставляя их работать синхронно. Разве могла когда-нибудь девушка, живя в своем изолированном Бархане, хотя бы подумать о том, что существует такое понятие, как рабство, когда одни существа позволяли себе распоряжаться чужими жизнями просто потому, что они были сильнее и безжалостнее? Она верила в рассказы профессора, когда он говорил о суровом народе ифритов, живших лишь войной и работоторговлей, но, только встретившись с этой реальностью лицом к лицу, Лантея впервые почувствовала себя беспомощным насекомым, схваченным чьей-то безжалостной ладонью. И эта рука безостановочно продолжала сжиматься, грозя раздавить ее вместе с товарищами по несчастью.

Несколько ифритов постоянно ходили между рядами рабов и следили за тем, насколько старательно пленники гребли. Три часа прошли как в тумане: Лантею сильно укачивало из-за того, что она первый раз в жизни оказалась на борту корабля, но ее пустой желудок мог лишь сотрясаться в бесполезных судорогах, а исторгать из себя ему было совершенно нечего. Ладони сразу же покрылись огромными кровавыми мозолями, которые лопались и болезненно сжирали кожу, но хетай-ра обмотала их оторванным от брюк куском ткани, решив хотя бы одну из многих проблем. А вот Виек страдал куда сильнее, чем девушка. Раненая рука не выдержала такой нагрузки и очень скоро, полностью онемев, обвисла вдоль тела, из-за чего мужчине, мучимому лихорадкой и болью, приходилось толкать весло вполсилы. Его соседи недовольно поглядывали на эту обузу, а имперские надсмотрщики стали присматриваться к хворому и метить его кровоточившую спину новыми ударами кнутов, пытаясь придать пленнику скорости и работоспособности.

— Виек, — негромко окликнула Лантея своего товарища, когда ифриты решили передохнуть и, севшись на лестнице в задней части трюма, лениво разговаривали между собой. — Как ты?

— Бывало лучше, — скупое ответил воин, не поворачиваясь и тяжело дыша.

— Ты не чувствуешь руку? — спросила девушка во время очередного рывка весла.

— Мне кажется, я уже ничего не чувствую, — не сразу откликнулся Виек.

Лантея плотно сжала губы. Как она и думала, гвардеец держался из последних сил. Он был вымотан и, скорее всего, постоянные думы о погибшей жене лишь усугубляли его состояние.

— Тебе нельзя показывать свою слабость. Если ты не сможешь грести, то тебя заживо скормят этим черным псам, Виек, — яростно шептала девушка, на которую уже начинали смотреть соседи.

— Какая разница, что со мной теперь будет? Может, я хочу, чтобы это скорее закончилось.

— Нет! — воскликнула Лантея, и сама испугалась своего приглушенного крика, зато надсмотрщики мгновенно поднялись на ноги и устремились к ее лавке. — Эрмина пожертвовала собой, чтобы ты мог спастись и жить дальше! Не смей пренебрегать ее даром!

Девушка едва успела проговорить последние слова, как имперец с толстыми губами уже ударил ее палкой по спине. Лантея сжалась в комок, пряча голову в переплетение рук, но ифрит лишь сильно ткнул ее под ребра, вынуждая вновь приняться за греблю. А Виек, который сумел избежать кары надсмотрщика, неожиданно с трудом поднял изуродованную ожогом руку и положил ее на весло. Ему было невыносимо больно, но он продолжал грести, преодолевая себя.

Трудно было сказать, сколько времени точно они провели в этих темных и вонючих трюмах. Но имперцы заставляли толкать весло целый день, сделав лишь одну полноценную остановку, во время которой галеры поставили на якорь, а рабов облили ледяной речной водой из ведер. За бортом постепенно начинало холодать, это было особенно заметно, когда свежие потоки воздуха проникали через крошечные окошки в затхлые трюмы, где сотни вспотевших разгоряченных тел без остановки гребли на протяжении многих часов.

Единственный раз за день им дали поесть, лишь когда галеры встали у речного берега на ночь. Впервые ифриты пожаловали пленникам не сухую жесткую конину, а небольшие хлебные лепешки, которые были настоящей радостью после однообразного рациона последних дней. Дети Леса пришли в восторг от этой пищи, хотя среди них уже не осталось

тех, кто брезговал есть мясо. Те принципиальные альвы стали кормом для ксоло еще в приграничных землях.

Утром все повторилось снова: рабы гребли, их били и подгоняли щелчками кнутов, а за деревянным корпусом галер была желанная и такая недоступная свобода. Это был бесконечный замкнутый цикл, и никто из присутствовавших на кораблях пленников не знал, как и когда закончится этот кошмар, вторгнувшийся в реальность их жизней. Единственным послаблением судьбы можно было назвать попутный ветер, который позволил, наконец, раскрыть на галерах паруса, что существенно облегчило тяжелую работу обессиленных гребцов.

На закате Ашарх услышал снаружи посторонние звуки. Он мельком выглянул в окошко: вдоль берега сильно сузившейся реки Мистис тянулись невысокие деревянные домики, а кое-где издалека можно было заметить бизонов, запряженных в телеги, и краснокожих всадников верхом на ксоло. Похоже, галеры прибывали в город Салкахас. Профессор весь прошлый день пытался воспроизвести в своей памяти карту империи, чтобы понимать, в какую сторону караван направлялся. По его подсчетам путь до Тардора по главному тракту должен был занять не больше трех дней, а сбежать из крепости генерал-экзарха было бы так же невозможно, как незамеченными проникнуть на территорию Ивриувайна. Поэтому Ашарх намеревался сделать все, что было в его силах, чтобы получить свободу до прибытия в Тардор.

Через полчаса корабли причалили к надежной каменной пристани, и рабов начали расковывать, вновь обматывая веревками их только начавшие заживать изуродованные руки. Горло никому почему-то связывать не стали, лишь сцепили веревками руки соседей по колонне. Ифриты явно успокоились после прибытия в Салкахас, если решили немного ослабить свои суровые меры.

Пленных вывели с галер по трухлявому трапу, скрипевшему под ногами, и перед взорами прибывших раскинулся вонявший рыбой небольшой порт, где в воздухе с оглушительными криками носились стаи чаек. Город оказался совсем невзрачным и, очевидно, являлся лишь точкой отдыха для торговых караванов и военных отрядов. Строений было совсем мало, зато Аш увидел на окраинах обилие шатров кочевников, которые приводили сюда на продажу табуны откормленных лошадей. Насколько помнил профессор, округ Мато Диад, в котором он с товарищами как раз и находился, славился именно разведением лошадей. Жаль, что выращивали их исключительно ради мяса, так как лошади в роли гужевого транспорта здесь были не в чести. Это место успешно занимали бизоны, славившиеся своей стойкостью, массивностью и крутым характером, норовя насадить на рога любого, кто не являлся их погонщиком.

Рабов ровными шеренгами вели через главную и, судя по всему, единственную широкую улицу города. На небольшое войско и пару сотен пленных никто даже не обращал внимания. Кругом, перекрикивая друг друга, зазывали покупателей разнообразные ифритские барышники, но практически у всех них единственным товаром были лошади, на которых Аш смотрел с жалостью. Несколько раз профессор замечал гоблинов, коробейников и лавочников, которые во все горло торговались с прямолинейными и вспыльчивыми имперцами, совершенно не боясь вызвать их гнев. Эти купцы чувствовали себя здесь как рыба в воде, а ассортимент их товаров был до неприличия богат: кувшины медовухи и ягодных настоек, роскошные шелковистые меха, нефритовые изделия, привезенные из Леса, отделанное серебром оружие и разные элементы доспехов от тяжеловесных наплечников и

наручей до громоздких кольчужных юбок, надевавшихся поверх традиционных кожаных боевых юбок ифритов.

Ифритский город не отличался от человеческого особенной архитектурой: здесь было множество простых деревянных домов, сложенных из срубов, и более богатых каменных построек, явно принадлежавших знатным семьям, судя по небольшим садам и высоким заборам с острыми пиками. Эти облицованные гранитом здания чаще всего были украшены металлическими флюгерами, изящными коньками и даже декоративными скульптурами на фасадах. Однако Салкахас все же был достаточно небольшим и малочисленным городом, поэтому подобных выделявшихся роскошью домов Ашарх по пути увидел всего несколько штук. В столице империи, насколько он знал, каждое здание считалось настоящим произведением искусства, там знать только и делала, что соревновалась друг с другом, кто вложит в свое родовое гнездо больше средств. Но профессору не очень хотелось лично убеждаться в неповторимости архитектурных решений столичных поместий, поскольку для чужаков попадание в Эрлун означало лишь смерть у жертвенной пирамиды в честь богини Азумы и ничего иного.

Очевидно, надсмотрщики не планировали делать остановку на ночь в Салкахасе, потому что, пройдя небольшой город насквозь, имперцы уверенно вывели караван к широкому мощеному тракту, который находился немного в отдалении от поселения. Всю империю соединяли хорошие, добротно сделанные дороги, которыми ифриты очень гордились и постоянно следили за их состоянием, своевременно занимаясь починкой. Возможно, именно благодаря этой замечательно развитой дорожной сети им удавалось так быстро перебрасывать огромные войска с места на место, в отличие от Залмар-Афи, который славился отвратительным качеством своего единственного тракта, соединявшего западные и восточные регионы. О состоянии остальных дорог, разбитыми колеями расходившихся во все стороны от главного тракта, даже не стоило и вспоминать. Это был бич Залмар-Афи и постоянная тема для недовольств среди народа.

Ашарх чувствовал, что к нему возвращалась былая уверенность. Жар, царивший на окраинах пустынь Асвен, давно остался позади, а ровные выжженные солнцем степи за время их плавания сменились сперва зелеными лугами, а после уже и редкими рощами, которые с каждым километром продвижения на северо-восток становились все гуще и непрогляднее. Теперь побег казался более реальным: если в степи их было бы видно, как на ладони, то в лесу можно было затеряться и запутать след. Надсмотрщики продолжали вести караван по тракту, хотя солнце давно уже село за горизонт и в воздухе даже появилась ощутимая ночная прохлада. Профессору повезло оказаться рядом с небольшой группой ифритов, которые на повышенных тонах разговаривали друг с другом, шагая возле невольников. Среди имперцев Аш сразу узнал одного из сотников легкой пехоты, а, судя по тону, которым он беседовал с окружавшими его воинами, остальные тоже носили звания сотников или по крайней мере десятников.

— А, дрянной денек! Сегодня мы не успеем дойти до границы округа Си Харук при всем желании. Это еще не меньше шести часов ходу, а уже темно, хоть глаз выколи. Как ни крути, придется вставать на ночевку.

— Только сперва отойдем подальше от тракта и уже там разобьем лагерь. Не особенно хочется располагаться у всех на виду, прямо возле дороги, когда тут всюду слоняются эти треклятые коневоды. Еще выкрадут нашу добычу. С них станется!

Ашарх шел практически в метре от разговаривавших сотников. Он старался ничем не

выдать того, что замечательно понимал ифритскую речь и активно подслушивал, поэтому его голова была опущена и за лицами командиров он не наблюдал. Но алчно внимал каждому их слову.

— Я знаю тут одно место. Мы с Крысиным Хвостом там останавливались пару раз, когда перевозили ксоло. Большая пещера с несколькими загонами. Думаю, для нас такая хорошо подойдет. И на случай дождя будет крыша над головой.

— И далеко до нее? — поинтересовался кто-то грубым голосом.

— От Салкахаса часа два ходьбы по тракту на северо-восток. У сожженного дуба нужно свернуть и углубиться в лес. И там еще пару километров по бурелому.

— В темноте только ноги себе переломаем! — воскликнул один из имперцев.

— Цыц, Лисье Ухо! Уж лучше полчаса по оврагам и валежнику, чем прямо у тракта спать...

На некоторое время ифриты замолчали, и Ашарх уже расстроился, что узнал там мало. Один из рабов, находившихся недалеко от профессора, неожиданно споткнулся, и кто-то из сотников сразу же схватился за кнут, вынуждая пленника подняться болезненными обжигающими ударами.

— Слушай, Крик Рыси, ты же собираешься в Эрлун, к пирамиде, после Тардора? — внезапно громко спросил имперец, который шел позади Аша, из-за чего тот неосознанно вздрогнул.

— Тебе кто сказал? — угрюмо откликнулся сотник всадников, ехавший верхом на облезлом покрытом лишаем ксоло. — Ну, собираюсь, положим... Только это не твое собачье дело.

— Да не ворчи ты, старый хрен! Я ж только узнать хочу, ты скольких рабов попросишь у экзарха? — не унимался разговорчивый воин.

— Дюжину.

— Да если он десяток даст, то уже недурно будет! — засмеялся один из соседей наездника.

— Даст десяток, возьму десяток, — продолжил брюзжать сотник.

— А что собираешься просить у богини?

— Да что ты докопался?! — не выдержал всадник и смачно сплюнул на землю. — Отъебись от меня к гоблинской матери!

— Сын у него бестолочь, решил в ремесло податься. Кожевником хочет быть, — пояснил высокий немолодой ифрит, несший на себе небольшой деревянный бочонок, от которого пахло хвоей и спиртным. — Хочет Азуму просить надоумить мальчика. Ему преемник рода нужен, крепкий воин, а не сраный рукодельник!

— М-да, — протянул болтливый имперец, — за такое стоит десяток пожертвовать... Хотя экзарх опять одних баб даст, как пить дать! Из них хорошо если только половина сдохнет до Эрлуна.

— Ну а кого ему давать? Сильных рабов он себе оставляет.

— На кой хер ему так много? Их и так уже селить некуда, расплодилось, как саранча!

— Ему рабочие руки все время нужны...

— Ой, не скажи! Он всегда их так много держит только потому, что в гневе любит избивать невольников до полусмерти. Вот они быстро и изводятся. Это все знают.

— Ага-ага! — подтвердил кто-то со стороны. — А тех, кто похилее, на продажу сразу отправит в Аэтия Кас, как всегда. Казна-то тоже мелеть не должна.

— Опять туда идти, на этот рынок вшивый... Не хочу! Далеко! — внезапно с досадой прорычал разговорчивый ифрит. — Да и скупают там одни прощельги, докапываются до всего. Этот им дохлый, а этот беззубый. Они рабов покупают на шахты или, твари их сожри, себе в жены?!

— Да все потому, что там торгуют одни эти паскудные гоблины! Покупают за бесценок, а потом перепродают где-нибудь в восточных округах и хорошенько на нас навариваются. Я давно говорил, что пора рабов на другие рынки возить. Нечего этой погани мелкой деньги нести.

— Ну и куда ты их повезешь? Аэтия Кас — самый крупный рынок рабов в империи. На других десятками никто скупать не будет, а тут еще и на аукционе можно срубить побольше монет. Да и выпивка там что надо!..

Ашарх уже не вслушивался в дальнейший разговор. Ему и так все стало понятно. В Тардоре пленников должны были разделить: физически крепких мужчин собирались оставить в крепости экзарха, женщин отвезти в столицу для жертвоприношения, а всех остальных продать на рынке Аэтия Кас хоть за какие деньги. Профессор почувствовал, как по его телу пробежалась мелкая дрожь от осознания всего, что должно было произойти с ним и его товарищами в скором будущем. Если до Тардора они не покинут караван, то окажутся разделены, поскольку Лантею, скорее всего, увезут в Эрлун. Этого нельзя было допустить.

Наконец, после длительного марша по тракту, имперцы сошли с широкой дороги, и вся колонна солдат и их пленников углубилась в темный лес, раскинувшийся по обе стороны от дороги. Полчаса в непроглядном мраке войско преодолеvalo непроходимые дебри и овраги, пока ифриты, подсвечивая себе путь факелами, не вышли к крупной пещере, вход в которую зиял черным зевом пролома. Внутри оказалось достаточно просторно. Это явно было популярное место для стоянки, так как на земле виднелись старые кострища, лежал мусор и даже белели чьи-то обглоданные кости, а еще гадко воняло собачьей мочой. Помимо крупного основного зала, находившегося под небольшим уклоном, по бокам располагались две отдельные естественные ниши. Одну из них приспособили под загон для ксоло, а во вторую завели пленников. Места там было не очень много, но рабы за столько дней уже привыкли к любым неудобствам и научились радоваться любым послаблениям даже вроде простой крыши над головой. Альвы, насколько им позволяли веревки, связывавшие шеренги, тихо разбились на небольшие группки и негромко разговаривали. Ифритам явно было чем заняться: в соседнем зале пещеры они носили из леса валежник и хворост, разжигали костры и обустроивались на ночлег. Никто, даже один приставленный охранник, не заглядывал в нишу рабов, позволяя им свободно перешептываться.

Впервые за многие дни Ашарх, Манс, Лантея и Виек смогли собраться все вместе. Они сели у дальней стены этого крошечного зала, выделенного для пленников. Первые минуты спутники просто в молчании осматривали друг друга, подмечая кровоподтеки на коже от ударов, осунувшиеся исхудавшие лица и изорванные обноски, в которые превратилась когда-то добротная одежда. Каждый из них боролся с отчаянием по-своему в последнее время, но теперь, когда они сидели так близко, что могли дотронуться друг до друга или даже свободно обнять, то силы начали возвращаться к ним. Их было четверо, и теперь никакие беды и напасти не могли подорвать их надежду на побег.

— Как рука Виека? — в первую очередь поинтересовался Манс у Лантеи на залмарском.

— Ужасно, — тихо призналась девушка. — Из-за постоянной гребли на галерах она перестала слушаться. Виек теперь при всем желании не может ее даже поднять. Там все воспалено, огромное количество гноя и кожа вокруг начинает чернеть... Я не думаю, что она восстановится. По-хорошему, ее стоит отрезать, чтобы больная кровь не отравила все остальное тело.

Все в отчаянии поглядели на воина, который, слегка прикрыв глаза, молча сидел рядом и сжимал предплечье своей больной руки. Судя по стиснутым зубам и сведенным бровям, она доставляла ему жуткие муки каждую секунду.

— Мы не сможем сами помочь ему, — произнес Ашарх, покачав головой. — Для этого надо хотя бы обладать оружием и суметь прижечь рану... А этих имперцев явно не заботит его рука.

— Их, кажется, совсем ничего не заботит, — выдохнул Манс. — Что с нами вообще будет дальше?

— Я подслушал, что через три дня нас приведут в Тардор, крупный город в соседнем округе, — поделился Аш. — Там нас разделят. Самых крепких мужчин оставят работать на экзарха, слабых отправят на продажу на рынок рабов, путь до которого совсем не близкий, а женщин отвезут к жертвенной пирамиде в столице, где им перережут глотки в честь богини Азумы.

Пока профессор рассказывал, что ему удалось подслушать, лица его спутников мрачнели с каждым словом.

— Дерьмо... — Лантея закрыла лицо руками, сгорбив спину. — Это просто бездушный народ мучителей и изуверов. Нет страны хуже, нет отвратительнее нравов...

— Мы должны что-то сделать. Этого нельзя допустить, — сказал Манс, которого очень испугали слова друга.

— Я не знаю, представится ли нам более удобный шанс. Но думаю, сегодня лучшая ночь, чтобы сбежать, — сам не ожидавший от себя подобной решительности, проговорил Ашарх.

— Почему именно сегодня? — хором спросили брат и сестра.

— Они откровенно расслабились, — хмыкнул профессор, — даже не связали нам шеи и разрешают болтать, хотя раньше за это били. Если мы перережем или перетрем веревки в этой нише, то никто даже ничего не заметит, потому что мы скрыты от глаз имперцев, сидящих у костра. А по лесу будет проще скрыться от погони, если они решат ее за нами отправить.

— А что делать с псами? — серьезно спросил Манс, пальцами поглаживая свои старые четки, обмотанные вокруг запястья. — Они весьма чуткие и сумеют быстро нас догнать, если их спустят.

— Надо их как-то отвлечь. — Преподаватель нашел на полу несколько мелких камней и принялся их раскладывать в определенном порядке. — Вот мы, а вот здесь держат ксоло. Ифриты будут спать вокруг костра в основной зале. У нас три проблемы. Первая — это охранник, который сидит у выхода из нашей ниши, вторая — псы, которые сразу же начнут лаять, третья — это имперцы с собаками, которых поставили на выходе из пещеры.

— Если бы мы смогли как-нибудь перерезать веревки и освободить всех пленников, то в общей суматохе, когда все побегут в разные стороны, у нас был бы шанс скрыться, — неуверенно произнес Манс. — Как я понял, в темноте ифриты видят не очень хорошо. Мы же сможем сориентироваться в ночном лесу и даже спрятаться от солдат.

— Но не от ксоло, — категорично заявила Лантея. — Это наша основная проблема. Они слишком быстрые и чуткие, голыми руками с ними не справиться.

— А охранник тебя совсем не волнует? — вымолвил Аш.

— По его поводу даже не волнуйтесь.

Девушка протянула связанные руки к своим растрепавшимся красным волосам и извлекла из переплетения спутанных косичек нефритовую шпильку, которую ей на прощание подарил Оцарио. Обнажив скрытое лезвие, Лантея продемонстрировала друзьям на конце острия засохшую корку ядовитой слизи, каплю которой хетай-ра некогда позаимствовала у тропической лягушки.

— Невероятно, — протянул Ашарх. — Как тебе удалось сохранить ее? Я думал ифриты еще в Гарвелескаане отобрали у пленников весь нефрит.

— Не заметили. — Лантея пожала плечами. — Она выглядит довольно невзрачно. Но этот яд как раз и поможет нам незаметно устранить охранника.

— Он ведь совершенно весь высох... — разочарованно заметил Манс, разглядывая вещь.

— Даже капли слюны будет достаточно, чтобы вернуть ему прежние свойства. Уж поверь мне, я знаю толк в ядах, — усмехнулась девушка и убрала шпильку обратно в свои взъерошенные волосы. — Так что основными проблемами остаются ксоло и веревки. Я не смогу перепилить этим лезвием путы, к тому же надо беречь сохранившиеся остатки яда. Нам нужен способ, как развязать себе руки.

— Можно просто распутать веревки, — предложил Манс.

— Слишком долго, — возразила Лантея. — Особенно если будем помогать еще и альвам. Хотя я вообще не уверена, что их стоит освобождать. Вчетвером у нас будет куда больше шансов выбраться из пещеры незамеченными.

— Не согласен, — резко сказал Ашарх. — Пока ксоло здесь, мы не сможем уйти, скрывшись в тени. Альвы, скорее всего, побегут большими группами, поэтому псы и наездники выберут их своими целями. Как бы мне ни было жаль детей Леса, но они будут отвлекать от нас собак.

Профессор говорил и сам удивлялся собственным словам. Никогда бы раньше он не смог с таким равнодушием отправить на смерть десятки невинных рабов, чтобы отвлечь от себя погоню. Неужели в нем что-то так сильно изменилось за все время, проведенное в плену?

— В любом случае сейчас еще рано что-либо делать. Нужно дождаться, пока весь лагерь погрузится в сон, — заметил Манс, аккуратно выглядывая в проход. Ифриты успели сходить на ночную охоту и вернулись с крупным кабаном, который уже поджаривался на огне. Альвы морщились и жевали сухой хлеб, а хетай-ра оставалось лишь вдыхать аппетитные запахи и надеяться на то, что вскоре им и самим удастся полакомиться нормальной пищей.

— Думаю, мы можем позволить себе поспать пару часов, потому что нам понадобятся все силы. А когда имперцы заснут, я постараюсь избавиться от охранника у нашей ниши, — пообещала Лантея.

— Даже если у тебя это выйдет, то что потом? — спросил Аш. — Все еще неясно, как выбраться из пещеры, не привлекая к себе внимание ксоло.

— Будем действовать по ситуации, — с тяжелым вздохом ответила девушка. — В любом случае я постараюсь продать свою жизнь как можно дороже, если все пойдет плохо. У нас будет только один шанс... Даже если кого-то схватят, то остальные должны будут бежать, не

пытаясь помочь. Именно наше сострадание погубило нас в Гарвелескаане. Тут мы не должны допустить подобной ошибки. Хоть кто-то должен спастись. Пообещайте мне, что не броситесь помогать, если мне не удастся выбраться!

Оба мужчины нахмурились. В словах их спутницы была доля суровой правды, но тяжело было это признавать. Они нехотя по очереди кивнули, подтверждая, что слышали Лантею.

— Вот и хорошо. Ложитесь спать, я разбужу вас через несколько часов.

Сама девушка слишком сильно волновалась, чтобы позволить себе спокойно подремать. Тем более она боялась, что из-за усталости проспит их единственный шанс на побег. Поэтому, как только Ашарх и Манс погрузились в крепкий сон, хетай-ра легко толкнула в грудь Виэка, молча сидевшего у стены с закрытыми глазами. Он сразу же распахнул веки, словно ждал этого.

— Мы хотим бежать этой ночью, — Лантея кратко ввела гвардейца в курс дела. — Как только ифриты заснут, я убью охранника, мы освободим рабов и постараемся уйти в лес, как-нибудь миновав псов...

— Я не пойду с вами, — неожиданно прервал девушку Виэк.

— Почему? — в растерянности спросила хетай-ра

— У меня нет больше сил.

В этой короткой фразе было столько отчаяния и безнадежности, что Лантея даже не нашлась, что сказать в первые секунды.

— Постой. Просто послушай, Виэк, — сбивчиво заговорила она, — мы уже совсем близки к свободе. Скоро все закончится. Этой ночью мы перестанем быть рабами. У нас есть неплохие шансы скрыться в этих лесах и запутать следы. Если будем действовать слаженно, то все получится.

— Я же сказал, что не пойду с вами, — непреклонно повторил Виэк. — Я устал бороться за каждый новый день жизни. Зачем она мне нужна, если Эрмины больше нет? Я не смог ее защитить, я жестоко искалечен, а все мое существование теперь не имеет никакого смысла.

Лантея заглянула в лицо собеседника. Воин окинул ее совершенно пустым и безжизненным взглядом, в котором не читалось ничего, кроме желания поскорее закончить эту беседу.

— Но ведь ты так долго сражался... Ты терпел эти трудности, чтобы в последнюю решающую минуту сдаться? Ты — неотъемлемая часть нашего отряда, и мы сумеем тебе помочь. Руку можно вылечить, а светлая память об Эрмине навсегда останется с тобой. Она ведь подарила тебе шанс на спасение, шанс на жизнь. Прошу... не отказывайся от него так легко.

— Мою руку можно лишь отрезать, а что я за воин буду без руки? Я зарабатывал себе на пропитание с помощью клинка, я носил титул лучшего мечника Первого Бархана, а так я останусь лишь беспомощным никому ненужным калекой. И зачем мне это подобие жизни, где не будет битв, любимой жены и будущего? Я лишен всего.

Виэк говорил очень тихо и вкрадливо, а его слова пробирали до дрожи.

— Ты ведь так силен, так упрям и отважен. Разве можешь ты взять и просто сдаться? — все еще не верила гвардейцу Лантея.

— Это Эрмина делала меня сильным. До встречи с ней я был обыкновенным наемником, искателем, заблудшей душой... Я мог лишь пить и драться до разбитых кулаков в вонючих переулках. Она дала мне силы бороться, стать лучшей версией самого себя. Я

трудом и усердием добился титула Первого меча, поступил в личную гвардию матриарха. Все лишь для того, чтобы она могла мной гордиться. И без нее мне все это вновь стало ненужно. Без нее я вновь сделался обыкновенным слабаком.

— Виек...

— А вот вам действительно стоит бежать. У вас троих еще вся жизнь впереди, вы не одиноки так, как я. У вас еще есть надежда. Потому просто оставьте меня здесь и уходите.

— Я прошу тебя, не говори так... Пойдем с нами. В жизни каждого есть место потерям и трудностям, но это не повод сдаваться и опускать руки. Все можно решить, все можно принять. — По бледному лицу девушки скатилась одинокая горькая слеза. — Они же убьют тебя, понимаешь? Эти ифриты скормят тебя своим кровожадным псам или заставят тяжело трудиться до тех пор, пока ты не умрешь от истощения. Разве это достойный конец? Эрмина любила тебя всем сердцем, ее дух все еще здесь, рядом с тобой, незримо наблюдает за дорогим мужем. Неужели ты хочешь, чтобы она видела, как ты погибаешь от голода или болезни в рабских оковах?.. Она была бы счастлива, если бы ее муж прожил долгую жизнь и всегда помнил о ней.

— Нет. Вы правы. — Гвардеец неожиданно резко повернулся и схватил здоровой рукой Лантею за запястье. — Это недостойный война конец. Эрмина погибла, как полагается воину, — в бою, в чужой крови, сжимая в руке меч. Я не могу подвести ее и умереть в грязи, подобно псине.

— О чем это ты говоришь? — испуганно прошептала девушка, широко распахнув глаза.

— Клянусь Эван'Лин, я помогу вам уйти, — решительно и твердо проговорил Виек выпрямляя спину. — Вы сказали, что вам нужно миновать этих черных ифритских собак. Я отвлеку их на себя.

— Что? О, богиня, нет! — Лантея с трудом воздержалась от крика.

— Если я погибну с честью, спасая своих товарищей, то мою жизнь нельзя будет назвать пустой или бессмысленно прожитой. Это будет хорошая смерть для воина.

— Тьма! Да ты с ума сошел? Что хорошего в такой смерти? Ксоло разорвут тебя на части, как кусок мяса!

— Не кричите, посол. — Виек предупредительно посмотрел на девушку, отпуская ее запястье из своего крепкого захвата. — Я буду бесполезен в бою и быстро отстану при побеге, но в моих силах задержать этих псов и их хозяев. А это спасет ваши жизни.

— Я отказываюсь принять эту жертву! Ты или уходишь вместе с нами, или мы все останемся здесь.

— Не спорьте со мной. Это все вовсе не вам решать. Уж позвольте мне самому распоряжаться собственной жизнью. Или вы хотите запретить мне даже погибнуть с честью?.. Поймите, я ведь хочу скорее присоединиться к Эрмине, но мне нельзя посрамиться перед ее светлым духом поганой трусливой смертью.

— Ты бредишь... — Лантея кусала губы, слушая Виэка и не зная, как его отговорить.

— Не стойте на пути у чужого счастья. А для меня сейчас единственное счастье — это скорее избавиться от этой боли и слиться воедино с женой, которая давно ждет меня в мире духов.

Гвардеец не сводил проникновенный взгляд своих темно-серых глаз с девушки. И в этом взгляде читалась всепоглощающая тоска, боль утраты, отчаяние и какая-то удивительная пронзительная ясность, словно Виек впервые в жизни четко осознал, для чего он был рожден. И Лантея просто не могла отвернуться в сторону в этот момент и отказать воину,

открывшему ей свою душу.

— Пусть будет по-твоему.

Девушка едва смогла прошептать эти судьбоносные слова бескровными губами, чувствуя, как все внутри нее сжималось от ощущения грядущей утраты, а соленые слезы прокладывали по ее щекам мокрые дорожки.

Ашарх стоял посередине бескрайнего лабиринта, стены которого были так высоки и неприступны, что из-за них не было видно неба. Бесконечные петлявшие ответвления манили профессора, но каждый раз заводили его в черные чрева тупиков. Лабиринту не было конца, а мужчина все бежал по длинным однообразным коридорам, касаясь руками холодных стен. Всепоглощающая тишина давила на уши, и в какой-то момент Ашарх подумал, что если он закричит, то вся эта иллюзия разобьется, подобно зеркалу. Он уже целую вечность изучал одинаковые ответвления, и наконец ему стало казаться, что из темных углов и тупиков нечто жуткое следило за всеми его метаниями. Что-то изучало его повадки и жесты, молча наблюдало за отчаянными попытками выбраться и все запоминало.

Земля под ногами профессора внезапно стала удивительно мягкой. Он бросил взгляд вниз и с ужасом увидел, что из почвы сочилась влага. Вода прибывала все быстрее и быстрее в полной тишине, и вот мужчина уже по щиколотку стоял в затопленном лабиринте, чувствуя, как от холода немеют его ступни. Он пытался бежать вперед, в надежде, что где-нибудь сумеет взобраться наверх или отыскать островок суши, где дождетя, пока потоп закончится. Но темная непрозрачная вода затопила коридоры уже по колено, а вскоре и по пояс.

И в этот момент у Ашарха дрожь пробежала по спине: он почувствовал, что в этой воде что-то плавало. Оно задевало его ноги, совершенно не боясь быть обнаруженным, а за спиной мужчины периодически раздавались громкие всплески, словно неведомое создание выныривало, чтобы посмотреть на свою жертву.

Профессор невольно закричал. Вода уже поднялась до уровня груди, и в одно мгновение земля словно исчезла из-под ног не умеющего плавать Ашарха. Под ним раскинулась глубочайшая бездна, в которой сидело неведомое существо, жаждавшее его поглотить. А бесконечные стены лабиринта по-прежнему уходили наверх, хотя вода уже добралась до подбородка. Он чувствовал, что еще минута, и либо он захлебнется, навечно поглощенный этой темной пучиной, либо его съест жуткая подводная тварь. Ашарх крепко зажмурился, больше всего на свете желая, чтобы это скорее закончилось...

И распахнул глаза уже в пещере, где ифриты держали своих пленников. Он нервно огляделся по сторонам, но вокруг лежали лишь его друзья и спавшие альвы. Не было никакого лабиринта и ровных, уводивших в неизвестность, стен. Не было черной воды и неведомого существа, желавшего его проглотить. Аш шумно пытался отдышаться, и на этот звук подняла голову Лантея, которая отдыхала неподалеку, погруженная в глубокую задумчивость.

— Что случилось? — едва слышно спросила девушка и подползла ближе. — Ты почему весь мокрый?

Профессор не сразу понял, о чем она говорила, но, опустив взгляд вниз, с ужасом увидел, что вся его одежда была насквозь сырая, словно он только что искупался в холодном водоеме.

— Проклятье... — Преподаватель впился пальцами в виски. — Кошмар приснился.

— И ты так вспотел из-за него? Да тут можно целое ведро выжать. — Лантея потрогала его штанину и нахмурилась. — Что же это за сон такой был?

Ашарх откровенно замялся с ответом. Он подозревал, что странные сновидения, все продолжавшие и продолжавшие посещать его в последние недели, были вызваны увиденным существом в заброшенном храме культистов, но как рассказать об этом девушке, не вызвав подозрений касательно своего здравомыслия, не знал. Его почему-то пронзила неожиданная мысль о том, что если он перескажет свои кошмары, то они начнут терзать и Лантею. Природу этой мысли Аш не сумел себе объяснить, однако, она внезапно довольно прочно поселилась в его голове. Поэтому он торопливо ответил, постаравшись придать своему тону как можно больше флегматичности:

— Да... Обычный кошмар. Здесь просто очень душно, совершенно нечем дышать.

— Неужели? — Девушка с сомнением оглядела своего спутника, но допытываться ни о чем не стала. — Знаешь, у моего народа есть поверье, что когда снятся кошмары, то это иные боги пытаются пробраться в мысли и воспоминания хетай-ра, чтобы заставить нас забыть нашу истинную Матерь, Эван'Лин. Поэтому мы носим разные небольшие амулеты, напитанные душевной энергией и защищающие нас от беспокойных снов и посягательств чужих богов. У меня вот, например, еще от одной из бабушек осталось это колечко.

Лантея вытянула руку. На среднем пальце красовалось узкое костяное кольцо с простым витиеватым узором, на которое профессор никогда раньше не обращал внимания.

— А в Залмар-Афи принято считать, что лишь грешники видят кошмары, — Аш ухмыльнулся.

— Если ты грешник, то я тогда настоящее чудовище. — Девушка чуть печально улыбнулась и стянула с пальца кольцо. — Возьми его. Мне вообще редко сны снятся, а тебе может помочь.

Преподаватель робко принял неожиданный подарок, хотя надеть его он сумел лишь на мизинец.

— Вот и молодец... Что ж. Думаю, хватит ждать. Нам пора действовать, — следом тихо добавила Лантея. — Уже все спят, даже наш охранник у этого входа.

Она осторожно толкнула Манса, лежавшего неподалеку, и потрепала по ноге Виека, который спал, облокотившись на стену. Как только девушка принялась распутывать веревки на руках, лица мужчин стали сосредоточенно серьезными. Путы поддались достаточно быстро, освобождая израненные запястья пленников.

— Думаю, будет лучше сначала разобраться с охранником, а потом решить, что делать с альвами, — негромко предложил Манс, который казался непривычно суровым в этот момент.

Лантея лишь кивнула и, осторожно перешагивая через тела спящих рабов, бесшумно подобралась к выходу из ниши, где держали пленников. Мощный ифрит, пренебрегавший своими обязанностями, а, может, просто отогревшийся у костра и разомлевший от жареной кабанины, беззаботно дремал, перегородив своим крупным телом узкий проход. Он сидел,

прислонившись спиной к стене и сложив все четыре руки на груди. Однако, когда девушка вплотную подобралась к нему, то ее взгляд неожиданно упал на пояс имперца, на котором, помимо остального оружия, висели простые кожаные ножны. Из них выглядывала рукоять с навершием в форме головы орла из зеленого стекла. Это был нож Лантеи, подаренный ей Мансом и отнятый еще при пленении.

Такой дар судьбы она просто не могла упустить. Девушка, практически не дыша, аккуратно протянула руку и принялась медленно вытягивать клинок из ножен. Каждый раз, когда ифрит начинал похрапывать во сне, она останавливалась и замирала, но вскоре заветный нож все же оказался у нее в руках. Похоже, Эван'Лин ей в кои-то веки благоволила.

За спиной Лантеи, стараясь не издавать шума, сидели хетай-ра и профессор, которые во все глаза наблюдали за ее действиями. Положив пока что стеклянный клинок рядом с собой на землю, она достала из волос нефритовую шпильку и обнажила скрытое лезвие. Яд плотной синей пленкой облепил кромку, и девушка осторожно смочила ее слюной, а после изучающим взглядом прошлась по телу спавшего воина, возле которого она укрылась в тених. Это был настоящий гигант, который бы ничего не почувствовал, даже если бы его покусал во сне дикий зверь, но Лантея не могла рисковать и выискивала место, где сумела бы нанести всего один точный порез. На руках вены ифрита были сильно вздуты из-за привычки орудовать тяжелым топором, закрепленным на поясе поверх боевой юбки, и именно этой слабостью решила воспользоваться хетай-ра. Она сделала одно быстрое и легкое движение по самому вздувшемуся бугорку вены. Крошечная царапина, которая едва бы сравнилась в своей болезненности с укусом комара, появилась на предплечье имперца. Несколько капель крови, выступивших из пореза, стали подтверждением того, что отравы с лезвия шпильки попала внутрь тела. Оставалось лишь ждать.

Видимо, из-за того, что яд был разбавлен слюной, он начал действовать лишь через тридцать долгих секунд. Лантея все это время, совершенно не двигаясь, сидела на корточках, в любой момент готовая упасть на пол и притвориться спящей. Но милость богини определенно была в эту ночь на ее стороне, потому что руки имперца медленно и словно бы нехотя расслабились. Шея воина перестала удерживать голову, и ифрит неторопливо стал заваливаться на бок, но Лантея бесшумно его поддержала, потянула на себя и опустила на пол. Когда тело коснулось земли, в нем уже не было жизни.

Виек первым подполз к девушке и удостоверился, что единственный охранник мертв. Он аккуратно снял с его пояса все остальное оружие: тяжелый боевой топор, простой охотничий нож и щербатый катар. Топор гвардеец оставил себе, примериваясь к его весу здоровой рукой, катар протянул Лантее, нож же отдал Ашарху и Мансу, которые по беззвучному сигналу тихо принялись перерезать веревки на руках спавших альвов поблизости.

— Ты просто пойдешь в их загон? — одними губами спросила девушка у Виека.

— Отрежь от мертвеца кусок мяса и дай мне. Я все сделаю. А вы уходите, как только поднимется суматоха, — на ухо Лантее прошептал гвардеец.

Пару секунд она смотрела на воина, стараясь запомнить его как можно лучше. Пусть это был его собственный выбор, но девушка чувствовала тяготившую ее ответственность не только за ужасную смерть Эрмины, но и за гибель Виека, которая вот-вот должна была произойти.

— Помолись о нас Эван'Лин, — напоследок вымолвил гвардеец. Он прижал последний

раз к губам браслет из ракушек и, с трудом сжав обезображенной рукой кусок кровоточившего мяса, срезанного Лантеей с плеча мертвого ифрита, подхватил топор, поднимаясь на ноги. Ашарх и Манс, которые уже неслышно разбудили нескольких альвов, даже не успели заметить, в какой момент Виек незримой тенью выскользнул в основной зал.

— Куда он ушел? — тихо спросил у сестры Манс, но молчание было ему ответом.

Гвардеец аккуратно пробирался по стене к нише, где мирно спала свора ксоло. Девушка все это время не сводила взгляд с силуэта хетай-ра, ожидая момента, в который следовало дать сигнал рабам. Когда мужчина подошел к загону максимально близко, то он с силой бросил мясо в сторону псов, и животные, разбуженные запахом свежей крови, мгновенно проснулись, заливаясь лаем и набрасываясь на добычу. Ксоло с воем впивались клыками в единственный кусок мяса, вырывая его друг у друга и хватая соперников за холки. Завязалась настоящая схватка: звери были голодны и жестоки, они драли уже не брошенное им мясо, а членов своей стаи.

Спросонья ифриты не сразу поняли, что творилось, но увидев вооруженного раба, рядом с которым яростно металась свора ксоло, мгновенно поднялись с мест, хватаясь за оружие, и бросились в сторону загона, чтобы убить пленника и успокоить животных. Расчет хетай-ра оказался верным: псы, сидевшие у входа в общую пещеру, гонимые инстинктами, тоже ринулись к своей стае. А их хозяева с криками гнались за сошедшими с ума от голода и жажды крови ксоло.

Вход оказался свободен, а весь лагерь имперцев был отвлечен происходившим. Костры давно погасли, и в ночной темноте, освещаемой лишь слабым светом звезд, ифриты не сразу заметили, как их пленники, прижимаясь к стене, быстро выскользнули из чрева скалы друг за другом. Троица друзей была в их числе: они одними из первых покинули пещеру и бросились бежать в мрачный лес, различая за спиной лишь безумные вопли ифритов, лай псов и яростные крики Виека, который старался как можно дороже продать последние секунды своей жизни.

Лантея бежала впереди своей группы, а по ее щекам текли непрошеные слезы. Она вдыхала запах свободы, но он уже не казался ей таким приятным и сладким, как раньше. Аш и Манс, в исступлении сжимавшие кулаки, не отставали. Они уже догадались, какой выбор сделал Виек, но тем тяжелее было его теперь принять и простить самих себя за то, что потеряли еще одного товарища, спасая собственные жизни.

Глава десятая. Сны, воплощенные в реальность

Мы живем не в стремлении обрести покой после смерти. Мы лишь ищем пути, как добиться Его благоволения, дабы дозволено было нам познать Пустоту.

Никто. Записи слугителей запретного культа

Следующие несколько часов их жизни смешались в мелькавшие темные силуэты деревьев и безумную боль в легких. Они бежали без остановок, задыхаясь и спотыкаясь о корни деревьев, но продолжая свою сумасшедшую гонку из последних сил. У них не было времени прислушиваться к своим телам, погоня могла в любой момент напасть на их след. Десятки альвов, как тараканы, врассыпную бросились в лес после освобождения, но это не давало друзьям даже слабой надежды на то, что разъяренные ксоло не выберут своей жертвой именно их троицу. Ифритов и псов было достаточно, чтобы поймать большинство рабов. Их могла остановить лишь темная ночь и коварные овраги, в которых легко можно было переломать себе ноги.

Ночь была прохладной. Пар вырывался из легких беглецов при каждом выдохе, белым облаком замирая в воздухе и через мгновение рассеиваясь в темноте. Спутники все время оборачивались и прислушивались, больше всего на свете боясь уловить за спиной вибрирующий вой ксоло, учувших след. Хетай-ра хорошо ориентировались в темноте, легко находя тропы среди гор валежника и помогая профессору переступать через поваленные деревья и спускаться в низины.

Они бежали без отдыха достаточно давно, но ночь все не заканчивалась, горизонт даже не думал окрашиваться в светлые тона, словно это был дурной сон, который не собирался прекращаться. Аш разорвал свои единственные сапоги о корни деревьев и бежал босиком — ступни его были ободраны, а пальцы постоянно сбивались о попадавшие под ноги палки и камни. В какой-то момент Манс резко остановился у дерева, прильнув к нему всем телом и шумно пытаясь отдышаться. Лантея сразу же схватила брата за руку и дернула:

— Нельзя дышать! Бежим дальше!

— Стой!

— Что такое? — Девушка обхватила ладонями мокрое лицо юноши. — Тебе плохо?

Ашарх, радуясь минутному перерыву, наклонился и уперся ладонями в колени, пытаясь унять жгучую боль в груди. Никогда в жизни он не бегал так долго и так быстро. Во рту стоял солоноватый привкус, а сердце колотилось настолько сильно, что в глазах темнело.

— Нет. — Манс все не мог привести дыхание в норму и хрипел. — Нужно сбить след.

— О чем ты? — Лантея и сама бежала предыдущий час из последних сил и теперь едва могла говорить.

— Псы. Ксоло. Они будут искать по запаху. Нам нужно оставить ложный след.

Манс проговорил это скороговоркой, попутно стягивая свою единственную рубаху, пропитанную старой кровью от зажившей на руке царапины и покрытую пятнами пота. Профессор тоже пожертвовал изорванную тунику, оставаясь, как и юноша, лишь в брюках и потрепанном дорожном плаще. Холодный воздух мгновенно остудил разгоряченную кожу, из-за чего мурашки пробежали по спине Ашарха, но он был даже рад этой свежести. Лантея нечего было отдать из одежды, она лишь сдернула с ладоней засаленные повязки, которые защищали ее руки от мозолей на галерах.

— Ждите здесь. Я сейчас.

Юноша подхватил груды вещей и, прижимая их к себе, быстро скрылся в темноте леса. Его не было всего несколько минут, Аш и Лантея едва успели дать отдых гудевшим ногам.

— Если они пойдут за нами, то это должно будет сбить их на время, — тяжело дыша проговорил Манс по возвращении. — Я оставил вещи на ветках, чтобы ветер разносил запах как можно дальше.

Никто из друзей не рассчитывал на чудо. Если ксоло действительно отправили в погоню, то вряд ли бы их остановили подобного рода хитрости. Эти псы были прирожденными убийцами и охотниками, и лишь кровожадные дети Азумы могли подчинить их себе. Безжалостные хищники, которые нашли родственные души, — таких же смертоносных созданий, как и они сами.

Безумная гонка со смертью продолжилась. Вся жизнь этой троицы превратилась в калейдоскоп оврагов, сопок и веток деревьев. Воздух свистел в ушах, а кровь расплавленным металлом кипела в жилах, мешая думать о чем-то другом, кроме этой изнуряющей гонки. Ноги давно уже не слушались, они одеревенели и просто повторяли одни и те же движения как заведенные. И каждый из друзей понимал, что стоит остановиться хоть на мгновение, как икры сведет жесточайшая судорога, а колени просто подкосятся. Именно поэтому они продолжали бежать, продолжали терзать себя.

Изначально сильно поредевший отряд старался придерживаться строго восточного направления, но в какой-то момент, взглянув на небо, они поняли, что уже давно бегут на северо-восток. К сожалению, профессор в такой суматохе не мог точно вспомнить расположение всех границ и городов тех ифритских округов, рядом с которыми они в этот момент находились. Он знал, что рано или поздно они окажутся в округе Си Харук, но пока они не убедятся в отсутствии погони, было, в принципе, без разницы куда бежать. А когда им перестанет слышаться за спиной призрачное дыхание ксоло, то можно будет точнее определить свое местоположение.

Солнце вышло из-за горизонта, казалось, через целую вечность после того, как друзья сбежали из пещеры. В этих краях осень давно уже закончилась, световой день становился короче, а земля постепенно начинала готовиться к зиме. Лишь раз отряд остановился на пару минут, чтобы слизать с широких листьев лопуха кристальные капли росы. Измотанные путники сидели на коленях, жадно припав потрескавшимися губами к растениям и ловили языком маленькие драгоценные капли влаги. После этого скудного завтрака обессиленные беглецы уже не смогли продолжать гонку в прежнем темпе. Они двинулись дальше быстрым шагом, и каждый нашел для себя палку, на которую мог бы опираться.

— Нам нужна река, — первым за несколько часов заговорил Аш, из-за чего остальные вздрогнули.

— Да... Пить очень хочется, — тихо подтвердил Манс, не оборачиваясь.

— Не пить. По воде мы бы смогли уйти от собак без проблем. Вода бы сбила наш запах.

— За все время, что мы бежим по этим лесам, я ни разу не слышала журчание реки, — охрипшим голосом призналась Лантея, с усилием держась за найденную палку и прихрамывая.

— Нужно быть внимательнее, — со вздохом проговорил профессор. — А еще нужно отдохнуть. Чем меньше у нас сил, тем больше мы замедляемся.

— У нас есть фора. Нельзя ее потерять, — возразила девушка. — Будем идти, пока не упадем.

— Я лично уже. — Манс остановился у ближайшего дерева и тяжело облокотился на его низко висевшие ветви. — Аш прав, мы должны поспать хотя бы час.

Лантея недовольно поджала губы, но спорить не стала. У нее не было ни желания, ни энергии, чтобы что-то доказывать. Крошечный отряд осел на землю там же, где и стоял, словно марионеткам обрезали веревки, на которых они держались все это время. Друзья достали из карманов припасенные на черный день ломтики сушеного мяса и зачерствевшие кусочки хлеба: их было не так много, а теперь следовало поберечь и эти крохи, пока они не сумеют оторваться от погони. Тогда можно было бы позволить себе развести костер, поискать грибы и поохотиться на мелкую дичь. Но в этот момент они могли порадовать себя лишь старой жесткой кониной.

Нельзя было засыпать надолго, поэтому беглецам пришлось дремать сидя, опершись спиной на шершавую кору деревьев, а первый из проснувшихся обязан был разбудить и остальных. Однако уставшие тела диктовали свои правила, и когда Лантея нехотя выбралась из сладкого марева сна, то солнце уже практически добралось до середины неба. Ее спутники давно уже сползли на землю и, вытянувшись в струну, наслаждались желанным отдыхом. Они провели в небытии никак не меньше четырех часов, но зато ноги практически перестали болеть.

— Нас еще не нашли, может, все-таки погони не будет? — с надеждой спросил Манс после того, как отряд вновь двинулся в путь быстрым шагом, старясь держаться восточного направления.

— Думаешь, они просто пожмут плечами и останутся сидеть в пещере, когда минимум половина пленников успела сбежать вместе с нами? — с сомнением спросила Лантея.

— Сотня рабов, которые растворились в ночном лесу. — Юноша одной рукой пригладил свои отросшие белые волосы, сальными патлами спадавшие ему на лицо. — Их нелегко будет всех найти. А мы ведь уже далеко ушли.

— Альвы отлично ориентируются и бегают в лесу, — негромко вмешался в разговор профессор. — Плюс неплохо карабкаются по стволам. А наш отряд лишь видит в темноте... Даже несмотря на это, я думаю, что большую часть альвов успели поймать еще до того, как они даже на километр отбежали от пещеры. Скорее всего, ифриты разделились на небольшие группы и во всех направлениях обыскивают лес.

— Значит, высока вероятность, что они в любом случае рано или поздно на нас выйдут?

— Боюсь, что так. — Ашарх оперся на палку и вытащил небольшой камень, застрявший между пальцами его босой ноги. — Но группа вряд ли будет большой.

— Верно. Я тоже так думаю. — Лантея кивнула. — Если их будет трое или четверо, то у нас есть шансы справиться. Правда, задачу осложнят псы.

— Мне кажется, к каждой группе приставят не больше одного-двух ксоло. Их всего было около трех десятков в этом войске, часть останется в пещере. — Аш неожиданно помрачнел. — Да и Виек должен был значительно проредить их стаю перед смертью.

Весь отряд замолчал. Пока они бежали через ночной лес, мысли о самоотверженном Виеке отошли на задний план, но теперь профессор словно бы всколыхнул поверхность озера забвения, и все вспомнили о том, что их товарищ погиб страшной мучительной смертью, чтобы позволить пленникам сбежать.

— Ты знала, что он собирается сделать? — не своим голосом спросил Манс у сестры. По лицу юноши пробежала неясная тень. Это напоминание возродило и в душе Лантеи сомнения по поводу того, правильно ли они поступили. Как они могли оставить Виека

умирать там? Разве жертвы Эрмины было недостаточно?

— Да, — призналась девушка, понижая голос и невольно замедляя шаг. — Он сам решил помочь нам и задержать собак. Я пыталась его отговорить, но он уже все продумал и не собирался отступить.

— Я не понимаю, какие мысли им могли руководить в тот момент, — признался профессор, отросшими ногтями почесывая свою грязную спутанную бороду. — Это весь самоубийство.

— Он лишился Эрмины, стал калекой и не видел больше будущего для себя, — произнесла Лантея. — Он был воином и предпочел умереть как воин — в бою, с оружием в руках.

— С оружием в руках?.. — прошептал себе под нос Ашарх. — Как же так вышло, что в этом мире хорошей считается смерть, где сильная и смелая душа гибнет на острие чужого клинка?

— Он лишь хотел, чтобы эти страдания наконец закончились. Наверное, я его понимаю, — неуверенно сказал Манс. — И я благодарен ему за эту жертву, которая нас спасла.

— Надеюсь, они с Эрминой встретились, — прикрыв глаза, тихо проговорила Лантея.

Через несколько часов, когда солнце еще высоко стояло над верхушками кряжистых тенистых деревьев, которыми так славились некоторые округа империи Ис, друзья сделали еще один короткий привал, чтобы собрать горсть клюквы. Они случайно вышли на небольшую болотистую полянку, покрытую густым мхом и низкими кустиками с алыми точками ягод. Кисловатая клюква на тот момент показалась голодным путешественникам слаще любого меда, они с наслаждением лопали во рту маленькие ягоды и сразу же принимались искать новые, стараясь заглушить терзавший их голод. Однако довольно скоро их прервал неожиданный приглушенный звук. Где-то очень далеко в лесу, за спинами беглецов, раздался надрывной собачий вой. Его невозможно было спутать с волчьим: этот был более злой и не такой мелодичный. Минимум несколько километров разделяли друзей и того ксоло, что не прекращал заливаться воем. Но как быстро это расстояние могло сократиться?

— Это погоня!.. — воскликнул Манс, широко распахивая глаза.

Лица товарищей побледнели мгновенно. Один безумный в своей взволнованности взгляд, и беглецы уже оказались на ногах, без сомнений побросав палки и ягоды. Они на пределе своих возможностей бросились в спасительную лесную чащу, не щадя больше ни свое тело, ни друг друга. В тот момент нельзя было останавливаться ни на секунду, иначе их бы настигла ужасная смерть или еще более ужасное рабство. Только чудо могло помочь им избежать преследования, обмануть ифритских псов и спастись. И началась сумасшедшая гонка в надежде на реку, которая собьет след, высокую сопку или даже топь — хоть на что-то!

Но час погони не принес с собой ничего, кроме бескрайних массивов леса и всепоглощающего страха.

Они выдохлись, дыхание сбилось, но друзьям нельзя было останавливаться. Дубы, ясени и вязы смазанными полосами пролетали перед их лицами, ноги сами перепрыгивали через ямы, а ветки кустарников так и норовили выцарапать глаза беглецам. И на их пути не было ничего, способного подарить желанное спасение. Уже не приходилось надеяться, что собачий вой им показался: он стал периодически раздаваться ближе и чаще. Ксоло явно

почувствовал беглых рабов и спешил к ним изо всех сил своих мощных упругих лап. Даже без всадника пес мог оказаться серьезным противником в бою: никто из отряда не забыл, при каких ужасных обстоятельствах погибла Эрмина, как легко черный зверь впился своими клыками в ее голову. А вместе с вооруженным наездником эти кровожадные псы становились куда более опасными.

Когда тройца выбежала на укромную широкую поляну, светлым промежутком возникшую между лесными чащами, за их спинами послышалось страшное предзнаменование конца. К ликующему собачьему вою присоединился еще один. И если первый раздавался практически в непосредственной близости, то второй явно пришел со стороны. Похоже, охоту удачливого ксоло поддержал один из его собратьев, бывший неподалеку и откликнувшийся на зов. А это означало, что для друзей ситуация становилась в несколько раз хуже.

Не успели они пересечь поляну и вновь скрыться за надежными стволами деревьев, как оба пса замолчали. Только что они не прекращали свой победный лай, следуя четко на запах беглецов, и вот, в одно мгновение все звуки затихли. Казалось, что даже лес, по которому еще металось слабое эхо собачьего воя, выжидательно замер. Птицы сидели на ветвях, начинавшие желтеть листья безвольно опустились, и даже ветер не смел тревожить своим дуновением лесную чашу. Лишь хриплое и учащенное дыхание тройцы разрушало идиллию вязкой тишины. Они бежали и не оглядывались назад, боясь увидеть, что погоня уже совсем близко. И это было ошибкой.

Лишь когда из-за спин беглецов молнией вырвалась расплывчатая черная тень, на лету сбивая с ног Манса, обессиленно хромавшего чуть позади друзей, они осознали, что псы затихли, чтобы не выдать своего приближения. Собака не колебалась ни мгновения, моментально схватив свою добычу. Ксоло впился огромными клыками в живот юноши и протащил его еще пару метров по земле после столкновения. Манс успел издать лишь один короткий крик боли, а морда пса уже окрасилась кровью. Голодное животное упоенно вгрызалось во внутренности юноши.

— Нет! — Истошный вопль Лантеи вспугнул птиц, и над верхушками деревьев вспорхнули беспорядочные дикие стаи.

Она бросилась на помощь брату с пронзительным отчаянным криком. Ксоло наслаждался своей добычей, дурманящий запах крови заставил его на пару мгновений совершенно позабыть о том, что рядом были и другие беглецы, которых ему нужно было поймать. Поэтому удар Лантеи он пропустил. Девушка без сомнений пнула свирепого пса ногой прямо в нос, и тот, жалобно скуля, на секунду отстранился от добычи. Но именно этого времени хватило хетай-ра, чтобы одним резким движением всадить в бок ксоло стеклянный нож по самую рукоять. Лантея почувствовала внутри себя в тот момент такую силу, что никогда доселе не была подвластна ни смертным, ни богам. Если бы она захотела, то могла бы щелчком пальцев сокрушить горный хребет, уничтожить бескрайний лес одним выверенным ударом или же вспороть ножом брюхо огромного пса, в несколько раз превосходившего ее в размерах. Девушка со всей силы дернула оружие в сторону, и глубокая рана расплзлась, обливая горячей кровью двух хетай-ра. Ксоло, оглушительно скуливший и визжавший, еще пару секунд сучил лапами, загребая когтями землю и разбрызгивая слюни, пока его темные глаза на окровавленной морде не остекленели.

Единственное, что не могла сделать Лантея в тот миг, так это помочь своему брату.

— Бог мой! Манс! Нет! Пожалуйста, нет! — Профессор, едва успевший понять, что

произошло за эти короткие мгновения, подбежал к изувеченному другу и упал перед ним на колени.

Манс умирал. Умирал мучительно и быстро. Пес разорвал его живот и не оставил ни единого шанса на спасение. Рана была безобразной: кровь пропитала всю землю вокруг, а внутренние органы грозили выпасть наружу, если бы дрожавшая Лантея не держала их руками. Из рта юноши безостановочно сочилась кровь, а его светлые глаза были полны боли и слез. Сложно было даже представить, какие ужасные страдания он испытывал в тот момент. На щеках сестры смешались ее собственные слезы и капли чужой крови, но ее это не волновало — девушка не сводила взгляд с брата, чьи черты лица резко заострились, а глаза ввалились и слабо блестели из-под полуприкрытых век. Ашарх сидел рядом на коленях и чувствовал, как его сердце разрывалось от отчаяния. Его друг в невообразимых мучениях умирал на его руках, и никто не мог бы это изменить. Манс неожиданно с большим трудом приподнял руку и слабо дотронулся до сестры. Он, едва шевеля окровавленными губами, почти неслышно шептал лишь одно слово:

— Добей...

Девушка заскулила совсем как ксоло, которого она убила минуту назад. Она замотала головой, не желая принимать последнюю просьбу брата. Слезы туманили ее взор, но Манс все шептал:

— Добей... Добей...

Его лицо внезапно исказила гримаса боли. Пальцы, которыми он едва касался сестры, с неожиданной силой впились ногтями в ее кожу. Из его глотки вырвался хриплый стон. Ашарх склонился над другом, поддерживая его голову, чтобы хетай-ра не захлебнулся кровью. Леденивший душу алый цвет был повсюду, и, казалось, что в тот миг не было на свете ничего более ужасного и отвратительного, чем вид этой багряной крови, вырывавшейся наружу.

— Прошу...

Жалобная мольба Манса, выплюнутая с кровью. И Лантея, практически не осознавая, что она делает, подняла с земли нож из зеленого стекла с навершием в виде головы орла. Подарок ее брата, который теперь должен был обратиться против него. Она трясущимися руками поставила клинок четко между третьим и четвертым ребром. И одним сильным ударом, не давая себе времени передумать, пронзила нежное и чистое сердце любимого брата.

Его глаза распахнулись шире, и Манс резко выдохнул воздух из легких вместе с кровавыми пузырями, которые так и застыли на его губах. И в лесной тишине повисло и медленно растворилось последнее слово, которое юноша с усилием вытолкнул из себя:

— Море...

Профессор мягко и осторожно закрыл веки своему умершему другу. Его бледное и исхудавшее за последнее время лицо казалось теперь восковой маской. У Ашарха не было сил кричать или биться в истерике, он лишь тихо отполз к ближайшему дереву и сел, облокотившись спиной на жесткую кору. В его душе словно оборвалась какая-то ниточка, без которой там стало удивительно пусто и холодно. И он сидел, потерянный, чувствуя, как произвольно из глаз каплют соленые слезы, а сердце бьется в неровном ритме, словно не понимая, как теперь жить по-прежнему.

Лантея всхлипывала, неверяще ощупывая холодные руки своего умершего брата. Он лежал перед ней, такой печальный и совершенно безжизненный, хотя еще полчаса назад

бежал рядом с сестрой по лесу, надеясь, что им удастся спастись от погони и начать новую яркую жизнь. Неужели он не заслужил быть счастливым? Неужели этот чистый юноша должен был умереть именно такой страшной смертью посреди дремучего леса в чужой ненавистной стране?

Она не стала доставать из груди Манса стеклянный нож. Теперь, после всего, девушка не смогла бы забрать его и каждый день смотреть на подарок брата, которым сама же его и убила. Она вытащила из своего кармана молитвенные песочные часы и крепко сжала стекло выпачканными в крови пальцами, смотря, как медленно пересыпается песок, отмеренный для молитвы.

— Ты отняла у меня всех. Тетю, маму, отца... Ты позволила разрушить мой дом, а после обернула против меня родную сестру. — Девушка не сводила взгляд с тонкой струйки песка и сосредоточенно шептала на родном языке укоризненные слова. — Эван'Лин, ты забрала всех моих товарищей по одному. Но тебе и этого было мало?.. Ты лишила меня единственного брата!

Лантея захлебнулась в сиплом крике и крепко зажмурилась, сглатывая застрявший в горле ком.

— Неужели это твоя хваленая божественная справедливость, Многоликая богиня?.. Если это так... То я отказываюсь ей подчиняться... Ты слышишь меня, беспощадная Матерь?! Я не смирюсь с твоей волей! Ты не сможешь больше никого у меня забрать!

Лишь выкрикнув последние роковые слова, девушка яростно разломала хрупкие стеклянные часы пополам, и из тонкого перешейка в подставленную ладонь высыпался мелкий желтый песок. Едва ли его было много, он лишь небольшой горсткой уместился в руке Лантеи, но она знала, как его применить правильно. Хетай-ра бережно сжала свое сокровище и поднялась на ноги.

— Последний раз я воспользуюсь твоим даром, богиня. И, клянусь, с этого дня никогда больше не буду я тебя чтить, Эван'Лин. Никогда.

Второй ксоло, который с некоторым опозданием следовал за первым собратом, появился из-за деревьев. Он действовал куда осторожнее и по широкой дуге обогнул девушку, напряженно примеривавшуюся к непривычному для нее катару и поэтому не сразу заметившую черную тень, скользившую меж стволов. А когда она своим чутким слухом уловила звук треснувшей под тяжелой лапой ветки, то уже ничего не успевала сделать. Ксоло без раздумий устремился к Ашарху, сидевшему на земле и пытавшемуся прийти в себя после всего произошедшего. Профессор испуганно вскрикнул и сумел лишь выставить перед собой ногу в надежде замедлить пса и защититься от его острых зубов.

Собака яростно вцепилась зубами в подставленную голень, и Аш задохнулся от крика и оглушающей боли. Но хетай-ра уже спешила на помощь.

— Kzheomon-shate, Ewan'Lin!

Она скороговоркой последний раз возвала к своей отвергнутой богине, сжала одну руку у груди и создала небольшой шар из той горстки песка, что получила из разбитых часов. Магическое творение устремилось к черному зверю и тысячей песчинок впилося в оскаленную морду пса, ослепляя его и сдирая кожу. Ксоло зашелся в пронзительном скулеже и ловко отпрыгнул от профессора, дергая головой и пытаясь избавиться от боли. Но Лантея не позволила животному прийти в себя и сразу же последовала за ним, вгоняя в мясистый загривок лезвие катара, практически отрезая ксоло голову.

Вот только следом за псом из чащи леса показались два вооруженных ифрита — хозяева

собак, едва поспевшие за своими питомцами. Девушка мгновенно на ходу встретила одного из них еще сохранявшим свою форму окровавленным песчаным шаром. К сожалению, после столкновения с ксоло заклинание уже было нестабильным, поэтому шар развалился практически сразу же, как только коснулся лица имперца. Но и этого хватило, чтобы временно дезориентировать противника, пока он вопил от боли и хватался за изуродованные щеки и рот.

Аш, только пришедший в себя после того, как его голень побывала в пасти у ксоло, попытался подняться, но у него это не вышло. Нога не слушалась, она кровоточила, и профессору казалось, что зубы собаки все еще терзали его плоть. Но даже поняв, что попытки встать бесполезны, Ашарх не терял надежды хоть как-нибудь помочь своей спутнице: он принялся бросать подвернувшиеся под руку камни и палки, целясь в имперцев.

Девушка была полна ярости, которая завладела ее телом и придавала силы и скорости. Она устремила к ифриту, зажимающему кровоточившее лицо руками, и подсекла катаром сгиб под его коленом, подрезая сухожилия и обрушивая на землю массивное тело. Но из-за этого стремительного маневра Лантея оказалась слишком близко ко второму воину, который со всего размаха уже собирался обрушить одну из своих массивных секир прямо на голову хетай-ра. И только камень Аша, метко брошенный прямо в лицо ифриту, заставил солдата на секунду замереть от внезапной атаки, что дало Лантее время впиться клинком в открытый живот воина и вспороть его как бурдюк с водой. Густая кровь ручьем покидала тело ифрита. Оглушенный болью, он потрясенно выронил секиры, руками пытаясь закрыть широкую рану, но из нее уже вываливались склизкие кишки. Девушка хладнокровно и решительно всадила катар в шею имперца, обрывая его мучения. И после также бесстрастно перерезала плотку кричавшего и зажимавшего обезображенное лицо ифрита, которому подрезанные сухожилия мешали подняться с земли.

Лантея действовала словно прирожденный убийца, без колебаний и страха обрывая чужие жизни. Она орудовала катаром, как будто он являлся продолжением ее руки, хотя никогда до этого не касалась оружия такого типа. И на ее лице ни на мгновение не появилось сочувствия или брезгливости, лишь крепко сжатые губы и отрешенный взгляд говорили о том, что мысленно она пребывала совсем в иных измерениях. В своих думах она была обращена к гибели несчастного брата, и девушке было уже совсем неважно, сколько ифритов или других созданий ей пришлось бы убить, чтобы заглушить в себе эту горечь потери.

Когда короткая схватка закончилась, Лантея не сразу пришла в себя. Она еще какое-то время стояла над трупами имперцев, попеременно сжимая и разжимая ладонь, удерживавшую окровавленный катар. Может быть, она прислушивалась к затихшему лесу, пытаясь понять, прибудет ли подкрепление к этим солдатам, а может, хетай-ра прислушивалась к самой себе, надеясь отыскать в собственной душе образ наивной девушки, грезившей созданием нового мира для своего народа. Но он растворился в крови всех тех, кого она убила на своем пути, и тех, кто умер на ее руках.

Приглушенный стон профессора вывел Лантею из задумчивости. У нее оставался единственный человек, которого она еще могла защитить и спасти от смерти. Нельзя было опускать руки, пока рядом с ней был последний дорогой друг, нуждавшийся в ее поддержке и помощи. Девушка собрала всю силу воли в кулак и занялась осмотром раны Ашарха.

— Кость он не задел. Но оторвал приличный кусок мышцы. — Хетай-ра резким движением разорвала штанину и коснулась края раны, из-за чего преподаватель дернулся и

зашипел.

— Больно!

— Тут листья и земля налипли. Нужно их убрать. — Лантея быстрыми движениями принялась очищать ногу раненого. — Воды нет, поэтому я смогу лишь перевязать.

— А как быть с кровью? Она еще идет.

— Да, ты много потерял. Я наложу тугий компресс. Снимем его через полчаса.

— Хотя бы так. — Аш зажмурился и позволил спутнице оторванным от брючины куском перебинтовать голень.

Этот разговор казался каким-то нереальным, словно все происходило во сне. Измазанная чужой кровью хетай-ра с ничего не выражавшим лицом занималась ногой профессора, а за ее спиной лежали два изуродованных тела, два собачьих трупа и погибший брат.

— Ты подняться сможешь?

— Да. А вот идти не получится. Я уже пытался. Боюсь, мы теперь серьезно замедлимся.

— Это ничего. Не думаю, что за нами отправят еще один отряд. Ведь про смерть этих скорее всего никто даже не узнает. Но оставаться на месте все равно нельзя.

Лантея подошла к одному из деревьев и примерилась к его низким ветвям. Она повисла на суку и с усилием его отломала. Избавив ветку от лишних стеблей, хетай-ра вручила другу толстую рогатину, на которую ему предстояло опираться в ближайшее время.

— Наверное, нужно забрать ифритское оружие, — неуверенно предположил Аш и попытался подняться. Ему удалось это только с третьей попытки. Лицо его мгновенно побледнело из-за кровопотери, боли и приложенных усилий. Рогатина впилась в подмышку, и профессор, сильно пошатываясь, с трудом удержал равновесие.

Лантея тем временем быстро осмотрела ифритов. Из оружия она забрала себе лишь широкий нож с глубоким долем, поскольку секиры были слишком тяжелыми для ее руки. Никакой еды у воинов не было, лишь у одного на поясе висела небольшая металлическая фляга с какими-то выгравированными надписями, но внутри она оказалась совершенно пуста. Правда, девушка все равно забрала ее, чтобы наполнить у первого же источника. Для преподавателя хетай-ра стянула с имперцев прочные кожаные сапоги, которые были сильно велики Ашарху, но все же казались лучшей альтернативой, чем босые ноги. Лантея делала все это с хладнокровием опытного мародера, шныряя руками по карманам, переворачивая мертвецов как мешки с грязью.

Они оба старались не смотреть на тело Манса, которое бледным призраком с алым распотрошенным животом лежало на земле. Его нежное лицо застыло маской, а из груди торчал зеленый стеклянный нож. Но нельзя было бесконечно оттягивать неминуемое.

— Мы не сможем оставить тело просто так, — растерянно произнес профессор, опустив голову.

— Это не тело. Это Манс. Не говори о нем так, словно это пустая кукла.

— Да, конечно... Прости, — Аш оробел из-за укора спутницы. — Но Манса нужно похоронить.

— Хочешь сжечь его, как это принято в Залмар-Афи? — Лантея проговорила это несколько резко, не сводя остекленевший взгляд с брата. — Огонь и дым привлекут ифритов.

— Не стоит оставлять его лежать на земле. Дикая звери придут на запах.

— И что ты предлагаешь? — девушка поморщилась и повернулась к Ашу.

— Думаю, мы можем погresti его по заветам альвов. Они кладут своих умерших в

землю, чтобы они навсегда слились с ней в одно целое и после проросли новой жизнью.

— Что ж... Пусть лучше так, чем стать добычей волков.

Они копали землю очень долго. Сначала она казалась сухой и жесткой, но потом начался рыхлый и влажный слой, в котором извивались толстые розовые черви. Аш лежал на боку, вытянув свою больную ногу, и рыл почву палкой. Лантея использовала одну из ифритских секир, но вскоре просто начала голыми руками выгребать землю. Они выбрали тихое место под двумя гибкими рябинами, но даже после целого часа стараний яма получилась совсем неглубокой. Однако сил копать дальше уже не оставалось.

Девушке пришлось в одиночку нести тело. Она бережно уложила его на дно небольшой могилы. Какое-то время пара просто молча смотрела на своего друга, с которым им предстояло навсегда попрощаться. Лантея тяжелым взглядом окинула нож, стеклянным укором торчавший из груди брата. Она чувствовала ядовитые побег вины, оплетавшие ее сердце. Быть может, совсем не Эван'Лин стоило винить во всех этих смертях? Это ведь именно Лантея не смогла защитить Манса. Как не смогла чуть раньше защитить и Эрмину, как позволила Виеку пожертвовать собственной жизнью, как была вдали от матери и отца во время обороны Бархана и как допустила, чтобы болезнь поглотила тетушку Чият.

Лантея решительно схватилась за рукоять стеклянного ножа и выдернула его из груди Манса с мерзким чавкающим звуком. Ничего уже не изменить. Для того, чтобы обелить свою жизнь, ей пришлось бы умереть и родиться вновь. Девушка сложила руки брата вместе и засунула в пальцы нож, оплетя его излюбленными старыми четками юноши.

— Прощай. — Она низко склонилась над телом и приложила сжатый кулак к груди, словно благодаря Манса за все то время, что он был рядом с ней и поддерживал ее.

Аш сжал губы в тонкую линию, окидывая лицо юноши прощальным взглядом. Он протянул руку и убрал локон белых волос с открытого лба хетай-ра, а после едва слышно прошептал:

— Мне жаль, что ты видел море лишь однажды, мой друг.

Пара медленно начала забрасывать тело землей. Они сгребали руками черную почву, пока белое тело не оказалось полностью ей укрыто. Неглубокая могила быстро заполнилась, а вскоре над местом последнего ночлега Манса появился невысокий холмик. Лантея принесла из леса цветы и желтые кленовые листья, которые положила на рыхлую землю. Некоторое время Аш и хетай-ра просто стояли в молчании, а потом развернулись и вместе скрылись в лесу, оставляя за спиной кусочек своего прошлого и непомерно огромный выкуп за свободу.

Возвращаться в земли альвов было бессмысленно: дети Леса просто не пропустили бы их через северную границу Ивриувайна. Из своих духовых трубок они на расстоянии расстреливали всех, кто осмеливался близко подходить к неприступным крепостным стенам со стороны империи. Единственным приемлемым вариантом было двигаться на восток, чтобы рано или поздно выйти к королевству Тхен. Гоблины не были такими принципиальными существами, как альвы, они бы подлечили ногу Аша и помогли найти работу для нищих путников. Эти невысокие создания с сероватой кожей ценили деньги больше всего на свете: они умели их зарабатывать и легко находили общий язык с теми, кто ценил труд. Профессор обдумывал возможность поселиться в ифритских кварталах королевства Тхен, где жили беглые рабы из империи. Гоблины не промышляли работорговлей, их это не привлекало, потому что они могли предоставить любому

желающему работу и хотя бы какую-то минимальную оплату.

Погони больше не должно было быть. Ашарх считал, что ифриты не стали бы отправлять больше воинов на поимку пары рабов, поэтому дальше можно было двигаться спокойнее, но населенных пунктов и дорог все равно следовало было избегать. Хотя они пока что и так не попадались на пути беглых пленников. Их окружали лишь сплошные стены дремучего леса, который тянулся во все стороны до горизонта. По предположениям Аша, они уже пересекли границу между округами и давно блуждали по чащам Си Харук, но утверждать наверняка было проблематично, поскольку вся средняя полоса империи Ис утопала в тайге. Преподаватель знал об этом округе лишь то, что он совсем недавно стал самостоятельным, отделившись от более сильных соседей — Удраш Мэ и Дум Куох. Такого рода дробления были обыкновенной ситуацией: округа сливались и распадались, ведя междоусобные войны за спиной генерал-императора за право обладания лучшими территориями. Именно поэтому конечное число округов постоянно менялось, а генерал-эксархи, ставленники правителя, силились доказать друг другу и себе, что могут диктовать соседям свои условия.

Пару дней пара медленно и упорно продвигалась на восток. Лиственный лес давно затерялся за их спинами, а впереди раскинулось царство голубых елей и высоких корабельных сосен. Дни становились холоднее, а ночью невозможно было спать без костра. Путешественники понимали, что сильно рискуют, разводя огонь, ведь они не знали, насколько близко от них могла оказаться дорога или же поселение. Мало ли несколько любопытных ифритов захотели бы посмотреть, кто же это разжег пламя посреди леса. Но пока что боги миловали двоих беглецов, которым и так приходилось несладко.

Изуродованная нога профессора причиняла ему невыносимые страдания. Она болела и мешала ходьбе. Аш даже не мог просто на секунду на нее опереться, как голень сразу же взрывалась волной резкой боли. От костыля ныло плечо, но мужчина продолжал ковылять дальше, не жалуясь и не плача. Его спутница, как и он сам, тяжело переживала утрату брата и друга, поэтому не стоило давать ей новый повод для беспокойства. Рана не воспалилась и когда-нибудь должна была зарости сама, хотя Ашарх уже сомневался, что сможет ходить не хромя, как прежде.

Лишь раз за все дни пути по тайге им встретился крошечный ручеек с холодной водой, от которой сводило зубы. Это было настоящее счастье. Пусть в роднике нельзя было полноценно искупаться, но радость принесло уже то, что путешественники смогли вдоволь напиться, промыть рану и постирать одежду, от которой по большей части остались одни рваные тряпки. С едой дела обстояли гораздо легче: это были дикие места, где ягодные и грибные поляны оказались нетронутыми. Лантее дважды даже удалось поймать на обед кроликов, которые были непугливыми и, видимо, первый раз в жизни повстречались с кем-то, кроме лис и волков. Последние, кстати, в один день вышли навстречу неожиданным гостям леса. Повезло лишь в том, что волки стояли на другом краю широкого оврага, дно которого было заболоченным. Поэтому звери и их потенциальная добыча обменялись долгими настороженными взглядами и просто разошлись.

Ашарх и Лантея практически не разговаривали друг с другом. Над ними все еще довлела тоска по погибшему Мансу, а сил было не так много, чтобы тратить их на пустые беседы. Лишь вечерами, когда они засыпали у уютного костра, который далеко не всегда получалось развести с первого раза, профессор тихо рассказывал истории о разных странах, украдкой поглаживая свою нывшую ногу. Им предстояло еще долго идти до королевства Тхен, но

хотелось успеть к гоблинам до первого снега. Хотя даже без него спала пара исключительно вместе, укрываясь изодраным плащом Аша и еловыми лапами, иначе к утру каждый из них рисковал промерзнуть до костей на стылой земле.

За день путешественникам удавалось преодолеть не такое большое расстояние из-за раны профессора, но они не собирались сдаваться и медленно шли к намеченной цели. Теперь, когда они потеряли все, что имели, и всех, кого любили, нельзя было опускать руки и поддаваться отчаянию. Их друзья пожертвовали своими жизнями ради того, чтобы Аш и Лантея выжили и получили свободу. Они не могли предать доверие умерших. Поэтому каждый день они боролись с холодным пронизывающим ветром, спали на голой земле и питались кислыми ягодами. Эти проблемы казались слишком ничтожными, чтобы остановить пару на их непрестом пути. Теперь они вновь оказались вдвоем, как было в самом начале этого долгого и тяжелого путешествия, но именно сейчас они ценили друг друга как никогда раньше, совместно пережитые беды их сблизили и закалили.

К вечеру четвертого дня с момента побега из лагеря ифритов, разведя руками очередные колючие лапы елей, Лантея неожиданно замерла как вкопанная, а после быстро повернулась к спутнику.

— Это каменная стена. Похоже, мы случайно вышли к какому-то городу, — девушка говорила полусшепотом, очевидно, опасаясь, что за оградой ее могут услышать.

Профессор с трудом доковылял с помощью рогатины до неожиданной ограды. Он осмотрел тянущуюся в обе стороны стену и прислушался. Ни одного звука не раздавалось в округе.

— Слишком странно. Нет запахов, голосов, да и лес вплотную подходит. Не похоже это на обыкновенный город. — Аш нахмурился и провел рукой по прохладному камню.

— Мы с тобой договорились обходить поселения, — упрямо напомнила хетай-ра, оглядываясь по сторонам. — Если нас заметят, то сразу опознают как беглых рабов. Ты сам говорил, что по землям ифритов, кроме гоблинов и самих имперцев, никто не может свободно ходить.

— Да, да. Я помню. Но здесь другое. Я говорю тебе, для города здесь слишком тихо. Может, за этими стенами и нет вовсе никакого поселения? Например, это чья-то усадьба. Мы должны найти ворота или какой-нибудь проход и посмотреть.

— Ты в своем уме? Даже если это усадьба, то зачем нам на нее смотреть? Нужно уходить.

— Сама подумай, в усадьбу мы сможем прокрасться ночью, если не будет сторожевых ксоло, и забрать немного еды или одежды. Это бы очень помогло нам в дороге. — Профессор выдвинул свой главный аргумент, распахивая плащ и демонстрируя обнаженный торс. — Ночами слишком холодно, да и днем уже солнце не особенно греет. Мы заболеем без теплых вещей.

Девушка сжала губы, признавая правоту своего спутника.

— Ну ладно. Нам действительно было бы неплохо найти что-нибудь для твоей ноги и теплее одеться. Но только издалека посмотрим, хорошо? Если это город, то лучше уйдем.

Нежная улыбка на секунду мелькнула на лице Ашарха, но он сразу же ее скрыл. Порой ему казалось, что Лантею гораздо больше заботила его скромная персона, нежели ее собственные жизнь и здоровье. Особенно четко это стало видно после смерти Манса. Профессор и сам испытывал что-то подобное по отношению к девушке, пусть все еще робел признаться в собственных чувствах. За все время совместного путешествия они много что

пережили вдвоем, и если раньше его удерживало рядом с Лантеей соглашение, заключенное еще в Италане, то теперь он помогал ей уже просто потому, что не мог иначе. И думая о дальнейшей жизни, Ашарх не представлял ее без своей упрямой и отважной спутницы, благодаря которой он не только увидел собственными глазами половину мира, но и стал мужественнее и даже как-то зрелее.

Быть может, тогда, еще у водопада, Бриасвайс действительно был прав, и Аш давно уже считал Лантею частью себя — неотъемлемым и значимым кусочком собственной души.

Двигаясь по кромке леса, пара осторожно кралась вдоль каменной стены. Вскоре они увидели, что в одном месте высокая сосна упала на ограду и обрушила ее. Через получившийся пролом легко можно было попасть внутрь или же просто осмотреть территории. Однако профессору хватило нескольких секунд, чтобы понять, где они находились. Он без сомнений шагнул в брешь и поманил за собой Лантею.

— Смелее! Здесь безопасно, не переживай. — Аш восторженно разглядывал открывавшийся перед ним вид.

— Ты уверен? — с сомнением протянула девушка.

— Если честно, я много читал о Га Ирзу и всегда мечтал увидеть хотя бы раз один из них. Что ж... Некоторым нашим мечтам суждено сбыться в самые странные моменты нашей жизни.

Хетай-ра несмело перебралась через каменные обломки и быстро огляделась. Это был город, но он показался девушке очень подозрительным. Ровные выложенные гранитом улицы были совершенно пусты, а вдоль них располагались роскошные внушительные особняки. Высокие многоэтажные здания темными провалами стрельчатых окон смотрели друг на друга в каком-то пугающем молчании. Некоторые строения поражали воображение количеством статуй, барельефов и балконов, другие были словно выстроены в спешке: к главному зданию жались пристройки, флигеля и террасы, которые сильно различались по архитектурным стилям. Но нельзя было отрицать, что это необыкновенное место производило причудливое впечатление, словно случайно забредшие сюда гости ходили по вымершему кварталу аристократов.

— Это что за странные дворцы, скрытые в лесной чаще? — шепотом спросила Лантея.

— Это Га Ирзу, Город Мертвых. Всего их в империи около восемнадцати. И, видимо, мы с тобой случайно нашли один из них... Здесь ифриты хоронят своих усопших.

Девушка почувствовала, как у нее волосы на затылке встали дыбом от слов спутника.

— В этих огромных домах? Они что, строят их специально для умерших?

— Да. Га Ирзу — это похоронные города, они стоят на отдалении от оживленных дорог. В этих особняках богатые семьи веками хоронят своих мертвецов. Дома пустые, лишь в каждой комнате по одному покойнику, а когда место заканчивается, то пристраивают новый флигель или крыло. Здесь нет живых, разве что какой-нибудь одинокий сторож. Хотя, не попасться бы нам ему...

— И тут не промышляют грабители? Эти здания выглядят так богато. — Лантея задрала голову и посмотрела на декоративные мраморные панели ближайшего к ней особняка.

— В Городах Мертвых нечего красть. Здесь с роскошью украшают только внешнюю сторону дома, фасады и фронтоны, чтобы показать состоятельность семьи. — Профессор почесал нос и медленно двинулся в сторону мостовой. — Плюс бытует мнение, что проклятие мертвых падет на тех, кто решится здесь провести хотя бы ночь, ибо мертвые не любят, когда им мешают спать.

— Ну, мы же не будем тут ночевать? — с надеждой в голосе спросила Лантея, догоняя Ашарха.

— Почему нет? Когда ты последний раз спала в доме, под нормальной крышей, когда ветер не свистит в ушах? Я вот лично очень давно. Кажется, еще в Алверахе. — Профессор пожал плечами и, перехватив поудобнее свой костыль, похромал к ближайшему дому.

— Но тут же кругом лежат мертвецы!

— И что? Пусть себе лежат в своих комнатах, я их тревожить не стану. Устроимся где-нибудь в коридоре или в каком-нибудь пустом зале. Думаю, сумеем найти хоть один такой.

Хетай-ра негодовала, но Аш, совершенно не обратив на это внимания, уже рассматривал здание, которое ему приглянулось больше остальных. Это был трехэтажный особняк с массивными колоннами и полукруглым открытым балконом. Двускатная крыша бросала тень на весь участок, из-за чего построенный из черного мрамора дом выделялся мрачным пятном на улице.

— Послушай! Аш! — Лантея не унималась и неотступно следовала за своим спутником, с трудом поднимавшимся по высокой лестнице. — Мне тяжело будет спать там, зная, что за стеной лежит разлагающийся труп! Это неправильно. Тревожить покой мертвых нельзя!

— Тея, тревожить покой моей ноги нельзя! Ей нужно тепло, а не лежанка из еловых лап в холодном лесу. Надеюсь, отрицать это ты не станешь. — Преподаватель повернулся и немного свысока оглядел хетай-ра. — Оставь эти глупые суеверия. Если бы мертвые умели мстить, то каждый из ныне живущих знал бы об этом, поверь. И мы с тобой — в первую очередь.

Девушка раздраженно закатила глаза. Спорить с профессором, когда он был так уверен в своей правоте, казалось невозможным. Поэтому ей ничего не оставалось, кроме как последовать за Ашархом, недовольно хмурясь. Вот только деревянные парадные двери, украшенные ковкой, были наглухо закрыты. Паре пришлось обойти дом и участок вокруг, но иных входов не было, поэтому они разбили одно из полукруглых окон, расположенных практически у самой земли.

Лантея первой пролезла в образовавшуюся дыру, как только очистила ее от осколков, и сразу же закричала:

— О ужас! Какой кошмар!

Аш, ни медля ни секунды, нырнул в окно, но неудачно приземлился и еще несколько секунд приходил в себя от жгучей боли в своей искалеченной ноге. Испуг хетай-ра был вполне обоснован: через разбитое окно пара попала в подвал особняка, но вряд ли это место походило на спокойный прохладный погреб, где богатые хозяева могли позволить себе хранить бутылки с изысканными крепкими напитками. Весь пол покрывали невысокие каменные постаменты, на которых длинными рядами лежали обернутые в черный саван иссохшие скелеты. В помещении стоял гадкий запах сырости и гнили, а большую часть стен облюбовала разросшаяся плесень. В некоторых местах росли крупные группы грибов, которым нравились подобные условия. Однако Лантее и Ашу пришлось не по душе этот зал, и они скорее двинулись к внушительной лестнице с истертыми временем ступенями, ведущей наверх.

— Ты же говорил, что мертвецы лежат каждый в своей комнате! — возмущенно воскликнула хетай-ра, стороной обходя пьедесталы со скелетами. — А тут все в одном месте!

— Ифриты только своих мужчин хоронят в отдельных залах. Женщин и убиенных

младенцев погребают в подвалах особняков всех вместе. В империи к женщинам иное отношение, Тея. Считается, что они недостойны большего, ведь это и так уже неслыханная честь — быть похороненными в одном доме с мужчинами.

— Это так унижительно... Среди воинов, пришедших в Гарвелескаан, я тоже не видела ни одной женщины. Похоже, ифриты их приравнивают к рабам?

— Так и есть. У них больше запретов, чем свобод. Они сидят дома, трудятся на полях, ткуют, готовят, воспитывают детей. Пока мужчина воюет, женщина должна следить за его домом и не позволять себе ничего иного. Представляешь, я слышал, что ифритским женщинам даже нельзя носить длинные волосы, потому что это дозволено лишь мужчинам. Так как волосы — это честь, а у женщин ее нет.

— Это так разительно отличается от того, что я видела в Залмар-Афи или даже в Ивриувайне. Если бы мужчина вздумал приказывать жене в Бархане, то его бы наказали за это. — Лантея остановилась около ряда с постаментами, на которых, судя по очертаниям, лежали детские скелеты. — Здесь похоронено так много детей. Только погляди, сколько младенцев.

Профессор медленно подошел к своей спутнице и посмотрел в том направлении, куда она указывала. Длинная шеренга обернутых в черную ткань миниатюрных скелетов тянулась вглубь полутемного старинного подвала.

— Если в семье рождается дитя с уродствами или больное, то мужчины чаще всего принимают решение избавиться от ребенка. В этой стране сильных воинов нет места слабости, — приглушенным голосом проговорил Ашарх, стоя вполоборота к девушке. — Мать своими руками должна убить дитя, так как это из ее чрева вышел неполноценный ребенок. Она дала ему жизнь, она же и должна ее забрать. Этих детей и хоронят вместе с женщинами в подвалах особняков.

— Давай уйдем отсюда, — приглушенно и немного жалобно попросила Лантея.

Профессор лишь тихо кивнул, понимая, насколько дико и странно звучали его слова для ушей девушки, принадлежавшей к совсем иной культуре. Пара пересекла лестницу и, на их счастье, дверь, ведущая в основную часть особняка, оказалась незапертой. Они несмело шагнули в широкий коридор, от пола и до потолка вымощенный черным мрамором. В обе стороны уходили длинные пролеты со множеством одинаковых дверей, на некоторых из которых висели металлические таблички с выбитыми на них символами. Профессор, тяжело опираясь на костыль, подошел к ближайшим створкам и принялся изучать переплетение завитков, точек и черточек, которые Лантее показались бессмысленными, но в действительности представляли собой непростую ифритскую письменность.

— Здесь спит Сертис Миос Шу из рода Рионгат, погибший при Стоянии на реке Партус в 1573 году Баск Шор, — с выражением прочитал Ашарх. — Миос Шу, кажется, переводится как Змеиное Шипение. Что-то мне подсказывает, что ему это народное имя однополчане дали вовсе не за хороший характер.

— Стояние на реке? — переспросила хетай-ра, первый раз услышав такой оборот.

— Ну, можно сказать, что это было сражение, проходившее у реки, — перефразировал преподаватель. — Одно из значимых событий ифритской Гражданской войны, между прочим. Всего через пять лет после него закончилась Баск Шор, Эпоха вождей, и началась Баск Хагат, Эпоха империи, которая идет и сейчас. Так что Сертис Змеиное Шипение лежит здесь почти семь сотен лет.

— Значит, империя существовала не всегда?

— Ничто в этом мире не возникает из ниоткуда и не уходит в никуда. Империя Ис когда-то была Ис Хан — Огненной землей, где правили отдельные вожди. Но когда гоблины создали взрывчатые смеси и первыми смогли приструнить соседей, навязав им свои условия мира, ифриты начали долгую Гражданскую войну, определяя, кто же из них будет править всем народом. И так появилась единая сильная империя Ис и ее первый генерал-император Дукан Тун, который носил народное имя Кровавый Вождь — Куго Шор.

Ашарх смело толкнул дверь, которую гипнотизировал взглядом последнюю минуту.

— Раз мы все равно уже нарушили покой мертвых, то я, пожалуй, взгляну на этого Сертиса. Мне любопытно, как выглядят эти комнаты изнутри. Если ты не против, конечно!

Лантея лишь скривилась, но, спустя десять секунд, все же зашла в место последнего упокоения Змеинового Шипения вслед за профессором. Не то чтобы ей было действительно интересно, как обставлен зал, где лежит семисотлетний скелет, но оставаться одной в пугающе тихом коридоре девушке не хотелось. Атмосфера там не располагала к прогулкам в одиночестве.

Внутри комната оказалась практически пуста, как и предполагал Ашарх. Единственное окно было наполовину зашторено, из-за чего помещение было погружено в таинственный полумрак. У дальней стены находилась высокая резная кровать, покрытая легкой вуалью балдахина, через который можно было разглядеть замотанный в саван скелет. Под воздействием времени матрасы просели, а полог покрылся толстым слоем паутины и пыли. Одну из ножек кровати погрызли жуки-древоточцы, и теперь вся ветхая конструкция немного накренилась набок. В одном из углов комнаты на каменном постаменте лежал крупный собачий скелет, который, видимо, принадлежал верному любимцу Сертиса. Посередине помещения располагалась стойка, поверх нее находилась раскрытая книга с пожелтевшими страницами, а вокруг были свечные огарки.

— Что это за книга? — тихо спросила Лантея. Ей почему-то не хотелось повышать голос в этом месте.

— Здесь родственники пишут плохие и хорошие воспоминания, связанные с покойником. Как бы оставляют память о его жизни для тех, кто придет почтить умершего. Правда я слышал, что ифриты очень не любят навещать усопших и приходят в Га Ирзу только во время очередных похорон. — Ашарх осторожно попытался перевернуть страницу, но от ее края стали отваливаться кусочки, поэтому он бросил эту затею. — Так что не очень ясно, кто вообще читает эти биографии.

— Например, ты, — заметила хетай-ра и заглянула в книгу из-за плеча спутника.

— Здесь ничего интересного, просто перечисление сражений, где он участвовал... Хотя нет, есть кое-что забавное. Слушай, — профессор прокашлялся. — «В том же году Змеиное Шипение обманом привел за собой невольника-кухаря в военный лагерь под городом Инфема Хэл, обосновав это тем, что привык есть лишь домашнюю еду, иначе его терзает брюшной жар. За это дерзостное нарушение военных законов тысячник Тануик Воловья Сила посадил Сертиса в карцер на месяц, поручив давать ему лишь воду и хлеб. После этого Змеиное Шипение чудом излечился».

— Судя по всему, сам тысячник и пришел сюда, чтобы сделать эту запись.

— Я бы не хотел, чтобы после моей смерти собрались мои коллеги и старые приятели и начали вспоминать все нелепые истории, в которых я участвовал, и записывать их, — усмехнулся преподаватель и оставил рассыпавшуюся книгу в покое.

— Например, как та, когда ты посреди пустыни случайно провалился в заброшенный

храм культистов? — не преминула насмешливо напомнить Лантея, возвращаясь в коридор.

— Например, как та... — эхом откликнулся Ашарх, и его лицо неуловимо помрачнело, но хетай-ра этого не заметила. Разве мог он сказать ей, что ее маленькое костяное колечко не спасало его от тягостных кошмаров, которые стали приходить по несколько раз за ночь с момента их побега? Сотни черных глаз следили за ним, испытывали его и понемногу изматывали. И профессор уже не верил, что та встреча со странным существом в руинах храма Пустого ему почудилась. Он боялся закрывать глаза ночью, потому что из-за каждого дерева, каждой травинки и капли росы на него смотрели *Ego* паучьи глаза.

Пара еще долго бродила по огромному черному особняку, изредка заглядывая в его комнаты. На верхние этажи они не рискнули подниматься, поскольку вели туда старинные деревянные лестницы, при любом давлении на них издававшие душераздирающие звуки. За окном начинало темнеть, поэтому путники приняли решение обосноваться прямо в холле, недалеко от входных дверей. Они нашли несколько пустовавших комнат, но весь этот дом насквозь проела черная плесень, облепившая стропила, поэтому ночевать было лучше в вытянутом вестибюле на относительно чистом каменном полу. В узком холле не было окон, лишь у стены начиналась боковая деревянная лестница, опасно поднимавшаяся на балкон второго этажа.

Лантея самоотверженно принесла тяжелые пыльные портьеры, которые сдернула с окон в соседних комнатах. Конечно, их трудно было назвать чистыми, но в отсутствие одеял это было лучшей альтернативой. Нижние ступени проеденной жуками лестницы пара разломала на щепки и развела костер прямо на полу. Еще из комнаты Сертиса профессор предусмотрительно забрал старые свечные огарки, опутанные паутиной кресало и кремьень, благодаря которым Ашарх и Лантея могли провести вечер при свете и в тепле. Даже несмотря на пугающую тишину, стоявшую во всем похоронном доме, и общую мрачность этого места, усугубляемую черным мрамором, беглецы чувствовали приятную сонливость.

— Ох, сейчас бы принять горячую ванну или погреться в бане, — проворчал профессор, снимая сапоги и протягивая голые ступни к огню. Пара сидела на полу, закутавшись в плотные портьеры, и любовалась играми пламени на черном мраморе.

— И правда... Я бы все отдала, чтобы сейчас искупаться в горячих источниках Третьего Бархана, — с сожалением протянула девушка, делая крошечный глоток из фляги и передавая ее в руки своему спутнику.

— Спасибо. — Аш допил остатки воды и с сожалением посмотрел на опустевшую флягу. — Вот ты скучаешь по своему Бархану, а я думаю последнее время об академии и о своей старой квартирке в Италане.

— Неужели ты бы хотел туда вернуться? — спросила хетай-ра и вздернула брови. — Жалеешь, что ушел?

— Это был мой уютный мирок. Я всегда мог вернуться домой после занятий, наполнить бадью теплой водой, разжечь очаг и заварить ароматные травы для питья. Это было место, где я спасался от остального мира, куда каждый вечер приходил и стряхивал с себя неприятный осадок дня. — Ашарх задрал голову к потолку и прикрыл глаза. — Но даже если бы я мог все вернуть, то не стал бы ничего менять в своем прошлом.

— Почему? — В глазах хетай-ра плясали отблески оранжевых языков костра.

Она, чуть приспустив ворот своей изодранной рубахи, неосознанно поглаживала пальцами старые давно зарубцевавшиеся шрамы на лопатках, которые остались после пыток в казематах боли Сынов Залмара. Слово они все еще болели, словно не позволяли ей забыть

прошное, которое Ашарх даже не хотел менять.

— Признаю, я немного скучаю по занятиям, студентам и стенам родной академии... Не буду это отрицать. Но там я мог лишь читать о подвигах героев и огромном мире вокруг в книгах, а здесь я впервые увидел все своими глазами. И это гораздо, гораздо ценнее всего, что я утратил.

— Откуда такая уверенность? Быть может, тебя бы ждало грандиозное будущее на твоём прежнем месте, но именно мое появление все разрушило...

— Неправда, — не согласился Аш. — Ты показала мне, что я могу быть действительно важным для кого-то. Что я не просто впустую проживаю свою жизнь. До встречи с тобой мое существование вертелось вокруг скучной работы, а потом ты ворвалась в мою серую рутину, подобно огненному вихрю, и разрушила ее, чтобы я увидел, как много иных цветов есть в мире. И я впервые почувствовал, что могу жить, а не существовать. Это только твоя заслуга, Тея. С тобой я впервые осознал, насколько же это приятно — быть небезразличным для кого-то и отвечать взаимностью.

У Лантеи на щеках появился робкий румянец, и, когда Ашарх это заметил, она смущенно отвернулась. Никто никогда ей не говорил ничего подобного.

— И даже несмотря на то, что мы с тобой потеряли так много верных товарищей в пути и пережили столько невзгод, я все равно рад, что боги или судьба свели нас в Италане. — Профессор неожиданно протянул руку и провел пальцем по розовому ушку девушки, перебирая маленькие костяные серьги-колечки. — И я надеюсь, что мы продолжим этот путь вместе, рука об руку.

Хетай-ра задохнулась волной жара, когда кровь мгновенно прилила к ее лицу.

— Я бы тоже этого хотела, — смущенно пробормотала она. — Ты знаешь, я постоянно всю жизнь ставила перед собой какие-то высокие цели — вывести свой народ из-под песков, добиться прекращения изоляции, договориться о союзе между государствами — и везде я терпела крах, разрушительный крах, из-за которого гибли невинные — горожане, моя семья, мои боевые товарищи... А ведь я просто хотела как лучше для всех, а получилось еще хуже, чем было... И, знаешь, теперь я думаю, что, быть может, настало время мне позабыть, наконец, обо всем мире вокруг, о великих стремлениях, и чужих проблемах, и позаботиться только о самой себе, о своей душе и мире в ней?..

— Ты заслужила это, — прошептал Аш. — Ты заслужила это, как никто другой.

— Ты правда так считаешь? — В ее голосе звенела неуверенность.

— Да. И если позволишь, я помогу тебе позабыть обо всем вокруг.

Он осторожно коснулся пальцами ее затылка и мягко притянул голову девушки к себе, нежно касаясь своими губами ее губ. Это был короткий и несмелый поцелуй, но Лантея не отстранилась. Она лишь робко прикрыла глаза, вся отдаваясь овладевшим ей ощущениям. И когда Ашарх отодвинулся, девушка еще несколько мгновений сидела, боясь пошевелиться и разбить эту хрупкую иллюзию неги. Когда она распахнула веки, то увидела перед собой болотные глаза профессора. Он любовался ей, слегка улыбаясь, и это до крайности смутило хетай-ра. Она неясно что пробормотала себе под нос, заливаясь краской, и скорее выбралась из кокона портьеры, намереваясь проверить ногу спутника, чтобы хоть как-то замять неловкость от произошедшего.

— Она уже практически не болит. — Ашарх немедленно подтянул конечность к себе, не позволяя Лантее даже дотронуться до раны. Ее незамысловатый маневр не укрылся от его взора.

— Ты все еще не можешь на нее опираться, — справившись со смущением, возразила девушка.

— Да, но это пройдет. Рана затягивается, — уверенно солгал профессор, которого на самом деле весь последний день безумно беспокоила его совершенно не заживавшая нога. На месте укуса не было гноя, но рана не подсыхала, а кожа вокруг постоянно отекала, и начали появляться неясные сероватые пятна. Но меньше всего на свете он хотел беспокоить свою спутницу, которая в любом случае ничего бы не смогла сделать с укусом, а лишь стала бы сильнее волноваться.

— Это, конечно, твое дело, но до гоблинов еще идти и идти, а если ты все время будешь скрывать от меня свою ногу, то мы пропустим момент, когда ее можно будет спасти.

— А ее не надо спасать. С ней все и так замечательно, — не моргнув глазом сообщил Аш, пряча голень под тканью импровизированного одеяла.

Пара обменялась недовольными взглядами. Каждый из них был готов стоять на своем до последнего, поэтому в воздухе почувствовалось растущее напряжение. Профессор меньше всего хотел разрушать атмосферу их первого за долгое время уютного вечера. Пусть за стенами лежали десятки мертвецов, но он желал подарить своей спутнице толику счастья сегодня. И в этот момент он вспомнил о содержимом кармана своих изорванных штанов.

— Помнишь, еще в Ивриувайне вы с братом помогли мне с переводами последней главы той книги о Гиртарионе? — ошаршил девушку внезапной сменой темы Ашарх.

— Да, там было что-то весьма нудное про расчеты, необходимые для смены русла реки. — Лантея с подозрением посмотрела на профессора, который неожиданно расцвел в широкой улыбке. — Но, насколько я помню, ты потерял ту книгу во время нападения вместе с остальными вещами.

— Верно. Только кое-что у меня все же осталось. — Аш жестом фокусника извлек из кармана сложенные в несколько раз и потемневшие от пота и грязи карты, забранные еще с мертвого тела Бриасвайса. — Ифриты даже не посчитали ценными эти замасленные листки, и мне удалось их сохранить.

— О тьма...

Хетай-ра забрала из рук спутника бесценные свитки, превратившиеся в непотребные огрызки пергамента.

— Боюсь, их теперь даже гоблины не купят. Это больше похоже на мусор.

— Они уже не слишком нужны. Все самое важное я обнаружил в книге и посредством своих расчетов.

— Тебе удалось что-то выяснить?

— Я узнал, где располагается погребенный город-колыбель Гиртарион.

Лицо Лантеи вытянулось от изумления, она подняла на преподавателя широко распахнутые глаза, и Аш с усмешкой подумал, что его коварный план по отвлечению внимания от раны сработал как нельзя лучше.

— Немыслимо! Лучшие умы хетай-ра трудились над поисками Гиртариона веками! А ты сумел это сделать с помощью пары карт и одной криво переведенной книги?!

— Ты сама не поняла, как перевела мне несколько очень важных фрагментов.

— Где? Где он находится?! Покажи мне немедленно!

Возбужденная грандиозным открытием профессора хетай-ра протянула спутнику сложенные карты.

— Они не нужны. — Аш решительно отодвинул пергамент в сторону и прямо

посмотрел в голубые глаза Лантеи. — Гиртарион располагается прямо под Первым Барханом.

— Ты бредишь... Это невозможно... — Девушка нахмурилась. — Они бы точно знали, где строят Первый Бархан, если бы это было так.

— Они и знали. В каком-то из воспоминаний выживших жителей Гиртариона, записанных в книге, ты как-то засомневалась с переводом одной фразы. Изначально ты прочитала ее мне как «Костяные дома мы воздвигли тотчас», но после задумалась над первым иероглифом, поскольку он был смазанным. В итоге ты предположила, что фраза звучит как «Костями дома мы воздвигли тотчас». Поскольку ты решила, что они строили дома, используя традиционные костяные инструменты. Но это было не так. Они строили дома на костях. На костях своих братьев.

— Это ведь неточно. Ты не можешь делать такой вывод, опираясь лишь на перевод одного иероглифа, — с сомнением протянула хетай-ра.

Лантея мяла в руках карты, с которыми ее спутник так долго не расставался.

— Конечно. Меня просто заинтересовала эта мысль, и позднее я нашел еще несколько подтверждений. Ты и сама вспомнила, что в последней главе книги они рассчитывали, как изменить русло некой реки. И это была та самая подземная река, что сейчас протекает у подножия грандиозной центральной лестницы в Первом Бархане. Раньше ее там не было, они сумели изменить старое русло одной из рек, питавших верхние уровни Гиртариона.

У Лантеи был весьма потерянный вид.

— Не могу поверить... Если это действительно так, то мой народ тысячелетиями жил в шаге от своей главной реликвии — утерянных скрижалей с законами Эван'Лин?

— Вот именно. Зачем им было куда-то уходить в другое место, если они всегда могли быть рядом с этим сокровищем, пусть оно и находилось на несколько сотен метров ниже Бархана.

— Когда мы выберемся из ифритских земель, то мне нужно будет как-то отправить послание в Первый Бархан, чтобы они начали раскопки!

— А ты уверена, что хочешь, чтобы эти скрижали нашли? — серьезно спросил Ашарх.

— Почему нет? На них божественная мудрость! Двадцать скрижалей законов и правил, которые должны соблюдать те, кто хотят жить в мире и гармонии. Величайшая ценность моего народа, от которой остались лишь по памяти записанные на стенах городов наставления. И я уверена, что за все столетия, пока их подновляли и копировали, смысл скрижалей давно утратился.

— А теперь они окажутся в руках матриарха Иамес, которая без сомнений использует находку для укрепления своей власти. Она может откопать их, а потом запереть в своем дворце, обосновывая это их хрупкостью и ценностью, а сама диктовать любые законы и правила. И ей будут верить.

Лантея задумчиво посмотрела на своего мудрого спутника. Сама она не подумала о подобном исходе событий, хотя это действительно можно было предположить, зная нрав Иамес.

— И что ты предлагаешь?

— Перемены не всегда приводят к лучшему, — сказал профессор, пожимая плечами и укладываясь ближе к огню. — Почему бы не оставить все так, как оно есть сейчас. Пусть о скрижалях будем знать ты и я. А давать в руки Иамес подобную мощь чревато дурными последствиями для всего твоего народа.

— Наверное, ты прав, — пробормотала девушка, закусывая губу и морща лоб. — Жаль, конечно, что Гиртарион так и останется ненайденной легендой, ведь там было огромное количество фресок и барельефов, которые рассказывали об истории хетай-ра с момента нашего ухода под пески.

— Но, пока Иамес у власти, так будет правильнее. И ты сама это понимаешь.

— Да. Город-колыбель пока что должен остаться погребенным.

Они подложили в костер новых щепок, чтобы пламя как можно дольше согревало пару своим теплом. Это была удивительная ночь, когда путешественники наконец спали не на голой земле, а, укрывшись тяжелыми портьерами, в объятьях друг друга. Если бы еще по соседству с ними не лежали мертвецы, а на верхних этажах похоронного особняка не завывал ветер в длинных пустых коридорах, то этот вечер даже можно было бы назвать одним из самых лучших, что у них был.

Жаль, они сами не знали об этом.

Аш уже долго лежал, прислушиваясь к странным звукам, которые все ближе и ближе доносились из черного прохода, ведущего вглубь дома. Неясные перешептывания, легкие шаги, цокот когтей по мраморному полу и едва уловимое дыхание. Где-то над головой у профессора громко хлопнула дверь, и он испуганно вздрогнул. Заскрипели ступени деревянной лестницы, рядом с которой устроились на ночлег Лантея и Ашарх. Мужчина, чувствуя, как безостановочно дрожало сердце в его груди, приподнял голову, старясь не потревожить крепко спавшую хетай-ра, и всмотрелся в окружавшую его темноту. Костер давно уже погас, и мрак завладел домом. А вместе с ним пришли и тени.

Из темноты к профессору внимательно присматривались сотни глаз. Он, едва сдержав крик ужаса, быстро поднялся на ноги в чем был — в одних разорванных штанах. Из коридора медленно начала прибывать вереница обитателей похоронного особняка. Это были тени умерших, чьи тела лежали в отдельных комнатах дома, и размытые силуэты огромных ксоло с пустыми глазницами, в которых теплилось иссиня-черное пламя.

Они заполняли вестибюль до тех пор, пока в нем не закончилось место, а Ашарх все стоял пораженный и смотрел на жутких тварей, потусторонних призраков и обезображенных гниением созданий, которые подходили к нему все ближе и ближе. Они тянули к профессору свои разлагавшиеся длинные пальцы и лапы, пытаясь сдвинуть его с места и увлечь за собой в пустоту коридоров и лабиринты распахнутых дверей. Они звали его хриплыми голосами, стонали и вопили на все лады, разевая рты и пасти, из которых капала черная слюна.

Тонкое костяное кольцо на мизинце, подаренное Лантеей, с тихим звуком треснуло и рассыпалось на куски, спадая с пальца. Но Ашарх даже не обратил на это внимания, обезумев от страха. Он дрожал всем телом и с отвращением чувствовал, как его касались обитатели дома, отбирая по кусочкам всю любовь, крохи счастья и надежды. То, что было недоступно им после смерти. Тени и призраки пели свою надрывную зауспокойную песню, которая впивалась в сознание профессора и завладевала его разумом. Неужели Лантея не слышит этот хоровод духов? Они так отвратительно стонут! Почему она все еще спит? Аш с трудом опустил взгляд и обомлел.

Лантеи не было у погасшего костра.

Он в ужасе завертел головой по сторонам, руками разгоняя причитавшие тени. И едва

успел заметить, как его белокожую бесчувственную хетай-ра тащила к распахнутым входным дверям тройка ксоло, расплывавшихся черным туманом.

— Нет! Лантея!

Ашарх закричал во все горло и оттолкнул от себя наседавших призраков, которые тянули бездонные провалы ртов к его лицу, чтобы испытать самую суть жизни. Похоже, путникам все-таки не стоило оставаться на ночь в Городе Мертвых, и теперь усопшие, покой которых нарушили так бесцеремонно, мстили незванным гостям.

Пока он отчаянно пробивался к входным дверям, туманные ксоло уже вытащили Лантею на улицу. И в тот момент, когда Аш выбежал на порог, он успел лишь заметить ноги своей спутницы, которые исчезали за обломками разрушенной каменной ограды. Похоже, псы зачем-то несли девушку в лес, но профессору некогда было думать об их мотивах. Он изо всех сил побежал следом, слыша за спиной недовольные возгласы обитателей усадьбы, расстроенных тем, что их добыча так легко выскользнула из рук.

Преподаватель перепрыгнул через ствол упавшей сосны, и ноги сами понесли его в дремучую лесную чащу. Сердце колотилось в груди, а обнаженную кожу обжигали хлесткие удары еловых ветвей и морозный холод ночи. Земля была укутана в нежный саван первого снега, который скрипел под голыми ступнями Ашарха. Но он ничего этого не замечал, лишь краем сознания удивился, что раненая нога ни разу не дала о себе знать. Однако в тот миг это было даже к лучшему, ведь ему требовались все силы, чтобы догнать обидчиков и отобрать свою Лантею.

Впереди между пышными лапами голубых елей и стройными стволами сосен иногда мелькали силуэты призрачных псов, которые постоянно опережали профессора. Он начинал уставать, легкие горели огнем, но чем ближе он подбирался к ксоло, тем быстрее они от него ускользали. В какой-то момент их силуэты замерли на небольшой открытой полянке, куда робкий звездный свет слабо проникал сквозь переплетения ветвей. Аш, не щадя себя, бросился к псам, еще не до конца понимая, как он будет бить этих созданий, которые, судя по всему, даже не обладали плотью. А ксоло, лукаво склонив головы с пустыми глазницами, наблюдали за спешившим к ним профессором. Они явно ждали лишь этого последнего зрителя.

И стоило ему сделать первый шаг на поляну, как тройка псов, ощерив огромные пасти, острыми белыми клыками впилась в бледную Лантею, которая без чувств лежала на покрытой снегом земле, разметав свои алые волосы. Всего в несколько укусов призрачные посланцы разорвали тело девушки и жадно проглотили ее останки, практически не жуя.

— Тея! Нет!

Вопль отчаяния разорвал окружающую тишину.

Ашарх упал на колени на том месте, где виднелись кровавые пятна. Это было все, что осталось от его дорогой спутницы. Псы, неторопливо облизывая окровавленные морды, медленно растаяли в воздухе, подобно утреннему туману. А профессор остался испуганный и разбитый сидеть на земле, горько рыдая над собственным бессилием. Как он мог позволить этому случиться? Он не спас Лантею! Из-за него она исчезла. Неужели его слабости и безволия могло быть какое-нибудь оправдание? Аш кричал до тех пор, пока его голос не сорвался. Окружающая тишина леса поглощала все звуки, даже ветер не смел колыхать ветви.

Только что эта девушка беззаботно спала на его плече — и вот уже растворилась, подобно первому снегу, зажатому в жарких ладонях. Почему это произошло? Его боль и

слезы смешались воедино, и он камнем упал на холодную землю, задыхаясь от горя утраты и всепоглощающей тоски. Он потерял своих товарищей и друзей одного за другим, а теперь навсегда расстался и с той, что заставляла его сердце биться. Как он мог теперь чувствовать себя живым без нее?

Ашарх не знал, сколько еще продолжалась эта чудовищная агония. Но постепенно огонь в его груди погас, и на смену всеразрушающему отчаянию пришли полное безразличие и апатия. Он будто бы перестал чувствовать что-либо, оглох и ослеп от своей боли. И был теперь лишь безвольной куклой, лежавшей на снегу.

И тогда Аш услышал четкий звучный голос, раздававшийся словно в его голове и одновременно исходивший из окружающего пространства.

— *Горя больше не будет.*

Он резко поднял голову. Посреди укрытой снегом поляны, где произошло ужасное действие, висело темное пятно. Словно в сердце леса в воздухе парило черное овальное зеркало. Профессор замер, изучая странный предмет, который на секунду показался ему живым.

— *От всех твоих страхов и печалей есть лекарство.*

Осторожно поднявшись, Ашарх медленно подошел вплотную к неясному пятну. В нем не было ни отражения, ни света. Лишь всепоглощающий мрак.

— *Сделай шаг туда, где нет абсолютно ничего.*

Профессор неуверенно протянул пальцы, касаясь ровной глади черного зеркала. Оно не было ни холодным, ни горячим. Аш даже не был уверен, существовало ли оно на самом деле.

— *Я — твое единственное избавление от боли.*

И он решился. Ашарх сделал глубокий вздох и, закрыв глаза, шагнул вперед, растворяясь в зеркале, исчезая в ненасытном чреве Пустоты.

В тот миг профессор Сои Ашарх навсегда перестал существовать.

Он имел много имен. Старшие братья и сестры отзывались о нем не иначе как о божьему предателе. Свои и чужие дети почитали его как Схаргхо. А первозданный Хаос нарек его своей Пустотой. Но теперь ему предстояло примерить еще одно имя. Пусть оно было лишь временным, но даже большие дела стоило начинать с малых шагов.

Он с безразличной улыбкой смотрел на своего избранника.

Смертный, что добровольно ступил в Пустоту. Ценная добыча. Разве можно желать лучшего сосуда для бога?.. Даже забавно, как же порой легко бывает затуманить разум сломленного человека и обратить его на свой путь!

Ты, верно, задаешься вопросом, что теперь будет дальше? Я отвечу тебе, Сои Ашарх.

Ты станешь носителем такой силы, которой ты никогда и не знал, смертный. Это будет истинное могущество бога, сильнее всего среди всех... Чтобы мир погрузить в Пустоту, потому что иной судьбы этому месту нельзя и желать...

...кроме как утолить ненасытный Голод Пустого.

Больше книг на сайте - Knigoed.net